

Письма И.Р. Классона родственникам и ему от оных, а также его воспоминания*

Письмо отца из Сицилии сыну Ивану

в Меррекюль близ станции Корф Балтийской ж.д.**

(предположительно лето 1908 г., почтовые штемпели мало разборчивы, на лицевой стороне открытки изображена курящая черным, серым и белым дымом Этна, 1892 г.)

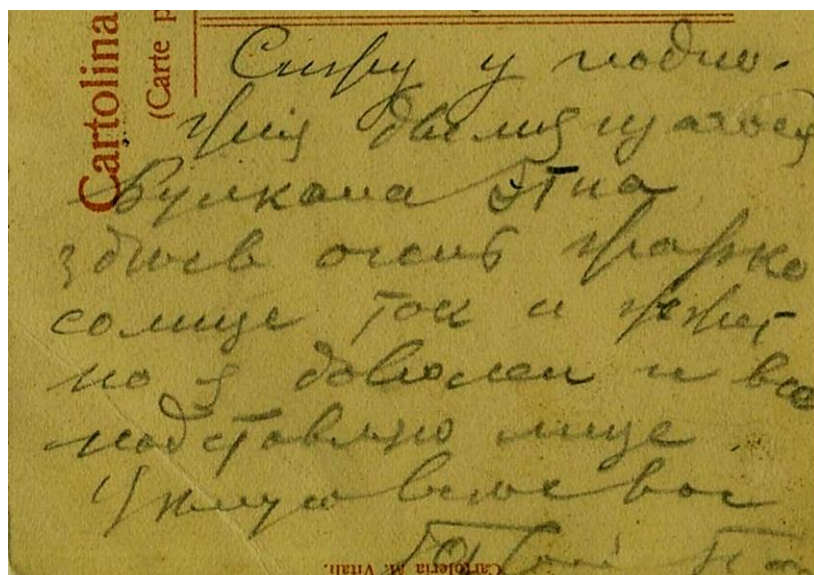
Сию у подножия дымящегося Вулкана Этна, здесь очень жарко, солнце так и жжет, но я доволен и все подставляю лицо. Целую всех вас. Твой Папа

* Большинство приведенных документов, если это специально не отмечено, находится в фонде 9508 РГАЭ или же в процессе передачи в оный фонд. Здесь приведены лицевые стороны некоторых открыток, кроме опять же некоторых тех, что использовались для иллюстрации очерков «Опять в Первопрестольной» и «Классонята».

К сожалению, М.И. Классону в июне 2012-го не удалось разыскать массив писем И.Р. Классона из Берлина Р.Э. Классону в Москву, когда Иван Робертович учился в Высшей технической школе (в 1920-х). Одна из черновых записей последнего выглядит, примерно, так: «заглянуть в архив в переулке от бывш. Маросейки и освежить в памяти мои письма из Берлина отцу, которые я туда сдал [(еще до образования ЦГАНХ СССР)]». Архив ЦК ВЛКСМ располагался тогда в Больш. Черкасском пер., а затем был слит с ЦПА Института Маркса-Ленина. Теперь «комсомольский архив» (как филиал нынешнего РГАСПИ) располагается на Профсоюзной ул., однако его фонды документированы и описаны весьма слабо: именной указатель в Путеводителе содержит не более нескольких десятков фамилий, в то время как должен располагать десятками тысяч! То есть, в идеале, каждое хранящееся там письмо должно двумя ФИО (отправителя и адресата) или хотя бы одним, более известным ФИО (например, письма комсомольцев в 1925 г. на имя тов. Чаплина, Сталина, Крупской, Троцкого и др.) попадать в оный именной указатель!!

** Меррекюль (Мэрекюль) — курорт Эстляндской губернии, Везенбергского уезда, на берегу Финского залива, в 7 верстах от станции Корф Балтийской железной дороги и в 14 верстах от Нарвы. Морские купания, с отлогим берегом и песчаной рlage. Сосновый лес, курзал. У берега прекрасный парк. Хорошо устроенные дачи. Жизнь недорога. <...> — Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона

Поздравление сестры Екатерины

(предположительно март 1909 г.)

Милый Ваня! Поздравляю тебя с Твоими именинами, и с пасхой. Я желаю чтобы ты поскорей выздравел. Катя

Поздравление брата Павла

(предположительно март 1909 г., когда Ваня болел скарлатиной)

Милый Ваня, поздравляю тебя с Ангелом. Папа мне подарил шапку солдатскую, саблю, стадо, а Таня солдатиков, а няня маленького зайчика с яичками*, он мне очень понравился. Мама мне подарила домик, мне очень он понравился. Пава

Поздравление няни Марии Тимофеевны Казаковой

(предположительно март 1909 г., на лицевой стороне открытки изображен пасхальный сюжет с подписью «Христось воскрес!»)

Дорогой Ванюша, сыночек! Поздравляю тебя со днем ангела! Желаю тебе поскорее выздоравливать. Ты уж прости пожалуйста, что я подарочка тебе не приготовила, очень мне жалко, я тебе потом куплю, как откроются магазины. Павлуше очень понравился [игрушечный] дом, он вчерась ложится спать и говорит: «Как жалко, что Пасха прошла», а я его утешала: «Завтра Аскарловна** придет, тебе подарок принесет». Затем прощай, дорогой Ваня. Павлуша тебя целует и поздравляет. Няня

* С пасхальными яйцами, а не с зайчиковыми причиндалами!

** По-видимому, так по-свойски няня обозначила Александру Карловну Шлезингер, учительницу Софьи. Почерковедческий анализ письма показывает, что Мария Тимофеевна Казакова вывела своей рукой лишь 2,5 предложения, а затем ее сменил кто-то из старших сестер Вани.

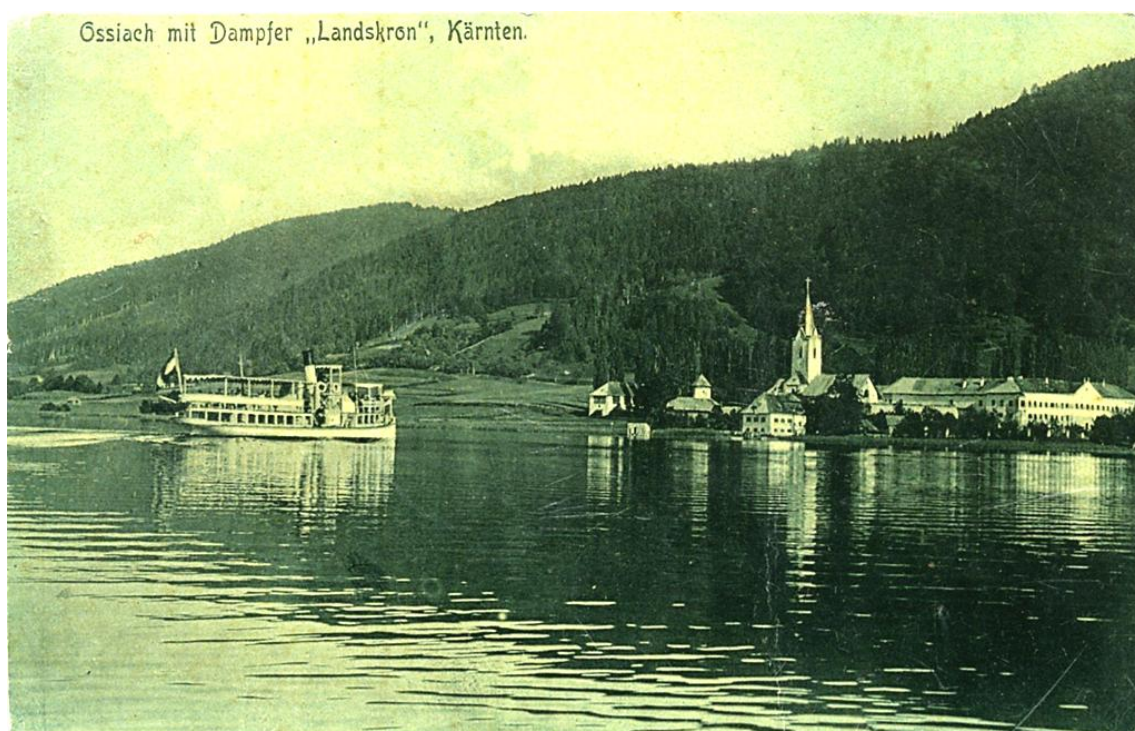
Дорогой Ванюша, сыночек!
 Подрабляю тебя со днём
 ангела! Желаю тебе поскорее
 выздоравливать. Ты у нас
 просто ангелочек,
 твой подарочек тебе
 из моего магазина, очень
 милый мальчик, я тебе по
 моему куплю, на откоро
 моего магазина. Павлину
 очень понравился доль,
 от вчера ложится спать
 и доводится... К. мальчик, что
 "дети-малыш" и его утеша
 ла. Завтра Аскарловна при
 детях тебе подарю
 презент. Завтра про
 дай душой Ваня Павлину
 тебе удачи и здоровья
 жить.

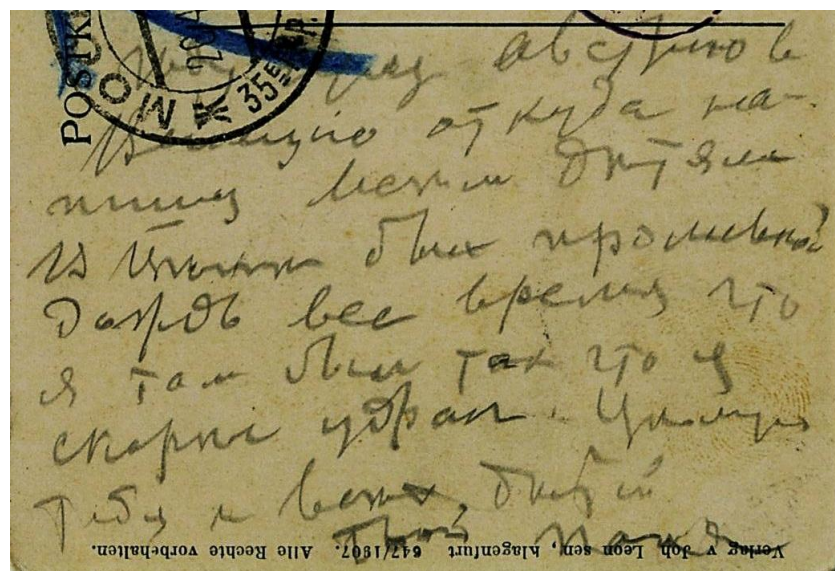
Предварительный, это 1909 год, когда Ваня был сыночком

ОКРАСКИ ИСКУССТВ. С. ПЕТЕРБУРГ.

В. Павлин, Минерал.

Письмо отца из Австрии сыну Ивану в Москву (Садовники, 11)
 (исходящий штемпель – Тарвис, Австрия, от 5 мая 1909 г. нов. стиля)

Еду через Австрию в Венецию, откуда напишу всем детям. В Цюрихе был проливной дождь все время, что я там был, так что я скорее удрал. Целую тебя и всех, детей. Твой папа

Письмо отца из Швейцарских Альп сыну Ивану (в Лиханьеми?)

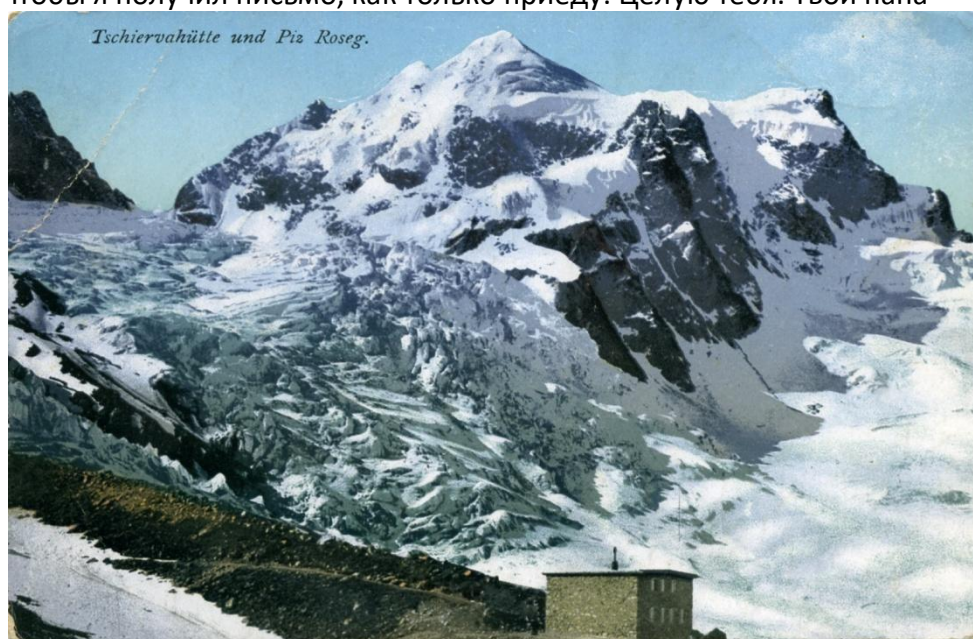
(предположительно лето 1909 г.)

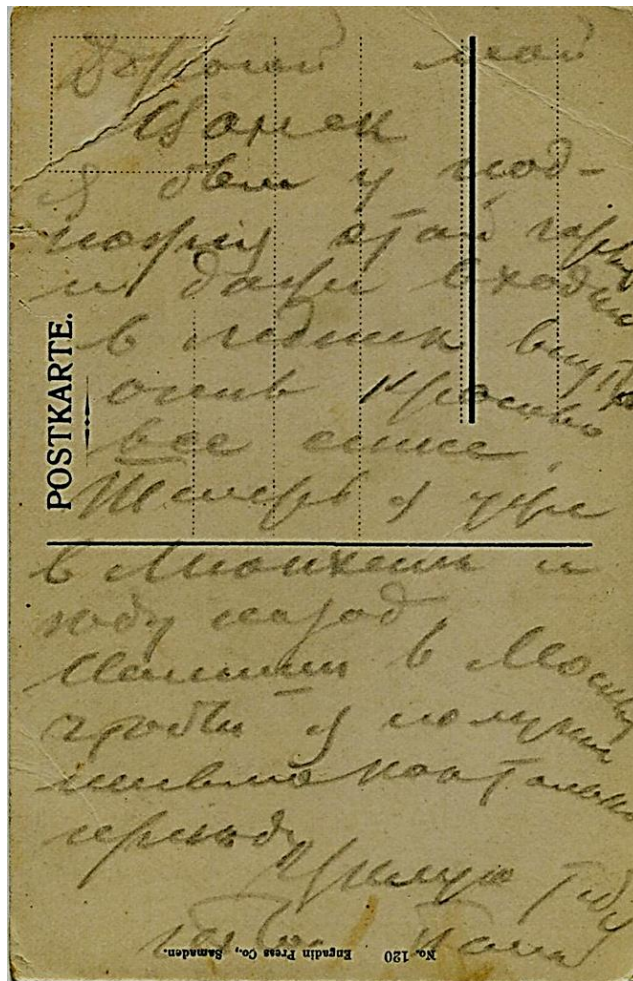
Милый Ваня. Еду альпийской почтой по головокружительным высотам. Кругом ледники, так близко к дороге, что можно подойти и тронуть рукой лед. Солнце греет сильно, со льда текут ручьи. Утром был у подножия глетчера, из которого берет начало Рона, холодом веет от ледника, так что я замерз, а кругом трава и цветы. Напиши в Москву [\[из Лиханьеми? – МК\]](#), как вы все поживаете. Целую всех. Твой папа

Письмо отца из Мюнхена (Германия) сыну Ивану (в Лиханьеми?)

(предположительно лето 1909 г., на открытке – фото пика Roseg (3 921 м) с одноименным ледником)

Дорогой мой Ванек. Я был у подножия этой горы и даже входил в ледник внутрь. Очень красиво, все синее. Теперь я уже в Мюнхене и еду назад. Напиши в Москву [\[из Лиханьеми? – МК\]](#), чтобы я получил письмо, как только приеду. Целую тебя. Твой папа

Письмо матери из Берна (Швейцария) сыну Ивану в Москву

25 октября 1909 г.

Милый Ваня! Ты пишешь твоей старой матери такие письма, точно тебе [не уже десять, а] пять или шесть лет. Ведь у тебя же так много материала для писем, и все мне будет интересно – и как ты учишься и чему, и что ты делаешь в свободные часы. Играешь ли ты с Катей и Павлушей или тебе некогда? Весело ли тебе было у Штраух? Какие твои уроки самые интересные? Здесь тоска смертная, двадцать раз тебя спросят, как спала, ходила ли гулять и т.п.

Места здесь есть красивые очень, но зелень почти вся уже опала. Когда гуляешь с немками, надоедает их приторное восхищение красотами природы.

Целую тебя и жду от тебя длинного письма, мама

Письмо матери из Сан-Ремо (Италия) сыну Ивану в Москву

12 декабря/29 ноября 1909 г.

Милый Ваня! Ты спрашиваешь, на каком языке я здесь объясняюсь. Здесь ведь в магазинах, в гостиницах, на телеграфе, с извозчиками можно говорить по-французски, кроме того в гостиницах говорят и по-немецки, т.к. все служащие большею частью швейцарцы.

Здесь очень красиво, но мне все кажется, что это театральная декорация. Целую тебя, будь здоров, пиши почаще.

Твоя мама

Письмо матери из Бордигеры (Италия) сыну Ивану в Москву

3/16 декабря 1909 г.

Милый Ваня! С. Ремо – небольшой городок, приливов и отливов здесь нет. В С. Ремо я жила на самом берегу моря, а здесь далеко от моря, но вид из моей комнаты на город и море обширнейший. Здесь очень красиво, налево от гостиницы целый лес маслин [(т.е. оливковых деревьев)], направо виднеются горы, покрытые снегом.

Погода стоит неважная, пасмурно, идет дождь. <...>

Целую тебя!

Твоя мама

Письмо сестры Татьяны из Сухума брату Ивану в Москву

3 декабря 1909 г.

Милый Ванек, Сухум мне очень напоминает Баку, только некоторые, правда, части города. А то это очень хорошенький городок, очень много зелени. Сейчас здесь все деревья зеленые и есть много цветов.

Письмо матери из Бордигеры (Италия) сыну Ивану в Москву

7/20 декабря 1909 г.

Милый Ванек! Очень стыдно быть таким ленивым, что не можешь матери написать приличного письма. И все вы ужасны, пропускаете буквы, начиная с Сони. У нас двое суток лило не переставая, а сегодня ночью был сильный ветер, сегодня [днем] так себе.

Целую тебя

Твоя мама

Письмо матери из Бордигеры (Италия) сыну Ивану в Москву

30 декабря 1909 г./12 января 1910 г.

Милый Ванюша! У нас сегодня такой безумный ветер, что все трещит и хлопает. В моей комнате холодно и ужасно просвистывает, судя по [шелестящим] газетам, и у вас теперь холодно и метели. Рад ли ты праздничному отдыху или скучноте <нрзб. – предаетесь?>?

Целую тебя

Твоя мама

Письмо отца из Германии сыну Ивану в Москву

9 января нов. ст. [1910 г.]

Опять сегодня не выбрал времени купить открытки, чтобы написать всем детям! Завтра еду в Нюрнберг и по дороге напишу. Здоровы ли все, поросята?

Я приеду в четверг в 2 часа дня, вышли мне [кучера] Власа на Брестский вокзал. До свидания, целую всех, мне уже скучно стало без вашего гвалта! <...>

Письмо отца из Германии сыну Ивану в Москву

[январь 1910 г.]

Здравствуйте. Ваня, хорошо ли ты поживаешь? Сажу сейчас в Нюрнберге, очень своеобразный город, масса старинных домов, <нрзб.>. Вы, паршивые поросята, могли бы написать мне письма в Берлин! <нрзб.>

Твой папа

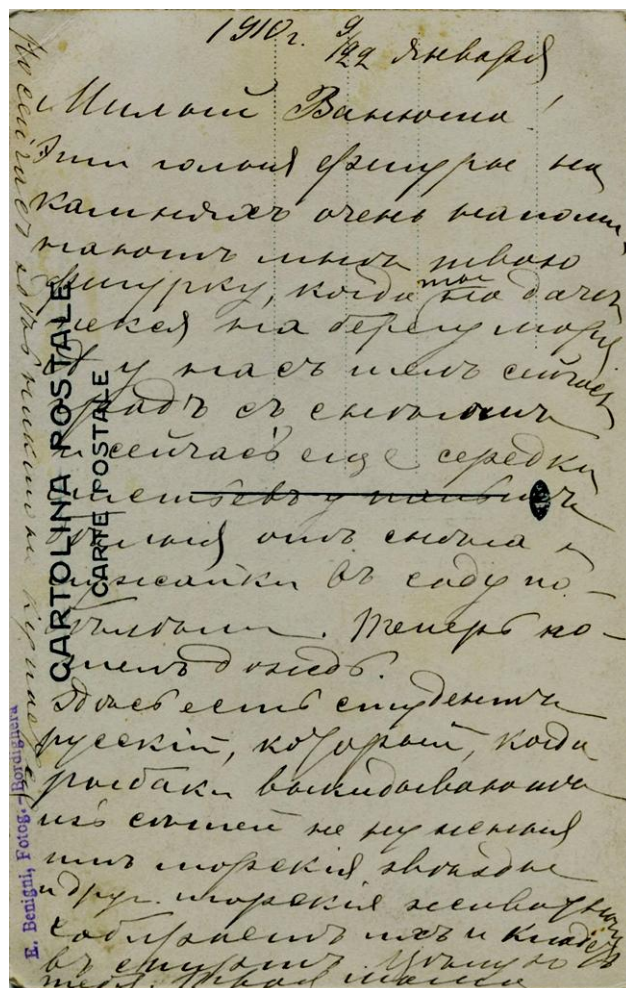
Письмо матери из Бордигеры (Италия) сыну Ивану в Москву

1/14 января 1910 г.

Милый Ваня! Здесь растет много перечного дерева. Листва у него похожа на акацию, и на нем висят кисти красных шариков, это сам перец, и если растереть листок, то все руки пропахнут перцем. Вчера у нас в отеле был фокусник. Я пожалела, что тебя не было; детей, вообще, не было, а сидели все взрослые, обалдевшие от отельного безделья и радовавшиеся всякой чепухе.

Пишешь ты все безобразнее. Надо тебе заняться чистописанием.
Целую тебя Твоя мама

Письмо матери из Бордигеры (Италия) сыну Ивану в Москву
(на лицевой стороне открытки – фото побережья с купающимися подростками)
9/22 января 1910 г.

Милый Ванюша! Эти голые фигуры на камнях очень напоминают мне твою фигурку, когда ты на даче [[под Лиханьями](#)] пекся на берегу моря. (Но сейчас здесь никто не купается.) А у нас шел сейчас град с снегом, и сейчас еще середки листьев у пальм белые от снега и лужайки в саду побелели. Теперь пошел дождь.

Здесь есть студент, русский, который, когда рыбаки выкидывают из сетей не нужные им морские звезды и другие морские животные, собирает их и кладет в спирт.

Целую тебя. Твоя мама

Письмо сестры Татьяны из Сухума брату Ивану в Москву

29 января 1910 г.

Милый Ванек, посылаю тебе Сухумский Ботанический сад с другой стороны [[открытки](#)]. На этой даче [[проф. Остроумова](#)], которая там виднеется, я тоже была, там очень красивый парк. Что Вы делаете, катаетесь ли на коньках? У нас все идут дожди, Сухум мне поэтому много надоел. Скоро ли приедет мама? Целую тебя Твоя Т.

Письмо матери из-за границы сыну Ивану в Москву

14/27 февраля 1910 г.

Милый Ваня! Мои старички-румыны жили в одном отеле со мной в Бордигере, а теперь они уехали в Букарест, столицу Румынии. Говорила я с ними по-французски. Я прежде имела глупость думать, что румыны – славяне, а они оказывается латинское племя, поселившееся на Балканском полуострове, вот и язык их очень похож на итальянский. Эта колесница (на фото [[лицевой стороны открытки](#)]) тоже фигурировала на карнавале.

Целую тебя Твоя мама

Письмо матери из-за границы сыну Ивану в Москву

(без даты)

Милый Ваня! Спасибо за письмо, более длинное, чем твои прежние письма. У нас один геолог, который ездил в Африку, читал лекцию с туманными картинками. Из всей лекции всем больше понравилась песня, которую пели негры-проводники, после того как их сытно накормили: «Unser Herr ist gut, gibt viel zu essen, unsere Bauche sind dick, unser Herr ist gut!» [([Наш господин молодец, дал много поесть, наше брюхо набито, наш господин молодец!](#))]. А ты вот, говорят, плохо о своем Bauche заботаешься, заставь себя есть побольше.

Целую тебя Твоя мама

Письмо матери из Швейцарии сыну Ивану в Москву

(без даты, с видом санатория в Берне)

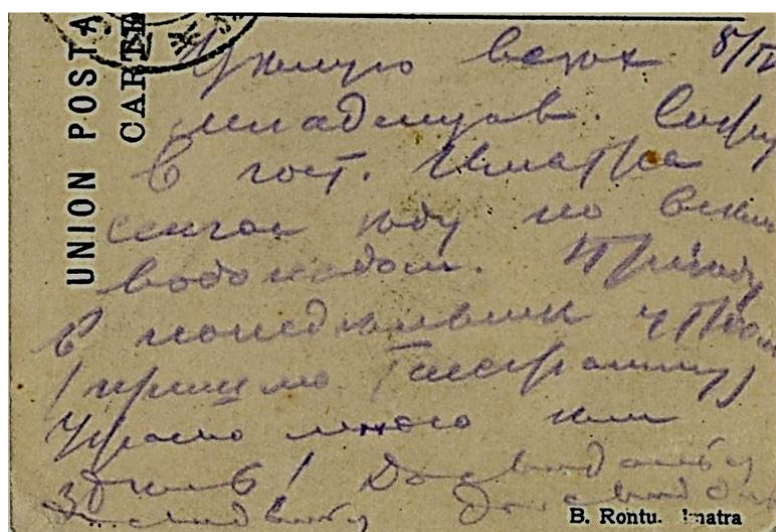
Милый Ванечка. Пришли мне пожалуйста маленький календарь, какие бывают приложением при конфетах, папиросах и т.д. Целую тебя, сыночек, не дразни никого.

Письмо отца из Иматры (Финляндия) сыну Ивану в Москву (Садовники, 11)

(на [лицевой стороне открытки](#) – фото порожистой реки, с подписью – Wallinkoski)

8 апреля (ст. стиля) 1910 г.

Целую всех младенцев. Сiju в гостинице Иматра, сейчас [[по](#)]еду по всем водопадам [[реки Вуокса](#)]. Приеду в понедельник утром (пришлю телеграмму). Ужасно много камней здесь. До свиданья

Письмо матери из Швейцарии сыну Ивану в Москву

13/26 апреля 1910 г. (на фото-открытке указано, что она напечатана в Цюрихе)

Милый Ваня! Ты последнюю газету [[«Русские Ведомости»](#)] вышли мне в пятницу на этой неделе, т.е. 16/29 апреля, т.к. я уже теперь решила, что выеду во вторник 20 апреля стар. стиля (т.е. на третий день Пасхи). Сегодня у нас холодно, идет дождь, я сижу в комнате и работаю. Сейчас буду писать [[дворнику](#)] Эмилю [[в Выборг](#)]. Целую всех!

Твоя мама

1910 ¹³/₂₆ апрель.
 Милой Ванд! Ма
 полюбилото гадение ва
 мило во иднина ма
 друг недовид, т.е. ¹⁶/₂₉ април
 т. в. и у ме непер ²⁹/₃₀ април
 што когду во внош ³⁰/₃₁ април
 20 април стат. ефил.
 на трепи денб на
 Седом и маа холдо
 идемо довидо, и
 во коммано и р
 сегааа аду м
 думно.
 Умнго бев
 Млад мама

Carte postale
 Cartolina postale
 Adresse

Письмо матери из Выборга сыну Ивану в Москву

25 апреля 1910 г.

Милый Ваня! Когда я приехала в Выборг ночью и в гостиницу Андрея*, меня сразу привели во 2-й номер, в котором жили мы с тобой [весной 1909-го], и так живо он мне напомнил наше пребывание в этом номере, что мне все казалось, что и ты тут. Желаю тебе с успехом сдать экзамены.

Целую, мама

Письмо отца из Италии сыну Ивану (в Лиханьеми под Выборгом?)

(предположительно лето 1910 г., на открытке изображен Триест)

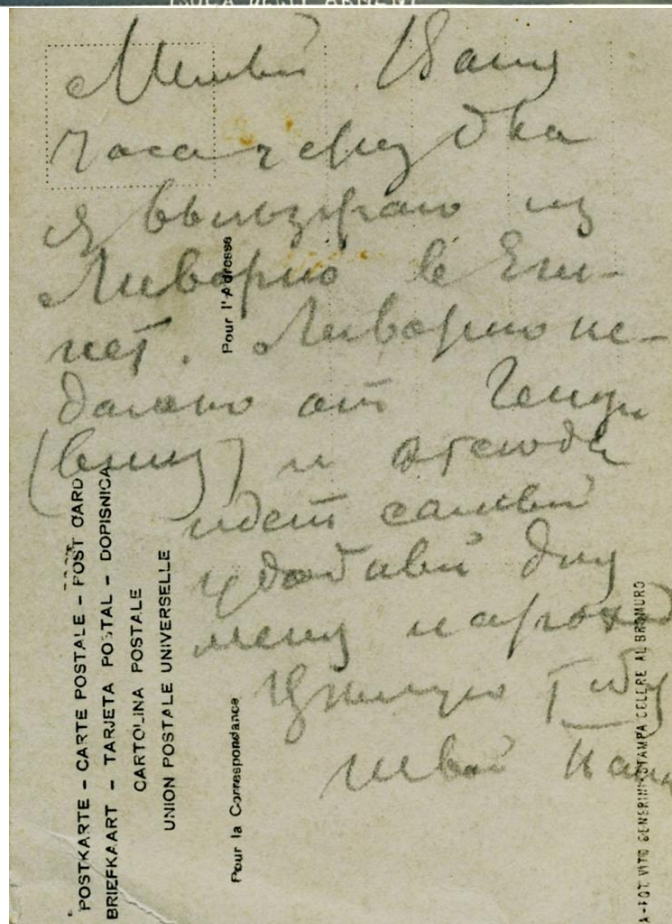
В своем конверте
Ваши письма маме
были приложены для
показки и их там же су-
гачу маме. Космона с
обращено.
Матерью все найдут
Ваши письма и будут
сидеть в ней сбербанк
оказии. Я все в зазор
срок погашаю как уюкам
и сберегаю все сбереж-
и маю, дабы не с-
09 39213

* Отель Андрея ([владелец] Отто Торен), на углу Екатерининской и Церковной улиц. 42 номера. Цены от 4 до 15 марок. Завтрак 2 марки и обед 3 марки 30 пенни. A la carte целый день. Телефоны: 2 13 и 6 75. — Из путеводителя по Выборгу и окрестности за 1915 г.

В твоём конверте, Ванек, лежали марки, верно, приготовленные для наклейки [в кляссер], и я их только случайно нашел. Посылаю их обратно. Интересно, как пойдут Ваши грядки [на даче в Лиханьеми] и будете ли Вы есть собственные овощи. Я очень загорел с тех пор, как уехал из Москвы, все синее небо и жара, даже устал от жары. Целую тебя

Письмо отца из Италии сыну Ивану (в Лиханьеми под Выборгом?)

(предположительно лето 1910 г., на фото-открытке изображен один из видов Венеции)

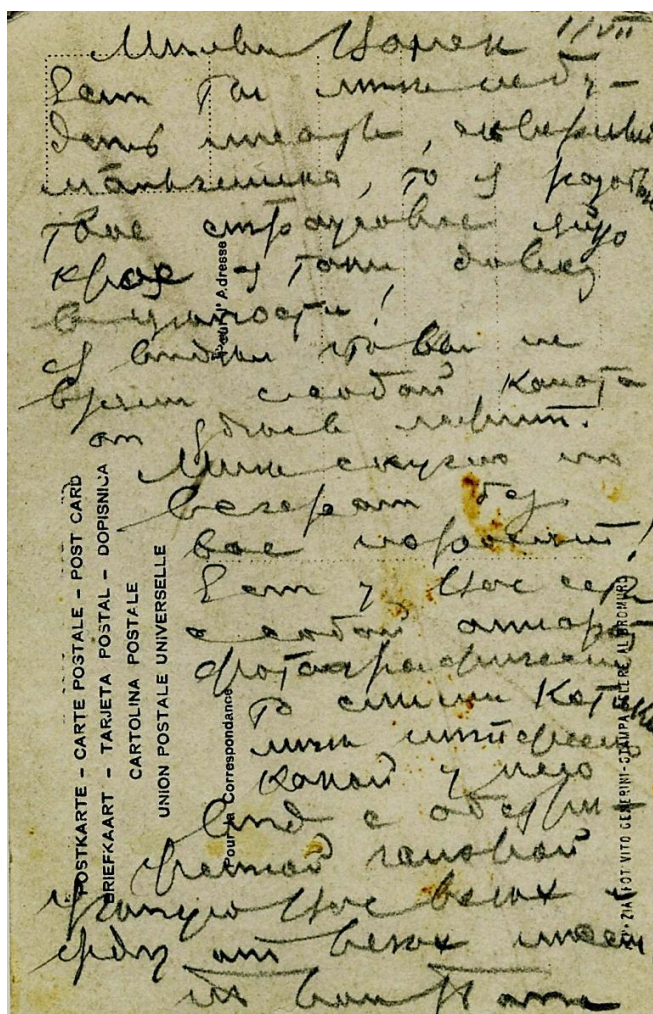
Милый Ваня. Часа через два я выезжаю из Ливорно в Египет. Ливорно – недалеко от Генуи (вниз [по карте]) и отсюда идет самый удобный для меня пароход. Целую тебя. Твой папа

Письмо отца из Москвы сыну Ивану (в Лиханьеми под Выборгом?)

1 июля [1910 г.] (на фото-открытке изображен один из видов Венеции)

Милый Ванек. Если ты мне не будешь писать, скверный мальчишка, то я разобью твоё страусовое яйцо, которое я таки доvez в целости! Я видел, что вы не взяли с собой капота, он здесь лежит. Мне скучно по вечерам без вас, поросят!

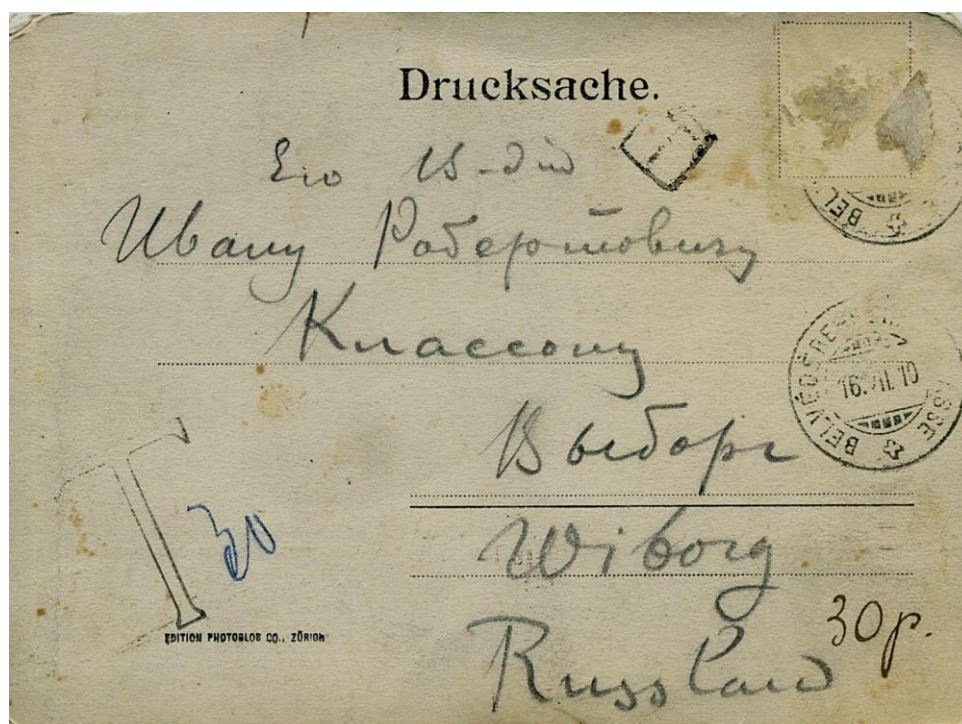
Если у вас есть с собой аппарат фотографический, то сними Котика [дочь Екатерину? – МК], мне интересно, какой у него вид с обстриженной головой [после кори? – МК]. Целую Вас всех и жду от всех писем. Твой папа

Денежный перевод на 30 руб. Ивану Класону в Выборг из Швейцарии
16 июля 1910 г. нов. стиля (по-видимому, от матери)

Швейцарские Альпы

(Денежный перевод)

Письмо сестры Татьяны из некоей Сосновки брату Ивану (в Лиханьеми?)*

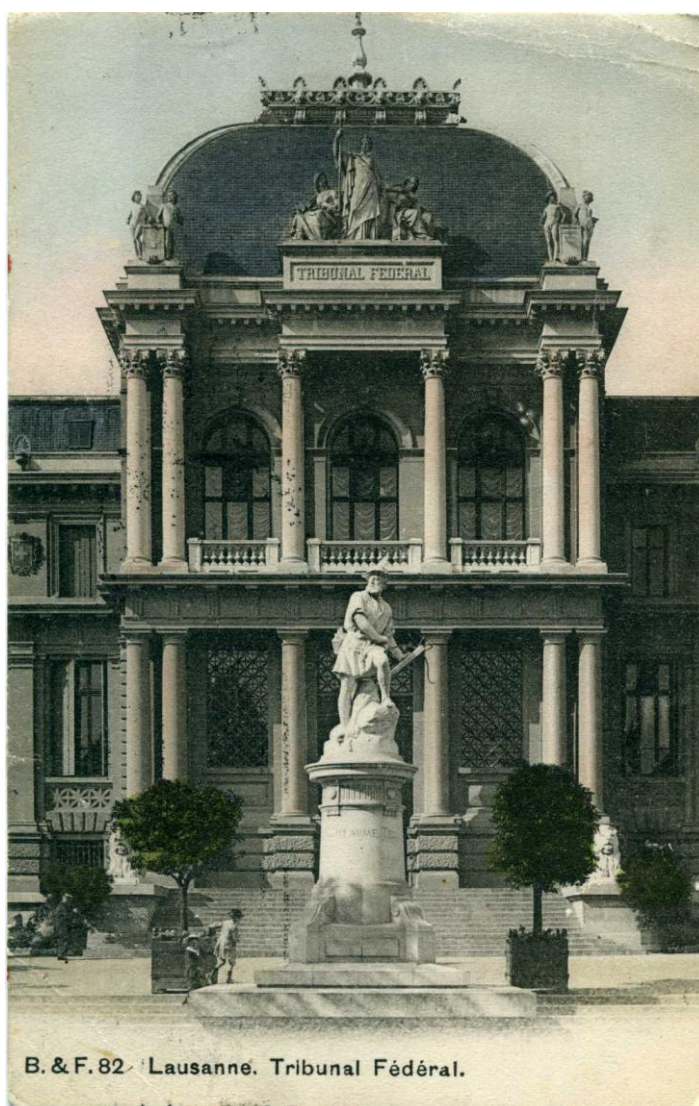
16 июля 1910 г. (на фото-открытке – Сосновка, обрыв 2)

Дорогой Ванек, как поживаешь, чем ты больше всего занимаешься в это лето? Я до сих пор не могу собраться пойти на этот обрыв. У нас почти каждый день идет дождь и бывают очень сильные грозы. Целую тебя и желаю тебе всего хорошего. Твоя Т.

Письмо сестры Татьяны из Лозанны брату Ивану в Выборг (до востребования)

23 июня 1911 г. нов. стиля

Милый Ванюшеноч. Посылаю тебе из Лозанны здание Союзной Палаты с памятником Вильгельму Теллю. Не правда ли, очень красивое? Как ты поживаешь, что поделываешь? Целую тебя, твоя ОТ [?].

* Сей сюжет требует дополнительных разысканий по черновым записям И.Р. Классона: где отдыхала Татьяна этим летом – на берегу Оки у села Сосновка, или, например, у бабушки в Киеве, доехав за 7 часов до Черкасс, под которыми располагался живописный курорт Сосновка, на крутом берегу Днепра?

Письмо сестры Софы из Москвы брату Ивану (в Выборг?)

(на лицевой стороне открытки приведена иллюстрация картины А.И. Куинджи «Березовая роща»)

19 августа 1911 г.

Милый братец, сегодня купила тебе «Товарища»*, завтра pošлю бандеролью вместе с другими книгами. Мы уже играем с Иловайской в теннис. Напиши, как тебе нравится училище. Переехали ли вы в Выборг? Жду от тебя письма, хотя бы и в суворовском виде.

Целую Соня

* По-видимому, речь идет о книге Николая Ивановича Познякова (1856-1910) «Товарищ (повесть о школьной жизни)».

Сегодня я получила письмо твое и Катинo. Катя описывает, как занималась первый раз с Соней, а ты про то, что Соня познакомилась с твоим <нрзб. – другом *Высоких?*> и его матерью и что они вас пригласили.

Целую тебя, Ванюшенька

Письмо отца из Москвы сыну Ивану в Выборг

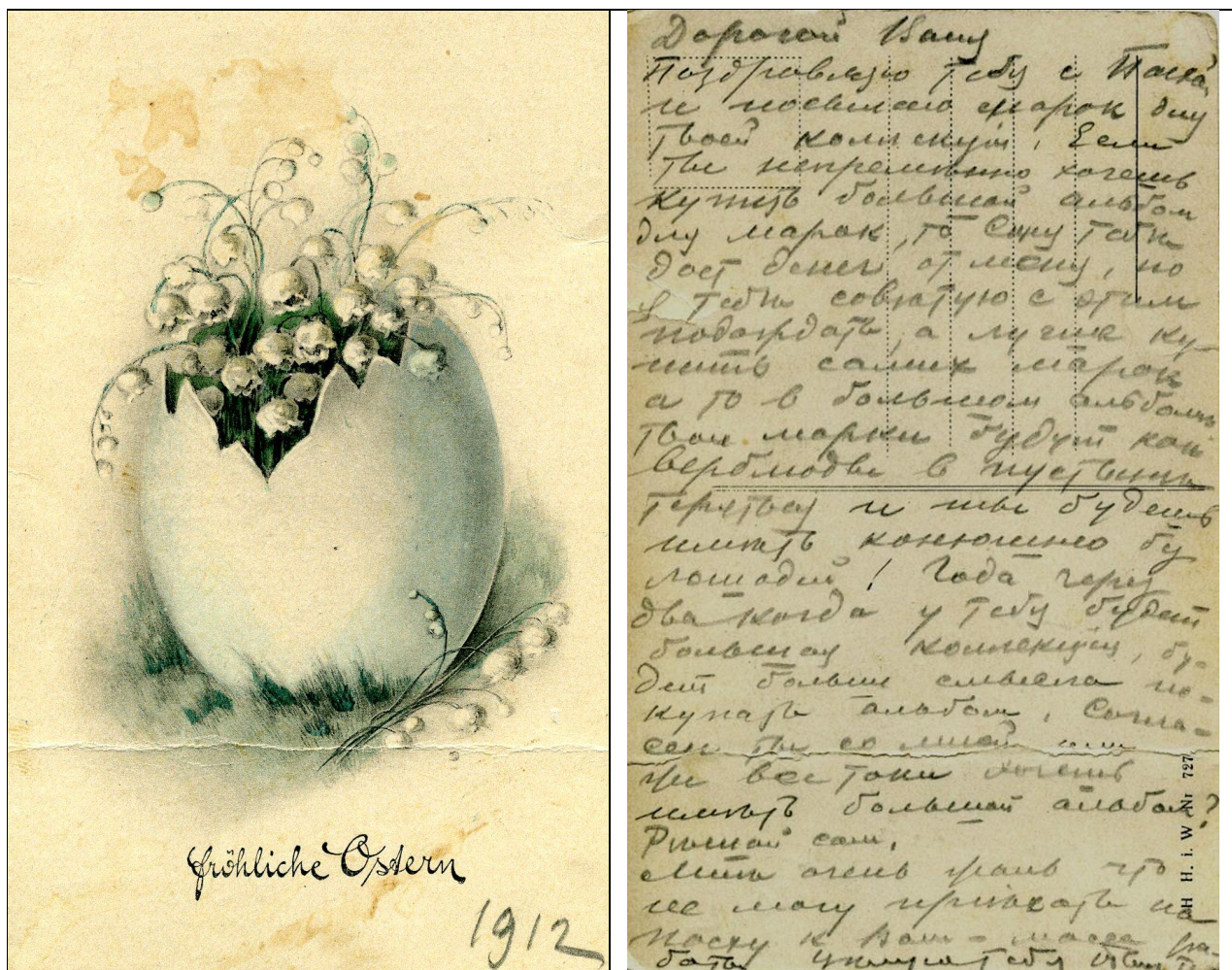
(на цветной фото-открытке изображен вид Берлина: «Hallesches Tor mit Hochbahnhof»)
1 марта [1912 г.]

Поздравляю
Поздравляю Тебя
Ваня с Рожде-
нием, сколько же
тебе лет, неужели
13?
На той неделе я
поеду в Берлин
и хочу тебе при-
везти какой-нибудь
«топорок» сс. рожденья
Придумай что ты
хочешь и напиши.
Может быть ты
хочешь марок?
Целую всех
будьте здоровы и
веселы
Твой Папа

Поздравляю тебя Ваня с рождением, сколько же тебе лет, неужели 13? На той неделе я поеду в Берлин и хочу тебе привезти какой-нибудь «топорок» [(подарок)] на рождение. Придумай, что ты хочешь и напиши. Может быть, ты хочешь марок?
Целую всех будьте, здоровы и веселы. Твой Папа

Письмо сестры Татьяны из Москвы брату Ивану в Выборг
[апрель 1912 г.]

Дорогой Ваня, поздравляю тебя с Пасхой и посылаю марок для твоей коллекции. Если ты непременно хочешь купить большой альбом для марок, то Соня тебе даст денег от меня, но я тебе советую с этим подождать, а лучше купить самих марок, а то в большом альбоме твои марки будут как верблюды в пустыне теряться и ты будешь иметь конюшню без лошадей! Года через два у тебя будет большая коллекция, будет больше смысла покупать альбом. Согласен ты со мной или же все-таки хочешь иметь большой альбом? Решай сам. Мне очень жаль, что не могу приехать на Пасху к Вам – масса работы.

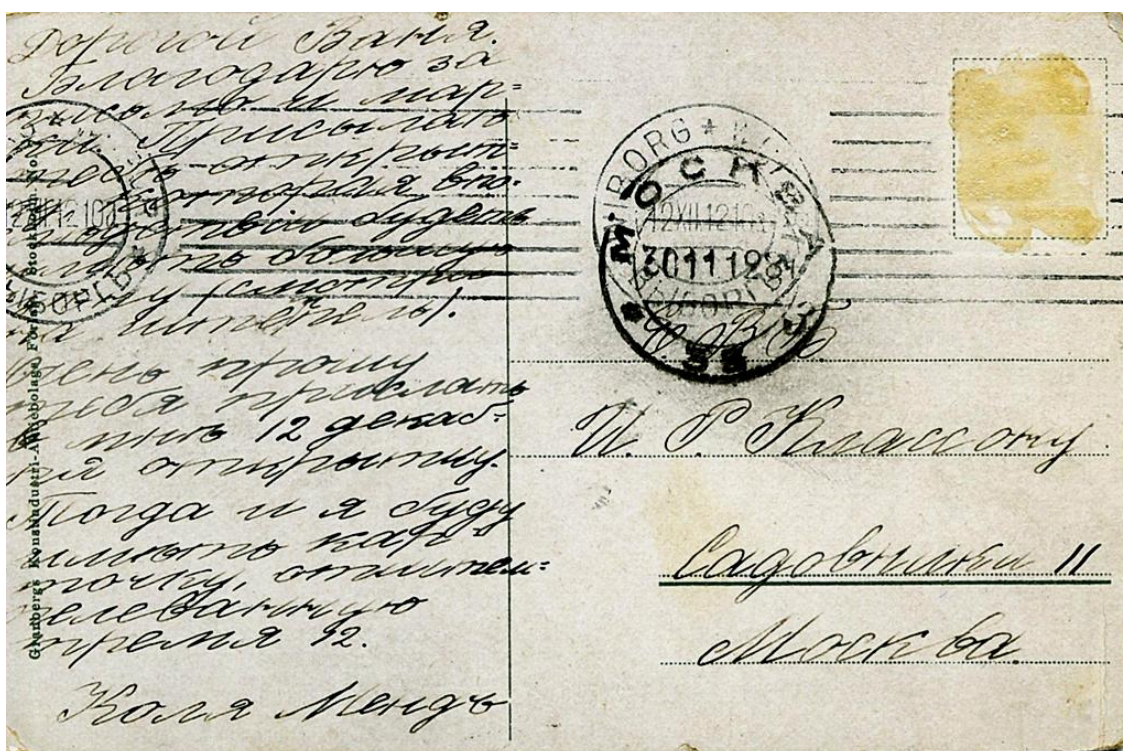
Целую тебя Твоя Т.

Письмо бывшего соученика по реальному училищу Николая Менда из Выборга
Ивану Классону в Москву (Садовники, 11)

(на лицевой стороне открытки изображен отель Rauha в Выборге)

(почтовый штемпель отправления – 12 декабря 1912 г., нов. стиля)

Дорогой Ваня. Благодарю за письмо и марки. Присылаю тебе открытку, которая впоследствии будет стоить большую цену (смотри на штемпель). Очень прошу тебя прислать и мне 12 декабря [(ст. стиля)] открытку. Тогда и я буду иметь карточку, отштемпелеванную тремя [цифрами] 12. Коля Менд

Письмо сестры Софы из Москвы брату Ивану на «Электропередачу»

11 апреля 1913 г.

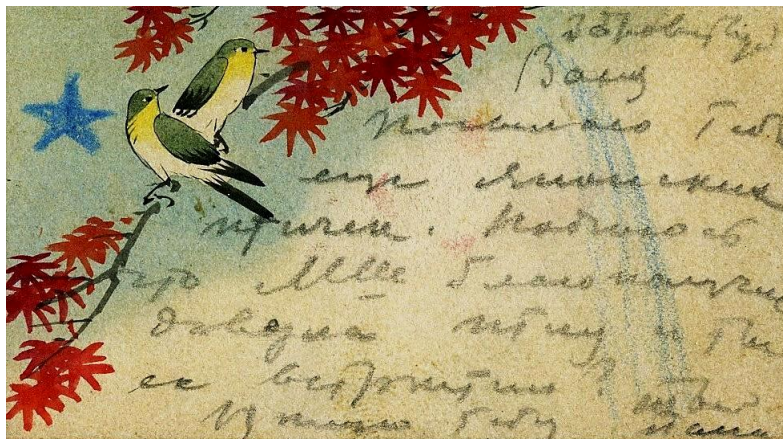
Любезный брат! Ежели Вы с первой же оказией не пришлете мне мою панаму, то сверну головы всем птицам. Пока они живы и здоровы, и супруг старушки поправляется, не знаю его имени и отчества. Панама лежит в нижнем ящике того комода, который стоял летом у меня в комнате. Блаженствую оттого, что вас нет. Твоя благородная старшая сестра

У меня валяются какие-то ключи. Может это от комода?<[нрзб.](#)>

Письмо отца сыну Ивану (из-за границы в Москву?)

(предположительно лето 1913 г., написано на картоне формата визитной карточки)

Здравствуй Ваня. Посылаю тебе еще японских птичек. Надеюсь, что М-ле благополучно довезла птиц и ты ее встретил? Целую тебя Твой папа

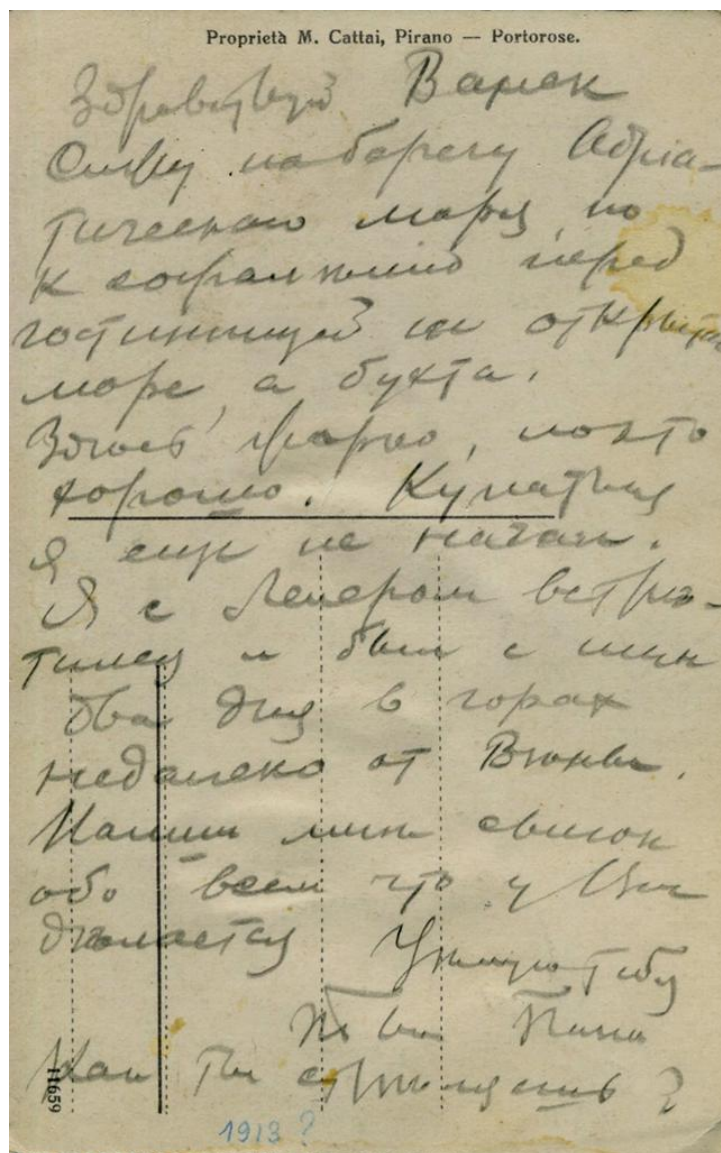
Письмо отца из австрийского Portorose сыну Ивану на «Электропередачу»

(предположительно, лето 1913-го; на цветной фото-открытке изображен вид города Portorose с гостиницей Palace Hotel, где остановился Р.Э. Классон)

Здравствуй Ванек. Сажу на берегу Адриатического моря, но к сожалению перед гостиницей не открытое море, а бухта. Здесь жарко, лето хорошо. Купаться я еще не начал. Я с [своим старым знакомым] Ленером встретился и был с ним два дня в горах недалеко от Вены. Напиши мне, сынок, обо всем, что у Вас делается. Целую тебя, твой Папа.

P.S. Как ты стреляешь?

Письмо Николая Менда из Ponts de Martel (Швейцария)

Ивану Классону в Москву (Садовники, 11)

(исходящий почт. штемпель – 16 июня 1913 г. нов. стиля, входящие штемпели и пометки – с пересылом в Богородск, на лицевой стороне открытки изображена заготовка торфяных брикетов)

Дорогой Ваня. Вот я уже второй день здесь, в Понт Martel. Пробуду я здесь вероятно 2 месяца и затем вернусь в Финляндию. Живу я в семействе Benoit, с которыми моя бабушка хорошо знакома. Мой адрес: Швейцария, Mr. William Benoit, Grande rue, №59. Pont Martel, Canton Neuchâtel. Мне

Les Ponts-de-Martel - Les Tourbières

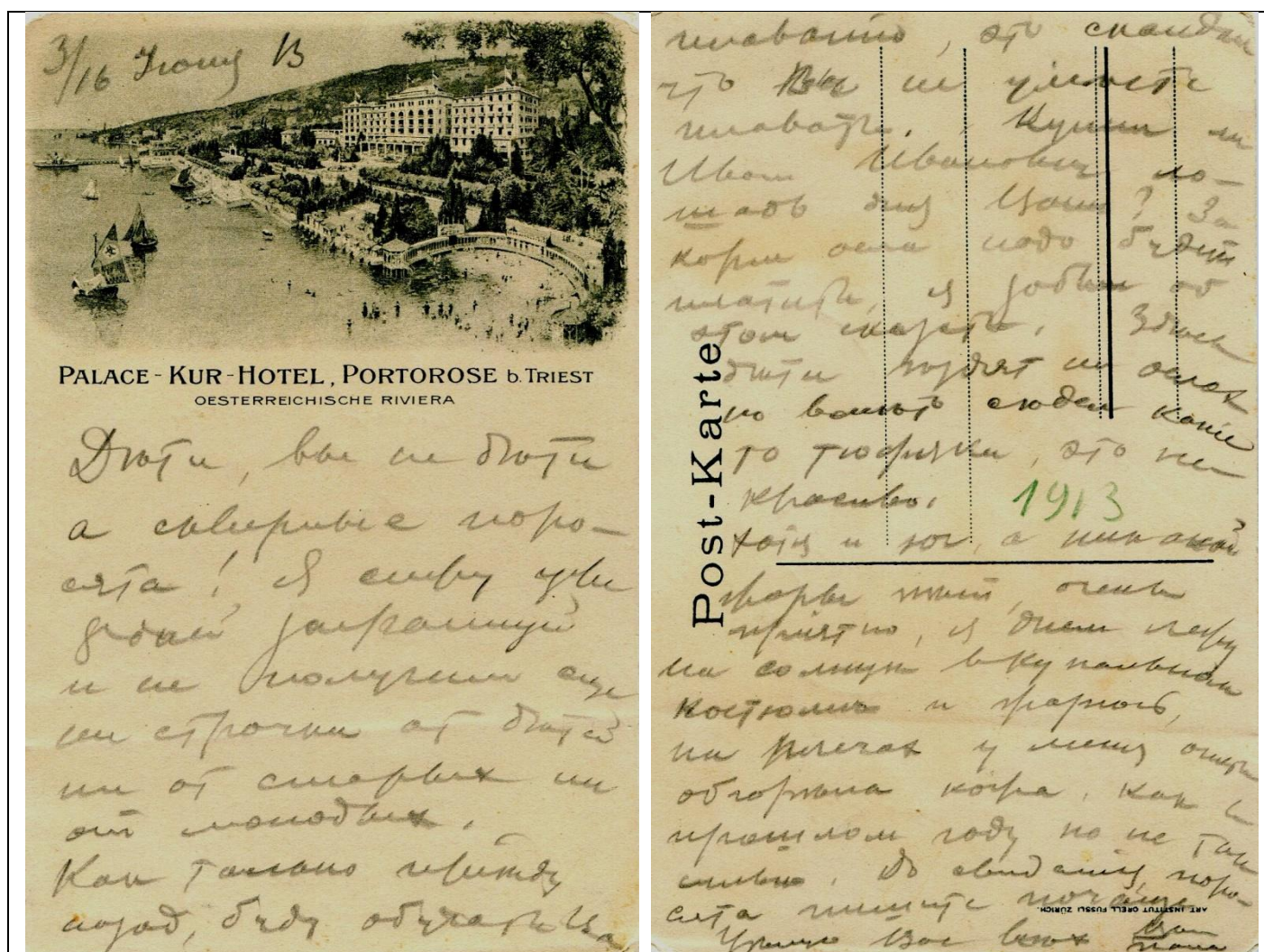
Письмо отца из австрийского Portorose детям на «Электропередачу»*

3/16 июня 1913 г.

Дети, вы не дети, а скверные поросята! Я живу уже 8 дней за границей и не получил еще ни строчки от детей, ни от старых, ни от молодых.

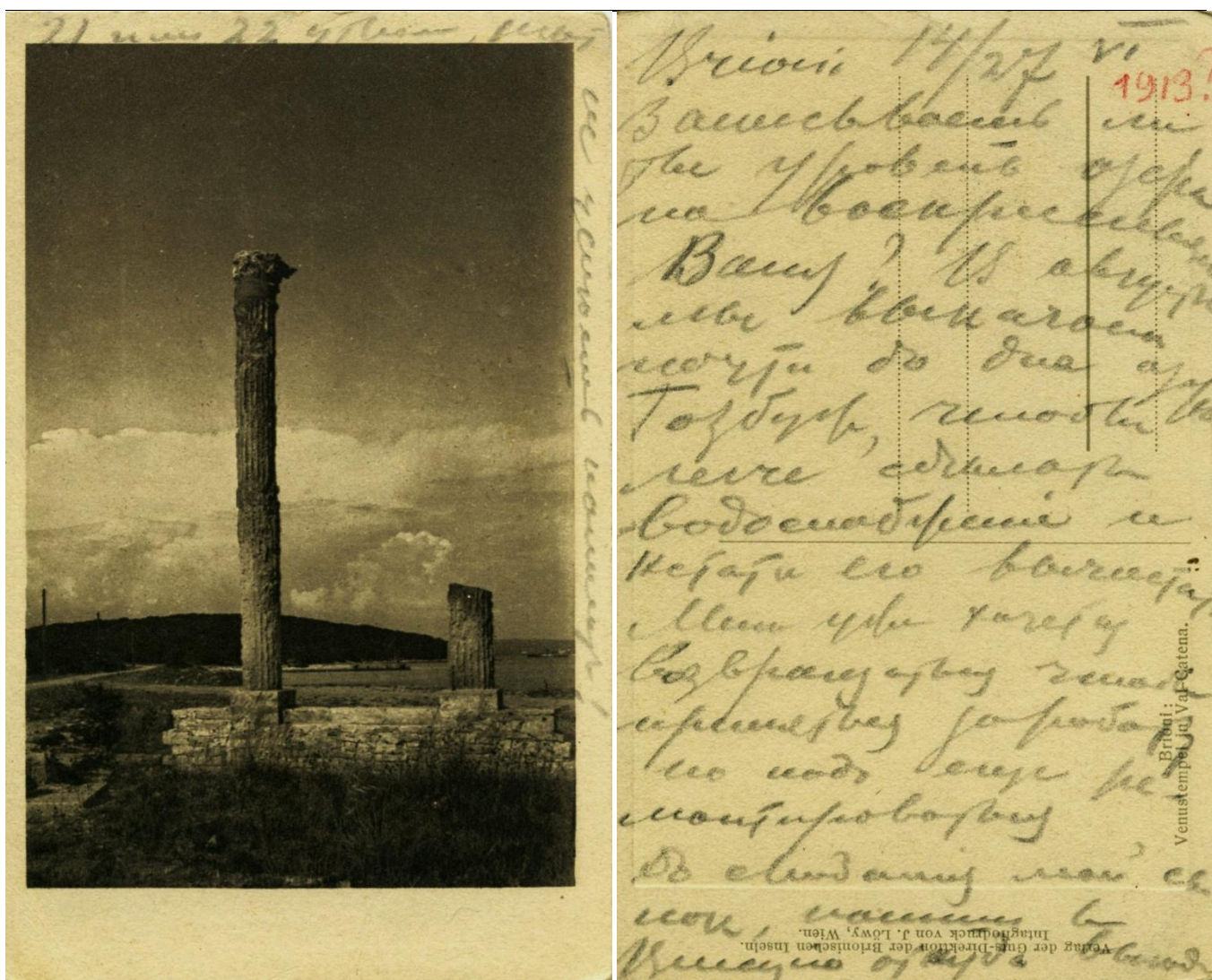
Как только приеду назад, буду обучать Ваню плавать, это скандал, что Вы не умеете плавать. Купил ли Иван Иванович [Радченко] лошадь для Вани? За корм для [Павлушино-го] осла надо будет платить, я забыл об этом сказать. Здесь дети ездят на ослах, но вместо седел – какие-то тюфяки, это некрасиво.

Хотя и юг, а никакой жары нет, очень приятно, я днем лежу на солнце в купальном костюме и жарюсь, на плечах у меня опять обгорела кожа, как в прошлом году, но не так сильно. До свидания поросята, пишите почаще. Целую Вас всех, Ваш папа

* На лицевой стороне открытки, в одну треть ее, изображен вид с моря на Palace-Kur-Hotel, Portorose b. Triest, Österreichische Riviera.

Письмо отца из австрийского Brioni сыну Ивану на «Электропередачу»^{*}
Brioni, 14/27 июня [1913 г.]

Бриони, храм Венеры (развалины)

Записываешь ли ты уровень озера по воскресеньям, Ваня? В августе мы выкачаем почти до дна озеро Гозбуж, чтобы легче сделать водоснабжение [электростанции] и, кстати, его вычистить.

Мне уже хочется возвращаться, чтобы приняться за работу, но надо еще ремонтировать. До свидания, мой сыночек, напиши в Венецию, откуда выеду 21 или 22 [июня ст. стилия] утром, ты не успеешь написать [сюда]!

^{*} На лицевой стороне фотооткрытки изображены развалины храма Венеры в Бриони.

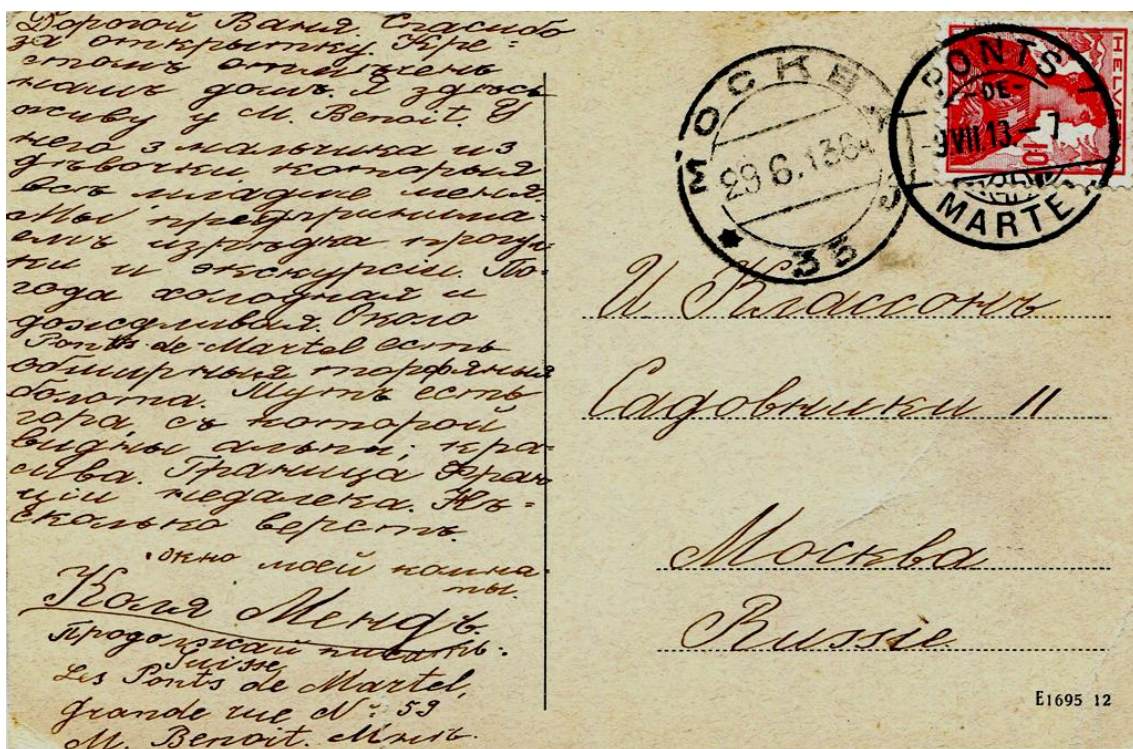
Письмо Николая Менда из Ponts-de-Martel (Швейцария) Ивану Классону в Москву
(исходящий. почт. штемпель – 9 июля 1913 г. нов. стиля)

Дорогой Ваня. Спасибо за открытку. Крестом [на открытке] отмечен наш дом. Я здесь живу у М. Benoît. У него 3 мальчика и 3 девочки, которые все младше меня. Мы предпринимаем изредка прогулки и экскурсии. Погода холодная и дождливая.

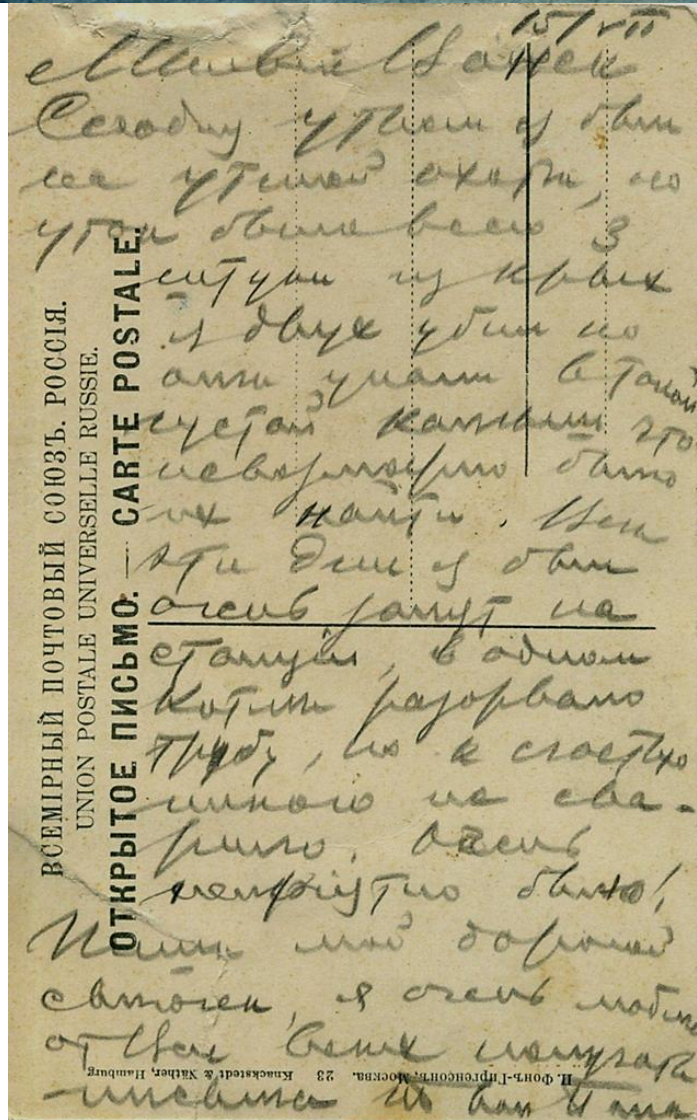
Около Ponts-de-Martel есть обширные торфяные болота. Тут есть гора, с которой видны Альпы; красива. Граница Франции недалеко, несколько верст.

Коля Менд

P.S. Продолжай писать. Suisse, Les Ponts de Martel, Grande rue, № 59. M. Benoît. Мне

Письмо отца с «Электропередачи» сыну Ивану в Москву
15 июля (предположительно 1913 г.)

Милый Ванек. Сегодня утром я баловался утиной охотой, но уток было всего 3 штуки, из которых я двух убил, но они упали в такой густой камыш, что невозможно было их найти. Все эти дни я был очень занят на станции, в одном котле разорвало трубу, но к счастью никого [паром] не сварило. Очень неприятно было! Пиши, мой хороший сыночек, я очень люблю от Вас всех получать письма.

Твой папа

Письмо сестры Софьи из австрийского Боцена брату Ивану в Москву

22/9 августа 1913 г.

Милый братец,

Получила сегодня твое письмо, его переслали из Рейхенхалля. Мне кажется, было бы не идеально, если бы ты остался у Никитина^{*}. Потому поприставай еще к папе, если не поздно. А когда я вернусь числа 29-го [августа ст. стиля], то с удовольствием обегаю все реальное [училище]. Боюсь только, будет уже поздно.

Любезный брат, мы теперь в Боцене, это в Тироле. Здесь я увидела, как растет виноград. Из палок делают такие арки^{**}, и по ним вьется лоза, а кисти свешиваются внутрь. Некоторые переулочки так завиты. Идешь, а над тобой виноград. Кругом Боцена горы с лесом, внизу его нет. В нескольких местах устроены зубчатки и даже воздушная дорога. Вид ее прилагаю. Совсем не страшно ездить, мне было даже жалко, что не страшно, а я уже приготовилась визжать. Таня у меня толстеет и ворчит – ей здесь не нравится. Если вздумаешь написать, адресуй: Fräulein Sophie Klasson Pension Mon Sejour Österreich

Ques bei Bozen

Желаю тебе всего приятного Соня

P.S. Сургуч у тебя скверный.

Письмо сестры Софьи из австрийского Боцена брату Ивану в Москву

20 августа/2 сентября 1913 г.

Милый братец, поздравляю тебя с поступлением в реальное [училище имени Шелапутина], не приемлю возможности, чтобы ты провалился. А т.к. ты целый год не учился, то поступаешь как бы заново, потому и поздравляю. Мы скоро приедем сами, и если кому будет интересно, то расскажем, что делали за границей.

Пока всего хорошего

Соня

Письмо сестры Татьяны с «Электропередачи» брату Ивану в Москву

31 мая [1914 г.], Болото

Милый Ваня, няня тебя каждый день во сне видит и ждет не дожидается письма, как я ей ни объясняю, что письмо будет идти около [недели], и неизвестно еще, часто [ли] ездит с города [Богородска] почта, и что следовательно раньше начала следующей недели ждать нечего. Но и папа, и Катя, и я замечаем, что тебя нет, и скучаем по тебе время от времени. Я 27-го сдала устную математику (на 5), в среднем у меня математика сдана на 4, это не блестяще, но [вполне] прилично. На другой день я уехала с папой сюда. Сначала погода была очень хорошая, но вчера уже шел раза два небольшой дождик, а сегодня сыро и холодно. Я играла сегодня в первый раз после зимнего перерыва в теннис, и Катя, и Папа нашли, что я сделала успехи (?). Я намерена не смущаться моим неумением и играть с Катей и Красинскими^{***}. У меня лапка дрожит от успеха.

Я поеду около середины июня в Киев, пробуду там с неделю и вернусь с бабушкой.

^{*} По-видимому, Иван Классон в 1913-м поступил в реальное училище Никитина, но быстро оттуда перешел в заведение имени Анатолия Шелапутина (см. ниже).

^{**} Изображена трапециевидная арка со свешивающейся виноградной гроздью.

^{***} С детьми Г.Б. Красина.

Я живу в большой комнате с новым балконом. Комары нас донимают: время от времени кто-нибудь начинает ожесточенно себя драть, а папа по вечерам бьет комаров на стене книгой (рекомендуется, чтобы книга была без переплета и предпочтительно, чтобы это был «Вестник Европы», т.к. у него и так красная обертка). Вчера положили в самовар шишек для дыма и едва его не распяли.

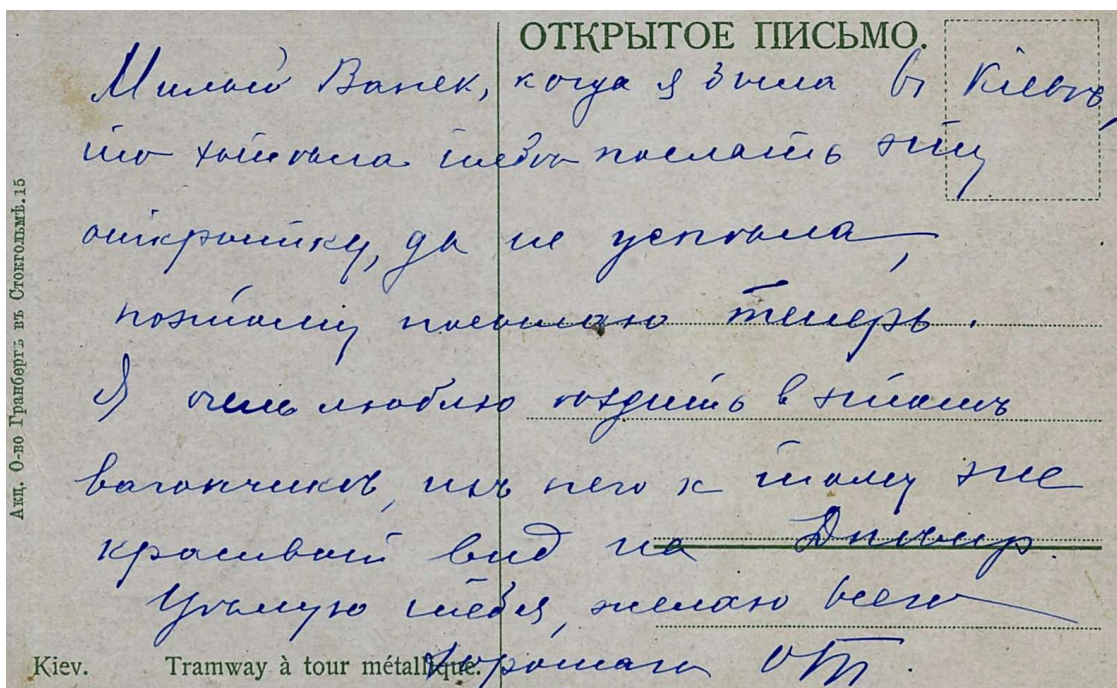
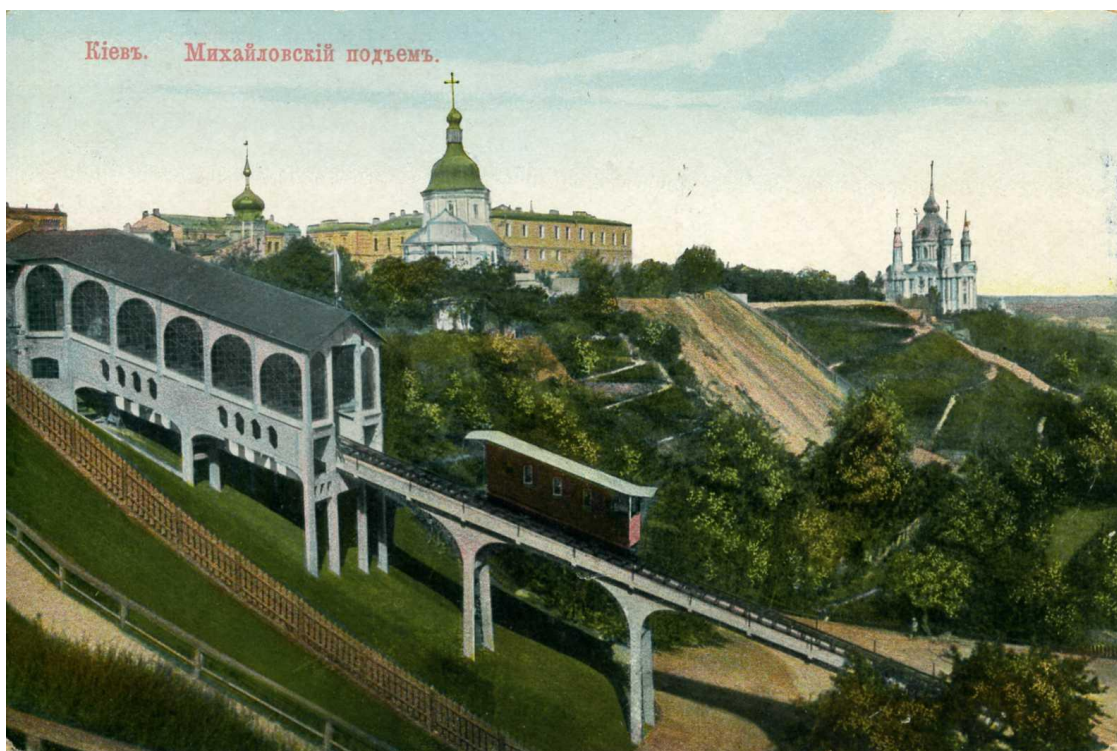
Надеюсь, все-таки, мы получим от тебя хоть одно подробное письмо с описанием, как ты живешь.

Всего хорошего

Таня

Письмо сестры Татьяны (из Москвы?) брату Ивану (на «Электропередачу»?)

(без даты, предположительно лето 1914-го, на цветном фото изображен Михайловский подъем, или фуникулер, в Киеве)

Милый Ванек, когда я была в Киеве, то хотела тебе послать эту открытку, да не успела, поэтому посылаю теперь. Я очень люблю ездить в этом вагончике, из него к тому же красивый вид на Днепр. Целую тебя, желаю всего хорошего. ОТ

Письмо отца из Финляндии сыну Ивану на «Электропередачу»

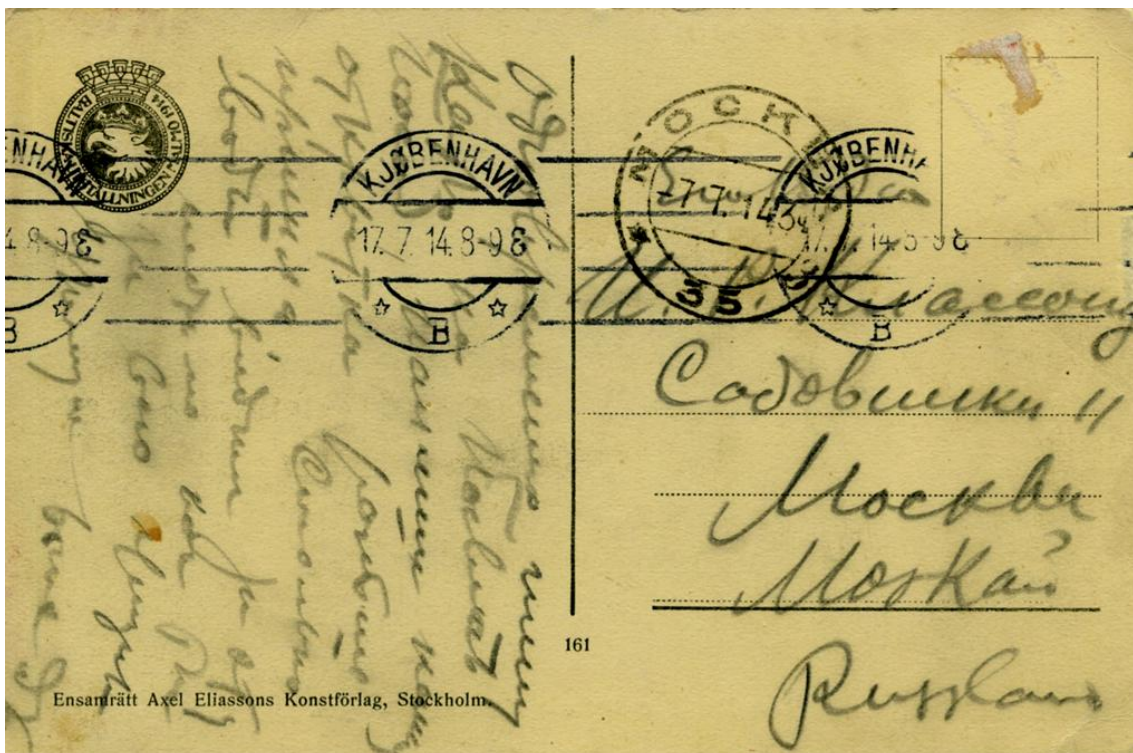
1 июля 1914 г.

<нрзб.> Много ты уток убил? Целую всех детей

Ваш Папа

Письмо отца из Kjøbenhavn (Копенгагена) сыну Ивану в Москву (Садовники, 11)

(исходящий штемпель от 17 июля нов. стиля 1914 г., моск. штемпель – 7 июля ст. стиля, на лицевой стороне открытки – вид с озера Стуршён/Storsjön на замок)

Одновременно пишу Кате на Павлов Посад. Напиши, какая открытка раньше пришла. Столько воды видел за эту неделю, сколько ты за всю жизнь [не видел]. Целую всех
Р.К

**Письмо сестры Татьяны из Ассерна (Прибалтика) брату Ивану
на «Электропередачу»**

19 июля [1914 г.]

Милый Ваня, сегодня я получила пересланное тобой (или Бренером, не знаю кем) извещение курсов, что требуется разрешение родителей.

Значит надо, чтобы папа мне оное прислал. Я написала папе и посылаю это письмо тебе. Если ты знаешь, где сейчас папа (я не знаю, да и останется ли он за границей, если будет война?), то вложи письмо мое в конверт, напиши адрес и пошли. И, пожалуйста, сделай это, как только получишь мое письмо. Мне тоже напиши, где папа. Но я не хочу ждать от тебя письма с адресом, это будет дольше, чем если я pošлю тебе письмо к папе, и ты его сейчас же перешлешь. Так вот, пожалуйста, сделай это. Писать тебе длинное письмо я не намерена, т.к. от тебя, свиненка, конечно, не дождешься за все лето письма.

Но уж, пожалуйста, исполни мое поручение, это очень нужно. Ну, а если ты не знаешь, где сейчас папа, перешли ему письмо, как только получишь его адрес, и напиши мне об этом. Несколько строк ты, я надеюсь, в состоянии написать?

Здесь только и слышно разговоров, что о войне. Все с газетами в руках, и разговоры все вертятся около войны. Есть и умные разговоры, так что поучаешься, а за столом, за которым мы едим, говорят все глупости. Серьезно обсуждают вопрос о том, не будут ли обстреливать Рижское взморье, сможем ли мы уехать и не заберут ли нас в плен и т.д.

Газеты получают на второй день. Мы получаем «Русское Слово» по почте. На станции газеты покупают нарасхват. Билетов прямого сообщения до Москвы сейчас не дают, надо ехать с пересадкой в Риге, и вообще расписание изменено. Через неделю будет другое расписание, а пока ничего не известно.

Дети [(младшие)] аккуратно сообщают о твоих подвигах на охоте. Что-то не слишком блестяще. Почему? До свидания, Таня

Приложение

Милый папа! Ничего не знаем о тебе, т.е. знаем, что ты поехал в Швейцарию, но не знаем, где ты там поселился. Если будет война, ты, наверно, вернешься в Россию? Милый папа, я посылаю это письмо Ване с тем, чтобы он переслал его тебе, если знает, где ты сейчас. Оказывается, что на курсах требуется еще разрешение родителя. Так вот, пожалуйста, напиши, что разрешаешь дочери своей, etc. и пришли мне, я pošлю это как добавление к уже поданному прошению.

Адрес наш ты ведь знаешь? Рига, Ассерн, Пансион Рейнфельд.

Погода теперь стоит ясная и не жаркая, очень хорошо. Настроение здесь сейчас страшно напряженное, ждут войны. До этого времени никого нельзя было встретить с газетой, а теперь их разбирают нарасхват. Вчера я два раза бегала на станцию узнавать, нет ли новых известий. Сейчас старое расписание поездов отменено, а новое будет через неделю, вероятно. Билеты прямого сообщения не выдаются. Здесь, в Ассерне еще довольно спокойно, а в Эдинбурге в один день уехало из одного пансиона 35 чел.*

* Ассерн (соврем. название – Асари) и Эдинбург (Дзинтари) – курорты на Рижском взморье.

Утрачено письмо Р.Э. Классона из Берлина от 21 июля 1914 г. в Москву
(упоминалось И.Р. Классоном в черновых записях)

Письмо отца из Генуи в Москву детям

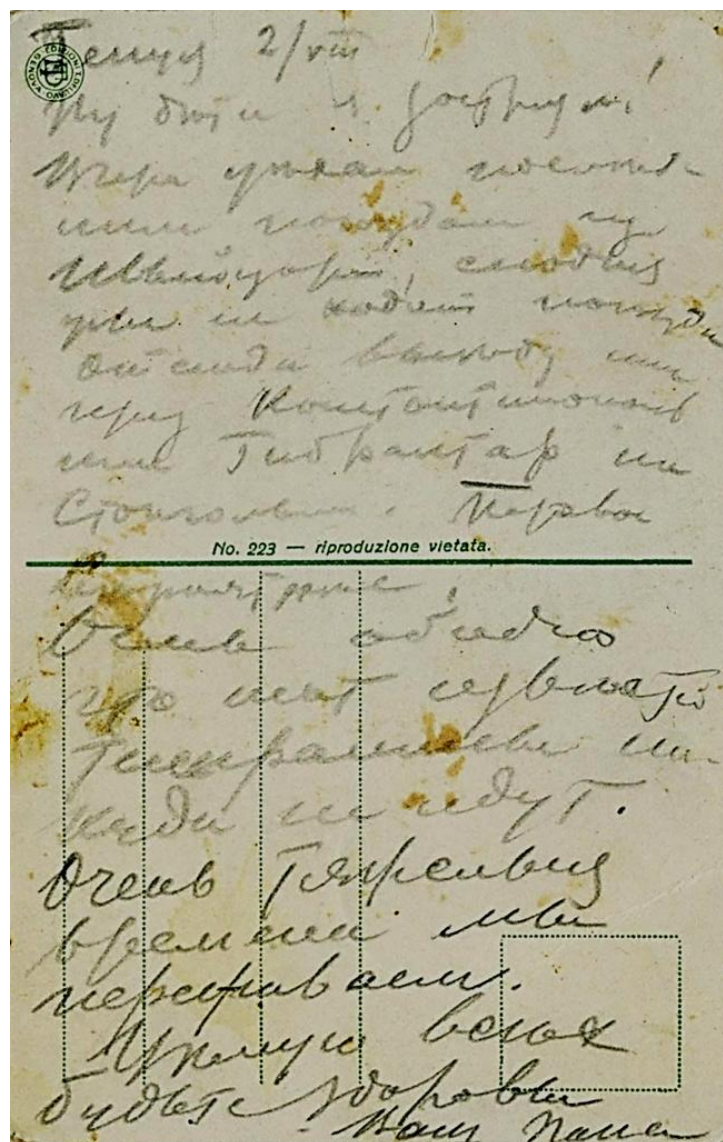
2 августа [1914 г.]

(на фотооткрытке – вид приморской Генуи)

Ну, дети, я застрял [(вместе с Евгенией Николаевной)]! Вчера уехал последним поездом из Швейцарии, сегодня уже не ходят поезда. Отсюда выход мне через Константинополь или Гибралтар на Стокгольм. Первое вероятнее.

Очень обидно, что нет известий, телеграммы никуда не идут. Очень тяжелые времена мы переживаем. Целую всех, будьте здоровы. Ваш Папа

Письмо сестры Татьяны из Москвы брату Ивану на «Электропередачу»

31 июля [1914 г.]

Любезный братец, Соня написала вам очень хорошее письмо, но решила не посылать его, а то вы все огорчитесь. Ждем в Москве папу, когда он приедет – не знаем, надеемся, что скоро. На болото мы приедем, когда нас повезут на автомобиле, и уже просили об этом Ник. Ив. [Зауэра].

Папин автомобиль чинится, а Малинков* в отпуску. Кроме того, автомобили теперь забираются в армию. Ехать на поезде – не хотим: сейчас поезда ходят ужасно неудобно и набиты битком, надо переждать.

Из Риги мы едва выбрались, и половину дороги пришлось ехать в III классе (с билетами первого). Теперь едут и в коридоре, стоя или сидя на вещах, и на площадках, и в уборной, а было время, когда из Риги уезжали буквально на крышах вагонов. Мы самую панику все-таки переждали. А Штраухи все еще в Риге и не могут выбраться. На поезд в Риге мы с Соней попали почти чудом, думали, что ни за что не попадем.

Соня все-таки посылает свое письмо.

Барсука принесли, мы за него заплатили – разорились.

До свидания Таня

* По-видимому, шофер Р.Э. Классона.

Письмо сестры Софьи брату Ивану

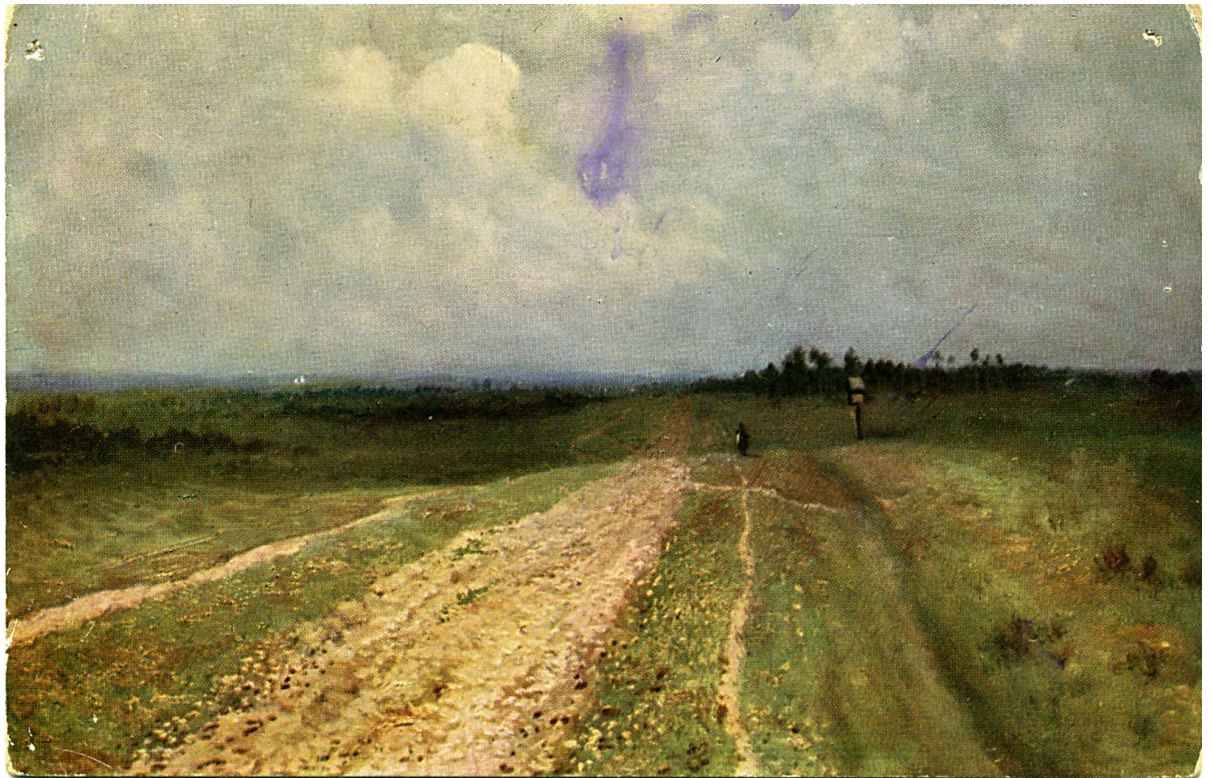
[1914 г.]

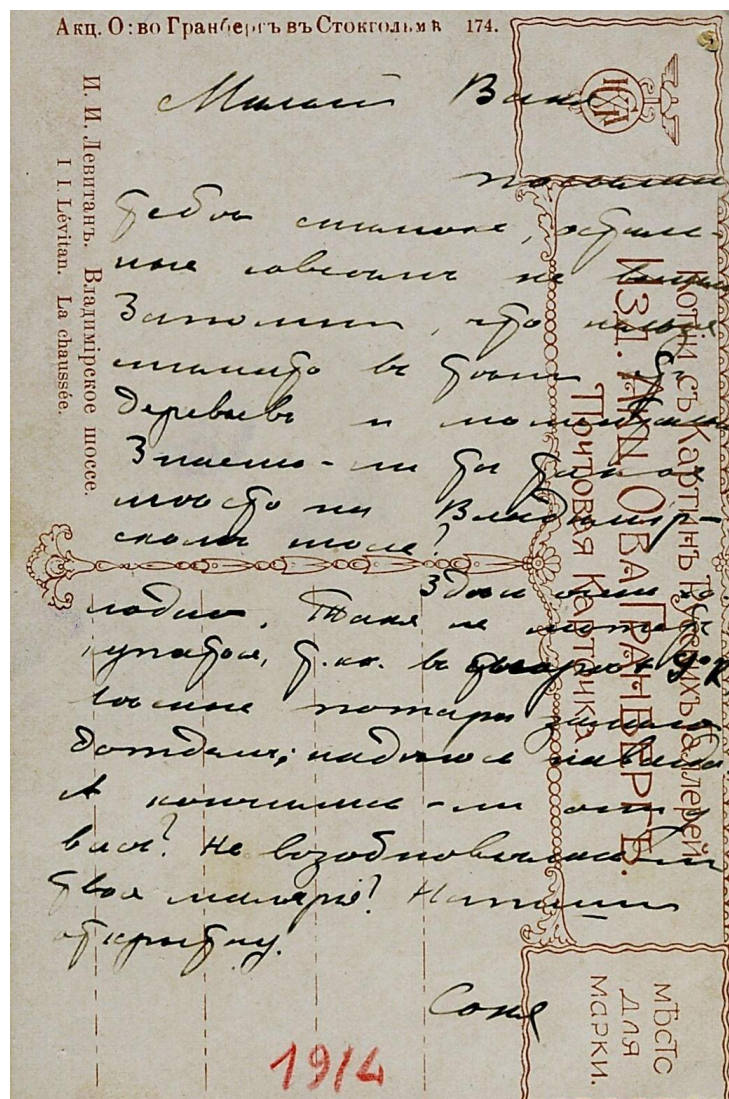
(на лицевой стороне открытки картина И.И. Левитана «Владимирское шоссе»)

Милый Ваня, посылаю тебе снимок, остальные совсем не вышли. Запомни, что нельзя снимать в тени от деревьев и моментально [(т.е. с небольшой выдержкой)]. Знаешь ли ты такое место на Владимирском шоссе?

Здесь очень холодно. Таня не может купаться, так как в [Балтийском] море $t \approx 9^{\circ}\text{C}$ [(~11°C)]. Лесные пожары залило дождем; надеюсь — навсегда. А кончились ли они у вас? Не возобновилась ли твоя малярия? Напиши открытку.

Соня

Письмо сестры Софьи из Царицына брату Ивану в Москву

(на лицевой стороне фото-открытки изображен Царев Курган, на берегу Волги, под Самарой)

(«Его Высокоблагородию И.Р. Классону»)

30 сентября 1915 г.

Милый братец, потрудись для своей старой сестры и купи мне у Юриста на Моховой те книги, о которых я пишу Тане. Когда у тебя будет время. А Таня наверное совсем разрывается. Посылаю тебе Царев Курган, который тебе понравился. Помнишь? Здесь совсем нет хороших открыток, единственно – это издание и то московское.

Совместное письмо сестры Софьи и Валериана Богомолова из Царицына Ивану в Москву

(начало не сохранилось)

Вы мне дайте стакан чаю,
Я по Ванюшке скучаю.
Вы мне дайте горячее,
Чтоб забыть его скорее.

Покажите мне вагон,
Где мой Ваня посажен.
Распроклятая машина
Мово Ваню утащила.

Вы мне дайте ножик, вилку,
Я зарежу свою милку.
Вы мне дайте стакан крови,
Я намажу себе брови.

Маша плачет под телегой, –
Слезы льются чрез дугу.
Ваня плачет на телеге, –
Чрез забор верблюды глядит.

Пароход баржу ведет,
А баржа семечки грызет.
Баржа семечки грызет, –
Пароходу не дает.

Прощай Астрахань – фарфос (?),
Весь казенный перевоз.

Пока В.И. выдохся и больше вспомнить не может. Напиши, что тебе больше понравилось. После каждых двух строк частушек – поется припев, один из этих:

Ты – гарга, мата – гарга,
Мата – гарга моя.
Батюшки! Матушки!

Ты ль меня, я ль тебя – полюбила,
Ты ль меня, я ль тебя – извела,
Ты ль меня, я ль тебя – из кувшина,
Я ль тебя, ты ль меня – из ведра.

А завод еще неизвестно когда будет построен – возможно, что и скоро.
Как поживаете Вава?

Как охота, кроме утиной, была еще?

Жму руку

В.Б.

Письмо сестры Софьи из Царицына брату Ивану в Москву

(«Его Высокоблагородию И.Р. Классону»)

6 ноября 1915 г.

Милый братец, была подавлена и тронута, получивши от тебя письмо. Спасибо за него.
Когда ты ложишься спать, сама скоро проверю. Иду на вас. Пока, будь здоров и весел.

София

Письмо Ивана из Скобелева в Туркестане отцу в Москву

1 июня 1916 г. (№3)

Милый папа! Утром 29 числа мы приехали в Ташкент. Поезд, на котором мы должны были ехать дальше, шел через 4 часа. Мы оставили вещи на хранение и гуляли по городу. Ездили на трамвае, пили чай в сартской чайной. Мне сарты^{*} нравятся больше чем, например, финны. Ели урюк. Ташкент – хороший город с канавами, чистыми одноэтажными каменными домами. На очень переполненном поезде мы поехали из Ташкента в Черняево^{**} по Средне-Азиатской дороге. Ехали 4-5 часов.

В Черняеве перешли на другой поезд, идущий на Андижан. Ехало много сартов. Некоторые из них – на третьей полке. Ночью приехали в Горчаково.^{***} Отсюда идет ветка на Скобелев. В Горчакове нас встретили Синявские: Клавдий Никанорович, Варвара Дмитриевна и сестра Юрия – Люда. Сели на поезд, идущий в Скобелев, и приехали часа через два туда.^{****} Извозчиков не было. Пошли пешком. Домой пришли около трех часов утра 30 числа и легли спать. Синявские приняли нас очень хорошо и очень усиленно кормят – так что у Степы (Горбунова) заболел даже живот.

Я здоров. 30-го днем вымылся, вечером ходили на тир. Теперь там не стреляют, но играют в футбол, теннис и кегли и едят шашлыки. 31-го поздно встали, купались, немного ходили по городу и вечером – за город. Вероятно через несколько дней куда-нибудь отправимся на день или два. Из проекта ехать на Долгов горный «курорт» ничего не вышло. Мы будем жить в городе и ездить или ходить в разные места в горы.

Скобелев находится на высоте 1880 футов. Отсюда видны на юге снеговые горы – Алайские. Перед ними более близкие – земляные. Здесь не так жарко, как я думал: 23° в тени. Ночью же в дороге было очень холодно, приходилось закрывать окна. Здесь теплее, окна открыты. Я сплю со Степой.^{*****}

Теперь насчет дороги. Пересаживаться было легко, так как было мало вещей: чемодан я сдал в багаж. Зато мне пришлось спать без подушки, потому что она была в чемодане. Скучно было только последнюю ночь перед Горчаковым. Около Самары было жарко, и мы много пили. 26-го проехали Оренбург, было прохладнее. 28-го проехали Аральское море. 29-го приехали в Ташкент. Через несколько дней напишу. Телеграммы я отправлял из Оренбурга, Ташкента и Скобелева, а открытки из Рязани и кажется Оренбурга.

Ваня

P.S. В общем здесь не жарче, чем в Богородске в пожарный год.

Кланяйся Тане, няне, Кате и Павлуше.

P.S. Как насчет ликвидации [Общества 86 года]?

Очень забавно, как высоко здесь бывает солнце.

^{*} Сарты – искони оседлая часть узбеков.

^{**} Так назывался до 1921-го Чимкент в честь генерала М.Г. Черняева, завоевавшего его в 1865-м.

^{***} Горчаково – на тот момент железнодорожная станция Самарканд-Андижанской ветки Среднеазиатской магистрали.

^{****} Скобелевым в 1910-24 гг. называлась Фергана, в честь генерала М.Д. Скобелева.

Путешественников встретила семья К.Н. Синявского (1873-1958), который занимал тогда пост начальника ирригации Ферганской обл. (он, по выходе в 1897 г. из Технологического института инженером-технологом по механическому отделению, получил первоначально должность техника по ирригации). А его сын Георгий (Юрий), соученик И.Р. Классона по реальному училищу, в советское время будет изучать сели, работая в Алма-Ате. В частности вместе с другими учеными обоснует необходимость сооружения плотины над урочищем Медео и городом, для защиты от схода опасных селей по ущелью р. Малая Алмаатинка.

В Интернете есть упоминание на его статью:

Синявский Г.К. Природные особенности селеносных рек северных склонов Заилийского Алатау (1962-1963 гг.). – В сб.: Изучение водных ресурсов. М., «Наука», 1969

^{*****} В начале XX века в слова «спать», «пить» и другие еще вкладывался исконный смысл.

Читаем телеграммы только штабов. Они выходят днем – те же, какие утром в Москве. Через 6 дней приходит «Русское Слово».

Письмо Ивана из Скобелева отцу в Москву

10 июня 1916 г. (№4)

Милый папа!

Получил твое и Танино письмо 8-го [июня], когда вернулся в Скобелев. Оно пришло 7-го. Пока мы сделали только одну далекую прогулку на Аушир. 6-го в 1 час выехали узкоколейной дорогой, которая имеет длину 38 верст. Она идет на угольные копи. На копи приехали в 4 часа, пообедали там в «кавказской столовой» и пошли пешком.

Аушир-сай – горная река. Мы шли в одно поселение на этой реке, а именно дом лесообъездчика (и хутор рядом).

Прошли мы около 25-30 верст; сначала через перевал, потом по долине и потом должны были перевалить через горы и выйти на Аушир. Но так как мы нехорошо знали дорогу, а стало уже темно, то мы из ущелья поднялись наверх, чтобы осмотреться. Хотели переночевать, но вскоре замерзли и пришлось итти. Вышли на дорогу, но не знали куда итти. Взошла луна, и мы стали разбираться. Пошли в сторону шума реки и лая собак и действительно вышли куда нужно в 4 часа ночи. Легли спать в доме лесообъездчика, а на другой день ходили смотреть водопад такого вида (см. рис.).

За водопадом версты две прошли по очень узкому ущелью вверх по реке и потом вернулись к лесообъездчику, пили чай с хлебом, которого мы съели очень много, легли спать, а 8-го тем же путем вернулись. Устал я не очень: только ногами и немного стер их. Вероятно мы еще сходим раза два в горы, а потом я вернусь в Москву.

Мы хотели ехать на несколько дней подальше в горы с одним инженером-путейцем. Он занимается постройкой дороги с австрийцами*. Мы бы остановились в какой-нибудь юрте в этом рабочем лагере и делали бы прогулки в разные стороны. Но кажется из этого плана ничего не выйдет, потому что инженер очень откладывает свой отъезд.

Папа, ты писал про телеграммы, не знаю, получил ли ты две открытки с дороги и одно письмо отсюда. Вероятно я еще напишу один раз. Вчера я с Юрием играл в теннис на площадке Военного Собрания. Сейчас купались. Мы уже несколько раз купались. Купальня – в саду Синявских. Вода протекает сквозь купальню из оросительной канавки (арыка). В общем, когда мы в городе, то мало гуляем, а большею частью сидим дома и читаем.

Я думаю выехать около 25 числа. Пиши пожалуйста. Одно письмо (ответ на это) еще успеет дойти.

Ваня

Прогулка на Аушир мне очень понравилась, очень красивые места.

* Скорее всего, с военнопленными.

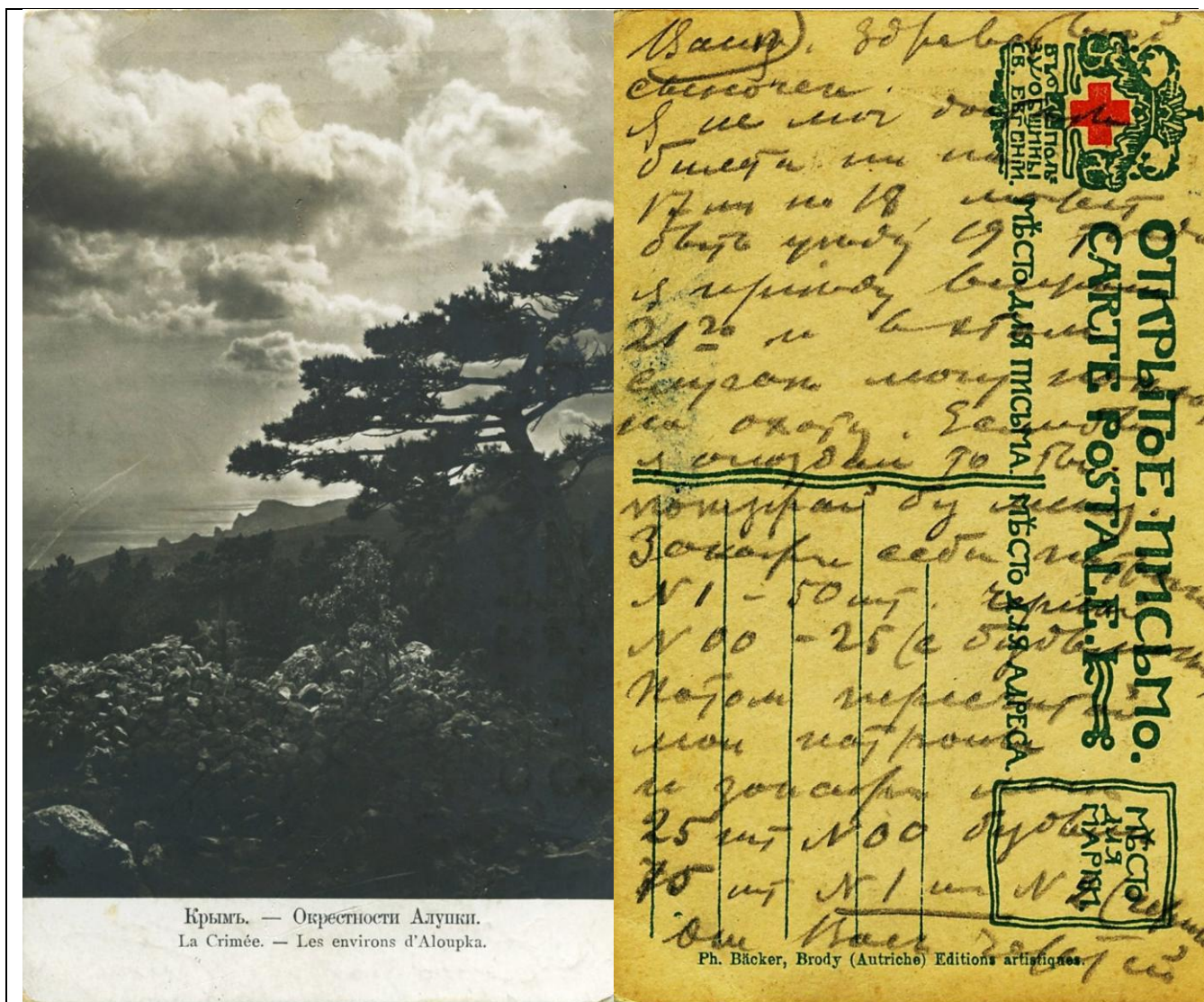
Письмо отца из Алупки сыну Ивану в Москву

(на лицевой стороне открытки— фото окрестностей Алупки)

[1916 г.]

Ване

Здравствуй сыночек. Я не мог достать билеты ни на 17-е, ни на 18-е [сентября], может быть уеду 19-го, тогда я приеду вероятно 21-го и в этом случае могу поспеть на охоту. Если же я опоздаю, то ты поезжай без меня. Закажи себе патроны №1 – 50 штук. <...> Потом пересчитай мои патроны и закажи <...>. От вас чертей [писем так и не было.]

Крымъ. — Окрестности Алушки.
La Crimée. — Les environs d'Aloupka.

Ph. Bäcker, Brody (Autriche) Editions artistiques.

Письмо отца из Алупки сыну Ивану в Москву

(почт. штемпель – 18 сентября 1916 г.)

Позвони, Ваня, Старкову и спроси, состоится ли охота. Я приеду 21-го вечером, так что надеюсь тоже поехать, надо взять из Богородска мои охотничьи вещи (куртку, сапоги, зимнее пальто и прочее).

Мне уже не хочется здесь оставаться, но выбраться по желанию не могу. Твою открытку получил. Целую РК

Открытка отца из Гурзуфа сыну Ивану в Москву

(на фото-открытке – Гурзуф, общий вид на город и побережье)

31 июля [1917 г.]

На днях я послал [дочери] Тане письмо с укором, что никто из Вас не пишет, это большое свинство. Как ты себя чувствуешь [после лечения от туберкулеза]? Я все еще немного раздражителен. Целую всех.

P.S. Нарзан здесь подают $t^0 = П.П.$ [перегретого пара? – МК]. Это очень грустно, вообще я вздыхаю по леднику в «Электропередаче».

Открытка отца из Гурзуфа сыну Ивану в Москву
(на фото-открытке – 3-я Гостиница)
(без даты)

Вашек Скарби
Даша, чтобы он
мой маленький
шкар дерзала
открыть мне
суд миру, ведь
всё же все мои
костюмы и по-
всюду в кругу
мне чтобы он
перевел меня,
Сегодня стрижет
и Жинетом 2 года
Хорошо, но пришло
время тебе самому
Смело всему
и в семье наша

Ваш папа Иван, Ялта.
Ака. 11:30 Гурзуфъ из Столбурга

Ванек. Скажи [прислуге] Даше, чтобы она мой платяной шкаф держала открытым или еще лучше, пусть вынет все мои костюмы и повесит в чуланчике, чтобы они проветрились. Сегодня стригся «Жилетом» – очень хорошо, по приезде обрею тебе голову. Целую всех младенцев. Твой папа

Записка отца сыну Ивану на «Электропередачу»

[1920 г.]

Ваня, с твоей отсрочкой [от воинской повинности] вполне благополучно обстоит – <нрзб.> Николаевич говорит, что ты можешь не беспокоиться. Сейчас послал Вам туда 3 письма через <нрзб.>, но он приедет только завтра утренним поездом, а это письмо идет с Ремизовым.

Целую

Р. Классон

Записка отца сыну (технику Гидроторфа) на Шатуру

10 июня [1921 г.]

Ваня. Сегодня отдельным вагоном идет муфта для насоса и реостат. Если хочешь, можешь впоследствии приехать со мной в Москву. Насчет премий для больших зверей [(торфососов)] все в порядке, привезу кое-что. Московскому Металлическому заводу мы здесь достали то, что они не дополучают там, так что пусть они не беспокоятся, так условлено с Винтером и Радченкой. Прочти и передай [Г.Б.] Красину мое письмо к Ленину.

Р. Классон

Письмо Ивана и Екатерины из германского Überlingen на берегу Бодензее отцу в Берлин

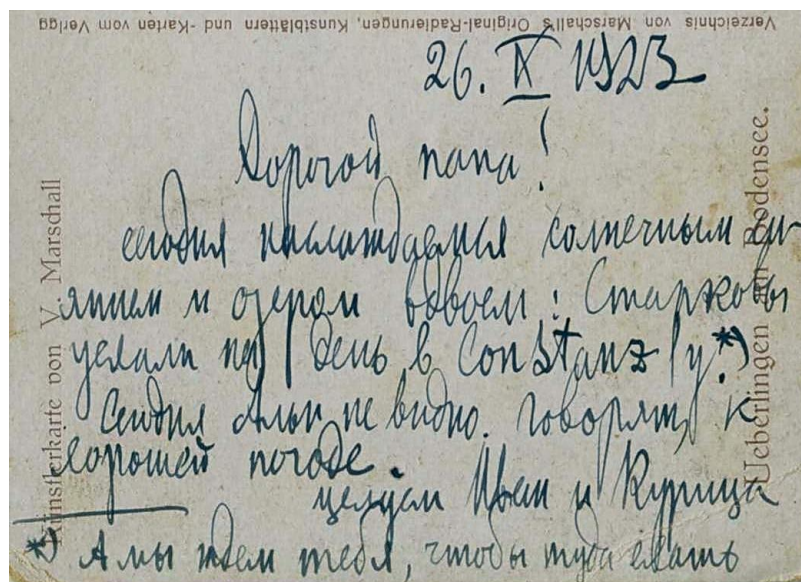
(на лицевой стороне открытки изображен немецкий городок Юберлинген, с видом на оз. Бодензее)

26 сентября 1923 г.

Дорогой папа! Сегодня наслаждаемся солнечным сиянием и озером вдвоем: [молодые] Старковы уехали на день в Constanz'у. А мы ждем тебя, чтобы туда ехать. Сегодня Альп не видно. Говорят, к хорошей погоде.

Целуем Иван и Курица

Письмо отца из Москвы сыну Ивану в Берлин

10 мая 1924 г.

Дорогой Ваня, Посылаю тебе письмо проф. Грум-Гржимайло, а чертеж его котла я тебе пришлю через некоторое время, когда его все у нас здесь посмотрят. Котел настолько сумасшедший, что только профессор, никогда не видевший завода и вообще не знающий котлостроения, мог предложить такую нелепую вещь. Он в своем письме предлагает [нагревательные] трубы в 15 м длиною, но говорит, что это только пока, в будущем же он надеется ставить 20-25 м длиною. Котел при этом получается высотой в 40 м.

Скромно! Очевидно, он совершенно обалдел, и я потерял всякую охоту с ним иметь дело, о чем я и написал Машинотресту. Посылаю тебе его статью в журнале «Тепло и Сила», а когда появится Мокршанский, то он тебе пришлет чертеж нашего котла, который вовсе не плох, как этот старый дурак думает. Целую тебя, Р. Классон

Помета И.Р. Классона на полях: «для обслуживания такого котла нужен был бы быстросходный подъемник».

Письмо сына Ивана из Гельсингфорса отцу в Москву (Садовники 11, кв. 5)

14 июня 1924 г.

Дорогой папа. Через час «Ариадна» отходит, еду на ней на Штеттин. О [торфяном] болоте напишу подробно на пароходе. Работает один агрегат, много поломок, один насос высокого давления стоит без мотора – в ремонте, т.ч. имеется лишь 75 кубометров воды высокого давления в час. Мотор торфососа греется – работу прерывают. Работали месяц – добыли примерно 1 000 т воздушно-сухого [торфа], проработают еще месяц. Дожди сильные все время. Поле плохое – неровное и мокрое. Вряд ли высохнет и одна четверть всего. Я рекомендовал воздушник, вентиляторы к моторам торфососа.

Письмо сына Ивана из Берлина отцу в Москву

14 января 1925 г.

Получил вчера твоё письмо от 9-го (писанное рукой), а сегодня от 7-го, отправленное 8-го (диктованное). Не следует ли тебе принимать, как это ты делал в 1918 г., регулярно бром? Он тогда, в первые месяцы, дал больший успех, чем даже [санаторий в Bad] Nauheim. Если можешь, купи небольшое количество [таких лекарств как] Astm. и Saidin в Москве, т.к. я послать вскоре не могу. Я хожу на лекции и черчу.

Целую тебя Иван

Письмо брата Павла из немецкого Линдау брату Ивану в Берлин

(W50, Regensburgerstrasse, 5 II bei Mehli's)

6 мая 1928 г.

Дорогой Ваня, пишу тебе из Линдау, куда мы приехали втроем (я, Юра [Кирпичников],
Durst) на мотоцикле, это по случаю воскресенья. твой Павел

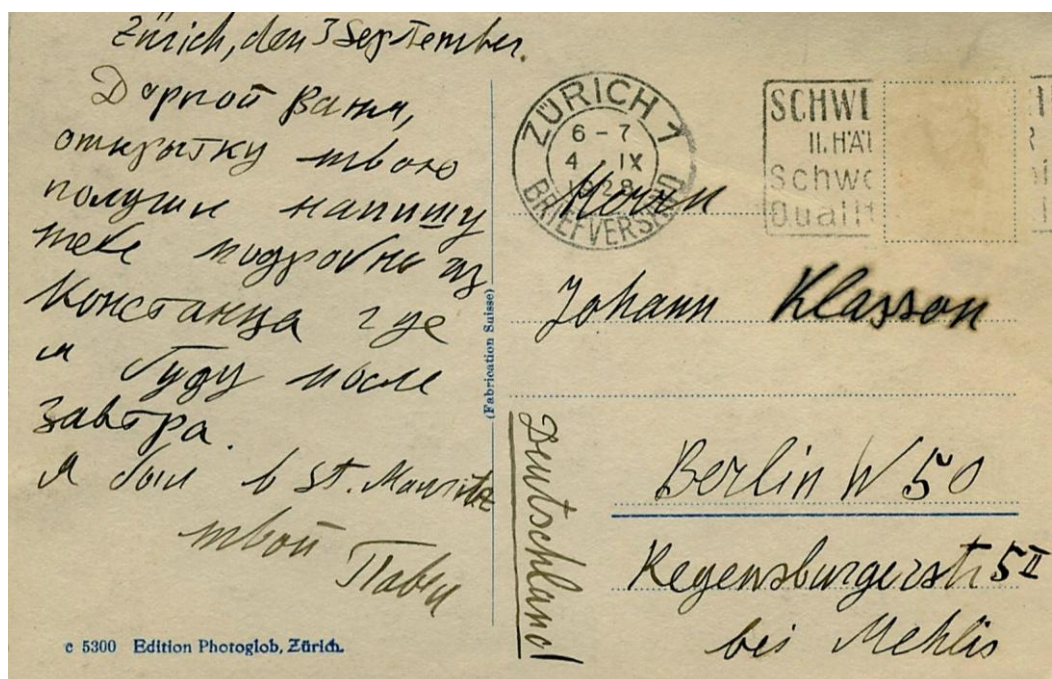
Письмо брата Павла из швейцарского Люцерна брату Ивану в Берлин

25 мая 1928 г.

Дорогой Ваня, по случаю Pfingsten я нахожусь в Люцерне, приехал на своем
[мотоцикле] В.М.В. Пиши мне в Констанц. Здесь прекрасная погода. твой
Павел

Письмо брата Павла из швейцарского Цюриха брату Ивану в Берлин

(на лицевой стороне открытки – фото набережной)

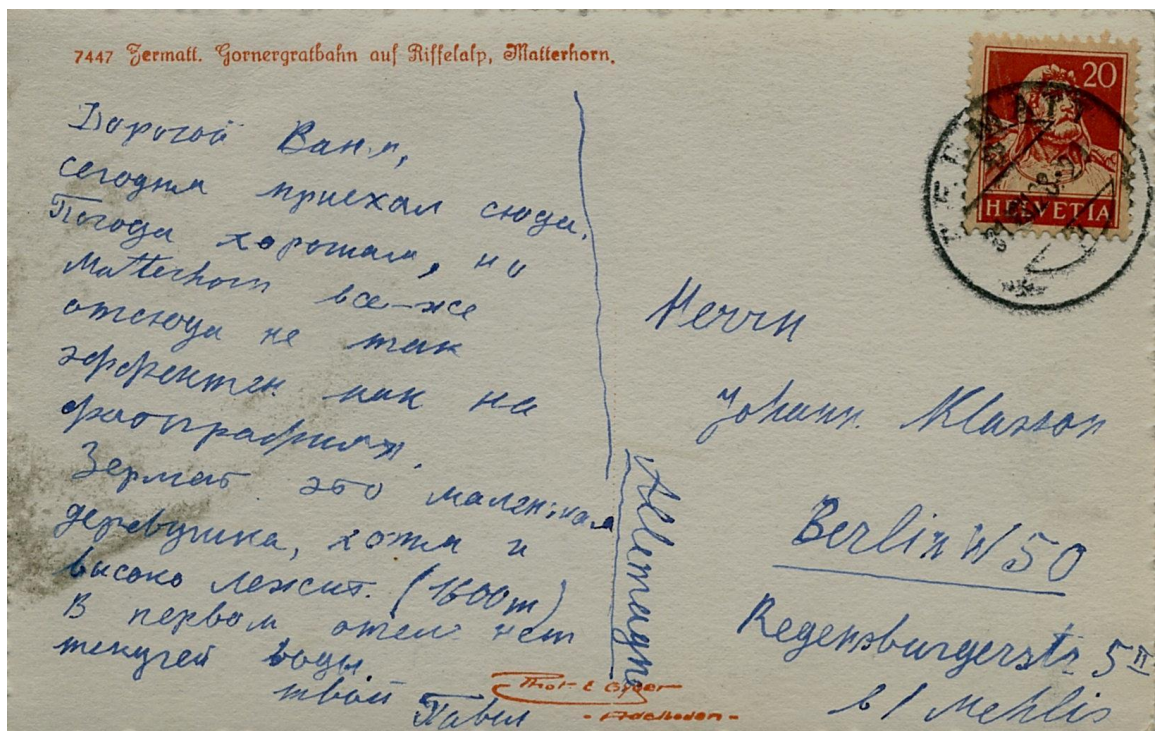
Zürich, 3 сентября 1928 г.

Дорогой Ваня, открытку твою получил, напишу тебе подробно из Констанца, где я буду послезавтра. Я был в St. Mauritz. Твой Павел

Письмо брата Павла из немецкого Zermatt в немецкий же Берлин брату Ивану
(на лицевой стороне открытки – фото горного пика Matternhorn)

31 декабря 1928 г.

Дорогой Ваня, сегодня приехал сюда. Погода хорошая, но [горный пик] Matternhorn все же отсюда не так эффектен как на фотографиях. Зермат – это маленькая деревушка, хотя и высоко лежит (1 600 м). В первом отеле нет текучей воды. твой Павел

Письмо сестры Екатерины с юга родственникам в Москву

*(на открытке – фото Кипарисовой аллеи в Мисхоре?)**

без даты, предположительно 1935-й

Дорогие Мария Ивановна и Иван, проэктирую вернуться в Москву в 20-х числах сентября. Посылаю видикус, так как Иван любит картинки. Живу очень хорошо – приеду, буду повествовать. К сведению Марии Ивановны, туфли здесь – только тапочки и сандалии, вельсеньких нет.

Целую

Катя

Письма И.Р. Классона к знакомой, затем к невесте и жене Анне Гавриловне Позигун (и несколько писем последней)

Иван из Ботанического сада в Батуме – Анне в Батум (ул. Фрунзе, 9, АЦГЭССетьстрой), 18 апреля 1939 г.

Многоуважаемая Анна Гавриловна, вчера вы все не понимали, чего я пристаю. Кажется, я так и не смог объяснить вам этого. Вы смутили меня вашим стремлением поскорее уйти. Мы с вами мало знакомы, но вы мне очень понравились, и поэтому я хочу познакомиться с вами больше. Это я говорил вам еще в декабре [1938 года]. Я пока был бы очень рад, если бы вы согласились провести со мной хотя бы один день или полдня или вечер. Это могло бы быть 24 апреля или на майские праздники, хотя бы 30-го или 2-го (если вы решитесь уехать на два дня, а не на три в Тбилиси).

Обещаю вас не обижать! Я думаю, что вы свободно можете отказаться работать в один из выходных дней. Если вы согласны оказать мне такую милость, то пошлите мне не позже как дня за три письмо по адресу: с. Махунцети Батумского района, И.Р. Классону.

Напишите, где и в котором часу в Батуми вас встретить. Я, вероятно, смогу приехать автобусом около половины десятого утра (или накануне выходного около половины восьмого вечера, но последнее рискованно, т.к. мне м.б. негде будет ночевать в Батуми).

Если вы мне назначите день, то я приеду независимо от погоды. Мы могли бы поехать поездом в 10.40 по местному времени до Кобулет или до Чаквы или до платформы Ботанический сад (как я сделал сегодня, в этом конце ботанического сада мне очень нравится!). Тогда приходите на вокзал к кассе не позднее 10.30. Билеты я возьму раньше. Если это место вам не нравится или если вы хотите назначить другое время, то я предложил бы бульвар у входа против улицы Карла Маркса. Или назначьте другое место. Не смущайтесь, что это выглядит как приглашение на свидание. Как же иначе я могу с вами увидеться? Я и так был огорчен, не застав вас в Махунцети. Извините за скверный почерк – пишу на коленях.

Жду вашего письма

Ваш Иван Классон

Иван из Махунцети – Анне в Батум, 2 мая 1939 г.

Многоуважаемая Анна Гавриловна, несмотря на ваше молчание я не отказался от намерения попытаться вам увидеть. Я собираюсь на днях быть в Батуми для работы на подстанции. Может быть это будет 4-го или 5-го или 7 мая; вероятно, пробуду в Батуми дня два.

* Мисхорский парк – отличное место для прогулок. Особенно он привлечет тех, кто не любит крутых спусков и подъемов. Ведь парк расположен почти на ровной местности. Он заложен сразу же после присоединения Крыма к России. Здесь растут кедры, сосны, лавр, тис, секвойя, магнолии, миндаль и много других деревьев. Через весь парк тянется кипарисовая аллея – одна из самых длинных кипарисовых аллей на Южном берегу Крыма. Мисхорский парк расположен над морем, легкий бриз доносит его свежесть, расположенные на обрывах беседки и смотровые площадки позволяют насладиться природой. Здесь много тихих и уединенных мест. – Из Интернета

Александр Парнах утверждает, что как раз в 1935-м его маменька и папенька отдыхали в Мисхоре.

Я зайду к вам на службу после четырех часов (я полагаю, что у вас теперь сдвинуто на час вперед время занятий), чтобы попробовать условиться с вами, где и когда смогу вас увидеть [более основательно]. Не будьте так скупы и уделите мне немного вашего времени!
Ваш Ив. Классон

Иван с теплохода «Украина» – Анне в Батум, 10 июня 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, я уезжаю в Москву. Если вы перестали на меня сердиться, то я был бы рад узнать об этом и очень прошу вас написать мне. Я виноват тем, что заходил к вам на службу, хотя это могло быть вам неприятно. Больше я ни в чем не признаю себя виноватым перед вами. Никакого зла причинить вам я не хотел и не мог бы. Почему вы так волновались, когда прогоняли меня к чорту?

В начале будущего года ваше строительство кончится, и вы перейдете на какую-то другую работу, м.б. даже не в Батуми. Я боюсь совсем потерять вас из вида. Независимо от вашего личного отрицательного отношения ко мне я очень ценил бы возможность когда-нибудь в будущем работать с вами. В том что вообще хороших работников, как вы, очень мало, я все время опять убеждаюсь, а отличных машинисток, как вы, и совсем нет.

Мне за последние два месяца в Махунцети пришлось очень много писать, гораздо больше, чем в прошлом году. И вот, когда я потом проверял и исправлял все это после машинописи, то вспомнил, как приятно проверять было напечатанное вами.

[Мой сослуживец] Квятковский, которого вы знаете (он приехал в Махунцети в конце мая и останется еще на июнь), тоже возмущался, как можно было вас уволить, а слабую машинистку оставить.

Я считаю, что меня бог за какие-то грехи наказал тем, что устроил мой приезд в Махунцети только после вашего отъезда. Если бы вы были там, то я бы вас видел часто и, вероятно, не дал бы вам повода так на меня рассердиться. Итак, жду от вас письма теперь, что вы больше не сердитесь. А кроме того в будущем, при перемене вашего адреса, сообщите мне новый. Если же боитесь, что я вам начну опять надоедать, то сообщите адрес вашей сестры в Кобулетах; если я напишу вам через ее адрес, то ведь это для вас совсем безопасно? Я предпочел бы иметь ваш адрес.

Мой постоянный адрес: Москва 162, Сиротский пер. 17, кв. 40. Ивану Робертовичу Классону

Я случайно взял в библиотеке в Махунцети книжку Константина Паустовского «Тарас Шевченко». Прочел ее с большим удовольствием, т.к. она хорошо написана. Если она вам попадется в киоске или библиотеке, то рекомендую прочесть (она маленькая – стоит всего 25 копеек). Я не знаю, насколько вы еще чувствуете себя украинкой, если да, то вам тем более интересен Тарас Шевченко. Я его совсем не знаю, но эта книжка о нем мне очень понравилась. Здесь на теплоходе в киоске продается книжка о нем же – Корнейчука на украинском языке. Я подумал о приобретении ее для вас, но посмотрел, и (насколько я мог понять по-украински) она мне не понравилась.

Помните, что я отношусь к вам по-прежнему.

Ваш Иван Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 10 августа 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, сейчас получил ваше письмо от 6-го. Извините, что не ответил на предыдущее. Собирался, но все откладывал, м.б. потому что все последнее время было скверное настроение. Очень тронут, что вы назвали себя моим другом!! Этого я никак не ожидал. Почему такая перемена? Не потому ли, что на таком расстоянии я вам не страшен, и вы уверены, что я в Батуми больше не появлюсь? (Я сам не знаю, буду ли я еще в Батуми.) Я вскоре еще вам напишу.

Ваш Ив. Классон

Иван из Кондопоги – Анне в Батум, 12 сентября 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, шлю вам привет с севера – с берега Онежского озера. Приехал сюда на несколько дней на строительство Сунастрой, принадлежащее нашему главку. По дороге сюда был два дня в Ленинграде. В конце августа я несколько дней был на канале Москва – Волга. Отсюда вернулся в Москву, а затем – не знаю.

Я был бы очень рад получить ваши письма. Думал, что в августе вы мне тоже напишете в ответ на мое, но письма не получил. Может быть я вас опять чем-нибудь обидел?

Сердечный привет

Ваш Ив. Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 23 октября 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, посылаю вам книжку, которую читал летом в Махунцетах. Недавно она мне попала на глаза в книжном магазине на с.х. выставке, и я приобрел ее для вас. Извините за самодельный конверт – нормальный мал.

Спасибо за письмо от 2-го. В нем вы писали, что постараетесь ответить мне (я полагаю, что на вопрос, почему такая перемена), но ответа я не нашел. Может быть вы все-таки ответите и напишете больше о себе, например, что вы собираетесь делать на [ноябрьские](#) праздники, куда, к кому или с кем поедете?

Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? У меня ничего интересного не было. Был с середины сентября в Москве. На будущей неделе, вероятно, поеду в Ленинград на несколько дней. В Москве очень рано наступили холода. Утром бывает мороз.

Привет

Ваш Ив. Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 30 ноября 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, спасибо за письмо от 12-го. Я хотел бы вас повидать, но не знаю, когда это будет возможно. Долго ли вы будете еще заняты в АЦГЭСетьстрое и что думаете делать после, останетесь ли в Батуми?

Сердечный привет

Ваш Ив. Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 12 декабря 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, на днях я должен поехать в Махунцети. Пробуду там около месяца. Если я не смогу за это время съездить в Батуми повидать вас, то сделаю это после окончания работы. Из Махунцети вам напишу.

Ваш Ив. Классон

Иван из Махунцети (Грузия) – Анне в Батум, 29 декабря 1939 г.

Дорогая Анна Гавриловна, спасибо за письмо, получил его здесь, его мне переслали из Москвы. Я приезжал сюда 23-го. В Батуми пришлось ждать с утра до середины дня. Шел сильный дождь, я все-таки сходил посмотреть море.

Я здесь очень занят, вероятно буду в Батуми по делу несколько дней между 11 и 16 января, потом еще вернусь сюда. Напишите, пожалуйста, мне сюда (Махунцети, АЦГЭС, мне), как с вами встретиться в Батуми (только не в вашем учреждении). После окончания работы здесь в конце января или начале февраля я надеюсь еще пробыть несколько дней в Батуми уже без дела. Желаю вам всего хорошего в 1940 году. Ваше письмо меня очень тронуло.

Ваш Ив. Классон

Снег, которого вы ждали, летит здесь на горах низко, начиная с 24-го.

Иван из Махунцети – Анне в Батум, 2 января 1940 г.

Дорогая Анна Гавриловна, мой план работы изменился. Я буду в Батуми, вероятно, 4-го и 5-го и затем 12-го и 13 января. Очень жду от вас письма – сюда или, если вы успеете написать 3-го, то адресуйте: Батуми, главный почтамт, до востребования.

Тогда я 4-го или 5-го смогу получить его там. Я разочарован, что не получил письма от вас сегодня. Как же я вас найду?

Ваш Ив. Классон

Иван из Батума – Анне в Батум, 20 января 1940 г.

Дорогая Анна Гавриловна, из-за снега не мог быть в Батуми, когда рассчитывал. Сейчас приехал сюда на два с половиной дня. Не знаю, успею ли вас повидать, но потом приеду еще на несколько дней и буду свободен. Если у вас 23-го выходной, то не могли бы вы уделить мне время?

Позвоните мне, пожалуйста, 22-го вечером попозже или 23-го утром пораньше – часов в 8 или 9. Звоните в гостиницу Интурист, №312 и спрашивайте меня. Если вам это неудобно, то пошлите мне письмо до востребования – гл. почтамт Батуми, так чтобы я получил его уже 22-го. Я около 23-го вечером или 24-го выеду дней на 5 в Тбилиси и Ереван и затем еще раз хочу приехать в Батуми.

Сердечный привет, извините за скверный почерк

Ваш Ив. Классон

Иван из Батума – Анне в Батум, 6 февраля 1940 г.

Дорогая Анна Гавриловна,

Мне пришлось очень торопиться в Ереван, чтобы попасть в Батум к 6-му: ведь я хотел поехать с вами в ботанический сад, и вы обещали, что поедете, если сможете и «если будет настроение» (я думал, что последняя оговорка – для формы, чтобы я не зазнавался!). И вот я приехал в седьмом часу утра в Батум; затем ждал вас на вокзале к поезду на Кобулеты (9.15 по-московски, 10.15 по-батумски) и не дождался, хотя обыскивал весь вокзал с половины десятого до половины одиннадцатого на тот случай, если вы забыли, что я просил вас быть около газетного киоска.

Вчера послал вам из Тбилиси (в Батум до востребования на центральном телеграфе) телеграмму, что приеду и буду ждать в 10 утра по батумскому времени на вокзале. Дождя сегодня почти не было. Объяснить то, что вы не пришли, могу только двояко: или вы так больны, что не выходите из дома (это я узнаю, когда позвоню вам завтра на службу) или вы опять передумали и решили позволять мне видеть вас только около [пишущей] машинки, а может быть и этого даже избегать, как сделали 30-го.

И то (болезнь), и другое объяснение мне очень неприятно. Если вы больны, я могу вам помочь советом, т.к. у вас неразумные предрассудки, что вы, мол, не любите лечиться. Между тем, если у вас малярия или подозрение на начало туберкулеза легких, то лечиться надо как можно скорее и основательнее. У меня есть опыт, и я знаю много примеров, что лечение вовремя в этих случаях очень важно. Если вы больны и не выходите, то как хотите, но я к вам приду днем. Я забыл ваш домашний адрес или вы дали [\[моему коллеге\]](#) Якубову неверный, т.ч. сообщите.

Что касается второго объяснения вашей неявки, то будьте же немного последовательны (хотя это для женщины не обязательно), хоть один раз исполните свое обещание повидаться со мной не на службе. А тогда увидите, так ли это страшно. Я бы хотел ходить с вами на море каждый день, после конца вашей работы! Или так часто, как вы сможете.

Вы так мило говорили со мной по телефону 30-го, а до того так мило говорили, что любите писать (я только потом оценил, насколько мило вы это говорили). Неужели все это только из вежливости? А выходит так естественно! И вы писали в декабре, что рады, что я хотел бы вас повидать (когда я еще не знал, что приеду).

В чем же дело? Ведь о том, что я вас полюбил, вы знаете давно, а все-таки с июня знакомство со мной поддерживаете, значит, можете и дальше со мной не ссориться. Так позвольте вас увидеть. Это мне необходимо. Мы так мало знаем друг друга.

Если у вас малярия, то вам надо не позднее апреля уехать из Батума. Я мог бы быть вам полезен, если бы вы захотели перейти на одно из строителей Главгидроэнергостроя в немалярийной местности (например, Ереван, где есть бюро Гидэпа, или Нива на Кольском полуострове). Об этом тоже нам надо поговорить. Кроме того, приезжайте в марте в Москву в отпуск. Может быть, даже в Москву и Ленинград? Это может быть полезно, прежде чем решаться на переезд в другую провинцию из Батума. Я должен передать вам еще одну полезную книжечку, которую я для вас привез. Это ведь не персики, т.ч., вероятно, вы не обидитесь!

Извините за сумбурность письма и поправки, но мне не хочется переписывать – для этого письмо все же недостаточно отделано. Лучше считайтесь с тем, что я писал, как выходило. Вставки вас в этот раз меньше затруднят. Если чего не разберете, я могу вам все объяснить устно в любое назначенное вами время, в любом месте. Только больше меня не надувайте так хладнокровно!

Ваш Иван Классон

Я позвоню вам 7-го. Скажу, что жду вас у моря против улицы Карла Маркса в 5 часов. Если вам неудобно будет в этот момент по телефону говорить со мной, то, пожалуйста, позвоните мне 7-го же сами – Интурист, №216 (этот номер я сохраняю до утра 8-го, а потом, вероятно, передо в номер подешевле), все равно у дежурного администратора гостиницы вы по телефону сможете узнать, в каком я номере Сердечный привет ИК

Иван из Батума – Анне в Батум, 8 февраля 1940 г.

Дорогая Анна Гавриловна, боюсь назвать вас более нежно, вдруг вы обидитесь. Вы так милы! 10-го (в 5 часов у моря против улицы К. Маркса) оденьтесь потеплее. Я – дурак, надо было мне сразу сходить за своим летним пальто, а то, я боюсь, что вы все-таки простудились или возобновили малярию. М.б. я вчера вечером простудил вас на службе открытым окном? Насколько я понимаю Батумскую почту, это письмо вы должны все-таки не позже 10-го получить. (Я забыл спросить вас сегодня, получили ли вы письмо от 6-го, а вы сами, конечно, не сказали.)

Если у вас не пройдет до тех пор насморк или возобновится малярия, то примите хинин, он и от насморка полезен, по крайней мере, для многих (это индивидуально).

Я – дурак, забыл спросить вас, начали ли вы мерить температуру. Пожалуйста, мерьте 4 раза в день: утром, около 12 или 13, около 5 и вечером. И записывайте по форме:

Дата	утром	днем	5 ч.	вечером

Посмотрите, какая погода будет 9-го и 10-го и если многообещающая (таково мнение одного батумца, что погода теперь установилась!), то попробуйте все же 10-го получить у вашего начальника (письменную резолюцию на вашем заявлении) отпуск на 13-е и 14 февраля, мы бы тогда 11-го поехали в Сухум и 14-го вернулись.

По расписанию 11-го отходит теплоход «Украина» (с которого я в июне писал роковое письмо, которое вызвало «перемену»). По расписанию он отходит по Батумскому времени в 4 часа 25 мин. – вам придется уйти в 4 часа со службы и не заходить домой – тогда поспеете. Фактически они уходят всегда позже. Мы с вами 10-го справимся вечером (вернее, я еще днем справлюсь на морском вокзале), когда именно отходит теплоход. 14-го мы вернемся с теплоходом «Крым», вечером в четверть девятого по расписанию. А уже 18-го поедem в ботанический сад! Отпуск просите без сохранения содержания. В крайнем случае, если без сохранения содержания нельзя, то в счет очередного отпуска.

Взял идя домой билет на ночной поезд до Риони (он отходит в 1.45 по Батуми, в Риони приходит около 7 утра). Вернусь (с поездом по Батуми 6.10 или 10.40) 10-го! Номер возьму другой, чтобы сэкономить [[при оплате](#)] 1 сутки, а м.б. дадут опять тот же! Сейчас посплю до поезда – очень обалдел (перечитывая – заснул сидя).

Целую ваши ручки – обе, с обеих сторон (не обижайтесь!). Ваш Ив. Классон

Иван из Батума – Анне в Батум, 12 февраля 1940 г.

Дорогая Анна Гавриловна, начинаю писать на почте, т.к. идет дождь, и в 5 час. я согласно условиям жду вас на почте! Впрочем надежды у меня очень мало. Уже 5.18, а вас нет. Еще немного подожду и пойду домой. А завтра утром буду вам звонить. Опять, как и 30-го и 6-го беспокоюсь сразу на обе темы: и что вы больны, и что вы опять меня боитесь, иначе говоря у вас опять сомнения (а еще точнее, вы опять решили послать меня к чорту!). Дождь был сегодня феноменальный. Я оделся в два пальто, но пока дошел до вокзала вымок ниже колен.

(Продолжаю писать дома.) Ждал вас долго, пока не ушел поезд и еще минут двадцать. Аня моя дорогая, ведь это третий выходной день подряд, который я мучуюсь. Если вы больны, то простите мне этот упрек. Вы сказали мне вчера столько хорошего, что, верно, боитесь, что «передали» (из «Коробейников»: «она ... торгуется, все боится передать...»). Я в первый раз смог спокойно проспать 6½ часов, видел во сне чепуху очень давнюю.

Завтра буду вам звонить; если вы больны, пойду к вам домой. А если не больны, то м.б. вы откажетесь встретиться? Вы запугали меня, своим плохим обращением со мной в выходные дни! Я все же ходил сегодня дважды на бурное море. Успокаивался, пока там был, а когда уходил, опять начинал тосковать. Распоряжайтесь мной как хотите, но только не молчите. Молчанием вы ничего не достигнете, не заставите меня отступить от вас.

Я спросил сегодня в аптеке, бывает ли у них хинин. Мне сказали, что его дают только лечащимся на Центральной Тропической Станции (ул. Коминтерна 52). Я проходил там, там висит объявление, что она переведена на угол улиц Цхакая и Шаумяна.

Вы бы обратились туда, им виднее – лучше дать вам хинин или акрихин или впрыснуть хинин под кожу. Для путевки [[на курорт](#)] вам все равно понадобится лечиться в каком-нибудь казенном заведении. Второе лекарство, которое вам прописала врачиха, купите в любой аптеке!

Мерьте температуру, ну что вам стоит? Это нужно для точного диагноза и лечения. Снимитесь, пожалуйста, у фотографа для меня – в полуоборот, но не так [*приводится набросок женского лица – МК*], а немного исподлобья, как я люблю, когда вы смотрите. Желательно, конечно, без берета. Я не могу уехать без того что вас не увидеть, хотя вы м.б. этого и хотели бы. Если хотите, могу (чтобы скорее устроить свои личные дела) уехать немного раньше (а то вы все спрашиваете, скоро ли я уеду). Но до того должен видеть вас каждый день.

Целую ваши холодные руки, ледяная моя Аня.

Ваш Ив. Классон

Боюсь, что обидел вас какими-нибудь глупыми и любопытными вопросами. Извините, постараюсь таких вопросов не задавать больше. Обещаю также не держать вас больше так долго в сырости! Поведу вас в сухое место.

ИК

Иван из Батума – Анне в Батум, 14 февраля 1940 г.

Дорогая моя Аня, спасибо за первую часть письма. Я тебя теперь еще больше люблю. Со второй частью я не согласен. Ты будешь моей женой несмотря на все твои возражения, твои доводы очень слабы. Единственное, что я еще не решил – когда мне уехать.

Если бы ты уже правильно лечилась, я уехал бы уже 15-го, а то тебе действительно вредно мое пребывание из-за вечеров на сырости и из-за того, что пока я здесь, ты думаешь, что убедишь меня от тебя отказаться, и сама переживаешь это.

Фото Ани «в полуоборот, немного исподлобья»

Но этого я не сделаю, т.к. не могу. Год назад тоже уже не мог бы, если бы знал тогда, что ты меня любишь. Когда я 7 апреля узнал, что тебя уже нет в Махунцети (что ты не дождалась меня, хотя я просил), я ощутил такую пустоту, как никогда может быть, т.к. я не был уверен, что тебя разыщу, что ты действительно в Батуми, и в то же время мне все еще (с декабря) казалось, что ты можешь меня полюбить. А какое счастье ты дала мне своими письмами – вторым (кажется, от 6 августа) и последним в Москву (от 12 декабря?), что ты рада, что я хочу тебя увидеть.

Я приеду в Москву, устрою свои дела с семейным положением, выясню квартирный вопрос, а ты тем временем кончай свое лечение в Батуми и, главное, на курорте. Мне впрочем кажется, что это необязательно, ты спроси врача Тропической станции, надо ли ехать на курорт (на какой именно, м.б. Крым – Алушка, Ялта, Симеиз?) или достаточно переменить климат (на Центральную Россию, точнее Москву или даже север – Кольский полуостров). Можно ли тебе оставаться в Батуми еще в феврале и марте или следует переменить климат сейчас же. Почему мне интересно это – я хочу провести твой отпуск с тобой, лучше всего в Крыму (он гораздо лучше, чем Кавказское побережье).

У меня еще не использованы половина отпуска 1939 г. (11 раб. дней) и весь отпуск 1940 г. (24 раб. дня, год еще только начался), но я не знаю еще, когда мне дадут отпуска, т.к. еще неясен план моей работы – на Канакире или на Ниве и т.д.*

Мне было бы досадно, если бы ты использовала свой отпуск сейчас, а потом получил бы я отпуск, а ты должна бы была оставаться в Москве (я думаю, что тебе не следует прерывать сейчас свой служебный стаж, а поэтому тебе следует служить в Москве до поступления на какие-нибудь курсы – очевидно, осенью).

Впрочем, все это станет яснее, когда я приеду в Москву, а ты получишь указания от врача. Если курорт необязателен, то м.б. ты приедешь уже в марте в Москву – сначала в отпуск. Как только выяснится этот вопрос у врача, подавай заявление начальству, что ввиду 1) заболевания твоего малярией, 2) желания обучаться стенографии, просить, во-первых, предоставить отпуск и затем откомандировать или перевести тебя на работу в Москву в системе Главгидроэнергостроя (или в распоряжение отдела кадров Главгидроэнергостроя).

Теперь о лечении и о том, что ты худеешь. Я беру назад свои слова, что я в твоём распоряжении, т.к. ты распоряжаешься мной, а главное собой, неразумно и так, действительно, заханешь.

Надо:

1) мерить и записывать температуру 4 раза в день независимо от самочувствия и кроме того во время [малярийных] припадков;

2) систематически лечиться у врача (тропической станции или у твоей врачихи, но ей грош цена, если она не дает лекарств, которые нужны и которых нет в аптеке), а не у сослуживцев. Ты не деревенская баба, чтобы лечиться у знахарей.

* *Выработка электроэнергии гидростанциями [во 2-й пятилетке] должна возрасти с 700 млн. до 6 млрд. кВт-ч, т. е. в 8½ раз, при росте выработки всей электроэнергии в 3 раза. Для этого полностью осваивается краса и гордость первой пятилетки – Днепроовская электростанция, строится Кондопожская вторая очередь, Свирская, верхняя и нижняя, Туломская, Нивская, Ачалукская, Баксанская, Гизельдонская, Рионская, Земо-авчальская-вторая, Аджарисцхали, Храм, Дзорогес, Канакир, Гюнуш, Тертер, Сухумская, Кадарья, Чирчикская, Варзобская и наконец три огромных и труднейших волжских станции. – Из речи тов. Пятакова на XVII съезде ВКП(б) 4 февраля 1934 г.*

Ты поступила совершенно неправильно, потеряла опять 5 дней (с 10-го до 15-го), по-слав уборщицу в Городок и успокоившись на том, что лекарство будет 22-го!! Так нельзя. Надо было сейчас же спросить врачиху по телефону или лично, не заменить ли акрихином, а в аптеке узнать, чего у них нет из состава лекарств. Лечение должно состоять не из чеснока (его можно есть сверх всего), а из:

а) акрихина или хинина внутрь или уколов (учесть глаза!),

б) м.б. плазмоцид еще?*

в) уколов мышьяка или какого-либо средства внутрь.

3) Улучшить свое питание:

а) есть систематически масло (на ближайшие дни я немного достану здесь, а потом, если смогу достать, пришлю из Москвы);

б) пить какао (в Батуми продается) с молоком;

в) есть лимоны, сырую морковь – витамины;

г) пить виноградный сок – питание и витамины (9 руб. с чем-то литр – можно растянуть его на 3 дня – продается в магазине на ул. Ленина, угол Пионерской, в магазине «Консервы» – почему-то кислый);

д) есть яйца (на базаре есть).

4) Не ходить со мной на море после захода солнца! За этим, пока я здесь, я сам буду следить.

За месяц на улучшение питания ты должна истратить рублей 200, тогда будет толк. Все это я мог бы сказать (ведь ты меня не обманула, что я увижу тебя 15-го и 16-го?), но так у тебя будет письменное руководство. В начале курса лечения каждые два дня просматривай, чтобы не забыть!

Что касается моего отъезда, об ускорении которого ты просишь, то я согласен уехать (с другой целью, чем ты намечаешь), как только увижу, что ты принялась за лечение. Я думаю, к 18-му или 19-му это станет видно. Могу уехать и раньше, если ты будешь благоразумна! Уехать, не увидавшись с тобой (каждый день, пока я здесь), я не могу.

Пишу это на тот случай, если у тебя опять явилась такая мысль – после передачи мне письма больше со мной не видаться. С содержанием письма (конец его) ты меня все-таки обманула, а я, старый дурак, тебе поверил. И не стал читать сразу!

Брось и думать о том, чтобы меня прогнать. Я уже написал в Москву о случившемся и намечаемом мною. Восстановить мой старый брак уже нельзя.

Итак, до свидания здесь (одно свидание или больше – это от тебя зависит) и затем до следующего свидания в Москве или на курорте, скажем, в Крыму или в Батуми (что-то мне меньше нравится этот вариант), когда я поеду на Канакир.

Целую тебя твой Иван Классон

15-го буду ждать у кино к 8.30 [вечера] и позже! Если 15-го ты меня обманешь, то 16-го я тебя увижу обязательно: буду ждать в случае дождя на почте, а в случае сухой погоды – у моря. Если до 7-ми не придешь, то пойду искать тебя у тебя. Уж лучше приходи, на сы-рости обещаю тебя не держать. Возьми с собой сетку или корзинку. ИК

* Плазмоцид – синтетическое противомаларийное средство, действующее на гаметоциты всех видов возбудителей.

Иван из поезда Батум – Тбилиси – Анне в Батум, 18 февраля 1940 г.

Дорогая моя маленькая Аня, из поезда узнал твою улицу. <...>

Когда я уезжал в декабре 1938 г., то забыл кое-какую мелочь, т.к. был очень рассеян после прощания с тобой. То же, когда уезжал в Ереван – две пары обуви (нашлись ботинки, а домашние туфли нет)! Сегодня забыл галоши, правда, уже отслужившие свою службу. Только когда я уезжал в июне (после моего прогона в мае) – я ничего не забыл!

Аня, заботься о своем здоровье. <...> Целую твои руки и тебя твой Иван Классон

Иван из Тбилиси – Анне в Батум, 19 февраля 1940 г.

Дорогая Аня, сижу по традиции (около 5 часов) на холоде в саду в центре города. Эти пятна [на бумаге] не от того, что я плачу, а от дождя! Тбилиси (я уже шестой раз в нем проездом!) мне по-прежнему не нравится – кормят здесь отвратительно и дорого, холод и сырость и дождь. Фуникулер оказался закрыт. Когда ждал обеда, засыпал. А ты сейчас, наверное, опять не пошла на тропическую станцию, а уже дома и отдыхаешь по случаю моего отсутствия.

Сознайся, что почувствовала большое облегчение, когда я уехал! Пойди (ты обещала) на троп. станцию. Напишешь ли мне подробно (сегодня!?), что тебе там скажут. Не забудь прислать фото. <...> Конверты здесь совсем не продаются. Не забудь попробовать купить мыла <...>. Не носи узкую обувь (или короткую) и на высоких неудобных каблуках. А привыкай к ужасной мысли, что тебе придется перейти на такую обувь, в которой можно ходить не уставая через 5 минут и которая не уродует ног. Это значит, что надо носить обувь без каблук или на английском каблуке и не меньше чем нога!

Иван из поезда Тбилиси – Москва – Анне в Батум, 20 февраля 1940 г.

Ночью мой большой чемодан упал из багажной ниши, но никого не ушиб и дальше верхних полок не падал – это повезло.

<...> Говорил с одним из спутников (из Тбилиси, по-видимому, грузин), который произвел на меня разумное впечатление, о курортах Грузии. Против малярии он рекомендует курорт Сурами (из Батуми поездом около 8-9 часов езды с пересадкой в Хашури <...>). Конечно, надо получить путевку. Другие подходящие для [лечения] малярии курорты – это 1) Шови (ехать до Кутаиси, а оттуда автобусом, который идет в Они) и 2) Джава – поездом до Гори, оттуда автобусом до Сталинари [(Цхинвали)], а оттуда еще автобусом до Джава.

В Боржоми в самом есть малярия, т.ч. там от нее лечиться нельзя. Бакуриани – не знаю. В учебнике географии Грузии упоминается в качестве противомаларийного курорта какой-то – посмотри, я подчеркнул, кажется. <...> Что касается Бахмаро, то туда очень тяжелая (это при твоей малой выносливости!) и дорогая (при твоей скупости, предполагаемой мною) дорога на лошадях верхом; даже если ты когда-нибудь верхом ездила, то после долгого перерыва с непривычки ехать целый день совершенно недопустимо (я верхом ездил). Т.ч. Бахмаро отпадает.

Итак, тебе надо поговорить с врачом, <...>.

Передавай от меня поклоны Алисе и Шахпороняну! Я обоим очень благодарен. <...> Твою последнюю работу корректировал в Тбилиси. Ошибок мало, принимая во внимание неразборчивый черновик. Извини, что затруднил тебя этой работой. Копию моего Рионского письма уже послал Якубову.

<...> Пиши мне подробно о своем здоровье и чем занимаешься в свободное время. Смотрела ли географические карты, а то заблудишься, когда поедешь на курорт или в Ереван или еще куда! Тебе следует приобрести в Батуми вязаный шерстяной платок и кроме того шерсти, чтобы потом отдать связать носки. Иначе на севере будешь мерзнуть. Кстати, сколько стоят вязаные шерстяные носки?

<...> Пиши чаще, а именно по крайней мере раз в 3 дня! Целую твои руки и тебя, моя дорогая
твой Иван Классон

Иван из поезда Тбилиси – Москва – Анне в Батум, 22 февраля 1940 г.

Дорогая моя Аня, поезд со вчерашнего вечера начал опаздывать. Сейчас набралось уже 5½ часов опоздания. Приеду в Москву не в 8 вечера, а не раньше как во втором часу ночи, а то и под утро. Очень этим недоволен. Это письмо опущу на Курском вокзале, как приеду, оно дойдет до тебя 28-го или 29-го, а иначе, если напишу только в Москве 23-го, то ты получила бы только 2-го марта (после выходного). Ехать было не так скучно, как я думал. Если бы поезд не опаздывал, было бы совсем сносно. Здесь мороз как будто небольшой.

Не забудь, что ты обещала писать не реже как раз в три дня. Не откладывай следующих своих дел: лечение, выяснение вопроса о курорте или о перемене климата, выяснение вопроса о полагающемся отпуске, о возможности увольнения по сокращению штатов (или лучше откомандирования в Москву ввиду малярии).

Я так и не знаю, хватил я этой выдумкой [через край] или придумал разумную вещь, только, пожалуй, лучше, чтобы ты прямо написала в Отдел Кадров Главгидроэнергостроя, что ввиду заболевания малярией и желания работать в системе Главгидроэнергостроя, а также поступить на курсы стенографии – ты просишь откомандировать тебя в Москву для работы в Главке, Гидэпе или Моск. Конторе Снабжения. То что ты – зав. личным столом, мне кажется, должно обеспечить тебе благоприятное отношение Отдела Кадров.*

Подумай об этом и м.б. посоветуйся с Шахпароняном. Следующее письмо пошлю тебе между 25-м и 27-м (если ты будешь аккуратно и хорошо писать). Поезд опаздывает все больше и больше. Вероятно, приеду в Москву поздно ночью или рано утром, в 4-м или 5-м часу. Прошу тебя – заботься о своем здоровье. Взвешивайся и пиши мне, какой вес!

Целую тебя
твой Иван Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 27 февраля 1940 г.

Моя дорогая Аня, получил твое письмо от 19-го вчера. Был очень рад письму, но недоволен тем, что ты пишешь о пустоте жизни. Ведь наша разлука сейчас – явление чисто внешнее и временное. Используй это время для улучшения состояния своего здоровья и для подготовки к отъезду из Батуми. Тосковать и скучать для здоровья вредно, поэтому развлекайся: ходи в кино и читай хорошие книги, ходи на море (засветло – до тумана). Закажи себе в Батуми 2-3 пары удобной обуви, в том числе одну или две пары белых кожаных «лосевых» туфель без каблука (в прошлом году стоили около 60 руб.). Составляй планы, чем ты будешь заниматься, когда переедешь в Москву (я думаю – стенографией и одним иностранным языком).

Хотел послать тебе сахаро-масляную посылку, но оказалось, что продуктовые посылки из Москвы не принимают. С нетерпением жду твоего следующего письма. Я благополучно доехал до Москвы, приехал вместо вечера под утро.

* Согласно записи в трудовой книжке Анна Гавриловна была переведена с должности машинистки на должность Зав. Личным Столом Отдела Кадров 1 июня 1939 г.

Мой первый брак по существу кончился – я объяснился с женой, как только приехал, но формальный развод отложил, во-первых, до разрешения квартирного вопроса (самый трудный из практических вопросов в Москве) и, во-вторых, до выяснения некоторых внешних обстоятельств – моя служба и когда я поеду и т.д., служба моей бывшей жены и др. Кроме того, я не хочу заставлять ее участвовать в этой неприятной процедуре, пока она еще очень расстроена. Позже это будет легче.

У меня настроение совсем другое, чем у тебя. Я все время помню, что ты меня любишь и скоро будешь моей женой. Помня об этом я не могу скучать или огорчаться из-за чего-нибудь, а наоборот нахожусь все время в бодром настроении.

<...> В ближайшее время поеду на несколько дней в Ленинград для переговоров с НИИГ (Круковский и др.) Помни, что я тебя очень люблю и сделаю все, чтобы ты была счастлива. М.б. если ты будешь это помнить, тебе не будет так скучно?

<...> Я хотел бы подарить большой шерстяной платок бывш. теще – как ты на это помотришь и не будешь ли добра за мой счет такой (как в Батуми носят многие женщины) платок заказать или купить? Пока купил для тебя план Москвы и собираюсь купить белый шерстяной берет (если он без резинки!). Третьего дня видел его, но не купил, только потому что еще не получил тогда твоего письма (опять суеверие!). У меня вдруг с деньгами положение оказалось лучше, чем я думал – вернули мне один долг, другой должны вернуть и т.д. А то было туговато, когда я подъезжал к Москве, у меня было денег почти в обрез, благодаря моему легкомыслию я зря тратил деньги в Тбилиси.

Читай газеты, взвешивайся, питайся хорошо, сходи к врачу (на тропическую станцию или к твоей врачихе), чтобы они прописали тебе что-нибудь против отсутствия аппетита, тебе надо потолстеть, а то организм твой ослаб. Спроси врача о сердце.

Целую твои руки и тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 3 марта 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твое письмо от 25-го, а до того получил письмо от 19-го. А ведь я просил, а ты обещала писать через 3 дня, а не через 6! Если не можешь найти тем или времени, то все-таки, пожалуйста, пиши каждые 3 дня, хотя бы совсем коротко.

Вторая просьба моя – сходи к врачу, не только насчет малярии, но и посоветуйся насчет сердца и нервов. И напиши мне подробно, что скажет врач. Мне кажется, что с нервами у тебя стало хуже – ты не дописываешь слов и делаешь ошибки орфографические, которых обычно не делала (например, ты пишешь: «низнаю» и «сичас» – вместо «не знаю» и «сейчас»). Не обижайся, что я нашел эти ошибки – это ведь любя. Я сам ошибки делаю, как ты знаешь.

Третья просьба – улучшить свое питание. Купи и пей какао – пользуйся тем, что оно в Батуми есть, а в Москве сейчас нет. Пей виноградный сок – он в Батуми не очень вкусный, но он полезен – витамины. Ешь сырую морковь – тоже витамины. Напиши мне подробно, что ты делаешь в смысле улучшения питания – вот тебе и тема для письма. Откуда ты знаешь, что потеряла три килограмма? Когда взвешивалась раньше и когда теперь?

Четвертая просьба – сняться и прислать снимок. Тут ты тоже не выполнила обещание.

Пятая просьба. Спиши (на Морском вокзале в справочном бюро) дни отхода из Сочи и прихода в Батуми теплоходов экспрессной линии (с названиями теплоходов) в конце марта (начиная с 23 марта) и до 15 апреля, если расписание на апрель уже известно. Если неизвестно, то спиши пока только мартовское расписание и пришли мне, а апрельское пришли потом дополнительно, когда оно станет известно.

Название теплохода	Отходит из Сочи (в таком-то часу)	Приходит в Батуми (в таком-то часу)
Украина	23 марта	24 марта
Армения	25 марта	26 марта
Грузия	28 марта	29 марта
Крым	30 марта	31 марта
Островский	1 апреля	2 апреля
Чехов		
Ленин		

Ты догадываешься, что это расписание мне нужно потому, что я собираюсь в конце марта или начале апреля приехать в Батуми, взять тебя с собой и поехать в Ереван для работы там приблизительно в течение двух месяцев (апреля и мая) или немного меньше двух месяцев. Так что свои вещи ты оставишь в Батуме у сестры.

Это единственное, что у меня пока прояснилось – возможность ехать в Ереван в конце марта или начале апреля. Канакирстрой вдруг начал нас торопить с началом работы.

Ты срочно сходи ко врачу или врачихе – получи у них указание об отпуске или курорте. Договорись с начальством об увольнении. Почему ты так туго на это решаешься? Ведь ты давно решила уехать из Батума. Малярия – достаточная причина и основание.

Шестая просьба – пиши мне, что ты делаешь в свободное время, видела ли «По щучьему велению» и еще что видела в кино? Читала ли что-нибудь? Читаешь ли газету? Развернула ли работу «кружка изящных искусств»? Стыдно, если не развернула. Свободное время у тебя есть – ведь ты не тратишь время на трамваи, как москвичи.

Ответь мне на вопросы предыдущих писем.

Я писал тебе, как обещал, с таким расчетом, чтобы ты получала мои письма через 4 дня. Только сегодня задержал письмо на день (и предыдущее тоже задержал на день) из-за того, что не получал от тебя так долго писем. Про 4 дня ты сама мне указала, считая что получать мои письма чаще тебе неудобно. Твоей просьбой писать тебе чаще (в письме от 25-го) я воспользуюсь и буду тогда писать тебе чаще, чем через 4 дня.

Читал, что 26-го в Батуме выпал снег, и жалел тебя. В Москве сейчас небольшие морозы. Выпал новый снег, это хорошо, а то было очень скользко.

Пробовала ли ты мыть голову жидким дегтярным мылом? Его в Москве в продаже нет. Если оно тебе понравилось, то купи его в Батуме бутылки 2-3.

Целую тебя

Твой Иван Классон

Если ты будешь мне писать неаккуратно, я оплачу тебе тем же. Я тебе писал: 18-го, 19-21-го, 22-го (послал из Москвы 23-го с вокзала), 27-го и сегодня 3 марта. Извини за скверный почерк. Устал – пишу после службы, чтобы отправить письмо еще сегодня.

Иван из Москвы – Анне в Батум, 7 марта 1940 г.

Дорогая Аня, мне неприятно, что ты не выполняешь свои обещания (фотоснимок, сходить к врачу или на Тропическую станцию, [пройти](#) курс акрихина) или выполняешь их на 50% (пишешь раз в 6 дней вместо одного раза в 3 дня, как я просил, а ты обещала). Пока получил от тебя всего два письма. Последнее получил 3 марта. Если бы ты писала через три или хотя бы четыре, то сегодня получил бы опять. Поскольку ты пишешь мне до востребования, можешь писать даже открытки! Кроме того, если у тебя мало времени, можешь писать вообще по 3 строки в письме!

Я все больше убеждаюсь, что ты скупа – скупишься потратить раз в три дня по 15-20 минут на письмо мне. Кроме того, не считаешь обязательным выполнять обещания. Такие твои свойства меня беспокоят. Опровергни мои предположения об этих твоих свойствах действием – пиши аккуратно и исполни мои просьбы.

Мы еще условились, что ты договоришься на службе об увольнении или хотя бы об отпуске в начале апреля. Вероятно, ты этого не сделала? Это может помешать тебе поехать со мной в Ереван в конце марта или начале апреля. Или ты не хочешь и вообще хочешь начать свою тактику от апреля-мая прошлого года или от 6 февраля (когда мы условились, а ты меня обманула)?

Будь же немного разумнее – делай, как я просил тебя, или же принимай другие решения, но действуй, а то ты просто пассивно откладываешь всякое действие. Ты же взрослая, привыкла уже много лет самостоятельно жить и работать (и менять место работы и жительства), а тут ведешь себя как маленькая.

Как при таком пассивном характере ты решилась летом прошлого года писать мне?

Ответь мне на мои вопросы в предыдущих письмах и, пожалуйста, будь подейтельнее. Читал в газете, что в феврале в Батуми опять был снег, обрыв проводов и т.д.

Жалею тебя и целую

любящий тебя твой Иван Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 11 марта 1940 г.

Дорогая Аня, получил твоё письмо от 2-го. <...>Ты по-прежнему пишешь раз в 6 дней, что мне очень не нравится. Присылку фотографии ты, очевидно, хочешь захалатить. С этим я тоже не согласен! К врачу (малырийной станции или та врачаха?) тебе все же надо сходить <...>.

Из твоего письма я заключаю, что ты сказала о переписке со мной (которая и так видна, а м.б. и не только о переписке сказала?) своей подруге. Это единственное не сухое место в твоём сухом письме! Насчет нее я думаю, что не был ли заразителен для нее твой дурной пример, только она поступила еще хуже: мне кажется, что она моложе тебя, а он еще старше, чем я! Верно? А она произвела на меня тогда (30 января) благоразумное впечатление! Кланяйся ей.

Еще я в претензии, что ты о себе в письме написала только – «занимаюсь всем понемногу». Это ничего не говорит. Даже о кино не написала – что видела? А книг ты полмесяца совсем не читала? А, кажется, собиралась даже в библиотеку записаться! Относительно курсов мед. сестер я не приветствую: эта профессия тебе по состоянию твоих нервов совсем не подходит (кроме того, ты рассеяна), а окончание курсов может привести к тому, что тебе уже нельзя будет отказываться от этой профессии – могут мобилизовать, хотя бы и с оставлением на старом месте жительства. Это не подходит (даже и старое место жительства – Батум).

Ну, я кончаю – пора бриться и идти на работу. Целую твои руки (тебя – боюсь после такого твоего холодного письма).

Твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 12 марта 1940 г.

Дорогая моя Аня, вчера написал тебе письмо и, хотя упрекал тебя в сухости твоего последнего письма, но сам не написал еще раз о том, как я тебя люблю и даже не поцеловал тебя письменно! А предыдущее мое письмо было еще менее приветливо, т.к. я старался тебя убедить, что надо исполнить свои обещания. Извини, если тебя мои письма обидели. Но все-таки пиши мне вдвое чаще – в выходной и в третий день шестидневки!

Раньше ты писала мне большею частью в выходные дни, а сейчас все три письма написала на другой день после выходного. Это меня обижает, что тебе так трудно найти время для писания мне в выходной день и тебе приходится себя заставлять писать уже на другой день (к письму от 19-го это не относится). Ведь Алиса знает, что ты мне пишешь, т.ч. она не может своим присутствием тебе мешать писать мне? Нехорошо, что ты своей сестре не говоришь обо мне. Ведь многие чужие тебе люди знают о наших встречах и переписке, а от сестры ты скрываешь!

Если я не получу от тебя скоро сообщения, что ты договорилась об увольнении или хотя бы об отпуске в апреле, я буду тебе телеграфировать об этом и о присылке фотографии. Телеграмму все равно вся ваша канцелярия прочтет (если у вас доставляют их незапечатанными), и тебе придется разговор об увольнении поднять. А пассивность твоя мне очень не нравится, я надеюсь, что ты ее преодолеешь, Аня!?

К врачу тебе надо сходить еще для того, что кроме хинина или акрихина (последний действует, оказывается, иногда на печень вредно) надо тебе попринимать мышьяк [[в сверхмалых дозах](#)]. Это полезно и в отношении малярии и малокровия и для улучшения аппетита и для бодрости. Кроме того, почему ты все-таки не заказала того лекарства, которое тебе прописала врачиха? Там был хинин и, кажется, стрихнин.

Ответа об Онегине, о котором ты писала в письме от 2-го, я не понял. <...> Завтра мне исполнится 41 год. Я тогда боюсь, что я для тебя стар. Надо было бы мне быть лет на пять моложе. <...> Целую тебя, моя милая, твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 16 марта 1940 г.

Аня моя дорогая, сегодня получил твое письмо от 10-го. Спасибо. Я даже поражен, что ты написала такое обстоятельное письмо и начала вообще действовать. Извини меня, что в предыдущих письмах я все приставал к тебе, обвиняя в пассивности. Буду писать тебе аккуратно, но и ты пиши хоть по 3 строчки раз в три дня.

Насчет моего отъезда на Канакир выяснится, должно быть, вскоре. Пока использую время на окончание дел по прежней работе на АЦГЭС (пришлось и вечером писать). Был у врача общего с хорошим результатом. Записался к хорошему зубному врачу (с трудом и протекцией и все-таки начну ходить только завтра). Надо еще серьезно заняться обменом квартиры, но это самое трудное, м.б. даже придется отложить до возвращения с Канакира (Ереван). Но ты не пугайся – в крайнем случае будем с тобой жить до обмена у сестры или на даче временно.

Я все-таки не уверен, что не придется уехать из Москвы, например, в Ереван или на Ниву (у Кандалакши – посмотри на карте – севернее Ленинграда по дороге на Мурманск). Думаю туда написать Начальнику Стр-ва (он меня знает по работе в 1937 г.). До сих пор не писал [[ему](#)], т.к. пока шли военные действия в Финляндии, дело там было неясно.

Я бы вообще м.б. не стал бы менять квартиру, а стал бы ориентироваться на отъезд из Москвы, но бывш. жена заявила, что она не согласна оставаться в старой квартире (холодной и дорогой), а значит, до обмена я не могу бронировать (что делает Нива[[гэсстрой](#)]) свою комнату и т.д. Значит, надо попытаться сделать удобный обмен. Одна комбинация намечается. Другая есть по объявлению.

Пока я занимался АЦГЭСовскими делами, не мог еще заняться плотно квартирными. Настроен я очень бодро, поэтому не сомневаюсь, что скоро решение найду.

Буду держать тебя в курсе дела. Помогает мне в этих делах только бывш. свояченица Зоя – она активная женщина. Я живу на старой квартире, т.к. теща больна, и мы решили отложить сообщение ей о нашем разводе. Кроме того Марья Ивановна (моя бывш. жена) не хотела, чтобы я съехал с квартиры теперь же. Она на меня очень обижена, ей очень тяжело, но со мной не поссорилась, подлецом меня не считает, а что я страшный эгоист, я и сам знаю. Кроме внутренних переживаний она, по-видимому, придает значение и внешним соображениям, из-за чего я пока иду ей навстречу в этом и не тороплю еще с разводом и с опубликованием нашего расхождения или развода (пока в курсе всего несколько человек).

Узнай, пожалуйста, в ЗАГСе (ул. Камо, около угла Орджоникидзе), как они оформляют брак – надо ли подавать заявление за несколько дней, какие нужны документы, кроме паспортов. У меня, очевидно, будет справка о разводе.

Извини за мою просьбу о платке. Я уже сам передумал, т.к. увидел, что сейчас должен избегать всех лишних расходов. А просьбу о дегтярном мыле, пожалуйста, исполни! И сделай, что сможешь, для обеспечения себя удобной обувью!

Посылаю тебе книжку Чехова, благо она маленькая и пойдет как письмо. Хотел взять у сестры Тургенева – одну из повестей или романов, которые люблю, и послать тебе бандеролью. Так тебе было бы легче начать читать, чем записываться в библиотеке и т.д. Был на днях у сестры (Тани), но к моему прискорбию оказалось, что ее библиотека (почти вся бывшая библиотека нашей семьи в родительском доме) украдена товарищами ее сына для продажи. Хорош сын – 16 лет, а так распустил слюни! Нет ни Тургенева, ни Гончарова и т.д.

Я бы все-таки предпочел около года или двух прожить с тобой в Москве из-за твоей стенографии, театров и т.д. Посмотрим. <...>

Целую твои руки и тебя. Мои просьбы основные (врач и питание) исполни! Твой Иван

Я не велел тебе писать Москва-162, т.к. «до востребования» – вернее, а в Москве почта стала хуже – в некоторых районах ее разносят не письмоноscopy, а сдают в домоуправление. Мое письмо [свояченице] Зое из Батуми пропало, мне было очень неловко, я считал, что известил ее о своих событиях, а оказалось (я ее увидел только через неделю по приезде), что она письма не получала.

<...> Я еще не поздравил тебя с окончанием военных действий в Финляндии. Помнишь, какое значение я придавал наступлению на Выборг? Оказался прав. Милая моя, я очень тоскую по тебе, а ты так редко пишешь.

Иван из Москвы – Анне в Батум, 18 марта 1940 г.

Дорогая моя Аня, послал тебе большое письмо 16-го. Забыл написать, что в восхищении от твоей активности! А ты в первый раз «выезжала на участки»? Сколько времени ездила? Мне очень хочется тебя поскорее увидеть. Я иногда пугался твоей пассивности, но надо признать, что во все решительные моменты, о которых я знаю, ты поступала решительно и настойчиво. Например, когда уехала на дачу, когда в мае [прошлого года] прогнала меня, когда написала мне в августе второе письмо, потом письмо в декабре, и теперь опять.

Милая моя, как мне возместить тебе ущерб от ссоры с сестрой? Я тебя люблю. Пиши мне аккуратно, часто, хотя бы понемногу. В твоём печатном письме ошибок не было, кроме твоей обычной ошибки: «извини мне» – надо «извини меня». Посылаю тебе свою фотографию для паспорта – [была сделана] года два тому назад.

Целую тебя, Аня, и твои руки

твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 20 марта 1940 г.

Милая Аня, а ты опять не пишешь – вчера не получил письма, которое ты должна была написать 12-го. Извини, ты 12-го письмо написала, но, по-видимому, опустила его в почтовый ящик (судя по штемпелю) только 14-го или 13-го вечером, а не утром. Получил письмо только сегодня.

Меня огорчает последняя фраза твоего письма, что ты и так несчастна, что меня любишь! Как же так, ведь это же не несчастная любовь, а, наоборот, я тебя сначала полюбил, и ты меня прогоняла, а теперь вдруг несчастна! «Не гневи бога», прикидываясь несчастной! Или тебя так расстроила ссора с сестрой? Я полагаю, что она против твоего брака со мной из-за разницы в возрасте или из-за недостаточного моего заработка?

Я думаю, что ты была права, а не она, так чего же быть несчастной? Если же думаешь, что неправа ты, то помирись с сестрой. Милая, я очень стремлюсь поскорее к тебе приехать, чтобы поддерживать тебя нравственно в твоём «несчастье». Дело-то все зависящее от меня, чтобы ускорить это.

Мне уже начало казаться, что поездка на Канакир (Ереван) сорвется, но сегодня был в Главке, оказалось, все налаживается. Приехал Казарян (Н-к Канакирстроя), на днях согласуем с ним программу работ и договор, и можно будет ехать. Я думаю, в начале апреля выеду.

Адрес АЦГЭСестростроя в Главке узнавал, но он у них еще хуже записан: ул. Фрунзе 7 (?), ящик №2! Целую тебя, дорогая моя Аня твой Иван Классон

Иван из Москвы – Анне в Батум, 22 марта 1940 г.

Дорогая Аня, думал, что м.б. сегодня получу письмо от тебя и даже со снимком, но не получил. Хотя ведь ты должна была «выехать на участки», а с них мне наверное не напишешь! Такой замечательный предлог, чтобы не писать!

Дело с моей поездкой в Ереван медленно утрясается. Яснее станет после 25-го. Тогда напишу тебе. Все идет очень туго. <...> Дома перестали топить, очень холодно, я вчера звонил в районный совет, жаловался. Пока такой холод, нельзя начинать пытаться обмен квартиры. Это меня больше всего беспокоит.

<...> Я, кажется, не писал, что в начале марта купил тебе берет, думал, что белый, но оказался бежевый или не чисто белый. Все-таки лучше, чем твой бывший голубой. Не нужно ли тебе (м.б. в Батуми нет?) чулков, какой сорт и какой номер? Кажется, в Москве они есть, хотя хорошие м.б. и трудно найти.

Напиши, как у тебя обстоит дело с простынями (сколько есть) и одеялами. Есть ли шерстяные и сколько или стеганое пуховое или ватное? Если еще есть в продаже, купи еще бутылки 3 дегтярного жидкого мыла (в Москве оно исчезло); в магазине аптекарском рядом с ателье мод на улице Коминтерна бутылочку «Антипятноль» – это очень хорошее средство для чистки шерстяного платья, особенно воротников – бензин с какой-то примесью (в Москве его перестали продавать), без меня его не пробуй – очень сильно неприятно пахнет, так что можно отравиться; если ты хотела бы в будущем (в Ереване или Москве) пить какао, то купи некоторый запас – ¼ или ½ кило Экстра или Золотой Ярлык (я какао обычно не интересуюсь).

Ты не возражаешь, что я тебе пишу теперь чаще, чем ты сначала мне позволила (один раз в 4 дня)? Получил от золовки письмо с хорошими известиями*.

* М.б. речь идет о письме Любове Петровны (все-таки невестки, а не золовки!) из Ленинграда о том, что постановлением Особого совещания от 19 февраля Павел получил «всего» 3 года за антисоветскую агитацию, и ему осталось отсидеть «лишь» год?

А не думаешь ли ты все-таки оформить свое увольнение так, что сначала взять отпуск, а потом уже уволиться. Это очень принято, но надо договориться заранее с начальством. Во время отпуска комнату за тобой должны сохранить. Поехать ты уже никуда не успеешь? Путевку получить так быстро, вероятно, нельзя, но хоть в Батуми отдохнешь еще без меня! Или тебя вообще не торопят с освобождением комнаты? У тебя вышло немного неудачно, что ты уже увольняешься, а не знаешь, когда я точно за тобой приеду. Но ведь я еще в поезде писал тебе, что тебе следовало бы съездить сначала на курорт, для этого сходить к врачу, получить путевку. Ты этого ничего не предприняла, а теперь недовольна, что устала и не успеешь отдохнуть и т.д.

М.б. мы сделаем так, что ты поедешь на курорт после Еревана и до Москвы? Я иначе не мог спланировать по-другому, как только заехать за тобой в Батум и поехать вместе в Ереван, так как ведь ты только сейчас стала активной (так что я восхищаюсь тобой), а до того была так пассивна, что я не мог рассчитывать, что ты что-нибудь предпримешь, даже боялся, что об увольнении чересчур поздно заявишь! Это я тебя не ругаю, а наоборот рад, что ты теперь не такая, моя «умненькая, самостоятельная, выдержанная и взрослая Аня!».

Целую твои ручки и тебя крепко, твой Иван. Посылаю тебе 2 конверта, чтобы не затруднять тебя склеиванием. Извини, что не догадался раньше!

Иван из Москвы – Анне в Батум, 30 марта 1940 г.

Дорогая моя Аня, спасибо за фотографию; хотя она не очень похожа, но могла бы быть еще менее похожа, т.к., кажется, сильно ретушована. Получил письмо не вчера. Жаль, что ты не послала карандашное письмо, писанное с участков. Ты в первый раз написала через 3 дня. Посмотрим, что будет дальше – письма через 3 дня или через 6-7 дней!

Я совсем извелся с заключением договора с Канакирстроём. <...> Когда это выяснится, пошлю тебе телеграмму. <...> В Москве я бы поместил тебя временно у сестры. Квартирный вопрос надеюсь решить к середине лета. Но если я не поеду в Ереван, то не согласен, чтобы ты приехала только после разрешения квартирного вопроса. <...>

Целую тебя крепко твой Иван

Относительно уважения ты неудачно написала, я никогда не замечал его с твоей стороны, а наоборот, ты долго надо мной издевалась: сколько раз я ждал тебя [безуспешно] на вокзале?

Иван из Москвы – Анне в Батум, 3 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, третьего дня получил твое письмо от 25 марта. Спасибо. Хотел в тот же день ответить, но не смог, т.к. был занят до часа ночи: теща сломала ногу, и я, как пришел домой, так и возился с вызовом врача, аптекой и перевозкой тещи в больницу. Она держалась мужественно, а Марья Ивановна еще дополнительно страшно расстроилась. А я нет. Жалею ее только отвлеченно. Ты пишешь, что не веришь мне, что я бодро настроен, а наоборот видишь, что я очень расстроен. Ты недооцениваешь моей деревянности, благодаря которой горе даже близких мне людей меня мало трогает.

У меня по-прежнему полная неопределенность с поездкой в Ереван. А тут еще начальство хочет, чтобы я до Еревана съездил в Кондопогу (Онежское озеро, Карелия) дней на пять. Это означает, что я должен до 10 апреля ждать пропуска (пограничный район), а затем поехать туда, и только вернувшись в Москву, т.е. не раньше 20-го, ехать в Ереван. Договор с Канакирстроём все еще не заключен, Начальник Канакирстроя должен был подписать и привезти его к нам сегодня, но не появился.

М.б. все-таки придется тебе ехать ко мне, а не наоборот! В этом случае не забудь, что здесь еще холодно – надевай на себя (если будешь ехать, когда вагоны уже не будут топить) побольше теплых вещей или бери их с собой в вагон.

Вот это – что я никак не могу поскорее соединиться с тобой – меня действительно расстраивает, но пока ничего сделать не могу.

Это письмо пишу до востребования, т.к. думаю, что с 1-го ты уже не ходишь на службу. Уже вчера хотел послать тебе телеграмму, что заставаю, чтобы ты пока куда-нибудь поехала отдохнуть. Потом решил подождать, м.б. на этих днях выяснится с Ереваном и с Кондопогой. Вероятно, все же завтра или же послезавтра pošлю тебе телеграмму. Не забудь, что письма до востребования в одном окне в главной комнате почтамта (направо от входа), а телеграммы в другой комнате – налево от входа в здание.

<...> Аня, пожалуйста, сходи к хорошему врачу и посоветуйся с ним о сердце и о малярии. Я это твержу тебе уже почти два месяца! Ведь это же неразумно писать, что у тебя болел бок, т.к. ты немного простудилась, а потому врач прописал тебе сердечные капли. Что у тебя с сердцем? Какие капли тебе прописали? Выставили ли или выставляют ли тебя из комнаты [общезития]? Или ты можешь до конца апреля прожить в своей комнате?

Если ты уедешь из Батума не дождавсь меня (в Сухум или еще куда?), то сообщи перед отъездом по почте и телеграфу отдельно 10-копеечными открытками, а если после отъезда, то 15-копеечными открытками, о своей перемене адреса, чтобы письма и телеграммы до востребования пересылались тебе туда-то по такому-то адресу, до такого-то срока.

Такое же сообщение сделай почте относительно своих писем по адресу АЦГЭССетьстрой. Ведь тебе кроме меня еще кто-нибудь писал туда? Прилагаю на этот предмет 3 открытки. Все же надеюсь скоро тебя увидеть и поцеловать крепко, твой Иван.

Иван из Москвы – Анне в Батум, 5 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, вчера послал тебе две телеграммы: 1) на АЦГЭССетьстрой «спросите телеграмму востребования», 2) до востребования:

«Поеду [в] Ереван [в] конце апреля или совсем не поеду. Посоветуйтесь [с] хорошим врачом [о] сердце[,] малярии[,] курорте. Телеграфьте [Москва] 141 [до] востребования[,] можете ли оставаться [в] Батуми до начала мая или поехать [на] курорт на это время. Справляйтесь [о] письмах [и] телеграммах [до] востребования[,] пишите чаще[.] Иван»

В квадратных скобках помещены слова подразумеваемые, но в тексте телеграммы пропущенные для экономии. Телеграмму послал в результате вот чего.

Вчера Начальник Канакирстроя был у нас в бюро (в Мосгидэпе) и сообщил, что он предполагает вызвать нас в Ереван только к августу (мы сказали, что нам тогда удобнее сентябрь-октябрь), а впрочем м.б. он сейчас (около 14 апреля) в Ереване посоветуется со своими электриками и вызовет нас все же на май-июнь. Таким образом, моя поездка в Ереван стала совсем неопределенной. Договор он не подписал, берет с собой, м.б. он вообще не подпишет (передумал и считает нашу работу не нужной?).

К сожалению, я не могу сейчас решать все свои планы определенно (хотя бы так, что в Ереван не еду, а ты еще в этом месяце приезжаешь в Москву), ведь возможно, что Начальник Канакира в Ереване опять передумает, и мне все же придется ехать туда на май-июнь уже без тебя, было бы глупо! Поэтому, если ты можешь подождать в Батуми до начала мая или пробыть это время на курорте (ты пишешь в письме от 19 марта, что могла бы использовать время до моего приезда), то следует подождать с твоим переездом в Москву. Вся эта неопределенность меня раздражает.

Ты пишешь по-прежнему редко. Предлагаешь писать каждый день (как будто я откажусь), а моей просьбы писать раз в 3 дня ни за что не хочешь выполнить. Ты и в будущем будешь так мало считаться с моими просьбами и со своими обещаниями? Все-таки целую тебя, твой Иван.

Иван из Москвы – Анне в Батум, 6 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, вот видишь, я теперь пишу тебе каждый день! А от тебя опять с 1-го апреля не получал писем. Вчера очень рассчитывал, но зря. Третьего дня послал тебе телеграмму, а вчера объяснительное письмо. Сегодня год, что я приехал в Махунцети, но тебя не увидел, а на другой день узнал, что ты в день моего приезда уехала! А потом еще говорила, что в ноябре и декабре 1938 г. в Махунцети и т.д.

Сейчас говорил по телефону с Зоей. Увижусь с ней завтра или послезавтра, чтобы решить, не попытаться ли решить квартирный вопрос сейчас в апреле – до моего возможного отъезда в Ереван и до возвращения тещи из больницы. Все это очень сложно.

Вчера у меня был деловой разговор по другой намечаемой нашей работе. Работа большая и в значительной степени должна вестись в Москве, уезжать надо будет на не очень долгие сроки (строительство близко от Москвы). Работа эта меня интересует и подходит, так как не связана с долгими отъездами.

Однако, разговор получился очень кислый благодаря непониманию работы и в то же время требовательности с их стороны, причем та сторона – это пока не строительство, которое будет нашим заказчиком, а посредничающее учреждение. Мы настаиваем, что нам надо поскорее связаться с самим строительством. М.б. я съезжу туда в апреле.

Кроме того, м.б. я поеду в Кондопогу (Сунастрой). Очевидно, я успею поехать только в одно из этих мест, если в конце апреля все же поеду в Ереван. Мне кажется, что поездка в Ереван маловероятна. Вернее, что Начальник Стр. крутит и просто хочет от нашей работы отказаться, но не прямо, а откладыванием и т.д.

Жалко, что ты меня не послушалась, не пошла еще в марте к врачу. Я ведь еще во втором или третьем письме писал тебе о противомаларийных курортах, что надо у врача узнать, надо ли тебе лечиться на курорте, на каком. Надо было приобрести путевку.

Когда я увидел, что ты так пассивна и ничего с курортом не предпринимаешь, я решил договариваться с тобой о Ереване. А теперь вижу, что лучше бы ты меня сначала послушалась и была бы теперь уже на курорте, а к началу мая было бы видно – встретиться нам в Ереване или приехать тебе в Москву!

В другой раз – слушайся. Напиши, как у тебя обстоит дело с деньгами, хватит ли на апрель, хватит ли на дорогу в Москву (считай, 300 руб. с багажом и едой). Если нужно, я тебе пришлю денег почтовым или телеграфным переводом до востребования. Если нужно поскорее – телеграфируй так: «телеграфьте столько-то» (например, 600 или другую цифру). С нетерпением жду завтра от тебя телеграммы и письма (сегодня выходной так же и на почте 141). Целую тебя крепко, милая моя, твой Иван.

Я очень хочу поскорее тебя увидеть. Сделаю все, что могу, чтобы осуществить это. Пиши чаще. Запиши на всякий случай мои телефоны в Москве: от 10-ти до половины пятого служ. Ж (Таганка)-3-19-14, домашн. В (Кировская)-2-26-64. <...>

Иван из Москвы – Анне в Батум, 7 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, получил твое сердитое письмо от 31 марта. Ты не права. Я не пассивен, но стену лбом не прошибешь, а главное, Канакир ввел нас в заблуждение <...>. Около 20-го должно выясниться, ехать ли туда на май-июнь. <...>

Я и не думал, что ты не читала «Пиковой дамы», я тоже читал ее в детстве, но недавно перечитывал. Это вообще следует делать – перечитывать хорошие книги.

Ты пишешь, что с 25-го мне не писала, т.к. ждешь меня, но ведь расписания теплоходов ты так и не прислала, а значит обрекала меня на путь через Тбилиси – на 1 день больше! Никак не думал, что ты на телеграмму будешь отвечать позже чем через 2 дня. Я послал телеграммы тебе 4-го. Ждал, что 5-го или 6-го ты ответишь, и 7-го я получу ответ, но его нет!

В Крыму ты могла бы с удовольствием провести апрель. Там м.б. не так тепло, как в Батуми, но зато дождей бывает вообще мало. Вторая половина апреля и у вас бывает хорошая – вспомни, в прошлом году я потащил тебя чуть не насильно после 5 часов по Пушкинской улице. Это было 17 апреля, и погода была теплая и сияющая. Вот ты бы тогда была посговорчивее, и мы уже давно были бы вместе. (Или ты думаешь, что если бы поехала со мной тогда в Ботанический сад, как я просил, то у нас дальнейшего знакомства не вышло бы? Или думаешь, что твое плохое обращение со мной в апреле и мае имело воспитательное значение, а без него получилось бы нехорошо? «Нечестных» намерений у меня тогда не было!) А теперь ты пишешь, что скучаешь по мне!!

Я начал проявлять еще активность по вопросу, где дальше работать (у нас становятся очень малы заработки, т.к. сокращены суточные на 25%, а это был мой главный приработок в последние три года. Кроме того, последние $\frac{3}{4}$ года ездил мало; в будущем из-за тебя и сам не хочу). Решение этого вопроса затрудняется тем, что сейчас начал везде проводиться режим экономии, и у всех учреждений и предприятий не очень ясны перспективы и ассигнования и т.д.

Вчера звонил своему бывшему начальнику, который теперь служит в другом учреждении. Он обещал сообразить и сообщить, может ли он меня использовать и на какой работе и каких условиях (это в Москве или вблизи). На Ниву пока не писал, т.к. хочу подождать, чтобы немного утряслось дело с ассигнованиями и сроками ее строительства.

Целую тебя, моя Аня дорогая, не сердись, а прояви выдержку (ты не выдержанная!) и используй время с пользой для здоровья! Твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 8 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, [лишь] сегодня получил твою телеграмму *<следуют малозначительные подробности>*.

Продолжаю быть немного активным – сегодня совещались с начальниками. Договорился, что если на Канакир не еду, то получу в мае отпуск. В худшем случае использую его для обмена квартир и переезда (тогда мы до того времени устроимся с тобой в Москве или под Москвой). В лучшем – проведу его где-нибудь с тобой, если с квартирой улажу до тех пор. Напиши, куда тебе писать и куда телеграфировать. Согласна ли ты раз в два дня справляться о письмах и телеграммах?

Что-то я не верю, что Алиса не знает, что «роман» у тебя именно со мной. Неужели она так недогадлива? Или у тебя много претендентов, т.ч. она не может разобрать, кого ты избрала? Ты писала, что она мне шлет привет. Неужели она думала, что ты мне пишешь по какому-нибудь делу, совсем не личному?

Целую тебя крепко, милая моя, твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 10 апреля 1940 г.

Дорогая моя Аня, вчера и третьего дня писем от тебя не было. Сегодня я на службу не пошел – у меня есть отработанные 2-3 дня, за которые должен «отгулять». Сегодня устроил себе свободный день. Буду заниматься квартирно-обменными делами. 8-го долго советовался с Зоей об этом. Решили дать объявления. Вчера сдал объявление в «Вечернюю Москву» (42 руб.!). Появится оно 11-го.

Сегодня сдам объявление в «Справочник адресов по обмену жилплощади», буду звонить по объявлениям и т.п. Вечерами тоже буду заниматься этим. Надеюсь, что за 20 дней апреля удастся договориться об обмене и даже осуществить переезд. Но уверенности нет.

Дорогая Аня, ты мне все-таки верь, что я делаю что нужно или по крайней мере что мне кажется правильным. Насчет расстройства твоего здоровья из-за месячной отсрочки [нашей встречи] – сравни свое положение с положением людей, у которых действительное несчастье или горе непоправимое, а не отсрочка только. Из-за нее не стоит тебе так расстраиваться.

Надеюсь, получить от тебя письмо завтра и затем получать раз в 3 дня!!!

Целую тебя крепко, Аня твой Иван

У тебя и полное имя хорошее – Анна, как ты подписалась в телеграмме. И охота тебе была превратиться в Галю*!

А твой снимок мне все-таки не нравится. Ты чересчур прямо снялась и надо было не улыбаться совсем или улыбаться больше: так, как ты смотрела на меня, оглядываясь, и улыбалась, когда говорила – «а писать письма я люблю!». Помнишь? Или ты боишься сниматься такой миленькой?

Теще хотят 13-го делать операцию. Мы начинаем обмен имея в виду, что она будет хромать и ей с дочерьми, вероятно, жить в комнате, где сейчас живет Зоя в большой квартире. Комната 10 метров, квадратная. Район хороший. Метро близко.

Иван из Москвы – Анне в Батум, 11 апреля 1940 г.

Дорогая Аня. Сегодня опять не получил письма от тебя. К сожалению, я уже почти привык к такому скверному обращению. Все-таки неприятно, что ты не хочешь писать почаще – хотя бы открытки из трех слов.

Сегодня выяснилось, что в Кондопогу (на Севере) мне ехать не надо. Таким образом, я могу не отрываясь заниматься квартирным обменом. Вчера был в бюро обмена и в юридической консультации (советовался об обмене, некоторые вопросы о праве на площадь при обмене были неясны).

Сегодня был на службе. Вечером появилось в газете мое объявление. Начали мне звонить по телефону, пока мало всё подходяще для нас или для них (их район нашей квартиры не устраивает – довольно далеко от центра).

Пока объявление исходит из намерения обменять нашу квартиру на другую, где поселятся Мария Ивановна с матерью, Зоей и ее мужем, а я с тобой – в комнате Зои. Однако, может быть, такой обмен осуществить не удастся. Я думаю дать еще объявление о другой комбинации: я остаюсь в одной из комнат нашей квартиры (и ты со мной), а другая комната нашей квартиры и Зоина комната (в другом районе) обменивается на общую квартиру для них всех.

* По-украински Анна – Ганна, или, уменьшительно, Ганя.

Этот вариант: 1) для нас с тобой холоднее; 2) но для нас же просторнее (у Зои 10 кв. м, а у нас останется комната 18 или 23 кв. м); 3) для остальных наших он такой же как и первый; 4) более вероятно найти разводящихся лиц, желающих обменять свою отдельную квартиру на комнаты в разных районах, чем лиц, желающих обменять 2 комнаты на наши 2 комнаты.

Прошу тебя, Аня, написать мне, как ты осталась в Батуми – на службе в АЦГЭССтельстрое на лишний месяц или без службы, но в их комнате, или у Алисы или еще как. Если на службе, то как – ровно до 29 апреля или до более раннего срока? Впрочем, думаю, что придется мне запросить тебя об этом телеграммой.

Дело в том, что, как мне кажется, моя поездка на Канакир (в Ереван) в мае отпадает: Начальник строительства, говорят, все еще здесь, значит, он не известит нас к 20-му, надо ли ехать. В этом случае тебе (если ты не договорилась остаться на службе на лишний месяц) нет смысла ждать в Батуми, а ты могла бы приехать в Москву раньше с тем, чтобы я устроил тебя временно. Я не рассчитываю, чтобы квартирный обмен быстро удался, т.ч. без временного устройства, вероятно, не обойтись.

Если я вызову тебя в Москву (а не приеду, что я предпочел бы, но может не выйти), то телеграфируй мне – Москва 162, Сиротский 17/40 – день отъезда из Тбилиси или из Сочи, № поезда и № вагона, чтобы я тебя встретил.

Пожалуйста, пиши, а то я начну думать, что ты мне мстишь и вообще усомнюсь в твоей доброте. Целую тебя крепко, дорогая моя Аня, твой Иван. Прилагаю конверт.

Иван из Москвы – Анне в Батум, 13 апреля 1940 г.

Дорогая моя Аня, сегодня получил письма твои от 5-го и 6-го. В Казахстан [\[к отцу\]](#) ни в коем случае тебе ехать не надо!

Вчера я сговорился с сестрой Татьяной Робертовной <...>, что могу устроить тебя временно у нее до найма комнаты на даче. Комнату сейчас не нанимаю только потому, что не совсем уверен, что не поеду с тобой в Ереван. <...>

Целую тебя крепко, дорогая моя Аня, твой Иван. Не нервничай!

Телеграмма Москва – Батум

[\[15 апреля 1940 г.\]](#)

Батуми центральный телеграф востребования Анне Гавриловне Позигун

Выезжайте конце апреля желательно 25 Тбилиси Москвы скорым мягким закажите городской станции Батуми заранее плацкарту Москвы телеграфьте Сиротский 17/40 дату отхода Тбилиси номер поезда вагона справляйтесь ежедневно телеграммах целую Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 15 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, послал тебе сегодня до востребования в Батум следующую телеграмму: «Выезжайте конце апреля <...>»

<...> Я потому хочу, чтобы ты выехала 25-го, что тогда ты приедешь в Москву 29-го вечером, и я смогу провести с тобой майские праздники. М.б. 30-го и 2-го вместе съездим для найма комнаты на даче, если я до тех пор не найму (пока я все свободное время трачу на обмен квартиры, сегодня видел одну квартиру, как будто подходящую. М.б. 17-го ее посмотрит Зоя и м.б. решим обмен). <...>

16 апреля. <...> Помнишь, как год назад 17 апреля мы ходили с тобой по Пушкинской улице [в Батуме]? Ты была очень скучная, а я смущен твоим испугом. А на другой день я написал первое письмо тебе. Целую тебя, милая, твой Иван, и жду

Иван из Москвы – Анне в Батум, 16 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня утром послал тебе письмо. <...>

Сегодня предпринял шаги к найму комнаты на даче. Думаю, что к твоему приезду, во всяком случае, найму. На вокзале я буду в серой шляпе. Писем от тебя не получал уже 3 дня. Ты ужасно упряма и выдержишь срок писания раз в 3 дня. Это называется «хочешь, я буду писать тебе каждый день»? Все-таки целую тебя крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Батум, 20 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, думал, что уже не буду тебе писать, но телеграммы о приезде от тебя все нет. Думаю, что ты не справлялась о телеграммах до востребования. Но вчера или сегодня должна справиться, получив мое письмо от 13-го.

Вчера получил твои оба письма, от 9-го и 11-го. Думаю, что к врачу ты так и не пошла. Извини за плохой почерк – пишу на почте – очень неудобный пульт. Сегодня дал еще два объявления об обмене квартиры. Все же это, вероятно, затянется. Поэтому буду нанимать квартиру на даче на все лето. Хотел заняться этим 18-го, но не смог. 24-го обязательно займусь, а так же в будни.

Забыл написать тебе о двух прозаических вещах.

1) В Батуми и Тбилиси бери носильщиков. В Тбилиси попроси носильщика сдать вещи в их камеру хранения (т.е. в камеру носильщиков). Там принимают вещи не выдавая квитанции – на № носильщика. Надо с ним условиться, когда он будет ждать тебя в той же камере к московскому поезду, запомнить его № и лицо. Платить надо при сдаче вещей. Носильщику особо – потом, если будешь сомневаться, сколько ему дать, то дай сколько-то и спроси – довольно?, если нужно – добавь.

Считать надо (в Тбилиси за доставку утром в камеру, а вечером в вагон) рубля по 3 за большие вещи и рубля по 1-2 за малые. Если [носильщик] будет брать еще плацкарту, то особо. В Батуми тебе м.б. имеет смысл нанять фаэтон или частного носильщика.

2) Возьми с собой, что у тебя есть из кухонной и хозяйственной посуды: примус, сковородку и т.п., таз, кувшин.

С нетерпением жду тебя. Все очень сложно. Твоего утверждения, что ты больше любишь, чем я, я никак не ожидал, а еще должен с этим согласиться по твоим словам.

Жду тебя с нетерпением. Целую тебя крепко, твой Иван.

(продолжение?)

На вокзале сдавать [билет] можно и в день, когда должна была уезжать, не позже как за 2 часа до отхода поезда. При этом потеряешь не только комиссию, но и стоимость плацкарты: от Батуми до Тбилиси – половину, а от Тбилиси до Москвы, вероятно, полностью.

Повторяю, вариант с Ереваном стал совсем маловероятным, но чем чорт не шутит. На всякий случай имею этот вариант в виду. Ты по этому поводу не беспокойся, я пойду на этот вариант только, если он выяснится своевременно (в Ереване я буду в гостинице Интурист).

О своем выезде в Москву телеграфируй мне, как только приобретешь билет с плацкартами (главное, с плацкартой Тбилиси – Москва). Например, телеграфируй: «Москва Сиротский 17/40 Классону выезжаю (из) Тбилиси 26 поездом 29 вагон 5 Анна». Это будет означать, что ты выезжаешь из Батуми 25-го, а из Тбилиси 26-го (уже получив плацкарту).

Пожалуйста, продолжай мне писать вплоть до дня за 3 дня до отъезда. На всякий случай сообщаю еще раз номера телефонов мои и сестры и ее адрес (на отдельном листке).

Целую тебя очень крепко, твой Иван.

Это только на всякий случай! Обязательно тебя встречу!!

Мой домашний телефон В («Кировская»)-2-26-64, служебный Ж («Таганка»)-3-19-14 и Ж-3-23-15. Сестра: Татьяна Робертовна Свенчанская, тел. К («Центр»)-3-82-85. Адрес ее – район Пушкинской пл. (и площади Маяковского), Малый Козихинский пер., д. 11, кв. 20.

В Москве надо звонить по телефону так: если автоматический телефон с диском, с цифрами и буквами, то сначала опустить гривенник, потом снять трубку и после низкого гудка набрать диском букву и пять цифр (крутить диск направо, вставив палец в цифру или после буквы – до отказа). Если телефон без диска (ручная станция), то снять трубку, сказать – «АТС», потом когда АТС ответит назвать подстанцию (например, «Кировская») и номер, потом опустить гривенник, когда телефонистка скажет: «опустите монету». Низкие гудки означают «свободен» – надо ждать с трубкой у уха. Высокие частые гудки означают – «занято».

ИК

Иван из Москвы – Анне в Батум, 22 апреля 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твое письмо от 13/14.* Спасибо. Послал тебе сейчас на центральный телеграф до востребования: «телеграфьте сейчас приблизительно день отъезда[:] после получения билета телеграфьте точно[:] Целую Иван».

Дело в том, что я уже должен был бы получить ответ на свою телеграмму от 15-го с вызовом тебя в Москву в конце апреля. Ты должна была бы уже получить билет и плацкарты (если они по-прежнему продаются за 7 дней до дня выезда) и должна была бы телеграфировать мне, но телеграммы все нет. Между тем возможно, что в начале мая мне надо будет съездить на несколько дней в Рыбинск, а потом на больший срок – в Кондопогу. Надо спланировать этот так, чтобы ты не приехала в Москву без меня. Для этого надо знать, когда ты приблизительно приедешь.

(утрачено несколько листков)

Из ручного телефона надо говорить прямо (без АТС) сразу 3-82-85 (три восемь два, восемь пять). Все это, если показать, не так сложно, как я написал, ты в Москве сразу поймешь. Пишу это только на случай недохода твоей телеграммы или другого недоразумения по вине почты, ж.д. или твоей неточности.

Целую тебя крепко и жду!

Твой Иван

Пишу на главном почтамте, забыл взять с собой бумагу. Посылаю 1 конверт.

Иван из поезда (штемпель: Ковылки Морд. АССР) – Анне на ст. Болшево Ярославской ж.д. (пос. Новые Горки, Солнечная ул., 2), 31 июля 1940 г.

Дорогая Аня, еду первый день. Довольно приятно. Написал тебе длинное письмо, посылаю его по Катиному адресу. Пиши мне аккуратно. Пиши, как здоровье, какая погода, напиши, когда начнешь замерзать. Написала ли ты своим батумским знакомым?

Целую тебя, твой Иван

* Согласно записи в трудовой книжке А.Г. Позигун была уволена 17 апреля «по личному заявлению».

Иван из поезда Москва – Ташкент – Анне в Москву (по-видимому, через Е.Р. Классон), 31 июля 1940 г.

Дорогая моя Аня, еще нет полусуток, что я еду. Пока не жарко. Вчера все вышло благополучно, хотя мой спутник опоздал против заявленного срока, но [мы] успели погрузить все вещи с собой в купе. Вагон приличный. Окна закрыты и не пыльно, [но] много мух. Писать на ходу трудно. М.б. и завтра будет не жарко (до бывш. Оренбурга), а потом, вероятно, будет жара.

Печать на мой амбулаторный билет (поликлиника электриков) поставь поскорее и поскорее походи к врачу. Посылаю тебе выписку объявлений из «Вечерней Москвы». Хотя ты и уклоняешься от вопроса о курсах стенографии, я все же хочу посоветовать тебе поступить следующим образом:

(далее следуют подробнейшие указания)

Больше к тебе не буду пока не буду приставать на эту тему, напиши, что ты сделаешь и узнаешь. А насчет врача буду приставать и дальше! Не затягивай это! Это письмо посылаю по Катиному адресу, одновременно пишу открытку тебе в Болшево.

Да, немецкий язык, если будешь заниматься стенографией, придется изучать ослабленными темпами: по полчаса в день, например. Напиши также, что предприняла с пальто. Пиши о своем самочувствии. Целую тебя, твой Иван.

Мой адрес: г. Чирчик Узбекской ССР, Дирекция Чирчикгэс, И.Р. Классону

Екатерина – Анне, без даты

Многоуважаемая Анна Гавриловна, Иван прислал Вам письмо с дороги, почему-то на мой адрес. Очевидно боится, что на дачу не дойдет. Поэтому не пересылаю его, а храню до Вашего приезда. Ждем Вас [в гости]. Здоровы ли Вы?

Всего хорошего

Е. Классон

Иван из поезда Москва – Ташкент – Анне на ст. Болшево, [1 августа 1940 г.]

Дорогая Аня, вчера написал тебе открытку в Болшево и письмо по Катиному адресу. Забыл вложить в него выписку из объявлений [о курсах стенографии]. Выписку послал дополнительно Кате. М.б. придет одновременно, а м.б. позже.

Становится жарче. Спать было прохладно. Купил яйца по рублю. Вчера главным образом писал письма – тебе и деловые. Сегодня кое-что читаю. Ехать сносно.

Пиши мне подробно обо всем и о своей активности. Не откладывай дела с билетом поликлиники и с записью в ней. Целую тебя, твой Иван.

Иван из поезда Москва – Ташкент – Анне на ст. Болшево, 3 августа 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня не посылал тебе открытки, а это письмо пошлю из Ташкента или даже из г. Чирчика. Сегодня было немного не так жарко, как вчера. Большую часть дня я сегодня лежал наверху (вчера не лежал из-за жары).

Сегодня держал себя на диете. Обошлось. Жалко, что не смог взять с собой беллетристики. Читаю техническую книгу, но долго подряд не могу. Компания спутников не очень приятна, но на счастье проводит время в соседнем купе. До Ташкента осталось полсуток (пишу вечером, а приедем утром по московскому времени или днем, по местному времени).

Не забудь, что за получкой к Кате тебе надо будет поехать около 23-26 августа. Не откладывая дело с пальто; ты на харчи до получки истратишь рублей 250-300, т.ч. можешь вложить в пальто остальное и то, что в сберкассе. Все-таки я бы сначала посмотрел что и почему (материал и готовое) есть в магазинах люкс, чтобы ориентироваться.

Получки 20-х чисел августа должно хватить тебе на полмесяца. Там будет около 250 руб. Следующая получка опять через полмесяца. 1 сентября или в один из следующих дней можешь: 1) отрезать купоны №1 от 1 сентября 1940 г. от моих облигаций займа, там всего купонов на 36 руб., и получить по ним 36 руб. в моей сберкассе; 2) заложить эти облигации на самый короткий срок, какой можно (выкупать не будем, за короткий срок меньше процентов вычитают. Одновременно можешь заложить свои облигации – там будет рублей 70 в моем бумажнике). Всего получишь по закладу 200 с чем-то рублей.

Я должен Квятковскому 200 руб., но если тебе не будет хватать на пальто или на обувь, то все же можешь эти 200 с чем-то руб. истратить. Можно залезать немного в долги, благо Катя сейчас окрепла финансово, можно будет у нее или у Гарденина взять.

Моя амбулатория («поликлиника электриков») находится на улице Мархлевского (бывш. Милютинский пер.). Вот упрощенный план улицы Кирова от пл. Дзержинского до Кировских ворот [*приводится рукописная схема, с обозначением не только «поликлиники электриков» в д. 10, но и дома Екатерины Робертовны, на углу Кривоколенного и Телеграфного переулков – МК*]. Пиши мне часто и обстоятельно. Целую тебя, твой Иван.

Пришли, пожалуйста, в письмах 4-5 конвертов (но немного). Я усомнился, верен ли адрес, по которому ты пишешь своему отцу. Казахстанских областей несколько: Восточная, Западная и др. Ты бы проверила адрес и послала бы заказное письмо.

Неотправленное письмо?, 4 августа 1940 г.

Очень ослаб от жары, жажды, вчерашней диеты. Подъезжаем к Ташкенту. За дорогу выпил около 30 стаканов чая.

Иван из Чирчика (гостиница) – Анне на ст. Большево, 6 августа 1940 г.

Дорогая моя Анечка, это письмо – второе отсюда. Почта ходит очень долго – иногда до Москвы дней 12-15. Так что от тебя жду письма не скоро. Ты же должна получать мои открытки с дороги каждые 2-3 дня.

Здесь страшно жарко, и я сразу очень ослабел от жары. Все время пью [воду] и все время во рту пересыхает. Приходится ходить утром и вечером на работу по 40-50 минут. Это тяжело. Харчи в столовых плохие. Сегодня удалось купить винограда и персиков (это надо делать до работы на базаре). Магазины поблизости нет и по дороге на работу он закрыт и т.д.

Вообще кроме двух недель в Куйбышеве в 1938 году нигде при моих поездках не было таких скверных бытовых условий. Но в Куйбышеве пиво было, а здесь приходится пить сырую воду, хотя бы иногда и газированную, но неизвестного происхождения.

Мои товарищи частью болели, а частью болеют поносами. Я пока нет! Времени совсем нет. Посылку еще пока не смог отправить – на почте не приняли ввиду слабости и необшитости ящика. Сегодня дополнительно забил в него гвозди. Попробую сдать. Если не выйдет, то, ей богу, не знаю, где достать тряпку для обшивки.

Сегодня с полудня я себя чувствую как будто лучше, чем третьего дня и вчера, м.б. привыкну к жаре! Радуйся, что живешь в умеренном климате и тому, что располагаешь своим временем. Я, дурак, не оценил достаточно, насколько все-таки хорошо было в Валентиновке*. Так оцени ты. По крайней мере, ты не пей сырой воды и кваса! Здесь все пьют воду – м.б. и ничего! Не распускай свои нервы и используй хорошее время для полезных занятий! Пиши мне чаще! Целую тебя крепко, твой Иван.

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 10 августа 1940 г.

Дорогая Аня, времени нет. Чувствую себя хорошо; два дня возвращался в 2 ч. ночи с работы. Писем не получал. Посылку без обшивки [материей] не принимают! Целую тебя, твой Иван.

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 13 августа 1940 г.

Дорогая Аня, вчера получил твое письмо от 3-4-го. Предыдущее твое письмо не получил. Оно, кажется, пошло обратно (если на нем был обратный адрес), т.к. в дирекции не знали моей фамилии. Теперь знают.

С животом у меня благополучно, несмотря на то, что я ем много винограда и пью воду и пр. Зато сегодня загноились почему-то глаза, хотя не болят. Я думаю, от пыли. Собираюсь в амбулаторию. Работаю чересчур много, две ночи ложился спать в 5 – в 3 утра [по московскому], а вставал около 7.30-7.00. Вчера освободился раньше и выспался. <...>

Целую тебя твой Иван

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 14 августа 1940 г.

Дорогая Аня, посылаю это письмо с Филипповым, который едет на днях в Москву, но уже сегодня уедет в Ташкент и там будет раздобывать билет. Третьего дня получил твое письмо от 3-4 августа. Я вернулся ночью около 3 ч. домой и нашел его на подушке, прочесть смог только утром (из-за света – чтобы не светить соседям по комнате).

Ты пишешь: gute mein Johann. Надо: Mein guter Johan. Gut – хороший. В письмах пишут вместо «дорогой» или «милый» – Mein lieber (точно, любимый-милый).

Работать пришлось чересчур много и мало спать. Причина – плохая организация, торопление со сроками, а в то же время их все же все время откладывают, а работы приходится повторять ввиду переделок и т.п. Такой плохой организации я еще нигде не видел, как здесь. Вчера пришел рано, брился, мылся и выспался, а то перед тем 2 ночи спал 2 и 4 часа.

Ты – глупая и не ценишь возможности спать вволю, располагать своим временем, прохладной погоды и т.д., а пишешь все о скуке. Я скоро начну на тебя сердиться. Возьми себя в руки, занимайся немецким языком, грамматикой и т.д.

Об амбулатории (поликлинике электриков) ты ничего не пишешь – явно хочешь уклониться и от нее и от решения вопроса о курсах стенографии. Я не настаиваю на решении учиться этой зимой (т.е. уже с сентября), но настаиваю на выяснении и решении этого вопроса.

* Валентиновка – дачный поселок в Московской обл., рядом с одноименной ж.-д. платформой и недалеко от ст. Болшево. Возможно, что И.Р. Класон снимал здесь дачу в мае того же года, когда к нему приехала А.Г. Позигун из Батума, а квартирный обмен еще не состоялся (см. выше). Однако летом этот вариант, по-видимому, не получился, и пришлось снять комнату в пос. Новые Горки.

Начинай с поликлиники (невропатолог и терапевт!) и с наведения справок о курсах – продолжительности курса, часах занятий, плате. Благодаря сверхурочным здесь наше финансовое положение м.б. несколько улучшится.

Слушайся меня, когда я обдуманно даю разумные советы, а ты ими пренебрегаешь и еще говоришь, что ты уважаешь меня! Целую тебя крепко, моя упрямая Анечка (пока я не окончательно на тебя рассердился), твой Иван.

P.S. Езди чаще к Кате, а с 1 сентября заезжай 1 раз [в месяц] и к Тане.

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 15 августа 1940 г.

Дорогая Аня, вчера послал тебе открытку по почте отсюда и письмо через Филиппова до Москвы. Спешу сообщить, что глаза вчера уже почти перестали гноиться. Вероятно, это было от пыли цементной третьего дня. Я о глазах забыл и в амбулаторию не пошел. Сегодня еще лучше глаза. Вчера почти выпался, а сегодня ночью опять спал только около 3 часов (мог бы и 4, но от нервности стал просыпаться). Завтра собираемся использовать по назначению здешний выходной день – пятница. Писем, кроме одного, от тебя еще не получал.

Целую тебя Пиши твой Иван

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 16 августа 1940 г.

Дорогая Аня, вчера получил твоё письмо от 8-го и Катиню. Спасибо. Сегодня пятница – здесь выходной день. Прошлую пятницу мы все же работали на гидростанции. Сегодня мои товарищи не работают. Я тоже встал позже, долго мылся, стриг ногти, брился и т.д., но все же отдыхать не могу, т.к. надо разобраться в чертежах: у меня не ладилась вчера одна схема, завтра надо эту неполадку устранить.

Вчера вечером решил, что я уйду со станции, не доведя это до конца, но с тем чтобы сегодня хорошенько разобраться в чертежах. Пока разобрался только частично. Вечером еще посижу.

У меня сплошь несчастья. Начала отдираться на днях подметка, а вчера я не заметил, как потерял ее. Придется у холодного сапожника на гвоздях поставить новую. Вчера или третьего дня уронил часы утром (был очень не выспавшись), и они теперь не то отстают, не то останавливаются. То и другое (подметка и часы) очень неудобно.

Со здоровьем зато благополучно: живот в порядке, хотя у большей части моих товарищей все время или от времени до времени понос. Я писал тебе, что 13-го у меня вдруг страшно загноились глаза, т.ч. я перестал разбирать мелкие цифры на чертеже. Вчера это прошло, т.ч. я и в амбулаторию не успел сходить. Работать приходится много, притом – много зря, из-за плохой организации. Решили на будущее избегать работы ночью – мало пользы, но вред для следующего дня, т.к. голова на другой день дурная.

Я думаю, что ты напрасно отказываешься от использования моего пальто – материя хорошая для зимнего пальто. Не думаю, чтобы твоё пальто было длиннее. Почему ты не купишь (раз начала ходить в «люксы») обуви удобной? Из-за денег? Если я здесь пересрочу месяц, то получу командировочных только по 13 руб. [в день], но зато заработаю сверхурочными, а м.б. и еще что-нибудь.

<...> Филиппов третьего дня не уехал, уезжает завтра. Поэтому я посылаю с ним это, второе письмо, кроме первого.

Ядовитая бумага для мух выпуска 1940 г. (на ней напечатан год) очень действенна. Здесь испытали на опыте.

Ты ничего не пишешь о своем образе жизни – режиме – спишь ли днем и т.д.

Целую тебя твой Иван

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 18 августа 1940 г.

Дорогая Аня, 16-го часть дня отдыхал. Вчера и сегодня работал умеренно. От тебя получил только два письма (1-е я упустил). Погода стала умеренно жаркая, это хорошо. Чувствую себя хорошо. С работой трудно, много неувязок и т.п.

Ем я виноград, немного яйца, от ресторанной пищи стараюсь воздерживаться. Со сроком моего отъезда неясно. Сиротинский болен местной болезнью – персидской лихорадкой, лежал он 5 дней, 4 дня работал, сейчас опять 2 дня болен. Сегодня сапожник поставил мне подметку. Я ожил. Остались проблемы: часы останавливаются, нет мыла.

Ты бы писала мне чаще. Целую тебя, твой Иван.

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 23 августа 1940 г.

Дорогая Аня, третьего дня получил твое письмо от 12-го, а вчера от 10-го и 11-го. Обещанного письма от 13-го не получил. Беспокоюсь о твоём здоровье. Мое – благополучно. Немного простудился и охрип. Сегодня пятница – выходной день. Часть нашей бригады (в том числе и я) не работает. Сверхурочно в последнее время работаю умеренно. На днях должен получить плату за сверхурочные. Если это порядочно составит, то pošлю тебе или Кате для тебя рублей 150-200. Кроме того, 1 сентября можешь постричь купоны и заложить облигации.

Очень доволен, что [ты] заказала, наконец, пальто. Полагаю, что материя неважная, судя по цене. Воротник, мне кажется, должен стоить около 300 руб. (мерлушковый, вроде барашкового).

<...> О немецком языке после 7-го ты ничего не пишешь больше. Неужели ты занималась им только 1 раз или 2 раза за 2 недели? Пожалуйста, не запускай его!

У Сиротинского опять рецидив болезни. В общем он болен с 7-го с перерывом в 4 дня. Ночи холодные, сегодня спали с закрытой дверью, т.к. одеял еще не получили. Кажется, получим завтра. Продолжаю есть виноград, иногда бывает очень хороший.

Я продолжаю что-нибудь терять. Вчера потерял блокнот (записная книжка с более важными записями – цела). Я понимаю теперь твое состояние рассеянности в мае. Надеюсь, что у меня это в связи с прекращением сверхурочных работ кончится. Работа идет у меня успешнее, чем в первые дни.

Газеты покупаю здешние почти каждый день. С моим отъездом еще неясно. Тем более, что неясно – выздоровел ли Сиротинский. Когда с моим отъездом выяснится, я телеграфирую тебе. Конверты 2 шт. получил, спасибо.

Целую тебя крепко

твой Иван

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 27 августа 1940 г.

Дорогая Аня, вчера получил твое письмо от 15-го. Все-таки твое здоровье меня беспокоит и ты виновата, что с 31-го до 11-го не удосужилась оформить билет поликлиники и съездить в нее! Я в общем здоров. Последние дни (и даже ночи частично) опять много работал. Устал. 2 или 3 дня был понос. Кажется, прошел. Ем виноград. Пешком на станцию ходим редко. Стало опять жарче, но я уже привык, или все-таки не так уж жарко, так что я не страдаю. С отъездом неясно. Сиротинский сегодня первый день опять на работе. Целую тебя крепко, твой Иван.

Аня, очень уж ты много орфографических ошибок делаешь! Надо писать: «обязательно», «делаешь», «mein lieber», а не «meine lieb». У меня почерк плохой от недосыпания.

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 30 августа 1940 г. (пятница, выходной день)

Дорогая Аня, сегодня послал тебе телеграмму: «телеграфьте здоровье». Последнее письмо от тебя было от 15-го. В нем ты писала, что еще больна, но «самое страшное прошло». Это даже непонятно.

Сегодня стригся (собирался неделю). Купался в Чирчике. Вода холодная, все же я помылся мылом. Туда идти далеко, на это ушло полдня. Сегодня совсем умеренно жарко, т.ч. ходили по солнцу. Днем спал. Сейчас нет напряжения, уже темнеет. С работой [\[стало\]](#) временно легче. Напрасно ты так мало пишешь. Совсем темно.

Целую тебя крепко, твой Иван

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 2/3 сентября 1940 г.

Дорогая Аня. Ты мне не пишешь и даже на телеграмму не ответила! Я телеграфировал 30-го в Болшево – «телеграфьте здоровье». Посылаю (если от тебя не получу письма, я сегодня вернулся домой ночью, м.б. у Елфимова в номере есть письмо мне) [\[моей сестре\]](#) Кате телеграмму с запросом о твоём здоровье и о положении дела с обменом квартиры. Сообщаю в телеграмме также, что рассчитываю приехать в конце сентября – думаю, около 25-го.

Вчера совсем поругался с Сиротинским на эту тему, когда он мне сказал, что мне надо быть здесь до 20 октября! Сегодня выяснилось, что он оговорился, а имел в виду 20 сентября, но в то же время он свое согласие на мой отъезд 20 сентября не дает, но и не возражает, если Елфимов меня отпустит и т.д. Ну и характер у него – очень трудно, особенно по вечерам. Если я уеду без согласия Елфимова, то могу попасть под суд. Все же полагаю, что около 20-го смогу уехать, иначе ты замерзнешь в холодной даче.

Елфимов ведет себя вообще безобразно, например, не хочет палец о палец ударить, чтобы мы получили плату за сверхурочные, не хочет похлопотать (очень просто) о прикреплении нас к закрытым магазинам для получения сахара, мыла и т.п. Утром, когда мы едем на гидростанцию, он еще спит и т.д. Работы опять больше и срочной, и стало несколько жарче, но большой жары теперь уже не будет.

Ты бы съездила к Тане! Познакомилась ли ты с Гардениным?

Пиши мне авиапочтой (из Москвы): Ташкент, третье почтовое отделение Чирчикстроя, гостиница, комната №40, Классону. Продолжай писать числа до 15-го. Потом разок телеграфируй: Чирчик, гостиница, сорок, Классону. Я очень соскучился по тебе, хотя занят я так, что отвлекусь мыслями от работы даже во сне не удастся.

Сейчас мои товарищи по работе и по комнате остались на ночь на работе, я наслаждаюсь одиночеством в комнате – около 1 часа ночи, в 7 вставать! Целую тебя крепко, твой Иван. Неужели ты все же расхворалась?

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 7 сентября 1940 г.

Дорогая Аня, ты, очевидно, уже 15-го августа перестала мне писать! Как тебе не стыдно? Твоя телеграмма шла 3 дня. Пиши мне авиапочтой (адрес – на обороте [\[открытки\]](#)): Ташкент, Чирчик, гостиница, комн. 40, И.Р. Классон). Раньше 18-го я отсюда не уеду. Вернее – между 20-м и 25-м. Я тебе писать буду продолжать, но реже, раз ты так редко писала, и потом перестала за 18 дней до дня моего предполагавшегося отъезда. Целую тебя, твой Иван.

Сверхурочных так и не получил. М.б. нас надуют.

Иван из Чирчика – Анне на ст. Болшево, 13 сентября 1940 г.

Дорогая Аня, я на тебя очень зол, что ты месяц назад перестала мне писать. Чем ты рисковала, если бы одно или два твоих письма или хотя бы открытки не застали бы меня здесь, если бы я действительно ехал бы отсюда около 3-го? Я же тебе ни разу не написал, что уеду около 2-3-го, а наоборот писал, что с отъездом неопределенно.

Получил сегодня письмо авиапочтой от Кати от 4-го сентября. Если бы она написала по адресу гостиницы, я бы получил это письмо даже на 1-2 дня раньше. Непонятно, почему ты не могла мне написать одновременно с Катей.

Я думаю, что выеду около 20-го, т.ч. буду в Москве между 24-м и 27-м (если не удастся уехать 20-го из-за работы или из-за [отсутствия] ж.-д. билетов). По расписанию поезда уходят в Москву: скорый – в 10 часов вечера, почтовый – днем, около 2 часов. Если я приеду скорым, то пожалуй тебе рискованно меня встречать – поезд может опоздать на 1-2 часа, и ты уже не попадешь ночью на дачу. Другое дело, если ты к тому времени переселишься уже в Москву (к Людмиле Федоровне Богомоловой?). Тогда встречай меня. Если встречать не будешь, и будет не очень поздно, я позвоню Старковым или Тане по телефону и спрошу, куда мне деваться (к Тане или к Архангельскому?)

Если я приеду днем, то если хочешь, встречай меня на вокзале (Казанском), но имей в виду, что я с вокзала (сдав вещи на хранение) поеду прямо на службу, т.к. есть соответственный приказ по Гидроэнергопроекту, что через 2 часа после прихода поезда надо являться на службу, иначе отдадут под суд.

Пожалуйста, ко времени моего приезда доставь к Кате мои галоши и починенные полуботинки (например, те, которые на резиновых набойках). Чинить их дай не холодному сапожнику. Если будет холодно, доставь также к Кате мое драповое (обтертое) пальто. Если мне надо будет ночевать у Тани или у Людмилы Федоровны, то, пожал., позаботься о простынях, подушке и одеяле (не пуховом – оно нужно тебе, чтобы не замерзнуть).

Целую тебя, твой Иван.

Сегодня кончил читать «Дым» Тургенева, перед тем перечел «Дворянское гнездо». Это необходимо, чтобы отвлекаться мыслями от электротехники и т.п.

Екатерина Классон (Телеграфный пер., 11 кв. 32) – Анне Позигун (ст. Болшево Ярославской ж.д., пос. Новые Горки, Солнечная ул., д.2, Байкову для А.Г. Позигун), 23 сентября 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня утром получена от Ивана телеграмма из Ташкента следующего содержания: «приеду пятницу семьдесят третьим Казанский». Когда приходит поезд, постараюсь узнать, но, конечно, он может опоздать. Всего хорошего, Катя.

Иван из Ленинграда – Анне в Москву (Теплый пер., 18, кв. 19), 16 ноября 1940 г.

Дорогая Аня, очень устал – вчера в предварительной продаже купить плацкарту для пути Ленинград – Кивач не смог. Вчера и сегодня до вечера был занят делами, сейчас стоял два с половиной часа в очереди, плацкарту все же не получил, а только компостировал билет на поезд завтра (17-го) утром. Буду в Кондопоге в ночь на 18-е.

Целую тебя, твой Иван, пиши!

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 20 ноября 1940 г.

Дорогая Аня, от тебя писем не получал. Если не будет, то и я буду писать, только когда мне надо.

Жорняк сообщил мне письмом от 6-го с Чирчика, что получил за меня за сверхурочные 650 руб. Я написал ему в Москву (он должен приехать 20-25-го или несколько позже), чтобы он 100 руб. отдал Гарденину (я ему должен), а остальное тебе прямо или через Козловых. Рублей 100 отложи, а остальное можешь расходовать на лечение, обувь и т.п. Когда получишь деньги, извести меня.

<...> Домашний телефон Жорняка К-2-91-49 – из комнаты 20 вызвать Жорняка Георгия Ипполитовича; телефон Архангельского Д-2-38-51. Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги (гостиница) – Анне в Москву, 21 ноября 1940 г.

Дорогая Анюта, послал тебе сейчас телеграмму «жду писем». Ни одного письма еще от тебя не получил, что означает, что ты не послала письма ни 15-го, ни 16-го, ни 17-го (уехал я 14-го). Ты опять плохо со мной обращаешься!

Во изменение предыдущей открытки сообщаю, что Жорняк передаст (или переведет) тебе не 550 руб., а около 480-490 руб., т.к. я написал ему, чтобы 60 руб. он передал Галине Ивановне на предмет подписки на ежедневную газету на 1941 г. (с запасом на вздорожание).

Целую тебя, твой Иван.

Был вчера в бане – очень прилично, мало народа, но холодновато, очень воспрянул духом. В Ленинграде из-за [добывания] плацкарты не успел в баню.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 23 ноября 1940 г.

Дорогая Анечка, получил сейчас твое строгое письмо от 19-го (строгое, т.к. без обращения и с подписью «Анна»). А по-моему, лучше бы ты изложила свои претензии, чем копить их про себя. Я сегодня думал о том, что хотя я по существу очень о тебе забочусь, но часто бываю с тобой неласков и нетактичен. Постараюсь это в будущем исправить и тебя не пилить и пр.

Очень рад, что «кровь у тебя хорошая». Насчет подагры пойдешь в той же поликлинике к терапевту (т.е. к врачу по внутренним болезням). К которому именно – не знаю, не бывал у них, поспроси у публики или пойдешь наугад. Между прочим, ты можешь прикрепиться (независимо от поликлиники электриков) к районной амбулатории или поликлинике при Протезном институте. Посоветуйся с Марьей Николаевной (кланяйся ей от меня), хорошие ли там врачи и кто именно. Если в поликлинике электриков потребуют обмена билета, то обратись за помощью к Александру Ивановичу Архангельскому, его домашний телефон (Миусы) Д-2-38-51. Или обратись по служебному телефону Ж-2-19-14 к нашей секретарше Зине («т. Рашутис»). И сговоришься с тем или другой, как тебе обменять билет – когда и кому сдать и когда получить новый.

Здесь работа не такая спешная, как была на Чирчике, кроме того, я один как пес (а не худой щенок), поэтому скучаю вообще и очень скучаю по тебе. Хотел бы поскорее к тебе вернуться, но пожалуй раньше середины или конца декабря это не выйдет по работе. Кажется, поеду в Петрозаводск (полтора часа езды по ж.д.) на несколько дней, по делу. Запросил об этом московское начальство. Все время пасмурно. За 6 дней, что я здесь, солнце видел только полчаса. Здесь значительно севернее Москвы и даже несколько севернее Ленинграда, дни очень короткие. Иду на работу к 9 часам еще в сумерках, возвращаюсь в темноте. Морозов нет, слякоть. Живу в гостинице в отдельной маленькой комнате. Было бы хорошо, если бы не жара (центральное отопление плохо регулируемое, форточки нет), клопы и очень короткие простыни, чего я не люблю.

Два дня не было воды, т.ч. водопровод и канализация не действовала, а потом два дня канализация была засорена человеческими стараниями.

Завтра будет воскресенье – первый день отдыха у меня, чуть не с 7 ноября или даже с середины ноября (17-го я был в пути сюда). Вчера вечером был здесь в читальне, читал газеты. В «Правде» от 16-го и 17-го была очень интересная статья франц. писателя Андре Моруа о причинах поражения Франции. Здесь я не очень много проживаю, т.ч. даже учитывая стоимость привезенных харчей, у меня кое-что остается от суточных, но я по пути сюда дал невестке (Любови Петровне [[– жене брата Павла, сидящего в заключении](#)]) 100 руб. и в декабре, вероятно, придется дать еще. Посылка тоже стоила около 85 руб. Так что накопление от суточных уйдет на покрытие этих расходов.

Зато деньги за сверхурочную работу [[на Чирчике](#)], которые тебе передаст Жорняк, можно будет израсходовать с пользой.

Пожалуйста, берегись, чтобы не простужаться. Если у тебя запоры продолжаются, то попробуй пить пивные дрожжи. Продаются в киоске на улице Льва Толстого, т.е. рядом с Теплым переулком (за зданием «Красной Розы»). Там же музей-усадьба Льва Толстого, в который (музей) тебе следует сходить, если он открылся.

Квятковского срочно вызвали в Москву, не объясняя причины. Сегодня он прислал объяснительную телеграмму – его жена больна. Не представляю себе, насколько серьезно она больна. Начальство наше (Мосгидэпа и Главка) прислало по поводу его вызова 4 телеграммы, из них 2 молнии! Вот какая забота! Но так бестолково, что первая телеграмма была от 16-го, и он выехал только через 4 дня. Видела ли ты Катю? Была ли у Тани? Написала ли письмо отцу? Возобновила ли занятия немецким языком?

Целую тебя крепко твой Иван

Да, а Шахпаронян произвел на меня в деловом отношении более слабое впечатление, чем раньше. Но он здорово практичен. Считает, что в Батуми жизнь стоит в 3 раза дороже, чем в Москве, а потому я получаю $900 \times 3 =$ по Батумски 2 700 руб., т.е. очень большой оклад. Картошка в Батуми стоит 5 руб.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 25 ноября 1940 г.

Дорогая Аня, кроме 1 письма больше от тебя писем не получил. Пожал., пиши чаще! Сегодня немного лучше пошла работа, и у меня исправилось настроение. Вчера отдыхал и шил – чинил полушубок и др. Если Квятковский поедет сюда вскоре, то, пожал., пришли с ним: а) мою спецовку (висит в коридоре около нашей двери), б) кружку или стакан (я разбил), в) 1-2 пачки чая, г) масла кило или меньше, других харчей не надо, д) ирисок.

Ешь мандарины (они, верно, уже продаются), ходи в кино и музеи, играй на граммофоне. Вообще развлекайся. Целую тебя, твой Иван.

Екатерина – Анне, 26 ноября 1940 г.

Что же Вы пропали, Аня? Почему не зайдете? Я жду приглашения на новоселье или, если новоселье надо отложить до Ваниного приезда, то на осмотр нового жилища.

Что пишет Иван и как его адрес? Против своего обыкновения он еще не написал.

Ваши туфли, которые стоят у меня, хочет купить одна знакомая за 100 руб. Думаю, что дороже их трудно продать. Сообщите, поскорее, согласны ли Вы или нет. Заходите лучше днем, пока нет Шурки. Если не можете собраться, то напишите открытку. Если забыли адрес: Телеграфный, 11/16, кв. 32. Всего хорошего Е. Классон

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 27 ноября 1940 г.

Дорогая Анечка, сегодня получил твое письмо от 23-го со штемпелем 24-го. Спасибо. Одно время часы на Спасской башне Кремля не только били часы, но и играли еще каждые 3 часа Интернационал (упрощенной мелодии). Это было еще лучше чем бой часов, но почему-то механизм испортился и его никак не наладят уже несколько лет.

Конечно, отложить зубного врача на несколько дней можно, но мотив, что Мария Николаевна может быть недовольна, что ты много уходишь, по-моему, неосновательный. Во-первых, мы не жильцы у владельцев дачи, как были летом, а равноправные жильцы (хотя Мария Николаевна и «ответственный съемщик», т.е. имеет право и обязана следить за чистотой и порядком); во-вторых, [прежняя жилища в нашей комнате, свояченица] Зоя Ивановна, когда служила, ведь целыми днями не бывала дома.

Кстати, о квартирных делах: за газ и электричество, мусорное ведро заплати Марии Николаевне, сколько она скажет. Очевидно, она делает раскладку. Квартирную плату ты должна заплатить сама. Счет – небольшая коричневая бумажка (заполненный бланк) – за ноябрь я получил и оставил в Москве. Кажется, я сначала положил его в твой ящик. Платить надо 28 руб. с копейками в начале декабря (желательно даже до 1 декабря). Если ты счет не сможешь найти, то попроси в домоуправлении дубликат. Платить надо в сберкассе (или в банке?) на углу улицы Кропоткина и Зубовского бульвара (вход с угла в подвал).

Пожалуйста, развлекайся, чтобы не заикнуться. Я и то хожу здесь в читальню, правда, читаю только газеты. В кино еще не был. *(конец утрачен?)*

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 28 ноября 1940 г.

Дорогая Анечка, сейчас получил от тебя книжку «Рук. ук. по рег. напр. и распр. реакт. мощн.». Очень благодарен! Боюсь, что тебе пришлось перерывать чуть ли не все книги при поисках ее. А что же четыре строчки не написала?

Не помню, писал ли тебе, что, вероятно, поеду на несколько дней в Петрозаводск. В связи с этим возможно, что пробуду здесь на неделю или 10 дней дольше, чем месяц, т.е. вернусь в конце декабря. На размере суточных это не отразится, т.к. в одном месте подряд я буду меньше месяца. Т.ч. с деньгами в этот раз благополучно.

Напиши мне подробнее о своем лечении. Если у тебя есть сомнения в правильности его, то пойди в платную поликлинику (есть в нашем районе на Пироговской ул. поликлиника Мед. института, кажется) к проф. Малиновскому или проф. Благоволину или к ним на дом. В этом случае плата 30 или 45 руб. Можешь посоветоваться с Антониной Максимилиановной [Старковой] об этом – к кому идти.

Целую тебя крепко

твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 2 декабря 1940 г.

Дорогая моя Анечка, сегодня получил твое письмо от 28-го. Это хорошо, а то я решил не писать тебе, пока не получу от тебя письма. Т.ч. 4 дня не писал. Что тебя так разобрало, ты мне так редко пишешь (один раз в 4-5 дней), а тут вдруг написала письмо ласковое, с обращением и пр.? Приход Сиротинского на тебя так подействовал?

Почему ты называешь его чертом и дьяволом, когда он тебе понравился? Я не удивлюсь, что он в первый же день, что приехал в Москву, помчался к тебе с деньгами. Ему, вероятно, было любопытно с тобой познакомиться, а предлог очень удобный – передать деньги. Он, вероятно, очень предприимчиво настроен после полугодового отсутствия в Москве и завершения большой работы, так что, возможно, еще будет заходить к тебе и попытается тебя обольстить! Кстати, а как твой другой предполагаемый обольститель, Александр Сергеевич – познакомился с тобой?

С деньгами можешь распорядиться по своему усмотрению. Ведь тебе нужны и платье и белье и чулки и обувь и осеннее пальто и зимняя шапка. С чего ты начнешь приобретения, решай сама, если хочешь – с платья; я бы начал с обуви. Вообще из этих денег и зарплаты отложи к концу декабря рублей 100, а остальное расходуй. Я не понял, откуда ты получишь дрова?

Интересно, сколько журналов ты сожгла, раз уже 2 раза купалась? Журнал «Электр. Станции» за последние годы не жги. В «Огоньке» за 1936 г. (?) есть ряд статей Петрова и Ильфа об Америке с фотографиями*. Советую тебе их прочесть. Ты ничего не пишешь, что читаешь и что вообще делаешь.

С Квятковским вышло очень неудачно, что он уехал через день после моего приезда. Я его работы не продолжал еще. Вообще глупо. Если Квятковский поедет сюда после 12-го, то ничего с ним мне не присылай, а спецовку вообще не посылай, чая обязательно пришли 2 пачки и одеколон. Видишь, какой он предприимчивый по сравнению с Сиротинским, правда, Квятковский болен – у него бюллетень до 2-го. А еще он с тобой знаком! Т.ч. м.б. тоже приедет. А Шапаронян у тебя не был? Зря ты не условилась с ним о туфлях для Ляли, когда ты их купила, он м.б. еще был в Москве. Написала ли ты отцу и сестре или узнала ее местопребывание?

Я хотел написать больше, но сейчас меня раздражил один человек, который перед моей дверью устраивал на полчаса сцену своему начальнику и пр. В последние дни стало веселее, появился один инженер из Ленинграда, с которым встречаюсь и на работе и вечером беседую. Он очень живой, шутник и даже поет тенором.

Ложусь спать. Целую тебя крепко и много, твой Иван.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 3 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, пожалуйста, в каждом письме присылай 2-3 конверта. Вчера послал тебе большое письмо. Пожалуйста, сходи к Тане без меня. Ее адрес: Пушк. пл. (или пл. Маяковского), Малый Козихинский пер., д. 11, кв. 20, тел. К-3-82-85. Ты мне обещала.

Когда я приеду, у нас будет очень мало времени: нам нужно будет срочно сходить в театр, к Евгении Николаевне и к Сергею Федоровичу [Гарденину] (или принять его у нас).

Александр Иванович Архангельский в отпуск, оказывается, не уходит. Если тебе будет что-нибудь нужно от Мосгидэпа – позвони ему. С моим отъездом отсюда сейчас совсем неясно. М.б. на днях прояснится. Сахара мне не посылай. Масла пошли только 1 кг и можно еще грудинки или корейки или копч. колбасы или полендвицы** немного.

Целую твой Иван

Здесь совсем зима и санный путь. Архангельский делает еще больше ошибок, чем ты. Он пишет – «опасность» и «думую».

* Первые краткие заметки о поездке в США Ильф и Петров опубликовали в 1936 г. в журнале «Огонек» под названием «Американские фотографии». Текст сопровождали около 150 снимков Ильфа. Позднее из этих заметок была создана «Одноэтажная Америка».

** Полендвица – копченая филейная вырезка или филейная колбаса (блюдо польской и белорусской кухни).

*Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 5 декабря 1940 г.**

Дорогая моя Анечка, спасибо за письмо, которое получил сегодня (со штемпелем от 2-го, ты же дат не ставишь, пожалуйста, приучи себя в письмах ставить место и дату наверху, спереди справа – так принято в Европе).

Если будешь посылать вещи мне с Квятковским, то пришли еще 1 пару старых черных бумажных носков. Если он поедет и после 12-го, то все же харчи пошли, но меньше по количеству: из расчета, что я к 30-му вернусь.

Относительно того, почему я не могу вернуться к 15-му или 20-му, я тебе напишу в следующий раз – сейчас некогда – нельзя терять короткое светлое время (до 3 часов), надо погулять, мои товарищи меня ждут. Праздники редки.

Чтобы нервы были лучше, надо регулярно заниматься умственно, а ты этого по видимому не делаешь. Пожалуйста, учись не меньше двух часов в день. И читай беллетристику не меньше часа.

Целую тебя крепко и много. Еще напишу сегодня или завтра.

Твой Иван

Иван – Анне в Москву, (письмо без начала, скорее всего, из Кондопоги 6 декабря 1940 г.)

<...> Пожалуйста, позвони Квятковскому и узнай у него, едет ли он сюда и когда. Если едет, то пожалуйста пошли с ним то, что я просил в последней открытке плюс одеколона тройного за 2 р. 70 к. (здесь в гостинице постоянно портится водопровод, и нечем руки вымыть). Телефон Квятковского домашний В-1-43-79. Зовут его Александр Николаевич. Дома он может быть после 8-ми вечера или до 9-ти утра. Служебный телефон Ж-3-19-14.

С деньгами у нас выходит теперь благополучно. Около 7 декабря ты получишь 370-380 р. и в следующую получку то же.

Оказывается (по газете), «Анна Каренина» идет в Художественном Театре теперь с новыми исполнителями Анны и Вронского. М.б. лучше прежних. Анну играет Еланская. Вот, видишь, какой большой список пьес и опер, которые тебе надо посмотреть: 1) Онегин; 2) Анна Каренина (я тоже не видел); 3) Пиковая дама; 4) Пиквикский клуб; 5) Три сестры; 6) На дне; 7) Кармен; 8) Руслан и Людмила (я тоже не видел); 9) Князь Игорь (я тоже не видел); 10) балет Спящая Красавица (я тоже не видел); 11) балет Лебединое Озеро; 12) балет Кавказский Пленник (я тоже не видел); 13) балет Бахчисарайский Фонтан; 14) опера Аида (я тоже не видел); 15) Травиата; 16) Богема.

В Художественном театре или филиале (или у Вахтангова) еще: 1) Сверчок на печи; 2) Вишневый сад; 3) Федор Иоаннович; 4) Мертвые души (я тоже не видел); 5) Воскресение (я тоже не видел); 6) У жизни в лапах [[норвежского драматурга Кнута Гамсуна](#)]; 7) Хозяйка гостиницы [[Карло Гольдони](#)]; 8) Принцесса Турандот.

В театре ЦДКА – Укрощение строптивой (я тоже не видел) и Суворов.

В Малом театре: 1) Стакан воды; 2) Отелло (я тоже не видел); 3) все пьесы Островского; 4) Горе от ума.

Фильмы: 100 мужчин и 1 девушка; По щучьему велению; Гобсек.

Цирк.

Из этого следует, что ты не можешь ждать, когда пойдешь со мной, а надо начать тебе и одной ходить или с другими компаньонами или компаньонками! Начинай с дневного кино и с дневных представлений в воскресенье в Малом театре. Ведь против моих поездов ты больше не возражаешь – очевидно, очень отдыхаешь от меня, особенно одна на кровати.

* 5 декабря – день Сталинской конституции, выходной.

А раз я буду много ездить, то тебе надо использовать и это время, без меня в Москве, для посещения театров и пр. А то вдруг меня через какое-то время переведут на периферию, и окажется, что ты Москвы почти и не успела повидать!

Сегодня у меня получилась какая-то неясность в работе. Завтра буду выяснять. Сегодня меня это очень разобрало. Вчера поздно вечером был в дешевом отделении бани – не так аппетитно, как в рублевой, но есть парильня. Я попарился с пользой. Вчера выпал снег, а сегодня наступил мороз, вроде как будто зима, а то мне в полушубке было как-то неудобно.

Сегодня был в читальне. Здесь у меня гораздо больше времени, чем в Валентиновке и даже чем в Москве благодаря отсутствию трамвайной езды и дачных поездов! В этом отношении я отдыхаю. Вечером раза три был у Точилина (мой товарищ еще по Кашире, по работе здесь у меня больше всего дела тоже с ним).

Я по тебе скучаю и мне не хватает фотографии твоей, но которая была бы похожа. Придется тебе еще сняться, в профиль или почти в профиль!

Целую тебя крепко твой Иван

Я послал с Квятковским тебе открытку, где просил найти и послать мне одну книжку. Очевидно он захалатил и не опустил открытку в первый день, как приехал, иначе ты ее уже 23-го получила бы к вечеру. На обороте [листка] я изображаю, как она выглядит*. Пожалуйста, если не очень трудно, найди ее и пришли мне заказной бандеролью. Впрочем, м.б. Квятковский найдет эту книжку на службе и пошлет мне (я его просил в этом случае известить тебя); по телефону спроси его, не нашел ли он, чтобы тебе зря не искать.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 7 декабря 1940 г.

Дорогая Анечка,

1) я купил 5-го в соседней деревне одеколону, т.ч. он мне не нужен;

2) под 5-е здесь продавали разные харчи, даже мандарины.** Я смог купить 30 шт. мандаринов (по 20 коп. – маленькие). Ешь ли ты мандарины? Пожалуйста, ешь;

3) ты напрасно пишешь, что я «суеусь», а потому здесь задержусь, что я жесток и т.д. Меня очень подкузьмила неудачная командировка Квятковского с досрочным вызовом. У него осталась неоконченная (вернее, только начатая работа). Если бы он ее не начинал, я мог бы от нее вообще отказаться, а так получилось совсем нехорошо. Кроме того, я должен был для продолжения этой работы ехать в Петрозаводск, но это затянулось из-за отсутствия главного инженера, он только что вернулся, м.б. я поеду в Петрозаводск на несколько дней 9-го или 10-го (но ты продолжай писать мне сюда!).

Если ты всерьез так недовольна моими командировками, то здесь выход один – я должен перейти из этого бюро в другое бюро или отдел Гидроэнергопроекта. Это мы можем обсудить в Москве, но просто писать мне обвинения и прочее, пока я в отъезде и работаю вообще на разъездной работе – неразумно.

Имей в виду, что моя работа в Москве означала бы сокращение заработка. Так ты во время моего отсутствия получаешь всю мою зарплату, и у меня еще может что-то остаться от суточных. Из полочки 7-го декабря, пожалуйста, отложи 100 руб., которые я должен Сергею Федоровичу Гарденину. Может быть, Катя познакомит тебя с ним, и ты отдашь ему эти 100 руб.? С другой стороны я сам предпочел бы ездить меньше и т.д.

Целую тебя много раз и крепко твой Иван

* Речь идет о «Руководящих указаниях для составления инструкций по регулированию напряжения и распределению реактивной мощности в электрических системах» (вып. 3). Госэнергоиздат, 1934 г.

** Мандарины, выходит, «выбросили» к празднику.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 8 декабря 1940 г.

Дорогая Анечка, сегодня получил твое письмо от 2/4-го.

Кроме того, получил письмо от Сиротинского, которое отравило мне сегодняшний день – он опять начинает повторять, что все работники нашего Бюро (очевидно, подразумеваюсь и я) его эксплуатировали, жили на его счет и т.д. Мне было бы наиболее правильно уйти из Бюро, чтобы не портить себе нервы на работе с человеком, от которого в любую минуту можно ждать всяческой грубости, гнусности и т.д., когда наше начальство слабо и не может держать его в узде.

Однако осуществить это (уход) трудно, а м.б. и невозможно. Мне приходится на работе не только заботиться об интересах дела, но еще и о том, чтобы меньше дать возможности Сиротинскому выступать против меня со всякими (хотя и бы и зряшными) упреками и т.д. В частности, и здесь я должен с умом и тактично решить, когда и как мне закончить работу. Поэтому поверь мне, что если я здесь останусь дольше, чем предполагал, то значит так надо. Возьми себя немного в руки и не дури.

Одно дело, когда я был на Чирчике, а ты в холодное время жила в продуваемой комнате без отопления, с кончающимся сроком прописки, без возможности лечиться и т.д., и другое дело теперь, когда и материальные условия у тебя сносные и ты имеешь все возможности разумно использовать время и учиться и лечиться и развлекаться.

Было бы глупо (кажется, я писал тебе это уже – извини), если бы ты не использовала пребывание в Москве, потому что без меня якобы не можешь никуда пойти, не умеешь звонить по телефону (что я тебя не научил – неверно, я тебе, дважды?, давал подробную письменную инструкцию, как в Москве соединяются по телефону; кроме того на каждом телефоне-автомате есть подробные надписи о последовательности операций). Было бы желание и несколько гривенников, и ты в несколько минут научишься звонить по телефону, причем никакой неприятностью не рискуешь.

Когда я буду в Москве, я все равно не смогу при 8-часовом [рабочем] дне ходить с тобой в музей – а в Третьяковскую галерею и музей изобразительных искусств им. Пушкина (Волхонка) тебе сходить обязательно надо. Значит, надо сходить без меня. Еще – в музей боярского быта на ул. Разина (его скоро снесут) и музей Льва Толстого. Зубы тебе полечить надо. Почему ты откладываешь сходить к Тане? Почему откладываешь письмо отцу? Опять тебя заедает пассивность.

А ты все откладываешь, занимаешься тяжелой стиркой, которая тебя чересчур утомляет (если бы ты меня спросила, я бы заранее отсоветовал бы тебе, и вообще ты мое мнение об этом знала, но им во всех случаях пренебрегаешь). М.б. тебе придется стирать в будущем, если мы будем жить не в Москве, но сейчас, когда есть дешевая прачечная (туда ходит трамвай 38[[-го маршрута](#)]) или возможность нанять прачку – стирать простыни и проч. [[постельное белье и рубашки](#)] глупо.

Надо использовать время и силы более рационально. Тогда и состояние нервов у тебя будет лучше. На воздухе ты, вероятно, тоже бываешь совсем недостаточно. Бери пример с меня. Я уже 3 свободных дня регулярно хожу на озеро или в лес. Вечерами тоже бываю часто на воздухе. Я бы очень хотел сам вернуться теперь к тебе, но сейчас не могу, а ты продолжаешь пилить меня письмами о моей суетливости. Вероятно, послезавтра поеду в Петрозаводск.

О подписке на газеты и журналы. Журнал «Электрические Станции» будет в 1941 г. выходить 4 раза в месяц и стоит в год 96 руб.! Если ты еще не подписалась на него, то не подписывайся – это [[нам](#)] не по карману. Газета «Электропромышленность» выходит 1 раз в неделю по пятницам. Пока на нее не подписывайся. Я просил Галину Ивановну подписаться для меня на какую-либо ежедневную газету: Комс. Правда или Моск. Большевик или Моск. Комсомолец.

Я хотел, чтобы Жорняк передал ей 60 руб. на случай, если газеты вздорожают вдвое и если надо подписываться обязательно на год. Ты передала ей 50 руб., это ничего. 10 руб., если понадобится, она одолжит. Вообще же справляйся на почте о подписке на «Огонек» и кстати о том, объявлены ли цены на газеты на 1941 г. Если будет нужно, переговори с Галиной Ивановной по телефону (Ж-3-19-14), лучше в рабочее время – 9.55 или 14.30-15. Если газеты вздорожают, то м.б. можно будет подписаться на одну из них просто на почте.

Не понимаю, почему ты мне так мало пишешь: что читаешь, что вообще делаешь, ведь мне же интересно. Установила ли ты местопребывание твоей сестры? Списалась ли с Поплавским о туфлях? Заводишь ли патефон? И так далее. Почему ты купила только 1 мандарин? Целую тебя, моя Анечка, много раз и крепко, твой Иван.

Иван из Петрозаводска – Анне в Москву, 12 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, не писал тебе с 8-го. 10-го приехал сюда. Завтра или, вернее, 14-го вернусь в Кондопогу.

Думаю, что в самом конце месяца приеду в Москву. Живу в гостинице, куда попасть было не совсем легко. Пожалуйста, пиши мне в Кондопогу, пока я не дам отбоя. И пиши чаще и больше. Как твое здоровье? Чем ты занимаешься? Вчера был в кино на «13»^{*}. Приехал сюда с Точилиным. Сегодня он уехал.

Целую тебя крепко

твой Иван

Иван из Петрозаводска – Анне в Москву, 13 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня еще холоднее стало, главное – ветер, мороз средний. Еще надеюсь, что в Кондопоге по приезде получу несколько твоих писем, пришедших без меня в гостиницу. Вчера остригся с опозданием на 2-3 недели! Очень рад буду, когда, наконец, поеду в Москву. Напиши, что ты купила и чего не смогла найти в Москве, м.б. я смогу купить в Ленинграде.

Целую тебя, твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 15 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, вчера вечером приехал сюда. Получил твои письма от 7-го и 10-го, спасибо. Узнал, что сюда приедет не Квятковский, а Иогансон, причем он уже выехал вчера или выедет сегодня. Поэтому можешь больше не «беспокоиться» о посылке мне харчей. Масла, чаю и сахару мне хватит, яиц почти хватит. Если получу сегодня письмо от тебя, то напишу тебе еще. Конвертов и открыток мне больше не присылай.

Ты тоже пишешь письма малосодержательные. Между тем я бы мог писать только о работе, что тебе неинтересно и частично непонятно было бы, а ты могла бы писать мне много интересного для меня о своих занятиях.

Целую тебя

твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 16 декабря 1940 г.

Дорогая Анечка, после письма от 10-го больше писем от тебя не получал. Я в Петрозаводске за 5 дней похудел – вероятно, от изменения режима пищевого и худшего, чем здесь, питания (б.ч. ел лососину, а не мясо, иногда обедал в 5-6 часов, а днем ел мало). Здесь за 2 дня (включая воскресенье) отъелся и отоспался, т.ч. потолстел опять.

^{*} По-видимому, речь идет о военно-историческом фильме (периода гражданской войны) Михаила Ромма «Тринадцать», снятом в 1936-м.

Был здесь вчера в бане – в Петрозаводске оказалась большая очередь. Из-за этого вчера, в воскресенье в лес не ходил. Когда получу от тебя письмо, напишу тебе тоже более длинное письмо [\[по сравнению с этой открыткой\]](#). Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, [\[ympo\]](#) 18 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, вчера получил твое письмо от 12-14-го. Спасибо. Вчера не успел ответить, т.к.: 1) приехал Иогансон, 2) писал деловое письмо, 3) надо было зайти к Точилину. Насчет музеев я все-таки с тобой совсем не согласен. Неужели даже в музей Л. Толстого ты не сможешь пойти одна (он рядом)? Пожалуйста, ешь мандарины, потом они исчезнут. Не забудь, что это первая твоя зима на севере без фруктов. Пользуйся, пока есть мандарины, они сравнительно с яблоками и виноградом дешевы.

Я очень люблю клюквенный кисель, каково клюквенное варенье – забыл. Купи на пробу 1 банку.

Пиши мне по получении сего и потом еще последнее письмо [\[в Кондопогу\]](#) пошли 24-го. Целую тебя, твой Иван. Не разобрал дату твоих именин – 25-го или 26-го?

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, вечер 18 декабря 1940 г.

Дорогая моя Анечка, хотел написать тебе сегодня побольше, но не выйдет, т.к. уже поздно. Задержался на два часа на лекции после работы (занятия здешнего кружка по изучению пускаемого оборудования).

Потом возился с измерительным прибором, который оказался неисправен. Сегодня мне немного нездоровится, принимаю уротропин. Завтра оденусь потеплее. Я буду очень рад, если мне удастся около 31-го приехать в Москву на несколько дней. Здесь начальство начало «суетиться» перед пуском, который назначен на 31-е, т.ч. меня м.б. и не отпустят.

Во всяком случае я смогу остаться в Москве всего дня на 3-4, а затем придется опять поехать сюда. Приложу все усилия, чтобы приехать в конце месяца и чтобы пробыть в Москве немного дольше. Все же ты перестраивайся на мысль, что большую часть зимы тебе придется быть одной. Поэтому тебе еще более необходимо найти себе какое-нибудь занятие, которое заняло бы твой ум. Самое правильное сейчас для тебя – это не поступать на работу, а учиться чему-нибудь полезному. К сожалению, ты проявляешь «скользкость» в этом отношении (или перестала быть скользкой?). Даже не пишешь, занимаешься ли немецким языком. [\[концовка утрачена – МК\]](#)

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 19 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твою открытку от 16-го. Сегодня говорил определенно здешнему начальству, что уеду на несколько дней в Москву. Прямо заявил, что у меня харчи кончились. Пока они ничего не сказали. Сразу они не решатся, но через несколько дней, я думаю, возражать не будут. Я, когда поеду, тебе телеграфирую, а ты возьми билеты в Большой или Худ. театр на 1 балет и 1 оперу или 1 драму и оперу или балет.

Ты ничего не пишешь, подписалась ли Галина Ивановна для меня на газету. Неужели ты не решаешься ей позвонить? А почему бы тебе не съездить вообще в гости к ней (в воскресенье) или в будни к Анне Алексеевне и Лиде?

У тебя, Аня, мало фантазии, поэтому тебе и скучно, а времени у тебя много, ты могла бы выкидывать всякие экстравагантности – например, поехать познакомиться с [Сергеем Федоровичем] Гардениным и его детьми. С [его дочерью] Наташей у тебя м.б. даже установился бы контакт. А у тебя не хватает инициативы даже, чтобы к [моей сестре] Тане съездить. Я почти выздоровел (принимал только уротропин). В работе наступило оживление.

Крепко тебя целую, твой Иван.

Я еще с Чирчика писал тебе, что не «meine Johann», а «mein Johann». Meine – моя, mein – мой и мое. Ты по-прежнему «пишеш», а не «пишешь». Во втором лице [глагола] единственного числа пишется мягкий знак!

Телеграмма Кондопога – Москва

21 декабря 1940 г.

Москва Теплый 18 кв 19 Позигун

Жду писем

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 22 декабря 1940 г.

Дорогая моя Анечка, сейчас получил твоё письмо от 19-го. Пожалуйста, возобнови занятия немецким языком, не дожидаясь меня! То что ты проявляешь выдержку с лечением – хорошо. Чем тебя обидела Катя, я не знаю.

На Иогансона я не в претензии. Я так мало лично знаком с ним, что и я на его месте не пошел бы к его жене спрашивать, не отвезти ли чего. Если я в этом месяце уеду отсюда, то с харчами почти дотяну до конца. Сегодня послал телеграмму начальству, что если Сиротинский приедет сюда в декабре, то я буду его ждать, иначе поеду на днях в Москву.

Жду их телеграммы с сообщением, приедет ли Сиротинский в декабре. Я тогда, когда писал тебе предыдущее письмо, оказывается, еще не выздоровел, вчера опять не здоровилось, сегодня сильный насморк. Принимаю лекарства.

Третьего дня было северное сияние. Я видел его на Ниве в 1937 г., но тут, пожалуй, более эффектное, чем те, что я видел раньше. <...> Думаю, что пробуду в Москве очень мало – дней 5. Целую тебя крепко (на бумаге можно, несмотря на насморк). Нам еще надо посмотреть «Школу злословия» в Худ. театре.

твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 23 декабря 1940 г.

Дорогая моя Анечка, гриппую, сильнейший насморк, так что почти не могу ничего делать. Когда прочтешь письмо, вымой руки, чтобы не заразиться гриппом. По-видимому, у меня несколько повышенная температура (градусника [с собой] нет).

Сегодня годовщина: 1) два года назад я в этот день уезжал из Махунцети и при прощании с тобой говорил больше обычного; 2) год назад я приехал в Батуми, но тебя не видел, был страшнейший дождь, я, пока дошел от вокзала до моря (по улице Карла Маркса) и обратно, вымок. Годовщина неудачная – сижу здесь один, как пес, и утираю нос.

Твое нежелание говорить по телефону, когда это нужно, начинает давать плоды: узнал из письма Сиротинского, что Галина Ивановна подписала меня на «Электрические Станции» на год! Попытаюсь здесь кому-нибудь из инженеров переуступить эту, вторую подписку.

Сегодня пришла телеграмма, а затем письма, что Сиротинский срочно уезжает на Чирчик, а мне поручается руководство будущей бригадой здесь. В конце декабря мне все же нужно будет поехать в Москву. М.б. это будет в начале января. Я тебе телеграфирую. Ты должна в этот раз снарядить меня лучше, чем в прошлый раз: у меня нет с собой толстых черных ниток (№2 или №5 или хотя бы №10 или 20 – у меня №30), пуговиц для [нижнего] белья, лишних бумажных носков, спецовки, [электрического] патрона висячего, не было одеколона, нет крема и щетки для ботинок, соды, кальцекса, было мало конвертов.

Харчей мне надо будет взять побольше – теперь холодно. Возьму опять масла и яиц, но кроме того какого-нибудь сала (м.б. малороссийского или грудинки или бекона) и копченой колбасы. Больше мне пока не пиши, а сэкономленное время умножь на 3 и занимайся немецким языком! Целую тебя много твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 24 декабря 1940 г.

Дорогая Аня, рассчитываю приехать в Москву утром 29-го или 30-го (в крайнем случае, 31-го). Из Ленинграда телеграфирую. Можешь взять билеты в театр на 30, 31, 1, 2, 3 – на два дня из этих пяти дней. Я выздоровел. Целую тебя, твой Иван.

Телеграмма Ленинград – Москва

28 декабря 1940 г.

Москва Теплый 18 кв 19 Позигун

Приеду домой воскресенье двенадцать

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 9 января 1941 г.

Дорогая Аня, вчера приехал сюда. В пути все шло как по маслу, от Ленинграда ехали в мягком вагоне плацкарты, в который по телеграфному заказу получили в Ленинграде моментально. <...>Здесь все еще не так спешно, как я ожидал, но все же работы срочной много. Сегодня после вечернего чая сидел с Жорняком до половины двенадцатого ночи – составляли план и пр. Так что ты не сердись, что я буду писать тебе мало.

В гостинице получил сразу отдельный номер. Чайник действует, в Ленинграде купил запасные нагревательные элементы к нему, так что не боюсь, что старый перегорит.

Целую тебя пиши подробно обо всем твой Иван

Телеграмма Кондопога – Москва

10 января 1941 г.

Москва Теплый 18 кв 19 Позигун

Пришлите Квятковским счетную линейку простыню пишите

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 11 января 1941 г.

Дорогая Анечка, завтра pošлю посылку с туфлями. Мне кажется, что адрес Дверницкого*, который ты мне дала, является адресом военного учреждения, так что посылку приняли бы и в Москве! Зря ты не попробовала отправить. <...>

* Кто такой Дверницкий, в письмах не поясняется. В то же время возникал сюжет с отправкой посылки старшине Поплавскому (см. выше и ниже), мужу (свекру?) двоюродной сестры, Лели Позигун. Он 9 апреля написал Анне Позигун письмо с просьбой прислать обувь, а также носки для Лели и внушки.

Вчера решился вопрос о вызове сюда Квятковского и Козлова. Я посла в Гидэп молнию об этом, а тебе телеграмму с просьбой прислать мне счетную линейку и простыню, с Квятковским. Надеюсь, что ты быстро позвонила ему по телефону и договорилась о передаче. Я имею в виду большую счетную линейку в черном футляре.

Простыню прошу потому, что здесь опять дали мне такую короткую и узкую простыню, что я из-за этого хуже сплю. С маслом что-то нехорошо – оно частично уже начало портиться.

Работы много, т.ч. я и завтра часть дня буду работать. Иогансон скользкий – работает усердно, но все, что ему не нравится, обходит стороной.

Пожалуйста, пиши мне обо всем, что меня интересует. Как идут твои занятия? Была ли ты больна? Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 13 января 1941 г.

Дорогая Анечка, получил сегодня твои письма от 8-го и 10-го, спасибо.

Зачем ты заводила кожаный будильник – не знаю. Я его (ход) завожу по субботам или воскресеньям, значит, заводил 4-го или 5-го и до 11-го заводить не надо было. Будильник тебе, вероятно, тоже не нужен. «Лимон» мужского рода, а не женского. Ясно, что в бандероли лимоны посылать нельзя. Ешь лимоны сама, а то до меня они засохнут.

Посылку Дверницкому послал вчера. Насчет зарплаты ты ошибаешься, я получаю около 380-390 руб. в получку [два раза в месяц]. Должны были вычесть около 57 руб. и 8 руб. за перевод – так и получается.

Ich lege sie auf den Tisch (я кладу ее на стол) – верно. Sie – «она» (именительный падеж) и «ее» (Akkusativ, винительный падеж – кого, что). По-русски «ее» – также и родительный падеж (кого, чего), по-немецки родительный падеж (Genitiv) – ihr.

Раз у тебя потребность в музыке, я бы все же советовал тебе сходить одной или с кем-нибудь в оперу или на концерт (вполне можно и прилично одной пойти). Пирамидона купи себе заранее запас.

Я несколько простужен был вчера и сегодня, принимал кальцекс. Сейчас все в порядке, сердце – в порядке. Пока я не переутомляюсь. Жорняк работает много. Иогансон скользкий и по количеству работы (ровно 8 часов), и по качеству, главное, не хочет исправлять свои записи как следует сразу, а исправляет кое-как. И путается в основных вещах. Если бы не он, мне было бы легче.

10-го я послал молнию в Москву, чтобы немедленно командировали Козлова и Квятковского. После этого получил две телеграммы, но об их выезде ни звука. Сейчас пошлю еще телеграмму. Работы много и срочной, а тут еще начальство мое в Москве медленно поворачивается! <...>

Когда пойдешь к Тане, отнеси ей том Тургенева – стоит на полке, у него порван корешок. Посмотри, не стоит ли на полке книга: Мешков (и какой-то еще автор). Диспетчерское управление энергосистемами (название пишу приблизительно). Книга средней толщины, без [твердого] переплета, в обложке кремового цвета. Если на полке нет, не ищи – это чересчур трудно. Если на полке есть, то пришли бандеролью мне.

Держи себя в руках, не распускай нервы, систематически занимайся, води умеренный образ жизни (даже в отношении патефона). Займись русской орфографией, особенно мягким знаком в глаголах. О немецком ты не пишешь, занималась ли 7, 8, 9, 10 [января] и сколько уроков прошла и написала ли все упражнения.

Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 17 января 1941 г.

Дорогая Анечка, сегодня получил твое письмо от 11-12-го, отправленное 14-го. Это небрежность. Сегодня получил телеграмму, что приедет Козлов один (он должен был приехать вместе с Квятковским). Не писал тебе, пока не получал писем от тебя, у тебя немножко больше свободного времени, но посылаешь ты мне письма раз в 5 дней!

Таня живет в Малом Козихинском переулке – дом 11, кв. 20 (вход с улицы, звонить или стучать в четвертое от двери налево окно). Ее телефон К-3-82-85. <...> Не слушать, когда я тебе говорю дело, у тебя есть манера. Вот и Пушечная [улица]. Я говорил дома, как туда ехать, и показывал, когда ехали на вокзал на автомобиле и проезжали пл. Дзержинского. А на третий день ты плутаешь в поисках Пушечной!

Я не понимаю, как твой совет перестать ездить в командировки, вытекает из того, что ты убедились в невозможных условиях в Лефортове. Ведь, если я перейду в Гидэпе на проектирование, я должен буду тухнуть в этом террариуме в Лефортове! А так часть времени в Москве я могу работать в лаборатории. Пока мне не следует переходить на другую работу. Дальше будет видно.

Здесь уже неделю стоят морозы – 20⁰ и больше, до –31⁰. Хожу в валенках. Первое время было ничего, но теперь промерзло служебное здание. Третьего дня был в бане. 3 дня не действовал водопровод в гостинице. 3 раза не было напряжения. Это противно. Сегодня жаловался директору, впрочем, гостиница ему не подчинена, но м.б. он может воздействовать.

В работе много интересного, но неприятно, что значительная часть работы может задержаться, нас начнут торопить, получится чересчур нервно. Пока у меня нет оснований нервничать, кроме безобразной задержки Козлова и неприезда Квятковского.

На обоих мы рассчитывали, что они начнут работать 15-16-го. Вместо этого один Козлов начнет 19-го. Я телеграфировал в Москву 4 раза просьбу об их выезде и просьбу телеграфировать, когда выедут, и ответа не получал до сегодня.

Мое здоровье в порядке. Целую тебя крепко твой Иван

Когда придет №1 «Эл. станций» (по твоей подписке), сообщи мне, я проверю, получит ли Пожаров [по переуступленной подписке]. Ты опять ничего не пишешь о своих занятиях с 7-го до 12 января – 6 дней! Неужели не занималась? Все-таки на твоём месте я бы съездил на Курсы стенографии <...>. Я просил 1 простыню. ИК

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 18/19 января 1941 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твое письмо от 14-го и 15-го. Сегодня приехал Козлов (вызывал его и Квятковского). Квятковский, очевидно, не приедет. Таким образом, ты можешь опять (как и в декабре) больше не беспокоиться о посылке мне.

Если бы ты дала себе труд позвонить по телефону 13, 14, 15, 16 [января] Филиппову на службу или Квятковскому на дом или Архангельскому на дом, то узнала бы, что Квятковский не поедет, а Козлов поедет один. Он очень обязательный человек и посылку мне привез бы, если бы знал, что это нужно, но ведь ты молчала.

Напиши, как твоя простуда. Напрасно ты в каждом письме обещаешь поехать на курсы на Пушкинской. При желании ты давно туда съездила бы уже. Там прием что-то до 9 вечера!

Целую твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 19 января 1941 г.

Дорогая Анечка, вчера, получив твое письмо от 14-15-го, я огорчился и написал тебе сердитую открытку. Огорчился я не тем, что не получу простыню, а тем, что ты по-прежнему проявляешь пассивность и страшную умственную лень – боязнь умственного перенапряжения. Кроме того, никогда не хочешь послушать моего совета, даже тогда, когда идет речь не о больших затратах времени на дело, тебе нежелательное, а когда идет речь о затрате 3-4 часов: поездка на Пушкинскую [(на [Курсы стенографии](#))], к Тане и т.д. или спросить совета, если не можешь сама соображать.

Когда я прочел здесь адрес, который ты мне дала для посылки, я сразу увидел, что можно было послать посылку из Москвы. А ты в Москве мне говорила: «не понимаю, почему Поплавский дал не свой личный адрес». Ей богу, я бы тогда же сообразил бы, если бы ты адрес показала.

Тебе надо начать пользоваться телефоном. Надо перестать смотреть на себя, как на провинциалку. Ты уже московская жительница (прожила под Москвой и в Москве уже $\frac{2}{3}$ года), и не пользоваться телефоном, когда это надо – некультурное нежелание пользоваться возможностями экономии времени. Повторяю, если ты пойдешь к автомату (напр., в передней Протезного института), то или ты сумеешь соединиться правильно (на автомате написан ведь порядок действий) или соединишься не с тем номером, и это сразу выяснится (но это маловероятно), или вообще не соединишься. При этом обычно гривенник возвращается. В третьем случае ты можешь попробовать еще несколько раз, пока не выйдет, или пока ты не убедишься, что неспособна.

Ты вполне можешь не простужаться, если опять-таки не будешь лениться сообразить, что не надо сидеть так, чтобы дуло в голову или что надо закрыть вентилятор. М.б., если морозы держатся, и в комнате холодно, следует замазать окна или хотя бы [[одно](#)] левое. Занавесками, пожалуйста, без меня не занимайся.

Итак, я хотел бы, чтобы

- 1) ты начала пользоваться телефоном, когда это надо, а на первое время просто для пробы – позвони Тане и Антонине Максимилиановне [[Старковой](#)];
- 2) ты не простужалась;
- 3) съездила бы на курсы стенографии и выяснила [[условия приема](#)];
- 4) отвезла бы Тане том Тургенева;
- 5) писала бы мне не реже одного раза в два дня и опускала бы письма в ящик не позже, как на другой день утром;
- 6) занималась бы регулярно ежедневно один-два часа немецким языком (купи пластинки с руководством) и кроме того полчаса-час – русской грамматикой, правописанием и т.д.

Из того что ты ничего не пишешь о занятиях, я делаю вывод, что ты и не занимаешься ученьем. Заниматься одним леченьем – это никак нельзя. Ведь хватало же у тебя времени в Батуми и для службы и для приготовления ужина! А лечение отнимает меньше чем 6 часов в день, которые отнимала служба. Минимум полчаса в день на занятия! Утром!

Не понимаю, почему Квятковский не сказал, что м.б. он и не поедет, а Козлов поедет и мог бы взять то, что я просил (ты могла бы отнести в лабораторию). М.б. у Квятковского были «нечестные намерения», и он интересовался зайти [[к тебе](#)] за вещами?

Сегодня с утра я разбудил Козлова и Жорняка, и они пошли на работу, хотя воскресенье. Сам я пока пишу тебе, потом буду работать дома – теплее, спокойнее, воздух лучше, чем в служебном помещении, где я бываю большую часть времени (хотя там гораздо лучше, чем в Москве, в Лефортове – ты ведь видела). Козлов в Ленинграде (проездом) мерз, так за один день был три раза в кино один [[чтобы отогреться](#)]]!

В гостинице уже 4-5 дней не работает водопровод, а вследствие этого и канализация. Морозы держатся. Иогансон скользкий, а я, дурак, заботился о том, чтобы его не обсчитывать, как обсчитали нас на Чирчике, и чтобы он еще заработал.

Твои рассуждения, что меня с работой не торопят, несостоятельны. Дело таково, что оно само торопит нашу работу, а кроме того – начальство. Пока все идет довольно гладко, но главные трудности в работе – впереди. Я сплю лучше теперь, хотя иногда мало. Сейчас у меня более длинные простыни, но узкие. Успел потолстеть – двигаюсь мало, ем много, в том числе масло и яйца, нервничаю мало.

Писать «Mein Johann» можно, но не принято. Принято «mein lieber Johann» или «lieber Johann». Почему в прилагательном lieb в этом случае окончание «-er» – разберись сама по учебнику. Вообще давай своему мозгу какую-нибудь работу. Если тебя больше интересует алгебра или геометрия, чем грамматика, то занимайся этими науками! Но обязательно чему-нибудь учись. Я настаиваю на том, чтобы ты видела людей и развлекалась. Теперь, после выдержки, можешь все-таки съездить к Кате и отдельно к Старковым. Обязательно сходи в концерт – вполне можно одной.

Лефортово ты теперь знаешь. Вот на всякий случай еще адреса и телефоны:

(приводятся координаты А.И. Архангельского; Электролаборатории Мосгидэпа – ул. Чайковского, 21/4, в подвале; тел. А.М. Старковой – К-3-54-79; Лефортова, где работают сослуживец Филиппов, секретарь Зина Рашутис, Галина Ивановна, Ж-3-19-14).

Написал тебе очень много, но думаю, что толка будет мало благодаря твоей упрямой умственной лени. Сейчас буду чинить полушубок, а потом работать. Уж очень у полушубка длинная и широкая юбка, за все цепляет и рвется.

Целую тебя много и очень крепко твой Иван Слушайся меня иногда

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 21 января 1941 г.

Дорогая Анечка, спасибо за присылку книжки, но в другой раз бандероли запаковывай все-таки иначе: надо обклеивать двумя полосами бумаги крест-накрест, [а у тебя] каждая полоса самостоятельна, т.ч. ее можно сдвинуть. Могу показать тебе в Москве.

Вчера получил телеграмму, что Квятковский выедет «на днях» – т.е. приедет сюда дней на 15 позже чем надо было. Пришлось отказаться от этой любезности.

<...> Целую тебя крепко, думаю, что через месяц вернусь, твой Иван, пиши мне чаще и больше и содержательнее!

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 24 января 1941 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твои открытки (вторая в конверте с припиской на обрывке газеты) от 19-го и 21-го. Думаю, что Квятковский не поехал, т.к. 20-го я телеграфировал, что его приезд был нужен раньше (около 14-15-го), а теперь (если бы он выехал 23-го, то приехал бы 25-го) нецелесообразен. Советовать тебе что-нибудь о курсах стенографии я не хочу, раз ты относишься к этому с таким сопротивлением и полным отсутствием интереса. Могу только написать, как я поступил бы на твоем месте: <...>.

Я бы все же подал сейчас заявление о приеме и пошел бы на экзамен на риск, помня, что неопределенное наклонение (ответ на вопрос «что делать?») пишется с мягким знаком (ты пишешь: «продолжаю лечится», надо – «продолжаю лечится», ты пишешь: «велела явится», надо – «велела явится»), и помня, что второе лицо единственного числа пишется тоже с мягким знаком: «ты пишешь», «ты делаешь», «ты смотреишь»; других ошибок у тебя мало бывает.

В чем собственно заключается риск – неясно, если не будешь пробовать, то не поступишь на курсы, если попробуешь и провалишься, то по крайней мере будешь иметь представление об экзамене, и он тебя немного встряхнет. (Я в своей жизни несколько раз ходил на экзамены с риском провалиться, провалился только один раз, и это пошло мне на пользу.) <...>

С работой временами заедает, временами после нажима и т.д. что-нибудь удастся. Вчерашний и сегодняшний дни были удачные. Рассчитываю приехать в Москву через месяц – в 20-х числах февраля. С харчами у меня благополучно, поэтому я их и не просил. Большой счетной линейки и простыни мне очень не хватает, но я сам виноват, что в чем-то рассчитывал на тебя, мог бы сам телеграфировать или написать Козлову и т.д.

Ты пишешь мне очень мало. Неужели ты не можешь купить блокнот побольше, что пишешь на открытках и обрывках? Рад, что ты починила зубы. Раньше там коронки не ставили. Что ты предприняла насчет своего зеленого платья? Пожалуйста, сшей его к моему приезду. Можешь посоветоваться с Галиной Ивановной, где шить или пойди наобум поближе. Как твоё лечение? Прочла ли ты «Войну и Мир» и «Обломова»?

Сегодня хочу выспаться – вчера в первый раз были вечерние испытания, лег спать около 2 час. ночи. Целую тебя крепко, все-таки я не думал, что ты так неисправна будешь с письмами и прочим
твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 29 января 1941 г.

Дорогая Анечка, вчера получил твою открытку от 25-го.

Дня три не буду тебе писать – будет некогда, т.к. начинаются основные испытания. Все намечается удачно. Возникавшие трудности, по-видимому, устраняются.

Сегодня приехал из Ленинграда Иванов, который был на Чирчике и с которым я оттуда ехал. То, что он приехал сегодня, удачно – выходит, что как раз вовремя. Завтра начнем испытания, которыми он будет руководить.

Поражен твоим намерением идти одной в кино! <...> В открытке от 25-го ты вдруг дважды написала «i» вместо «и»! Что тебя так потрясло, что из тебя поперло украинское правописание? За полтора года нашей переписки этого ни разу не было.

Ну, я ложусь спать, а то все последнее время недосыпаю. Завтра придется работать до ночи. А послезавтра – утром опять. Потом будет легче. Может быть, в первых числах февраля съезжу дня на два в Петрозаводск по делу.

Целую тебя много раз твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 1 февраля 1941 г.

Дорогая Анечка, получил твое обиженное и расстроенное письмо от 28 января. А ведь мне уже заранее стало тебя жалко, что я тебя все попрекаю, и я тебе писал об этом.

«Мучитель» по-немецки Quäler, а не Kwehler, как ты пишешь. Почему ты ничего мне не писала о своих занятиях арифметикой, грамматикой, чтением, пока эти занятия шли у тебя успешно, а написала только теперь, когда прекратила занятия из-за обиды на меня? Если бы я знал, что ты чем-нибудь систематически занимаешься, я бы не попрекал тебя бездейтельностью в этом. О занятиях немецким ты почти ничего не писала.

У нас вторые сутки идут главные испытания генератора. Очень интересно и в общем все идет гладко, гораздо лучше, чем, например, на Чирчике шло. В ночь на 31-е начали работу с полуночи и кончили в 7 утра. До 4 час. дня поспали порядочно и опять начали [испытания] и работали до 3 час. утра. Спал с 5 час. до полдесятого, больше не мог. Сейчас пойду на работу к 2 часам, и к ночи кончим главное испытание.

Можно будет начать работать нормально. М.б. на днях съезжу в Петрозаводск на 2 дня, а м.б. и не поеду. Морозы стали немного слабее.

В 20-х числах февраля рассчитываю приехать в Москву и буду тебя утешать, развлекать и за тобой ухаживать. Как идет твое лечение? Насчет сердца ты бы сходила к терапевту.

Целую тебя крепко твой Иван

Пожалуйста, пиши мне.

Иван из Петрозаводска – Анне в Москву, 4 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, вчера утром встал в четвертом часу к местному поезду, приехал с Жорняком в Петрозаводск. Пробуду здесь до вечера сегодня. Живем в гостинице. Сравнительно легко получили номер, вернее, 2 места в трехместном номере. Мороз больше 15⁰ с ветром. Были вчера в кино на «Гибели Орла»*. В Кондопоге работы еще до чорта, но уже более легкой. Основные испытания кончились. Пожалуйста, пиши мне.

Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 5 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, вчера вечером прибыл сюда. Писем от тебя не оказалось! Это нехорошо.

Из здешних видел только Козлова. Гостиница здесь опять пришла в упадок: отопление действует с перебоями, в уборной сорван крючок, кровать скверная и т.д. (В Петрозаводске я выпался). Жду писем от тебя. Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 8 февраля 1941 г.

Дорогая Анечка, получил твое письмо от 5-го. Не «Qualer», а «Quäler», не «mersi», а «merci», посмотри в русско-немецко-фр.-англ. словаре.

Из твоего письма мне все же неясно, что же ты решила делать с курсами стенографии. Неясно так же, сколько часов в день ты занимаешься учением. Или же занимаешься нерегулярно? Надо регулярно!

* Одна из большевистских сказок про гражданскую войну: «Осенью 1920 года, когда Красная Армия вела бои на окраинах Новороссийска, у причалов порта стоял один из лучших [транспортных] кораблей русского флота «Орел». Боцман корабля, коммунист Михаил Груздев, убедил капитана Чистякова сохранить «Орел» и вернуть его под красный флаг. Вскоре легендарный корабль, на борту которого находились преследуемые Красной Армией белогвардейцы, покинул Новороссийск. История не оставила следов дальнейшей судьбы «Орла» и его экипажа. Было мнение, что Чистяков сдал корабль белогвардейцам, а те увели его за границу. Спустя много лет капитан корабля «Камбала» Михаил Груздев, уверенный в бескомпромиссности Чистякова, добился разрешения – и приступил к поискам пропавшего корабля...».

(режиссер Василий Журавлев, 1940 г.; по очерку Константина Золотовского «Капитан Лаце», 1937 г.)

Сценаристы «Гибели «Орла» легко перекинули сюжет из северного порта (Мурманска, т.к. упоминаемая в очерке Волкова губа находится на востоке Кольского п-ва, а на самом его севере – упомянутый там же мыс Немецкий, на п-ве Рыбачий) в черноморский, а капитана-латыша Августа Генриховича Лаце (который сам затопил корабль, «без руководящей роли» якобы коммуниста – боцмана Михаила Терентьевича Груздева, лежавшего в это время в тифозном бараке) переименовали в русского Чистякова. А заодно «повысили» так и оставшегося боцманом Груздева до капитана «Камбалы»...

На самом деле, большевики, после заключения позорного Брестского мира, сдали, было, немцу четыре десятка боевых кораблей Черноморского флота (не считая транспортов и прочего хозяйства флота), из которых 15 вырвались в Новороссийск, но там по приказу В.И. Ульянова-Ленина они были затоплены 18-19 июня 1918 г.

Лечение надо продолжать, пока твои врачи находят нужным! Если сомневаешься в них, то походи к профессору там же в платной поликлинике (на Девичьем поле в нашем районе). Грязи или кварц, вероятно, приятнее чем диатермия.

Последние дни у меня паршивое настроение – много неоконченных работ, много мороки, а тут еще ты не писала. Вчера вечером дрыхнул часа три, потом ходил в 12-м часу ночи в баню. Очень плохо у меня с подштанниками!

Завтра воскресенье, но придется работать хотя бы неполный день. В общем дело идет к концу, но медленнее, чем я ожидал. Что-то мне надоело здесь. Вечерами я в последние дни не работал почти, устаю больше, чем раньше – сказывается чрезмерная и ночная работа с 30-го до 2-го. На днях должен отдохнуть от нее – уже неделя прошла. Жаль, что в Петрозаводске был только 2 дня и 1 ночь – там лучше отдохнул бы. О новой командировке ничего не слышно.

Целую тебя, твой Иван

Лечение доводи до конца, м.б. куда-нибудь сможем вместе поехать, но ведь надо же, чтобы твое лечение было кончено.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 11/12 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, вчера получил сообщение Александра Ивановича Архангельского о предстоящем получении им премии за меня за 1940 год. Сейчас написал ему, чтобы он передал деньги тебе. Можешь истратить из них на осеннее пальто, обувь и белье 1 200 руб. Я предпочел бы, чтобы самые ответственные покупки (обувь!) ты делала при моем участии, а то опять купишь неудобную обувь или пальто, которое к тебе не пойдет. Положи большую часть денег в сберкассаху.

Если Ал-р Ив-ч не прямо привезет тебе деньги, а пришлет открытку, то позвони ему вечером домой и условься, что заедешь за деньгами. У него есть шпиц и весьма радушная мать (с отцом я не знаком). Напрасно ты мне опять так редко пишешь. Если бы написала через 3 дня, то я сегодня получил бы письмо. <...>

Сейчас на станции жду пуска машины. Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 12 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, сейчас (поздно утром) получил твое письмо от 8 февраля, спасибо. <...> Пожалуйста, если найдешь, пришли заказной бандеролью мою книжку: «Турбогенераторы», техн. справочник, издание завода Электросила или Главэнергостроя (без [указания] автора), мягкая оранжевая-коричневая обложка. Если в ящике, то не ищи – не стоит, если найдешь на полке или столе – пришли.

Целую тебя крепко твой Иван

Телеграмма Кондопога – Москва

14 февраля 1941 г.

Москва Теплый 18/19 Позигун

Брошюру турбогенераторы не присылайте привет

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 16 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, получил твои письма от 8/11 и 12-13, спасибо.

В ночь на 15 февраля были окончены испытания линии на Петрозаводск и некоторые другие испытания, и новый генератор начал давать энергию здешней сети и Петрозаводску. Вчера были торжества и т.д.

Вчера днем и сегодня работали немного – сегодня вышел полувыходной день, были с Жорняком у Точилина, были приглашены на обед. Но узнали о приглашении поздно, опоздали, все же нас покормили. Очень устали – вчера и сегодня мысли идут медленнее. Надо теперь работать без сверхурочных, а то так совсем обалдеешь.

До 1 марта я не приеду. Точнее я соображу на днях и напишу тебе. М.б., если я застряну, ты приедешь сюда? Пока ты лечилась, я тебя не звал. На днях напишу. Сегодня брал душ.

Сейчас в полночь ложусь спать – это достижение! Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 18 февраля 1941 г.

Дорогая Анечка, получил твое письмо от 15-го. Ничего не понял, чем ты больна, сколько времени больна. Когда ты так бестолково пишешь, то я отсюда ничем помочь не могу, т.к. и понять-то ничего не могу. Сегодня стало выясняться, что как будто Жорняку и мне следует уехать сейчас отсюда в Москву на несколько дней и затем ему приехать дней на 15.

<...> Меня выселяют из гостиницы, вероятно, завтра перееду в дом Кондопожской ГЭС у самой электростанции. Мне должны здесь заплатить сверхурочные, но нет денег в кассе, т.ч. когда заплатят, неизвестно.

<...> В общем, пусковые испытания прошли удачно, почти совсем гладко и окончены в срок. В Петрозаводской газете второй день пишут о пуске генератора Кондопожской ГЭС и линии электропередачи на Петрозаводск.

«Гаври[и]лиада» [А.С. Пушкина] для оперы неподходяща, мне кажется. После того, как я телеграфирую тебе о выезде, купи билеты нам в театр на дни между 27 февраля и 2-3 марта. Составь список вопросов ко мне по грамматике и немецкому языку.

Целую тебя крепко твой Иван

Что за манера половину письма вымарывать?

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 20 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, вчера ввиду выселения из гостиницы поселился в доме Кондопожской ГЭС. Тепло, клопов, кажется, нет; очень маленькая комната. Жорняка почему-то оставили в гостинице. Рассчитываю выехать отсюда 25-го, быть в Москве 27-го. Из Ленинграда телеграфирую.

Но м.б. что-нибудь еще изменится, и я застряну, тогда телеграфирую тебе, чтобы ты продолжала мне писать. Пиши тогда по адресу: Кондопога Карело-Финской ССР, Кондопожская ГЭС I, управление делами, Классону. У меня второй день болит поясница, так что я хожу как-то косо. Работаю после 15-го умеренно, т.е. сверх 8-ми часов – полчаса-час. В Москве, если сейчас приеду, пробуду дней 5-8.

Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 21 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, рассчитываю 25-го выехать, если не получится какой-нибудь задержки. 27-го днем должен приехать в Москву. У меня трагическое положение с подштанниками! Пожалуйста, приготовь крепкие подштанники для носки в Москве и чтобы взять с собой сюда. Отдала ли ты в починку мой большой сафьяновый портфель (замок!)? Составь список вопросов ко мне по нем. языку и по грамматике.

Целую тебя твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 24 февраля 1941 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твое письмо от 20-го. <...>Рассчитываю 26-го утром выехать и 28-го быть в Москве. Из Ленинграда телеграфирую.

Целую тебя твой Иван

Приготовь мне вторые брюки от того костюма, который на мне. Покупай чай мне в дорогу. Только не 2-й сорт, а 1-й или высший или улучшенный!

Телеграмма Ленинград – Москва

27 февраля 1941 г.

Москва Теплый 18 кв 19 Позигун

Пятницу одиннадцать двадцать вагон пятый целую

Иван из Ленинграда – Анне в Москву, 11 марта 1941 г.

Дорогая Аня, послал сейчас тебе заказной бандеролью русскую грамматику в двух томах. Вот это «оперативность»! т.е. быстрота. Действуй также – веди запись ежедневную своих занятий: сколько часов и что прочла (кратко) по русской грамматике и по немецкому языку (по-прежнему учебнику и по пластинкам) и присылай записи мне с письмами!

Забыл сказать тебе, чтобы ты писала мне не на гостиницу, а – «Кондопожская гэс I, управление делами, И.Р. Классону». М.б. буду жить не в гостинице.

Целую тебя, пиши твой Иван

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 12-13 марта 1941 г.

Mein Johann! Сегодня получила от тебя Грамматику, большое тебе спасибо.

Вчера: убирала комнату, занималась, купалась, читала «Безмятежную тумбу» [И. Ильфа и Е. Петрова]. Сегодня ездила в Универмаг. Купила себе две пары трико (теплых), чулки шелковые стального цвета – 9 руб., пластинки: «Взяв бы я бандуру» и на другой стороне «Гречаныны», поет Паторжинский, надеюсь, тебе понравится; «Ночь в Мадриде», увертюра, музыка Глинки; «Сказки Венского леса», вальс, музыка Штрауса; «Тысяча и одна ночь» Штрауса; «Жизнь артиста», тоже Штрауса.

Отнесла деньги в Сберкасса. Вот и все, что я делала эти два дня. Я хотела купить туфли себе «плетеночки», но к сожалению в Люксе их не было. Катя такие долго носит, т.ч. я решила их купить, они стоят 170 руб., для лета они очень удобны, я жалею, что их раньше не купила. Ты мне ничего не сказал, какой нравится тебе цвет пальто [для меня]? Также мы не договорились, буду ли я его шить, когда, как и т.д. Ты писал, что при твоём участии выбирать, но я вижу, что это невозможно. Пожалуйста, напиши, что мне предпринять насчет пальто?

Материал на рубашки для тебя я не решаюсь покупать, это возлагаю на тебя, выбирай по своему вкусу. К тому же в Ленинграде, я думаю, выбрать лучше можно и без очереди. Можешь купить мне чулки фильдекосовые, обязательно черные.

Пока все. Буду писать аккуратно, также сообщать о своих занятиях, как обещала. Сейчас займусь грамматикой, потом немецким.

<...> Все-таки я купила пальму за 15 руб., смотря на нее, я вспоминаю Приморский бульвар в Батуми, что мне доставляет большое удовольствие. Целую тебя, твоя Анна

<...> Я думаю, что готовые рубашки все-таки можно тебе купить. Насчет того, чтобы я предложила Кате денег, то мне как-то неловко, напиши ты ей об этом. Пиши все подробно. Пока я очень довольна грамматикой, особенно 1-м, 2-м и 3-м склонением существительных.

Получила открытку, мерси. Только что купила дрожжи без всякой очереди, третьего дня я их купила, но сегодня увидела, что они уже испортились. Утром занималась грамматикой, 1-м, 2-м и 3-м склонением существительных, иду домой и буду заниматься немецким.

Какая замечательная вещь «Ночь в Мадриде» и остальные, которые я купила. Когда долго не слушаешь, то после упиваешься музыкой. Я дня четыре не заводила патефон, завела сегодня, слушая «Ночь в Мадриде», у меня настроение поднялось на 100%.

Целую крепко Анна

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 13 марта 1941 г.

Дорогая Аня, написал тебе открытку из Ленинграда, вчера отсюда не успел. <...> Живу в доме эксплуатации в большой комнате с хорошим видом на озеро, но с плохой кроватью, впрочем, с длинными простынями; в квартире тепло и чище, чем в гостинице. А селедки я все-таки [\[взять с собой из Москвы\]](#) забыл! Если сможешь, съешь их сама и напиши, сколько они могут стоять. Пиши. Получила ли грамматику?

Целую тебя твой Иван

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 15 марта 1941 г.

Mein Johann! Сегодня получила №3 «Электр. Станций».

Сегодня была у специалиста по кожным заболеваниям, велел мне принимать витамин «Ц», утверждает, что пятна у меня на лице вызваны больными яичниками и половой сферой, возможно он и прав, возможно у меня и больные яичники, но я этого не замечаю, правда об этом мне говорила Литвинова, т.е. о небольшом припухании последних.

Прописал мне так называемое «шелушение», после которого у меня сейчас горит лицо и как иголками колет, когда притрагиваешься. Вход к нему стоит 5 руб., да каждая процедура стоит 5 руб. Видишь, какая я разорительница.

Я хочу еще узнать насчет расширения кровеносных сосудов, которые у меня имеются, конечно все это будет стоить тоже недешево, что ставлю тебя также в известность и жду согласия твоего. Через дней 6-7 я собираюсь пойти к профессору-гинекологу, я, Ванечка, не знаю, если это опять будет связано с деньгами, если это будет в платной поликлинике, где нужно будет принимать необходимые процедуры, которые также будут платные, то это обойдется очень дорого. Свое мнение насчет всего этого прошу написать мне.

Занимаюсь каждый день. Кончаю с существительными, осталось на один день, т.к. сегодня я мало занималась, учу наизусть первый курс на пластинке. К нам на квартиру проводят телефон, как будто через 3 дня.

Целую твой классический нос твоя Анна

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 16 марта 1941 г.

Дорогая Аня, сейчас зашел домой истопить печь. Сегодня продолжаются испытания.

Вчера еще выспался, а сегодня спал только с полчетвертого до восьми часов. Сегодня работа была очень интересная. Продлится, вероятно, до ночи или захватит ночь. Завтра можно будет отдохнуть. В общем, я доволен, хотя тяжело.

<...> Пиши мне по адресу на обороте [*открытки: г. Кондопога Карело-Финской ССР, Кондопожская ГЭС, управление делами*]. Как тебе понравилась грамматика?

Целую тебя твой Иван

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 18 марта 1941 г.

Mein Johann!*

Третьего дня получила от тебя открыточку, мерси. Селедка стоит 9 руб., в этом свертке, кажется, было полкило. Половину я уступила Марии Николаевне, а половину попробую съесть сама.

Du schreibst nicht – was machst du in Leningrad, was machst du am Abend [(«*Ты ничего не пишешь – чем ты занят в Ленинграде, что ты делаешь по вечерам*»)] и т.д. Пожалуйста, не ограничивайся несколькими словами и пиши письма, в которых было бы не меньше 56 строчек, в каждой строке по 15 слов (раз в три дня), в противном случае буду отсылать тебе их обратно.

Сегодня был чудный, солнечный день, напоминающий Батумский, когда я ездила в прошлом году на Кобулетский участок. Когда я приехала домой в 12 час. дня, на улице была жара и даже душно, и после такой резкой перемены как-то было неудобно ходить без пальто, и я несмотря на то, что было очень жарко, пошла на службу [*к тебе*] в пальто. Особенно запечатлились весенние дни утром.

В моем лечении (косметикой) есть положительные результаты. Занимаюсь, подробно буду писать в следующем письме.

Auf Wiedersehen Целую тебя, deine Анна

Получила открытку №3. Спасибо. Ты бы не переутомлялся так... А.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 18 марта 1941 г.

Дорогая Аня, сегодня выспался, вчера был в кино на «Голос «Тараса» и «Сов. Буковина»^{**}.

<...> Завтра иду в театр на «Жорж Данден» – пьеса Мольера, очень известная, но я ее не видал и не читал. Относительно пальто посоветуйся с Галиной Ивановной (ты бы к ней съездила), с Катей. Мастерскую выбирай поближе к дому или к метро. Ты ничем не рискуешь, если попробуешь посмотреть и примерить готовое пальто, но покупай, если будет очень подходящее – впору и тебе идти. Цвет, я думаю, средний серый. Если подходящего готового не найдешь, то покупай материю – обязательно хорошего качества (лучше, чем на зимнем твоём пальто) и шей.

Селедки ешь, сообрази, сколько они стоили, и напиши мне. Грамматикой занимайся систематически и води дневник занятий! Целую тебя твой Иван

* Далее следует, в том числе, «смесь русского с немецким и французским», долженствующая показать, что Анна на самом деле учит языки! Мы постарались вернуть эту «смесь» на русский.

** «Голос Тараса» – короткометражный фильм (36 мин.) 1940 г. выпуска об «освобождении» Красной Армией в 1939-м Западной Украины, режиссер Владимир Фейнберг, Ленфильм. «Советская Буковина» – художественно-документальный фильм 1940 г. выпуска, режиссер Юлия Солнцева, Киевская киностудия худфильмов (затем – им. А. Довженко).

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 19/20 марта 1941 г.

Дорогая моя Анечка, получил сегодня твое письмо от 15-го и очень огорчился.

Все-таки ты или бестолкова или чересчур нытик. Как же ты мне не сказала, что твоя врачиха у тебя находила. Ведь это же гораздо важнее, чем всякие загибы [матки или у пальто? – МК]!

Конечно, тебе надо было давно пойти к профессору, а ты затянула это, и сейчас покупаешь пальму (я не возражаю, но это не необходимость), а про лечение спрашиваешь меня, можно ли тратить на него деньги. Пожалуйста, трать, сколько будет нужно или будет казаться полезным. Здоровье – самое главное, как ты этого не понимаешь?

Я еще с Чирчика телеграфировал тебе, чтобы ты пошла в платную поликлинику, сколько времени (полгода!) ты бы уже выиграла, если бы тогда меня послушалась, но я не знаю случая, чтобы ты послушалась меня в чем-нибудь важном! Отнесись тщательно к выбору профессора. <...> Узнай, как купить путевку в санаторий, на какой месяц и т.д. И если можно и все ясно, то покупай путевку сейчас же, хотя бы за 1 500 руб.

Если пятна от дамской болезни, то причем тут «шелушение», надо лечить основу болезни, а не симптом. Если шелушение так раздражает кожу, что до нее больно дотронуться, то лучше этой процедуры не делай – как бы не получилось хуже – фурункулеза или рожи или экземы на почве раздражения. Пятна – это последнее дело. Расширенные сосуды – это уже важнее, выясни насчет них.

Займись, наконец, своим лечением всерьез. Напиши мне потолковее – причем тут витамин «С». Должен он повлиять благоприятно на дамскую болезнь? Прочти имеющуюся у нас брошюру о витаминах и применяй ее советы в пищу.

Поправки к твоей орфографии: Johann (ты раньше так и писала), шелушить, а не шулушить. В предыдущем письме у тебя было меньше ошибок.

Я смотрел в Ленинграде «махровую» материю по 78 руб./м на халат и готовые халаты по 170 руб. Ни один готовый халат мне не понравился по цвету и узору (понравился лишь один халат – модель на манекене, но он не продавался). Материя понравилась только одна, но не очень. Думаю, на обратном пути в Ленинград еще посмотреть и купить или халат или материю. Покупать готовые рубашки мне я не хочу. Попробую купить материю в Ленинграде.

Кажется, я получил прибавку. Ты увидишь это по ближайшей получке, если она будет больше 380 руб. Целую тебя крепко твой Иван

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 21 марта 1941 г.

Mein Johann! Получила от тебя открытку №4. Спасибо. Но все-таки какое свинство с твоей стороны в отношении писем! Ты отдуваешься одними открытками. Я не думаю, чтобы у тебя не было времени! Если тебе написать письмо составляет большой труд, тогда лучше совсем не пиши.

Вчера удачно подписалась до конца года на газету «Московский Большевик», я ее не решалась выписывать, т.к. не знала ее совсем. Но в Отделе Косметики мне пришлось познакомиться с ней, и она мне понравилась, всего на 30 руб. 15 коп. за 9 месяцев. Так что с 1 апреля я буду уже получать, я очень рада, мне ужасно надоело в очереди стоять за газетой и то приходится видеть ее раз или два в неделю.

Два дня болела, но сейчас уже здорова, слава Богу. Получила письмо от отца, очень жалеет меня, что я все время болею, и советует серьезно полечиться. Пишет, что племянник мой уже бегает и говорит, пишет также, что сестра плохо его воспитывает, все его капризы выполняет.* Мне кажется, что отец прав. <далее следует текст, вымаранный Анной>

По немецкому не очень подвинулась, а по русскому 2 дня знакомилась с прилагательными. Очень много уходит времени на всякие хождения. Ты помешан на сером, правда и мне нравится серое, но оно хорошо выглядит, когда хорошего качества. Сейчас в моде светло-серый драп, но мне этот цвет не нравится.

Спокойной ночи, ложусь спать

Целую твой нос классический

твоя Анна

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 21 марта 1941 г.

Дорогая Аня, вчера подписался до конца года на «Лен. Знамя» в Москву (Петрозаводская газета), т.ч. после 1 апреля (примерно с 3-4-го) начнешь его получать. Кроме того, подписался сюда на «Известия» (в Москву нельзя было); когда поеду в Москву – переадресую их туда. Если хочешь, попробуй подписаться на «Огонек».

Тут наметились разные комбинации о нашей дальнейшей работе здесь. Возможно, что я около 25-27-го буду в Ленинграде дня на два. Выясняй скорее все со своим лечением, чтобы знать, надо ли тебе лечиться в Москве или на курорте и когда. Когда выяснишь, телеграфируй кратко, например: «буду лечиться Москве апреле» или например «надо ехать туда-то мае» и т.п.

Целую тебя

твой Иван

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 22 марта 1941 г.

Дорогая Анечка, получил сегодня твою открытку №3.

<...> Ты иногда мало ошибок делаешь в письмах, а иногда очень много. Надо писать фильдекосовые [чулки] (fil d'Écosse – шотландская нитка по-французски), merci, а не mersi!

<...> На днях здешнее начальство в лице Точилина предложило премировать меня или Жорняка путевкой на апрель, в Сочи, Кисловодск или Новый Афон. Как раз в тот день я получил от тебя письмо о твоей [женской] болезни и что ты собираешься пойти к профессору. Мне неясно, нужно ли тебе лечиться в Москве или на каком-нибудь курорте и на каком именно. Если бы не это обстоятельство и еще то, что работа здесь еще не кончена, я бы взял путевку, а ты поехала бы со мной без путевки или путевку мы купили бы в бывш. Чудовом переулке.

Ввиду этих обстоятельств (решать надо было быстро) я решил не претендовать на путевку и уговорил Жорняка брать ее, тем более что я считал полезным, чтобы не только начальство премировалось, как это было на Чирчике (а Жорняк вывез там добрую половину работы), и не только Чирчикская бригада, но и хотя бы один человек Кондопожской бригады (моей!). Жорняк очень переживает уже третий день и то, что работа не окончена, и то, что он не может уступить путевку жене и что у него денег не хватает на дачу для семьи и т.д.

* К сожалению, упомянутое письмо от Г.Т. Позигуна не сохранилось.

Сегодня премирование его путевкой объявлено приказом, и я запросил Елфимова телеграммой об отпуске Жорняку.* Рассчитываю в понедельник получить ответ. Не думаю, чтобы он решился лишать Жорняка премии, которую дает строительство, а не наше учреждение, впрочем, вероятно Елфимов и Сиротинский переживают трагедию – и отказать в отпуске неудобно, а в то же время хотели послать Жорняка раньше других в мае – проделать всю черновую работу.

Так что я рассчитываю, что Жорняк все же 25-го уедет (путевка начинается со 2 апреля) а я останусь один. Рассчитываю пробыть здесь до 10-20 апреля. В начале апреля, вероятно, съезжу с Точиным в Ленинград по делу. Я думал о том, чтобы ты сюда приехала в апреле, я даже мог бы встретить тебя в Ленинграде, но боюсь на это решиться:

1) как бы ты не простудилась в дороге и затем в Ленинграде на холодной квартире у Любои Петровны;

2) вероятно, в мае мне надо будет еще раз сюда поехать (а потом летом или осенью еще раз), дорога довольно дорога, так уж лучше поедem тогда с тобой в Ленинград и сюда весной. Ленинград в белые ночи очень хорош, и будет теплее;

3) неясно с твоим лечением.

Ты все-таки неправа, что не сказала мне раньше, что [врачиха] Литвинова говорила тебе о твоей болезни – я бы отнесся более серьезно, чем к загибу [матки? – МК].** Где грязь – в Москве или на курорте (каком?) – мне неясно тоже.

19-го с Жорняком и Точиным был на премьере (т.е. первом представлении в данном театре по данной постановке) «Жорж Данден» в здешнем театре. Оказалась зеленая сценка! Единственный результат был, что страшно не выспался.

На премьере присутствовал весь здешний бомонд, т.ч. я недоумеваю, кто же пойдет на второе и следующие представления. Вспомнил определение Марка Твена – «классиками (в данном случае, Мольер) называются писатели, которых все хвалят и никто не читает».

Из твоих немецких фраз я вижу, что ты еще не проходила или не умеешь применять немецкого прошедшего времени. Надо было спрашивать не: «Was machst du in Leningrad?» («Что ты делаешь в Ленинграде?»), а: «Was hast du in Leningrad gemacht?» («Что ты делал в Ленинграде?»).

В Ленинград я ездил за плацкартой на городскую станцию (там был перерыв, и мы пребывали в люксе до и после станции), оттуда пошел пешком в Ленгидэп (с Жорняком), там завтракал и вел деловой разговор часа два, затем в Ленгидэпе же на другой улице, еще с Батаноговым (был здесь) и Калмыковым (был на Чирчике), здесь с Жорняком расстался, купил тебе граммпластинку (много книжных магазинов на проспекте Володарского – бывш. Литейном проспекте), поехал к Любои Петровне, беседовал с [вышедшим на свободу] Павлом и все семейством, поехал в полночь уже на вокзал.

* Также обоим старшим инженерам Бюро пусконаладочных работ Мосгидэпа – И.Р. Класону и Г.И. Жорняку «за успешную работу по пуску агрегата №3» директор строительства Сунастрой тов. Иришин объявил благодарность. См. приложение “Документы, публикации и письма И.Р. Класона «во внешний мир» и из оногo”.

** Наиболее вероятен загиб у молодых женщин, которые имеют малый вес, недостаточно развитые мышцы и скелет, а иногда еще и удлинненную грудную клетку. Такой тип телосложения еще называют астеническим, а относящиеся к нему женщины часто бывают раздражительными и сильно эмоциональными. Кроме того, астеники страдают инфантилизмом развития половых органов. Все это в совокупности ведет к снижению тонуса мышц и связок матки. Болезнь весьма серьезна, потому что иногда грозит бесплодием. – Из Интернета

Здесьней работой я очень доволен вследствие того, что многому на ней научился, и недоволен, что много времени ушло напрасно (но поучительно), может получиться убыток по договору. В этот приезд получилось тяжело, что уже через полтора дня (14-го) после нашего приезда начались испытания, а 15-16-17-го уже пришлось мало спать, 17-го днем отсыпались, потом 19-го был в театре, 16-го – воскресенье пропало.

До сих пор еще не совсем отоспался, надеюсь отоспаться к понедельнику. Устал я меньше, чем в январе или феврале (было три тяжелых периода в феврале), но уже надое-ло, так что бодрости чувял меньше.

Собираюсь завтра взять что-нибудь беллетристическое в библиотеке (на Чирчике я читал беллетристику – это для отдыха полезно, а здесь с ноября не читал). Ты бы сходила в концерт, в кино.

<...> Материи на рубашки себе тоже посмотрю [(в Ленинграде)]. Готовые рубашки покупать не хочу, они большей частью короткие, а это меня раздражает – короткая рубашка лезет вверх [из брюк].

Целую тебя очень крепко твой Иван

(К письму прилагалась подробная информация о заказе плацкарты на поезд Ленинград – Кивач и маршрут проезда по Ленинграду к Любове Петровне на Смольный про-спект.)

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 23 марта 1941 г.

Дорогая Аня, одновременно с этой открыткой посылаю письмо, написанное вчера.

Сегодня у меня очень болит спина, м.б. от погоды – второй день сильнейший ветер при морозе. Хорошо, что у меня полушубок, а не пальто. Когда я буду в Москве, мне надо будет срочно привести в порядок зубы. Про один или два надо решить – удалять их (из-за гранулем) или лечить. Потому, пожалуйста, заранее узнай, где, когда принимает проф. Лукомский (одонтолог), как к нему записаться, за сколько времени надо записываться. Кажется, он работает в той же поликлинике Мед. института (или Университета?) на Пироговской, о которой я тебе писал (я видел объявление в трамвае). Из-за ветра не знаю, буду ли сегодня выходить, кроме как на обед.

Ты мало и редко пишешь! Целую тебя твой Иван

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 24 марта 1941 г.

Мой Ванечка! Только из поликлиники [пришла]. Записалась на среду на 4 час. Не ругай меня, хотя я этого заслуживаю, но никак не могла предполагать, что и за плату в очереди быть придется. Мне на Кировской в лаборатории анализ сделали очень быстро.

К [проф.] Малиновскому попасть невозможно, он принимает 5 час. в месяц. На Апрель м-ц уже нельзя было записаться. Как объяснила мне регистраторша – дома [к нему] также трудно попасть. Записалась я к профессору Шварцман – 15 руб.

Не беспокойся, я думаю, что большой опасности нет, мне исследовали бели и [участко-вый врач] Литвинова сказала, что они хорошие.* Больше всего ожидаю, что лечение будет в Москве, если тебя интересует месяц, то я тебе телеграфирую в среду же, т.е. 26-го<...>. [Проф.] Боговолина у них нет.

Вчера получила твою получку – 399 руб. 02 коп.

* Бели – один из самых частых симптомов гинекологических заболеваний, связанный с количественным или качественным изменением секрета половых органов. Причины: воспалительные процессы, опухоли различной локализации. – Из Интернета

Занимаюсь. Какая разница обнаружилась между старой грамматикой и новой: в старой прилагательные, оканчивающиеся на ч, щ, мужского рода, пишутся на конце без мягкого знака, в новой же прилагательные мужского рода (краткие), оканчивающиеся на шипящие, пишутся без мягкого знака на конце.

Целую тебя крепко твоя Анна

Пиши подробнее в отношении всяких изменений.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 24 марта 1941 г.

Дорогая Аня, сегодня получил твоё письмо от 20/21. Я тебе пишу много. 14-17-го шли испытания, и я даже мало спал, т.ч. много писать не мог, повторять, что у меня, наверное, время было, – глупо. Сегодня после работы мылся под электродушем на станции.

Посылаю тебе три «секретки» – комбинированные письма-конверты с фото сельхоз. выставки. Можешь послать их отцу и Батумским знакомым (две картинки – одинаковых). С подпиской на газеты вышло не совсем удачно, так же как раньше с подпиской на «Эл. станции». На газеты я истратил около 67 руб., да ты – 30, итого почти 100 руб. Спроси, не уступить ли кому-нибудь «Моск. Большевика» (м.б. Сергею Федоровичу, м.б. Галине Ивановне, м.б. Квятковскому?)

Странно ты пишешь, что вот отец написал, что тебе надо серьезно лечиться. Я начиная с февраля 1940 года говорю и пишу тебе об этом. Но ведь ты взрослый человек, а я не врач, сначала я думал, что главное нездоровье у тебя – малярия, потом думал, что нервы и т.д. Ты же считала другое, но с февраля до марта тянула и т.д. Возьмись, наконец, за ум, тщательно выбери, к кому пойти, и пойдёшь не откладывая.

Если пойдёшь к профессору на дом, то плати 30-40 руб. (клади на стол, так что бы он видел). Тебе надо скоростными темпами вылечиться, а если это быстро нельзя, то лечись долго и упорно.

<...> Я не понял о твоём отце и племяннике. Разве твоя сестра живёт в том же городе, что и отец? Или она была у него проездом?

Целую тебя много твой Иван

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 25-26 марта 1941 г.

Mein Johann! Только что получила от тебя открытку и письмо. Спасибо.

Насчёт моих занятий: ведь я тебе сообщаю почти в каждом письме. По грамматике я кончаю прилагательные. Учю я не по разделам, я составила небольшой конспект и учу весь раздел (прилагательные). По немецкому я слабо двигаюсь, много забыла, я решила повторить и проходить по пластинкам.

После трудов праведных тебе полезно было бы отдохнуть, но раз ты уступил Жорняку путёвку... Все-таки, когда же ты собираешься отдохнуть?

Я уже думала, не будет ли полезным для тебя и для меня отдохнуть возле Батуми, я могу списаться с Поплавским и запросить его насчёт комнаты, я не помню хорошо, у него в Чаква или в другом месте есть родственники. Мы могли бы там пожить недели 2½3, это не так дорого обошлось бы нам, ты бы отдохнул. Или же в Карелии, где-то там есть курорт, если там благоприятный воздух, можно будет снять комнату.

Ванечка, подумай насчёт этого хорошо, ты совсем себя не жалеешь. Если ты не будешь лечиться и беречь себя, у меня охота отпадет лечиться и так же беречь себя. Завтра я пойду к профессору... Это письмо я pošлю только после того, как узнаю результат.

<...> Я смотрела материал на пальто, из драпа ничего хорошего нет. Я смотрела еще коверкот, но тоже подходящего нет. Зимой я видела в Люксе бостон черного и темно-синего цвета, этот материал мне очень понравился, я его сейчас бы купила, если бы он был, но его нет и бывает очень редко. Пожалуйста посмотри в Ленинграде. Я еще боюсь покупать, вдруг тебе не понравится. Если увидишь и тебе понравится, то при возможности купи.

26/III 41 г. Только что от профессора. Говорит: все хорошо, матка немного мала, загиб не обнаружил, яичники здоровы, немного ниже расположены чем должно быть, но это ничего. Я также жаловалась на отсутствие беременности. Он сказал, что нужно проверить твое семя, если ты проверял, то напиши мне, какой результат. Если у тебя все в порядке, тогда я буду лечиться, т.е. он будет меня лечить. Лечения мне [пока] никакого не прописал. Может быть, врет? В общем неизвестно, кто врет.

Целую тебя твоя Анна

<...> Ванечка, переведи, пожалуйста, мне это предложение: «Что ты суетишься, как щенок перед с[р...ем], последнее слово постарайся перевести правильно. Was du sich fummelst, wie ein Hündchen...»*

Пока [проф.] Лукомского не нашла. Была на Пироговской в Центр. поликлинике, там нет и вообще профессора зубного нет. Поищу по телефонной книге и сообщу тебе, ты пожалуйста пиши, на какое тебя число записать? Твоя Анна

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 27 марта 1941 г.

Дорогая Аня, третьего дня получил твое письмо от 22-го с обещанием написать в понедельник, но сегодня письма не получил, чем недоволен. Сегодня утром Жорняк уехал – вчера я получил телеграмму, что отпуск ему разрешается и он получил путевку. Путевка второразрядная – Новый Афон стоимостью около 900 руб. Путевки в перворазрядные санатории, например, НКТП в Кисловодске, стоят 1 400 руб.

У меня осталась очень скучная часть работы – редактирую, вернее, переделываю эксплоатационные инструкции, составленные в январе и феврале Иогансоном. Потом еще осталось составление одного протокола испытаний и расчеты.

Сейчас стало так скучно, что я пошел в читальню, почитал газеты, хотел взять книги, но оказалось, что почти ничего нет: или вообще или они на руках. Библиотекарша с бельмом [на глазу] и глухая, м.б. поэтому она даже не слышит, какую книгу у нее спрашивают, и говорит – нет. Взял том Чехова. Сейчас почитал. До меня дошел слух, что сюда приедет Сиротинский. Удовольствия от этого не ожидаю.

В Ленинграде собираюсь быть (с ездой) 3-7 апреля. Здесь днем тает, но ночью мороз.

Целую тебя крепко твой Иван

Пожалуйста, занимайся регулярно и веди запись. Не понимаю, почему ты пишешь мне письма в первом часу ночи, надо [ложиться] спать не позже 12-ти. Ты не ценишь, что не работаешь, можешь не ездить на трамвае, и что у тебя столько времени, чтобы заниматься самосовершенствованием, т.е. лечением и ученьем! А полуночничать нечего!

* В не таком «великом и могучем как русский» немецком языке нам не удалось найти прямого эквивалента простонародного термина «ср...е». Есть: Scheiße – дерьмо, испражнения и, возможно, непечатное «г..но»; scheißen – испражняться (ср.ть?); beschissen – ср.ный. Даже Иван, с его безукоризненным знанием немецкого, похоже, так ничего и не смог (или письменно не решился?) ответить Анне (см. ниже).

Целую тебя твой Иван

В последнем письме ты что-то писала о разнице между старой и новой грамматикой в правописании таких прилагательных как «хорош», «тягуч», «тощ». Они всегда писались без мягкого знака (при старом режиме – с твердым знаком). Так что я разницы не вижу между правилом старой и новой твоих книг по грамматике. Думаю, что ты чего-то не поняла.

Целую тебя крепко твой Иван

Целую тебя крепко, занимайся и развлекайся и не простужайся. твой Иван

^{**} Энсо – название Светогорска в Ленинградской области до 1948 г. В окрестностях города, на р. Вуокса находилась недостроенная финнами одноименная гидростанция (Энсо, а затем Светогорская).

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 1 апреля 1941 г.

Дорогая Аня, завтра днем или 3-го утром еду в Ленинград. Пожалуйста, напиши туда, сейчас же, как получишь эту открытку, и отправь свое письмо!

<...> В Ленинграде я пробуду до воскресенья включительно. Адрес [[Любови Петровны](#)]: Ленинград 15, Смольный проспект, 6, кв. 58. Целую тебя твой Иван

Купил тебе 2 книжки по орфографии и пунктуации, pošлю из Ленинграда.

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 1 апреля 1941 г.

Mein Johann! Только что звонила Сергей Федоровичу насчет газеты. Он изъявил желание подписаться на газету. Пожалуйста напиши заявление (я выписала на твое имя) и пришли его мне: «Московский Большевик» с 1 апреля и до конца года.

Немного была простужена, сейчас чувствую себя хорошо. Тебе обязательно нужно отдохнуть, об этом подумай. В прошлом году ты ведь совсем не отдыхал. Ты ничего не пишешь насчет dein Bruder, устроился ли он? Мне неясно: глагол повелительного наклонения gehen, напиши, какое окончание принимает глагол повелительного наклонения.

Насчет [[установки](#)] телефона ничего не слышно... Целую тебя твоя Анна

Анна из Москвы – Ивану в Кондопогу, 3-4 апреля 1941 г.

Mein lieber Johann! Вчера получила от тебя телеграмму и сегодня письмо. Merci. Насчет телеграммы я ничего не поняла. Я уже беспокоилась, думала, что ты не получил письма от 26 марта, но ты его получил, а зачем телеграмма?

Один отец учил своего сына быть экономным. После того, как он окончил учебу, отец дал ему маленькое поручение, написать телеграмму одному из неплательщиков. Как сын ни составлял текст, отцу не нравилось. В конце концов отец рассердился и накричал на него, после чего составил сам телеграмму: Одесса, Мойше и в тексте «Ну?». Если я долго не пишу, можешь мне такие телеграммы присылать.

Вчера в поисках проф. Лукомского потеряла несколько часов и безрезультатно. Если это он (в телеф. книге проф. Лукомский только один, правда есть еще Лукомский, но не профессор), то такой проживает по Рождественке, №6.

Вчера я там была, но вывески у него никакой нет. Возможно он дома и не принимает, не могу сообразить, каким путем узнать, где он работает... Про книгу, что ты писал, я не нашла, но ведь в ней я думаю не будет указано, где кто работает, где он живет, я знаю телефон его – К-4-62-95. В общем я постараюсь узнать его служебный адрес.

Насчет проф. Шварцмана я ничего [[определенного](#)] не могу сказать. Он был очень внимателен и разговорчив, конкретно объяснил мне, как отправить твоё семя на исследование. Я ему говорила про загиб, он мне сказал, что сейчас его нет, а нет потому, что я лечилась и это помогло. Возможно, что Литвинова преувеличивает, а этот преуменьшает, ну а я беру среднее. Так или иначе этот объект мне надо беречь, на даче [[\(снимая комнату в прошлом году\)](#)] я все-таки простудилась, а возможно еще в дороге из Батуми, т.к. до этого я себя так не чувствовала. После первого и второго месяца диатермии улучшение было очень заметное, но потом я опять где-то простудила или возможно у меня часто ноги замерзали, а этого нельзя допускать. Сейчас я себя чувствую хорошо, продолжаю выполнять, что прописала мне Литвинова.

Ты ничего не написал, какое это средство необходимо для исследования спермы, которого в продаже не было и когда это ты собирался сделать?

Вчера хотела отослать Поплавскому посылку, но не приняли по той причине, что не известно [[воинское](#)] звание получателя. Я написала Поплавскому, чтобы сообщил.

Ванечка, у тебя очень сухая кожа на лице, ты пожалуйста мажься вазелином, сухая кожа старит человека, а главное ты можешь себе нажить болезнь. Я говорила в Косметическом отделе про твоё лицо, мне сказали, что мылом сильно умываться не следует, хорошо было бы тебе промывать после мытья молоком, но т.к. этого ты не можешь делать, тогда на ночь [мажься] вазелином. Напиши мне, делаешь ли ты это или будешь делать?

Ты не на все мои вопросы отвечаешь и не все мои просьбы выполняешь. Я тебе советую перечитывать письмо перед тем, как ты собираешься писать ответ.

Сейчас изучаю 4 части речи: прилагательное, существительное, числительное и местоимение. Существительные и прилагательные только повторяю. По немецкому – повторяю. В немецком языке предложного падежа нет, насколько я вижу, его можно заменить дательным падежом: dir – тебе, а впрочем не знаю. Я тебе несколько раз писала об этом, чтобы ты мне объяснил, но ты ничего не написал.

Завтра хочу пойти в кино, а то совсем закисло. Целую тебя твоя Анна

4/IV-41 г. Mein Johann! Ты не просрочишь свой паспорт и не оштрафуют тебя за это? Ты не пишешь, как у тебя с харчами. Третьего дня передавали по радио «Периколу» Оффенбаха, с интересом прослушала. Погода в Москве все время пасмурная, но не холодная. Целую тебя твоя Анна

Иван из Ленинграда – Анне в Москву, 5 апреля 1941 г.

Дорогая Аня, сегодня еду в Кондопогу. Очень разочарован, что не получил от тебя здесь письма и вообще ты мне не писала после 16-го! Вчера послал тебе 2 книжки упражнений по орфографии, синтаксису и пунктуации. Вчера купил тебе купальный халат из махровой песочно-голубой материи. Было 2 халата, которые мне нравились, но они продавались в разных этажах универмага «Пассаж». Я бегал 3 раза вниз и вверх и сравнивал их на память! Купил 1 пару фильдекосовых черных чулок со стрелкой №8½ за 28 руб. Себе купил парусиновые серые полуботинки на кожаной подошве – 88 руб.!

Все деньги, что были со мной, потратил, даже еще занял у Сиротинского 50 руб. – видел его здесь в Ленгидэпе вчера и сегодня. С Елфимовым вчера для популярности поругался! А то он туг на понимание! Не буду писать тебе, пока не получу от тебя письма. Архангельский исправнее тебя – прислал мне сюда 2 письма и 1 телеграмму!

Целую тебя крепко твой Иван

Покупки остались у [жены Павла] Любови Петровны.

Иван из Кондопоги – Анне в Москву, 6 апреля 1941 г.

Дорогая Анечка, сегодня здесь получил пришедшую 3-го открытку твою от 1 апреля. Все-таки ты написала мне через 6 дней вместо трех.

Перед моим отъездом в Ленинград у меня здесь в конце марта очень немного болел глаз. Я принимал салицилку и уротропин, и к отъезду в Ленинград глаз совсем прошел, я был рад. Вообще, в 1939-1940 годах он болел всего три раза, но два последних раза совсем немного и недолго. Когда я собирался в Ленинград, я еще беспокоился, как это поеду, когда глаз не в порядке, думал в Ленинграде сходить к главному врачу и получить рецепт на атропин (глазные капли, расширяющие зрачок), но к тому времени глаз прошел.

А вчера вечером перед отъездом из Ленинграда глаз опять немного заболел, а сегодня уже покраснел порядочно, думаю, завтра пойти в амбулаторию и попытаться получить атропин или скополамин (капли в глаз). Хотел сегодня [сходить], но узнал, что амбулатория в воскресенье закрыта.

Эта история с глазом меня раздражает, т.к. если атропина здесь не достану, то придется ехать в Ленинград – при порядочном воспалении без атропина обходиться нельзя.

Если бы не то обстоятельство, что Точилин, Елфимов и Сиротинский должны быть здесь 12-13-го и должно быть совещание, я м.б. просто дня через 2 уехал бы в Москву, кое-что по работе здесь не окончив, а так очень неудобно, но м.б. придется.

Посылаю заявление на почту о перемене адреса для «Моск. Большевика» (в заявлении проставь дату – с какого числа менять адрес, спроси на почте). «Известия» тоже на днях перенаправлю в Москву.

Получил письма Архангельского и Жорняка, которые приводят меня в уныние по поводу беспорядков у меня на службе и скверного отношения ко мне Елфимова и Сиротинского. Дело еще осложняется тем, что Сиротинский жалуется мне на Елфимова и т.д., а сам через него проводит свою линию, идущую мне и другим в ущерб. С удовольствием расстался бы со всей этой компанией.

Бостон для демисезонного пальто не подходит – тонок. Смотрел в Ленинграде материю для твоего пальто, покупать не мог, т.к. не было денег, но выбор очень небольшой, и мне ничего не понравилось. То же и с зефиром для моих рубашек.*

Сколько у тебя денег в сберкассе? И сколько наличных (до или после получки)?

Как только решится, буду ли лечить глаз здесь или вернусь теперь в Москву – напишу. Целую тебя, моя Анечка, отчего ты так мало пишешь, кажется, ты отвыкла от меня. Твой Иван

Телеграмма Кондопога – Москва

8 апреля 1941 г.

Москва Теплый 18 кв 19 Позигун

Выезжаю Москву запишите меня поликлинике электриков главному врачу Иванову днем или вечером среду

Более чем годичный перерыв в письмах был связан, скорее всего, не с войной, а с тем обстоятельством, что в 1941 г. «молодожены» жили в поселке Таваксай, куда Иван Робертович был командирован на строительство гидростанции на Чирчике.

* Зефир – бельевая хлопчатобумажная ткань из крученой белой пряжи, вырабатываемая полотняным переплетением. Предназначается, главным образом, для изготовления мужских рубашек. Для зефира характерно наличие вдоль основы узких полосок (просновок), состоящих частью из утолщенных белых нитей частью из тонких цветных, чередующихся между собой и с белыми нитями. – Из Интернета

На обороте сего фото уже пожилой И.Р. Классон написал:
«Чирчикская ГЭС. Таваксай. 1941. В этом доме мы жили – И.Р. и А.Г.»*

*Иван из Кургана – Анне в совхоз** , 13 июля 1942 г.*

Дорогая Анечка, еще не получил от тебя ни одного письма и, говорят, еще никто из матерей, мужей и т.д. Вашей Лопатинской партии ни одного письма не получил! Покупал 2 раза по 150 г конины, варил в супе (бесконечно, по три раза) и делал отбивную котлету – удачно. Вчера купил 100 г (13 руб.) говядины, варил сегодня суп и буду жарить.

На огороде был в субботу 11-го, на второй день без дождя – поливал, с [сахарной] свеклой и репой дело дрянь, особенно с репой (что-то есть – не то репа, не то редька, а другой нет, свеклы страшно мало).

Посеял бы редиску, но нет семян. М.б. возьму у Порецкого, когда он выйдет из госпиталя, и посажу около дома! Картошка в порядке, сегодня или на днях буду ее рыхлить!

Пожалуйста, пиши! Зарплату получил 11-го и расплатился с хозяйкой. За молоко (и последнее) она ничего не взяла!! Имей в виду, что 9-го каждого месяца ей надо платить 60 руб. квартирной платы за истекший месяц!

Аронс велела мне среди недели притти заполнять анкеты для пропуска в Москву. Но задержка из-за Порецкого, который выйдет только через неделю, в лучшем случае. Ехать одному или даже требовать пропуск мне одному очень неудобно, пока у Порецкого неясна продолжительность задержки. Корхова едет в Москву сегодня (если не отложила из-за болезни сына!). Мою работу никто не печатает, т.к. Овчинникова неделю болела!

Целую тебя крепко, приезжай скорей, а пока пиши твой Иван

* В автобиографии, написанной ранее, он констатировал: «С 1941 г. работал в бригаде БПНР на Тавакской ГЭС Чирчикского каскада, с началом войны был переведен в филиал Ленгидэпа в Перми, в 1942-м – в БПНР эвакуированного в Курган Гидроэнергопроекта».

Действительно, на Чирчике строились две гидростанции, первую из которых называли Комсомольской, а вторую – Таваксайской (Тавакской). Как раз в июле 1941-го была пущена последняя гидростанция, соответственно перед этим И.Р. Классон занимался наладкой систем релейной защиты и автоматики. Комсомольская же ГЭС под Чирчиком была пущена еще в сентябре 1940-го, где Иван пребывал в командировке с августа по сентябрь этого года и писал Анне письма на станцию Болшево под Москвой (см. выше).

** Расположение совхоза уточняет следующая справка: «Дана Лопатенским отделением Лопатенского зерносовхоза тов. Позигун А.Г. в том, что она, мобилизованная на прополочные работы из гор. Кургана с 4 июля, проработала по 30 июля, а с 30 июля отпускается в отпуск до 6 августа 1942 г.». На тот момент Анна Гавриловна служила машинисткой в тресте Гидроэнергопроект, эвакуированном в Курган.

Напиши, что выменяла и что купила. Пожалуйста, питайся дополнительно, к казенным харчам, молоком и яйцами (не прислать ли тебе сейчас – рублей 100 я мог бы).

Твой Иван

Иван из Кургана – Анне в совхоз, 16 июля 1942 г.

Дорогая Аня, ни одного письма от тебя не получил, и никто из родных Вашей бригады ничего не получил (насколько знаю)!!

Вчера в газете «Красный Курган» напечатано постановление СНК СССР и ЦК об уборке урожая. Там прямо сказано (как я и ожидал), что мобилизованных из городского населения, прибывших на прополочные работы, оставить в колхозах и совхозах на все время уборки. Так что ты застрянешь минимум до сентября (если так долго смогут всех вас использовать!). М.б. тебя сюда вызовет спецотдел, если я поеду в Москву, как мне обещали. Но ведь с твоим вызовом может и не выйти! Раз почта так медленно действует, как же вызывать?

В телефон я не верю; раз ты сюда не звонила, где же тогда позвонить тебе или даже передать телефонограмму! Подумай поэтому и напиши мне всякие свои пожелания, которые я смог бы учесть здесь до отъезда (ориентировочно, в начале августа) и в Москве! Не послать ли тебе денег? Напиши мне толково, платят ли тебе что-нибудь там, сколько! Как ты питаешься? И т.д.

Если тебе деньги нужны, то можешь написать общее распоряжение (и послать заказным) в бухгалтерию треста Гидроэнергопроект: «переводите причитающуюся мне зарплату регулярно два раза в месяц почтой по адресу..., Анне Гавриловне Позигун». Дата, подпись, от кого распоряжение. Кроме того, я могу послать немного [денег].

О рытье и вывозе (на корове!) картошки с наших соток я думаю договориться из половины или из трети с хозяйкой Федосьей Андреевной (м.б. при участии-руководстве Гарденина или [сотрудницы Гидэпа] Аллы Сергеевны Захаровой!).

Нельзя будет оставлять нашу картошку, если все свою уже выкопают, то нашу украдут. А тебя может к тому времени еще не быть [в Кургане]! 14-го и 15-го разрыхлил тяпкой почти половину всей картошечной площади (12 рядов из 26!), 14-го, кроме того, поливал.

Времени совсем нет! Еще простыню не зашил, только подтяжки зашил. Ложусь в одиннадцатом часу, встаю в шестом, не успеваю. Масло, рис, пшеницу, муку (я добавил два раза по 900 г.) возьму в Москву полностью. Получил сообщения и советы брать в Москву как можно больше харчей. Картошка там стоит около 60 руб., яйцо 15 руб. [десяток], молоко 40 руб. Здесь картошка 17-20 руб. (скоро буду опять покупать!). Я подсаживал не взошедшую картошку. Молоко у Аллы [Сергеевны] вчера прекратилось [для продажи], пока воздержусь, тем более что яйца стали тухнуть! Бульон два дня давали. Но он теперь уже к утру протухает!!

От обмозки [комнаты] навозом развелись мушки, которые все засиживают! Усиленно сушу комнату, но она сохнет медленно. Уголь еще не перевозил. Для керосина у хозяйки нет бидона! Разбилась у нее при наводнении большая бутылка!

Прилагаю 1 открытку, 1 конверт и 1 лист бумаги папиросной на случай, если ты все это забыла взять или потеряла! Пожалуйста, пиши! Я очень смущен возможной перспективой моего отъезда в твое отсутствие.

Разрешаешь ли ты мне обменять перед отъездом [на харчи] белую материю, голубой халат? А я тебе оставляю [для возможного обмена свои] 2 пары обуви, пиджак, часть белья, шапку. Кроме того, у тебя синее неподшитое платье, черная материя, ботики, белое платье, комбинезон.

Лучше всего было бы, если бы я смог через 2-3 месяца еще приехать из Москвы в Курган, хотя бы кратковременно, но вряд ли это осуществимо. Тогда я привез бы тебе ватное пальто и т.д. Все очень неудачно получается! Но что я могу сделать лучше?

Целую тебя крепко, если ты меня не забыла, а только отдохнула от меня! Ты бы написала еще раз отцу, сестре и двоюродной сестре! А то потеряешь родных, что будет особенно нехорошо, если я сдохну – останешься совсем одинокой, при твоей неспособности сходить с людьми. А мадам Лукина очень мила, я вполне сдружился с ними, брал у них тяпку и т.д.

Еще раз целую. Я отдыхаю от «эмбриона калачем» – спать просторно. Но замучился с хозяйством огородным. Мою работу начала печатать Алла. Твой Иван

17-го Местком будет докладывать о заготовке топлива, как это сделать заочно без тебя – опять вопрос, главное – вывоз!

Соседка М.Н. Козлова из Москвы – И.Р. Классону в Курган, 31 июля 1942 г.

Уважаемый Иван Робертович.

Деньги присланные Вами с Вашей знакомой получить при всем желании не могу. Я очень занята, у меня ребенок. Мария Васильевна приходит с работы в 9 час и позднее, оставить ребенка не с кем. [Муж] С.С. очень плохо себя чувствует, он мне не помогает. С [вашей] комнатой пока по-старому, никто не занял. Вещи сохранены. Было бы лучше, если Вы переведете квартирную плату в банк. Ковер продать не могу, не имею времени.

Телефона дома нет, чтобы вызвать оценщика, ходить в автомат не могу по той же причине. Очень трудно с ребенком, очередями и хозяйством одной. Вы меня понимаете?!

Привет Анне Гавриловне Уважающая Вас М. Козлова

Иван из Москвы – Анне в Курган Челябинской обл., ул. Энгельса, 8, 10 августа 1942 г. (на открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой. Москва-96»)

Дорогая Анечка, приехал [в Москву]. Комната свободна (была временно занята). Харчей нет ни крошки, кроме перца. Это ты виновата, что не сказала мне вовремя, что харчей было немного, я и предоставил их Свенчанскому. Все еще заперто, т.ч. шкапа и корзины большой не открывал. Целую тебя

Глаз лучше, нога (большой палец нагнаивается) хуже. Не могу попасть в поликлинику. Встал на временный военный учет. Ищу санпропускники. Домоуправление выходное. Говорил с Елфимовым по телефону и т.д.

Иван из Москвы – Анне в Курган, 14 августа 1942 г. (на открытке штамп: «Просмотрено военной цензурой. Москва-127»)

Дорогая Анечка, трачу массу времени на езду на трамваях, когда езжу на метро (в центр и т.п.), то счастлив. Сегодня второй день на бюллетене из-за воспаления ногтевого ложа большого пальца на ноге. На руке, на пальце, опять повязка, ухо тоже забинтовали, а то всё ранки не заживают. Сейчас жду в лабораторной очереди на анализ крови.

Вчера получил доху, валенки, часть [граммофонных] пластинок, две пары носков (сильно ношенные), перчатки, ботинки от бывш. домработницы Свенчанского. Она утверждает, что они харчей не брали, т.к. их уже не было; полагаю, что врет, а м.б. Наташа раньше все очистила.

Получил вчера хлеба и продовольственные карточки. Обедаю уже два дня, в столовой для командировочных, но это ненадолго, раз выдали карточку, то прикрепят к Гидэповской столовой (неважная, говорят).

Был вчера у своей мачехи Евгении Николаевны. Она не уезжала [в эвакуацию] и даже сохранила телефон. Наши пальто и костюмы целы, мелочь еще не разобрал. Времени очень не хватает, все очень сложно. Продай в первую очередь мои белые туфли, пока сезон, но их надо сначала вычистить белым камнем. Продай рублей за 300-400.

Пиши Целую тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган Челябинской обл., по адресу Гидэпа: Береговая ул., 18, Бюро оформления (в случае отъезда прошу переслать), 17 августа 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-125»)

Дорогая Аня, пишу в первый раз тебе по адресу Гидэпа на тот случай, что ты не в Кургане, а на уборочных работах – из Гидэпа тебе м.б. перешлют, а с ул. Энгельса, конечно, нет. От тебя ни одного письма еще не получил. Вещи еще не разобрал, знаю только, что харчей [у нас почему-то] нет (даже чая в палисандровой коробке). Мыла нашел только один маленький хозяйственный и один начатый туалетный кусок. Корзина с платьем сохранилась, доха, валенки, шапка – тоже. Еще не нашел носков.

Кожаные часы пропали у Свенчанского или у его домработницы. Я уже 5-й день на бюллетене из-за «воспаления ногтевого ложа» больш. пальца на ноге (ходить трудно). Бюллетень еще до 19-го. Очень много времени в Москве уходит на езду (езжу в столовую [Гидэпа], иногда на Даниловский рынок – удалось купить 3 кг колхозной картошки по 25 руб./кг вместо 45 руб.), в аптеку за стрептоцидом. Глаз лучше (заболел в дороге), ранка на ухе прошла, на пальце руки проходит, болячки на подбородке подсыхают.

Целую тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган Челябинской обл., по адресу Гидэпа, 19 августа 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-172»)

Дорогая Аня, <...> вчера разобрал чемодан, который привез, и сварил суп на два дня, на утро и вечер: из картошки, свекольной ботвы и капусты. Дальнейшим моим обучением кулинарии занимается Мария Николаевна. Свеклу, капусту, морковь получил по дешевой цене в Мосбюро Гидэпа.

Врач-терапевт, к которой я обращался по поводу того, что у меня всё ранки не заживают, а гноятся, велела мне есть в сыром протертом виде свеклу, редьку и морковь! А пока еще принимаю стрептоцид. <...>

Целую тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 24 августа 1942 г.

Дорогая Аня, очень тороплюсь – приехал в Гидэп, чтобы сдать посылку Гарденину [в Курган]. Уже опоздал. Тебе посылку сдал третьего дня – 22-го, около 8,5 кг, она должна пойти багажом с Иваном Максимовичем Чалидзе. Сейчас не могу выяснить, пошла ли она или пойдет со следующей оказией. Должна была пойти с Чалидзе, т.к. ее я сдал еще вовремя. Тороплюсь, т.к. должен ехать в поликлинику закрывать бюллетень.

Вчера был на квартире Гарденина – собирал вещи, а кроме того днем был на балете «Лебединое Озеро». Хотелось побывать в театре и послушать Чайковского. Все же убедился, что сейчас нет подходящего настроения, чтобы ходить в театр! Попробую в кино!

У меня через 2-3 недели будет очень туго с деньгами. Пожалуйста, используй ближайший выходной день, чтобы продать все, что сможешь, и обменять себе на муку, масло, яйца, картошку, что сможешь.

И переведи мне, сколько сможешь: 100-200-300-400 руб. Я только начиная с 20 сентября начну получать зарплату (за первую половину месяца) переводами из Кургана сюда. В первую очередь продавай или меняй мои вещи.

Со следующей оказией пошлю тебе еще кое-что – какао, полотенце, простыню, подштанники и т.п. Пока посылаю (перечисляю на память – третьего дня не было времени переписать) багажом: *<следует перечисление, см. ниже>*. Кроме того, я лично Чалидзе передал для тебя маленький сверточек: *<следует перечисление, см. ниже>*. С оказией, если сможешь, пожалуйста, пришли пшеницы, а если сможешь достать, то и муки. Тебе придется расплатиться с Чалидзе (если он здесь с меня не возьмет) за багаж – рублей 60.

19-го получил твое письмо от 9-го со штемпелем от 11-го и больше ничего!! Так нельзя! Ты должна мне регулярно 2 раза в неделю писать!

Красных туфель, твоих шерстяных носков и ботинок с застежками нет! Думаю, что сперла домработница Свенчанского. Она теперь уехала на заготовку дров. Кожаные часы пропали, якобы за ним самим (Свенчанским), я думаю – тоже у нее. Также и мыло – хозяйственное, туалетное и бритвенное. Тороплюсь.

Целую тебя твой Иван <...>

Иван из Москвы (Теплый пер., 18, кв. 13) – Анне в Курган Челябинской обл., ул. Энгельса, 8, 28 августа 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-59»)

Дорогая Аня, получил от тебя до сих пор только одну открытку от 9 августа со штемпелем от 11-го. Это безобразие! Уверен, что виновата ты, а не почта! Если ты не будешь писать, то и я не буду, ведь я даже не знаю, в Кургане ли ты или опять в совхозе и т.д.

Послал тебе длинное письмо с Чалидзе. Одновременно (24 или 25 августа) пошла багажом посылка тебе с ватным пальто, зеленым платьем, бинтом, уротропином, двумя шелковыми платьями, ботиками-сапогами, 3 штанами, 1 блузой, 1 шерстяной юбкой, 1 шелковой юбкой, 4 парами чулок, сшитой простыней из рубашечной материи, блузкой, вязаной кофтой, лиловым шарфом, чехлом чемоданным зеленым, ремнями бумажными с деревянной ручкой, зеркалом круглым, белой лентой новой, шелковыми нитками для вышивания белья, штопками разных цветов, пиджаком, брюками.

Кроме этого, Чалидзе в своих вещах повез маленький сверток для тебя с 3-мя (или 4-мя, не помню) парами чулок, бинтом, уротропином (часть отдай Шульц Евгении Фридриховне по 80 коп. за трубку), зеркалом. Вероятно, смогу послать тебе еще посылку багажом: разного барахла и немного какао.

Пожалуйста, используй ближайшие свободные дни, чтобы продать или обменять кое-что. Переведи мне почтой, сколько сможешь, от 100 до 400 руб. Если сможешь, пришли с оказией пшеницы, муки; если выменяешь до тех пор, то даже масла, я его расходую быстрее, чем ожидал. Сдал белье в прачечную у Крестьянской заставы как старый заказчик (новых не принимают). Этому я страшно рад – экономия мыла, времени, сил.

Пиши! Целую твой Иван

Я еще на бюллетене до 31 августа.

Иван из Москвы – Анне в Курган, 28 августа 1942 г.

Дорогая Анечка, сегодня написал тебе, что получил только 1 открытку от тебя. После этого сегодня получил твое письмо от 16 –го и открытку от 19-го. Итого получил всего 3 письма. Я еще на бюллетене до 31-го включительно. М.б. придется вырезать ноготь. Все прочие болячки прошли, глаз выздоровел. Опухлость морды прошла!

Ты ничего не пишешь, пьешь ли молоко или ограничиваешься мясными обедами. Картошка здесь подешевела – стала 40 руб., иногда даже 30. Гидэп каждую неделю давал овощи – капусту, морковь, свеклу, турнепс. Вчера впервые получил капусту (1 кг за 2 руб. 50 коп.) по новой овощной карточке. Питаюсь сейчас, главным образом, хлебом, маслом, капустой, какао. О [бывших у нас](#) меде, варенье и т.д. надо было сообщить мне раньше – в октябре-ноябре [\[1941-го\]](#), а теперь бесполезно. Достались они Свенчанскому, его домработнице или Шуре-Наташе (наши жильцы на кухне, прошлой осенью они были здесь без Козловых) – неизвестно.

Не забудь, что 9-го каждого месяца ты должна платить за комнату Марии Федосеевне 60 руб. А вообще продавай барахло и переведи мне денег! А вообще продавай барахло и переведи мне денег! Если сможешь, пришли пшеницы, муки, масла. Подтверди получение вещей, лично отвезенных тебе Чалидзе, и багажом. Я чересчур много ходил по зубным и багажным делам. Теперь начал выдерживать режим. Страшно доволен сдачей белья в прачечную. Это выход. Отдай Сергею Федоровичу [\[Гарденину\]](#) один средний кусок хозяйственного мыла – я у него брал.

Целую твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 31 августа 1942 г.

Дорогая Анечка, сегодня получил твое сердитое письмо от 23-го. Одного письма или открытки так и не получил.* Письмо возвращаю, обрати внимание на орфографические ошибки, особенно на знаки препинания.

Дискуссию о харчах и мыле я предпочел бы прекратить – я каждый раз раздражаюсь, когда ты еще что-нибудь добавочно вспоминаешь и пишешь, что были еще мед, варенье и т.п. Об этом надо было вспомнить и сказать мне раньше, м.б. я догадался бы не пускать козла в огород (Свенчанского). Его домработнице я ни одному слову не верю, я у нее выдрал несколько [\[патефонных\]](#) пластинок с моими пометками на конвертах, а сначала она утверждала, что пластинки – ее соседки. Часы она, вероятно, продала, а о продовольствии отрицает для затемнения. Если бы его не было, то было бы естественно, чтобы Свенчанский мне написал об этом, но он ни словом не упомянул. Он был очень стар, болен, пил, еще раньше был нечист на руку. Я считаю, что мне еще повезло, что сохранились: доха, шапка, валенки, мои ботинки, готовальня, счетная линейка, которые были у Свенчанских, и наша одежда и белье, которые оставались здесь!! Девка могла все продать после смерти Свенчанского, а он мог все ценное взять и даже мне не сообщить.

Так что повезло еще (дуракам везет)! Может быть, тут и другие участвовали, но установить это теперь невозможно. Я предпочитаю верить в честность [\[наших соседей\]](#) Козловых, иначе очень неприятно было бы. Мария Николаевна ездила дважды в Лефортово за бульоном, один раз мы его разделили, а второй раз дали мало, так я его получил целиком.

* Сие, по-видимому, было установлено на основании сличения нумерации писем и открыток, заведенной Иваном и Анной.

Если я уеду в Можайск, она будет брать за меня хлеб и сушить его и продукты будет брать в Гастрономе на Смоленской и т.д. С другой стороны, она пользуется нашей плиткой и т.п. В последние дни я точно соблюдал режим – лежал, и моча очень поправилась. Третьего дня лежал даже днем нагой под простыней – воздушная ванна по предписанию терапевта, нашего участкового врача Чуповой. Она мне велела еще есть сырую (можно протертую) морковь, свеклу и редьку, что я и делал. Сейчас овощи у меня кончились. Завтра еду на рынок.

С харчами у меня обстоит дело так: я еще не получал по карточке мяса, рыбы, крупы (горох и мука), сахара, масла (льняного), питался по 10 талонам в столовой НКТП, растягивал их, еще остался 1 талон на завтра или послезавтра; дома варил овощи и картошку. В последние дни – еще бульон. Теперь получу мясо и, вероятно, будет еще бульон и дешевые овощи (капуста!) из Гидэпа. В Можайске будет труднее. Диетпитания я нисколько не получу, нечего и думать.

Болячки у меня прошли от стрептоцида. Лицо совсем больше не опухшее. Хирург сегодня дал еще бюллетень на 1 и 2 сентября. 3-го, вероятно, выйду на работу. <...>

Целую тебя крепко твой Иван

Электричество, газ водопровод и т.д. есть; у газа вчера был перерыв. Тревог [воздушных] при мне пока не было. Метро ходит до 10 вечера, трамваи – до 11-ти. С топливом перспективы неясны. <...> На днях попробую продать ковер. «Войну и мир» продал за 75 руб.

Иван из Москвы – Анне в Курган, 1 сентября 1942 г. (на открытке штампель: «Промосмотрено военной цензурой. Москва-111»)

Дорогая Анечка, итак, наступила осень! Здесь довольно прохладно, а ночью прямо холодно. Вечером закрыл окно. <...> Стараюсь соблюдать [постельный] режим – поменьше ходить, но сегодня пришлось съездить на Даниловский рынок за картошкой и капустой. Купил маленький помидор за 4 руб. (80 руб./кг – вроде как в Кургане было в августе), картошка – 40 руб. (вчера, говорят, была 30 руб.), капуста 80 руб., на днях в Гидэпе нам должны дать овощей по дешевой цене.

Меня нервирует предстоящая командировка в Можайск, т.к. неясно, как устроиться там с кормлением. Слышал, будто там дешева картошка, но не мог это проверить, так как наш инженер, который там был, приехавши сейчас же заболел. Харчи по продуктовой карточке во время моего отсутствия будет брать Мария Николаевна – прикрепился для этого к тому же магазину – Гастроном №2 на Смоленской площади. Посылка Сергею Федоровичу, оказывается, тоже ушла еще на прошлой неделе. Я очень доволен этим. Постараюсь послать тебе еще добавочную посылку с простынями, ночной рубашкой (я ее позже нашел), полотенцем и т.п.

Напиши своим родным и напиши мне, что написала. Поскорее продавай мои вещи. Зарплату за 1-ю и 2-ю половину августа получи за меня, т.к. относительно нее я не дал распоряжения бухгалтерии. Так что ты получи и переведи мне, сколько сможешь. Обязательно что-нибудь продай. Я здесь тоже буду продавать подходящие вещи в комиссионном магазине или скупочном. Продавай и пиши мне, чтобы я был в курсе дела. Вчера послал тебе длинное письмо. Целую тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 4 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Промотрено военной цензурой. Москва-178»)

Дорогая Анечка, в Москве опять начал писать своей карманной ручкой, и это очень приятно. Ты мне очень мало и редко пишешь. Мое здоровье значительно лучше. Питался сверх всякого бюджета. Боялся, что яйца протухнут, и ел по два яйца в день!

<...> Написал открытку Тане и пишу тебе. В Гидэпе довольно часто дают бульон. Сегодня утром за ним ездила Мария Николаевна. Приблизительно 1 раз в неделю выдают овощи, дешевле чем на рынке. Картошку приходится покупать на рынке по 40 руб. Один раз мне выдали, а вчера я купил сахарную свеклу. Нахожу, что при ее сладости это выгодное кушанье (20 руб. за кг или поштучно – 5-6 руб.). По-прежнему пью какао без молока и сахара (молоко – изредка, хотя оно стоит 15 руб. поллитра, но очень жидкое).

Пожалуйста, продавай вещи. Я тебе пришлю еще посылку. Пиши. Ковер еще никак не собрался продать или сдать в комиссионный магазин, так как это связано с ходьбой, а я ее избегаю [из-за ногтя] – надо дольше лежать. Архангельский в Москве, но я его не видел. Согласна ли ты на продажу купального (махрового) халата? Пожалуйста, пиши. Пиши, как у тебя дела с огородом, видишься ли с Гардениным. Ты бы к нему сходила. Я думаю, что он на меня больше не сердится или наоборот рассердился еще больше за неудачный выбор вещей для посылки. Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 9 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Промотрено военной цензурой. Москва-133»)

Дорогая Анечка, вчера очень кстати получил извещение о телеграфном переводе на 200 руб. Сейчас пойду получать. Большое спасибо. Больше по телеграфу не переводи. <...> Вчера начал обедать в столовой Гидэпа, очень доволен. Вчера получил бульон. Сегодня, вероятно, получу овощи. <...> Уже писал тебе, что сдал в комиссионный магазин ковер. Получу за него не меньше 1 200 руб., а м.б. и больше в 1,5-2 раза. <...>

Целую крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 13 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Промотрено военной цензурой. Москва-202»)

Дорогая Анечка, послал тебе сегодня закрытое письмо, которое писал вчера. Сегодня был в комиссионном магазине и получил деньги за ковер – 2,5 [тысячи], т.е. первоначальную цену, его продали уже через 2 дня после того, как я сдал его в магазин, хорошо, что я не сдал или не отдал в скупочном пункте вдвое дешевле, а попал в этот магазин, где мне предложили дороже.

Итак, пока мне не посылай денег. Заботься сейчас в первую очередь о копке и доставке домой картошки и о топливе на зиму. Участвуй в воскресниках, связанных с топливом! Кроме того, заботься о своем здоровье и улучши свое питание. Покупай мясо, яйца или молоко. Обзаведись запасом масла и муки или крупы. Завтра pošлю тебе вторую посылку, килограммов на 5-7. Еще не собрал ее. Сегодня потратил много времени на прачечную: метки получил только вчера, пришивал их и утром и вечером. Первую партию белья сегодня получил обратно.

Продавай барахло. Пиши. У меня так и не было подтверждения от тебя и Гарденина о получении посылок. В Можайск поеду, вероятно, 16-го. Куплю яиц, чтобы там питаться! Нога еще не в порядке. Целую крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 12 сентября 1942 г.

Дорогая Анечка, вчера получил твою открытку от 2-го сентября. Почта запросила меня о получении мною (знаешь, иногда почта интересуется, когда письмоносец доставил письмо) письма, данного в доставку 10-го. Я его не получил! Мария Николаевна думает на хулиганов-мальчишек (почтовый ящик не запирается!). Поэтому повтори содержание того письма, а также пришли мне Катино письмо.

Удивляюсь, что ты до 2 сентября не получила посылки весом в 8,5 кг <...>. Поражен твоим запросом о вызове тебя в Москву. Я за один месяц прожил здесь около 1 400 рублей. Дальше буду тратить меньше, т.к. начал обедать в столовой [Гидэпа], получаю бульон и овощи; получил макароны за август – 2 кг (вместо крупы) и т.д. Как же мы вдвоем здесь просуществоваем? А в Кургане у тебя своя картошка будет, конина по 60 руб. и утки по 40 руб. и т.д., а здесь картошка 30-40 руб., мясо 250 руб., яйцо 15 руб. (не покупал, все еще ем Курганские).

Кроме того, в Кургане ты продаешь рубашку и портки за 500 руб., а здесь мне за костюм полушерстяной предложили 400 руб. сразу или 510 руб. через комиссионный магазин! А за брюки (которые были в Кургане) – рублей 100-170! Решил здесь продавать только ковер, а остальное послать тебе.

Кроме того, осуществить твой вызов сюда, вероятно, невозможно через Гидэп. Тем более при таком скверном отношении ко мне Елфимова. <...>

Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 14 сентября 1942 г.

Дорогая Анечка, сейчас стою в кассе в столовой. Сейчас сдал вторую (не считая маленького пакета через Чалидзе) посылку тебе. Вес 7,7 кг. Завернута в твою старую желтую клеенку. Она тебе может очень пригодиться! А в конце концов можешь ее ликвидировать или использовать для завертки лишнего узла, когда поедешь в Москву (я полагаю – в 1943 году)!! Ремни я тебе послал на первой посылке.

Состав второй посылки следующий (пишу на память, т.к. собирал вещи сегодня утром, переписать было некогда):

- 1) клеенка;
- 2) белая тонкая простыня;
- 3) светло-зеленая простыня или скатерть;
- 4) твоя ночная рубашка;
- 5) 4 пары чулок;
- 6) 2 пары твоих носков;
- 7) три пары моих носков;
- 8) 3 пары моих подштанников;
- 9) мой полушерстяной серый костюм с жилетом и двумя брюками (одни из брюк очень малоношенные – костюм надо ликвидировать в первую очередь сразу с обоими брюками или с более новыми, а старые – отдельно);
- 10) мелочь – застёжка, 3 бинта, цветные карандаши (подарок для хозяйских детей), карманная ручка и ножик; 3 коробки по 10 шт. клинков для безопасной бритвы, моточек шелка;
- 11) кастрюлька эмалированная маленькая;
- 12) чехол тюфяка согласно твоей просьбы;
- 13) коробка деревянная из-под чая с пакетиком какао – настоящий «Золотой ярлык». У коробки повреждена мною крышка, я думал, что она туго отодвигается, а она поднимается;

14) химическая грелка. Прежде чем употреблять ее – внимательно прочти инструкцию на обложке;

15) полотенце с зеленой каймой большое – в Курганском вкусе.

Может быть мне удастся послать тебе еще одну посылку, позже – в октябре. Напиши, что послать. Посылаю тебе 4 доверенности: на 2 бюллетеня и на 1-ю и 2-ю половины сентября (раньше я просил бухгалтерию зарплату за 1-ю половину сентября, октября и т.д. переводить мне в Москву, а сейчас на всякий случай, если у тебя будет задержка с продажей барахла, а тебе нужны будут деньги на выкуп посылок, на топливо, на заготовку капусты, моркови, свеклы на зиму, посылаю доверенность, чтобы ты могла уже в конце месяца получить дополнительные деньги).

То, что я посылаю тебе доверенности, не означает, что мне здесь деньги не нужны, они нужны, т.к. надо заготовить картошку, капусту на зиму. Но сейчас у меня деньги есть, а тебе м.б. нужнее, чтобы обернуться с платой за посылки и т.д., пока еще не выручишь что-нибудь от продажи костюмов и белья! Так что, как только у тебя будут лишние деньги, ты мне переведи.

С середины октября меня, возможно, [окончательно] переведут в Москву, я перестану числиться в командировке из Кургана. Если ничего не менять, то зарплату за первую половину октября бухгалтерия вышлет мне. За август зарплату, пожалуйста, получи всю – я бухгалтерии не давал распоряжения о переводе августовской зарплаты в Москву. Не впадай в панику относительно топлива. Лучше участвуй во всех воскресниках по топливу и договаривайся с Шуммелем, а если не поможет, то с Поляковым или Березиным и т.д. о получении своей доли.

Как будет с отоплением в нашем доме, здесь пока неясно. Но жизнь здесь в 1½-2 раза дороже, чем в Кургане, а барахло в несколько раз дешевле. В Кургане у тебя будет своя картошка, горох, морковь и сахарная свекла. Пиши мне о своем здоровье, об огороде, о своих финансах. Написала ли ты, наконец, отцу, сестре и двоюродной сестре? Обязательно напиши им всем и сообщи мне, что это сделала, когда получишь ответы, тоже сообщи мне!

[Книгу] «Летопись электричества» Порецкий обещал вернуть, не зажал. Он мне все меньше и меньше нравится, а м.б. он настолько болен, что не может себя вести лучше? Он на днях ложится на операцию.

Я еду в Можайск, вероятно, 16-го. Еду с нашим новым сотрудником, который чахоточный, ничего [тяжелого] носить не может и страшно медлителен и не работоспособен. Вероятно, испорчу себе нервы с ним в Можайске. Пиши, пожалуйста.

Целую тебя крепко твой Иван

Кроме доверенностей прилагаю еще 1 пустой конверт. Привет Марии Федосовне и Ульяне Федуловне. Подтверди получение 1-й и 2-й посылок!!

Иван из поезда Москва – Можайск – Анне в Курган, 16 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-418»)

Дорогая Анечка, вчера получил твое письмо от 5 сентября, в котором ты пишешь, что еще не получила первой посылки. Пожалуйста, справляйся о ней. В посылке были вещи твои (адресованные «Классону»), Гарденина и Аронс. Она ушла приблизительно 24-29 августа. Я не смог выяснить, ушла ли она багажом Чалидзе или товар-багажом на имя Гидэпа в Курган. Пожалуйста, справляйся об этой посылке у Шеллингер.

<...> Времени мне страшно не хватает. <...> Попросил [соседку] Марию Николаевну посушить и повялить мою морковь, сам не успел. <...> Надел ватное пальто, испугавшись вчерашнего холода и жалея драповое. <...> Целую тебя твой Иван

Иван из Можайска Московской обл. – Анне в Курган, 20 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-418»)

Дорогая Анечка, сегодня воскресенье, льет непрерывный дождь уже несколько часов. Погода хуже, чем в предыдущие дни. В комнате так холодно, что после завтрака и посещения базара я со своим товарищем опять лег под одеяла и спал еще 2-3 часа (а перед тем ночью часов 10!). Вчера до упора работали на настоящей творческой работе на станции. Работали бодро, т.к. сыты – питаемся здесь в «повышенной [рангом]» столовой утром и днем! А вечером варим щи! Боюсь, чтобы не болел глаз от холода и сырости, но хорошо, что недалеко от Москвы. Пробуду здесь еще несколько дней, м.б. неделю. А м.б. съезжу в Москву и еще вернусь.

Целую тебя твой Иван

Иван из Можайска Московской обл. – Анне в Курган, 22 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-416»)

Дорогая Анечка, я все еще здесь и пробуду еще несколько дней. Сплю очень много, т.к. вечером темно. Питаюсь хорошо. Не могу ухаживать за пальцем – нет таза и т.д. Очень стремлюсь в Москву, в частности, чтобы получить твои письма. Мой спутник заболел поносом! Не везет мне на новых сотрудников в Перми, Кургане и здесь! <...>

Пиши мне больше Целую тебя крепко Твой Иван

Иван из Можайска и поезда – Анне в Курган, Береговая ул., 18, Гидроэнергопроект, 25 сентября 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-90»)

Дорогая Аня, пишу в этот раз по твоему служебному адресу, чтобы тебе переслали в совхоз, если ты на уборочных работах. Сегодня уезжаю из Можайска в Москву. В последние три дня погода исправилась. Вчера много ходил по работе. Ноготь стал на днях хуже. Третьего дня и вчера делал ванны горячие, а то до тех пор даже повязку не менял! Думаю, что в Москве обойдется.

Очень надоело здесь – неважные жилищные условия, хотя и тепло. С питанием было хорошо. Командировочные рис и мясные консервы везу обратно в Москву. Мой спутник (наш новый сотрудник) здесь болел, я дня два очень нервничал. Вчера я очень нажал на работу сам, и мы сможем сегодня кончить и уехать.

Продолжаю в поезде. Чуть-чуть не застрял в Можайске из-за того, что мне дали двух мальчиков нести чемодан, а они были чересчур малы и слабы, потом добавили еще двух. В Москве будет тяжело (везу кило 5 картошки и 1½ кочана капусты, кроме того – приборы). <...>

Твой Иван

Иван из Москвы – Анне в село?, 25 сентября 1942 г.

Дорогая Анечка, сегодня вечером вернулся из Можайска в Москву. Получил твое письмо от 7 сентября с сообщением об отъезде в совхоз. Письмо получено было в Москве 19-го, но я 16-го уехал в Можайск! Был там 10 дней. Писал тебе все время по домашнему адресу на ул. Энгельса, очевидно письма тебе не перешлют: вряд ли ты просила об этом почту или хозяйку!

Пишу ночью (полпервого), поэтому кратко; завтра в 6 час. надо вставать, в полвосьмого ехать в Лефортово (начало работы в 8.45). Посылку с Фельдманом рассчитываю получить (еще в Лефортове после Можайска не был). Письмо с Малычевым получил своевременно. 200 руб. телеграфом – тоже. Спасибо.

Денежные дела у меня исправились, т.к. в начале сентября я продал через комиссионный магазин ковер, который висел у нас на стене, за 2 550 руб.! С другой стороны, я не получу квартирных в Москве, которые рассчитывал получить. Суточные получу с 6 августа до 16 сентября не по 16 руб. 67 коп., а по 13 руб., потом по 26 руб.

Твое письмо от 7-го об отъезде на уборочные работы очень кратко. Ничего не ясно, как у тебя с деньгами, с продажей вещей. Пошлю в бухгалтерию Гидэпа распоряжение, чтобы тебе перевели мою зарплату за вторую половину августа (если ты не получила и за первую и за вторую половину сентября), но, вероятно, за первую половину сентября уже послали мне сюда.

Порецкий 15 сентября лег в больницу на операцию. [Соседка по квартире] М.Н. все-таки стерва: я с ней делился турнепсом, кабачками и т.п. Когда уезжал в Можайск, просил получить за меня овощи в Гидэпе и взять себе $\frac{1}{3}$. Сегодня она сообщила, что из-за ишиаса за овощами не ездила, значит, одна недельная посылка для меня пропала!

Перед отъездом я получил много моркови, но без меня она пропала (сгнила – было холодно, потеплело только с 21-го), сегодня очень тепло, а я ездил в Можайск в ватном пальто и сначала не жалел.

В Можайске хорошо питался в «столовой партактива» – завтрак и обед с добавлением 200 гр. хлеба и сдобой, молочно-мясо-какао-кофейное меню! Так что привез назад часть яиц, весь рис (командировочный паек), часть сливочного масла (тоже командировочный паек), мясные консервы (тоже). Привез несколько кг картошки и полтора кочана капусты.

Насчет твоего отъезда к отцу дай мне сообразить, не торопись с этим решением. Но я уверен, что ты ему и сестре (и двоюродной сестре) так и не написала, как же можно ехать, не зная, там ли он?

В Можайске я неделю не перевязывал и не купал ноготь. Третьего дня он стал хуже. Два вечера делал горячие ванны (в кастрюле!), но как раз эти дни много ходил по работе, т.ч. стало хуже. Гидэп наградил меня при командировке в Можайск помощником, который чахоточный, с пневмотораксом (искусственно сморщенные легкие) и ничего не носит и не ходит, и еще у него 3 дня был понос!! В следующий раз от такого помощника откажусь!

Целую тебя твой Иван Пиши потолковее!

Сергей Федорович [Гарденин] 13-го сообщает, что посылка уже в Кургане на вокзале, я думаю, что посылка твоя, его и Аронс были в одной упаковке. На сколько времени ты в совхозе?

Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в село?, 26-27 сентября 1942 г.

Дорогая Аня, вчера приехал из Можайска, где был 10 дней. Получил в Москве пришедшее около 16-го твое письмо от 7-го, с адресом: Степниковский сельсовет и т.д., и больше опять ничего! Посылаю при сем 1 конверт и 2 открытки чистые, пожалуйста, пиши мне толково!! Как с огородом, как с деньгами, получила ли ты известия от отца, сестры и двоюродной сестры или ты им всем не писала (как я полагаю, зная твое упрямство)? Напиши немедленно всем трем!! Как можно писать, что ты поедешь к отцу, когда с февраля не получала от него писем?

Целую тебя твой Иван

Посылку Фельдман привез, но мне еще не отдал, т.к. я был в отъезде. Обещал 28-го принести посылку! Большое спасибо. Я очень тронут сообщением о посылке. Ты ужасно заботишься о моем кормлении! Гораздо меньше о моей духовной пище и духовной связи с тобой – пишешь редко.

Посылаю тебе почтовый перевод на 300 руб., считая что ты ничего еще не успела продать (кроме моей пары белья, но из нее ты мне послала 200) и денег у тебя мало!

Ты наверное не догадалась дать почте свой деревенский адрес для пересылки писем, а я тебе много писал. Я рассчитываю быть зимой в Москве или в командировках отсюда в Рыбинске, на канале [Волга – Москва] и т.д.

Получил письмо от Сергея Федоровича, что он получил посылку 15-го. Твоя посылка должна была быть вместе с его и Аронс в одной упаковке, так что считаю, что и ты получишь!

В Можайске я хорошо питался (завтрак и обед в столовой партактива, а вечером варил овощи) и выспался, т.к. вечером в нашей комнате не было освещения. В Москве мало сплю и уже подпых за полторы суток. Сегодня отдохну. Собираюсь в кино, чтобы не озвереть!

Сергей Федорович [Гарденин] оценил мою заботу по достоинству и в каждом письме благодарит усиленно! Тебе надо, пока терпимо, оставаться в Кургане [(а не рваться в Москву)] и жить в основном на продажу вещей, на урожай огорода, на то, что привезешь заработанного [в совхозе] натурой.

Иван из Москвы – Анне в село (Челябинская обл., Белозерский район, Стениковский сельсовет, отделение Березовое, служащей Гидроэнергопроекта А.Г. Позигун), 2 октября 1942 г.

Дорогая Анечка, теперь, когда я принял решение, что (насколько это зависит от меня) я останусь на осень и зиму в Москве, а ты – в Кургане, мне стало грустно, что я тебя так долго не увижу!! Но все же это самое благоразумное решение. В сущности, я и перед тем придерживался этого мнения (и тебе писал об этом), но поскольку Елфимов на днях предложил мне ехать в Курган, я еще раз это обдумал и остался при прежнем решении. Вчера сообщил об этом Елфимову и просил его содействия оформлять через начальство мой [окончательный] перевод в Москву (м.б. сначала продление командировки?).

Сегодня я опять пошел в районную поликлинику, чтобы показаться хирургу, т.к. палец стал хуже – от корня растет здоровый ноготь и там воспаления нет, но впереди ноготь врастает в мясо сильнее, чем в начале. Сейчас был в поликлинике. Хирург не считает нужным вырезать ноготь, только обстриг его край, что я сам мог сделать, но не решался, боясь сделать хуже! После стрижки уже стало лучше!

Прилагаю две открытки и 1 конверт. Не знаю, до каких пор писать тебе в деревню (я не знаю, в совхозе ты или колхозе?). Сейчас же напиши мне об этом! У меня совсем плохо в Москве с временем – не хватает его на то, чтобы поехать в прачечную, к сапожнику и т.д., комнату мету очень редко, пол мыл один раз [после возвращения из эвакуации]!

Очень рад, что с ногой началось улучшение, а то мне и это еще мешало так, что вчера я начал хромать. Хирургом я очень доволен, он думает, что м.б. ноготь, когда воспаление пройдет, перестанет врастать. Дело обойдется без вырезания всего ногтя.

Аня, когда вернешься в Курган, обрати внимание на свою орфографию. Надо писать: «пишешь», «делаешь» и т.д., а ты пишешь без мягкого знака! Со знаками препинания у тебя тоже неблагополучно!

При твоём стремлении в Москву ты, вероятно, не представляешь себе, насколько финансово нам было бы трудно здесь вдвоем. Кроме того не представляешь себе, что зимой у нас будет очень скудное отопление, ограниченное расходование электроэнергии, газ уже теперь идет не каждый день или не весь день и т.д. Я буду в Рыбинске и других командировках, а тебе пришлось бы мерзнуть и сидеть без горячей пищи в «Теплом» переулке. В Кургане ты все-таки так или иначе топливный вопрос решишь. Так что мужайся и не ропщи на нашу разлуку, свое одиночество и т.д.

Меня здесь [посылками] подкармливай! Барахло меняй и продавай! Пиши мне, чтобы я был в курсе, как у тебя с деньгами, с харчами и т.д. Послать ли тебе ватное одеяло?

Вчера у меня получилась морока с прикреплением к булочной. Пришлось прикрепить-ся на Остоженке, так как булочные на Чудовке* и в Теплом уже кончили прикрепление из-за наплыва раньше прикрепленных к магазину [текстильной фабрики] «Красной Розы», который сейчас в ремонте. Остоженка далеко, и там очереди.

В октябре придется потерять много времени на это; до сих пор я очень быстро покупал хлеб в Теплом и получал больше половины белым, а в большом магазине это невозможно. В столовой с 1 октября тоже очередь из-за прикрепления столовавшихся в студенческой столовой, в которой ремонт тоже. Это очень скучно, времени и так мало. М.б. я с хлебом перекреплюсь в Лефортово.

Не знаю, как [Евгения Фридриховна] Шульц будет заботиться об огороде твоём [в Кургане], она мне пишет, что кажется договорилась с хозяйкой о вывозе урожая на ее корове.

Как же можно было не сказать Шульц или Гарденину точно, как ты договорилась и т.д.? Поручила ли ты Гарденину получить посылку? Первую и вторую! Сейчас напишу ему об этом!

Во вчерашнем письме Гарденин пишет, что один куст картофельный уже дал 350 грамм клубней, до копки даст 400-450. Из 850 кустов он соберет около 20-25 пудов картошки, несколько пудов сахарной свеклы и т.д. У тебя должно быть около 400 (не помню) кустов картошки и около 100 корней сахарной свеклы. Думаю, что пудов 10-15 картошки ты все же соберешь, если не украдут!

Видишь, как важно было иметь контакт с Сергеем Федоровичем и с Шульц. Без людей и их помощи жить нельзя, а для этого надо и им помогать и поддерживать знакомство, а ты людей боишься, чураешься и т.д. Заруби себе на носу это!

Напиши, что тебе послать в третьей посылке! Напиши Сергею Федоровичу из деревни! Как ты условилась с бухгалтерией относительно своей и моей зарплаты? Сколько моей зарплаты ты получила (т.е. какие получки)? Это напиши мне точно.

Еще раз целую крепко твой Иван

С 21 сентября стало тепло! Только на службе в Лефортове собачий холод.

Иван из Москвы – Анне в село, 6 октября 1942 г. (на открытке штемпель: «Просмотрено военной цензурой. Москва-618»)

Дорогая Анечка, получил от тебя из деревни только одно письмо от 16 сентября. Пишу тебе в деревню уже пятое письмо. Мне немного повезло: искал на днях в ящике с инструментом гвозди и молоток и нашел несколько мыльных палочек для бритья – моих любимых. Это очень приятно. В крайнем случае можно будет обменять пару на туалетное мыло или прямо их использовать как туалетное мыло.

Напиши, вернула ли ты Сергею Федоровичу кусок хозяйственного мыла взамен взятого мною у него. Если не вернула и не можешь, то я пошлю ему отсюда!

* К Теплому пер. примыкают Больш. и Мал. Чудовы переулки.

Таня поручает мне: 1) послать ей кое-что из ее вещей; 2) продать ее мебель. То и другое очень трудно осуществить – нет времени, вечером темно и т.д. В позапрошлом воскресенье ездил на ее квартиру, но домоуправление было заперто.

В последнее воскресенье <...> еще убирал комнату, улучшил затемнение, все воскресенье ушло. До Таниных дел руки не дошли. [Соседка] Мария Николаевна очень помогает мне, например вовремя взяла какао вместо сахара, а на другой день уже было бы поздно! Не придирается ко мне с уборкой [мест общего пользования] – я еще ни разу не мыл пол! <...> Целую тебя пиши больше и потолковее твой Иван

Иван из Москвы – Анне в село, 13 октября 1942 г. (на открытке штамп: «Промосмотрено военной цензурой. Москва-358»)

Дорогая Анечка, письмо №6 написал тебе 10-го, но пока не отправил до выяснения того, о чем писал. Последние дни несколько простужен. Идет мороз с моей постоянной пропиской, с [окончательным] переводом меня в Москву, продлением командировки (пока не оформлена постоянная прописка), м.б. с откомандированием меня обратно в Курган!

Очень неприятно зависеть во всех этих вопросах от В.Н. [Елфимова? – МК]. Он мне ничего не посоветовал вовремя, а теперь я оказываюсь виноват, что не прописался сразу постоянно (Порецкий словчился!).

Пиши открытки все же. Из деревни получил только 1 письмо от тебя. Это свинство!! Могла бы написать за это время несколько открыток. На мои вопросы ты так и не ответила. Обязательно свяжись с отцом, сестрой и дв. сестрой! М.б. меня призовут, и ты опять станешь еще более одинока. Воскресенье 11-го потратил на Танины и Гарденинские дела. Больше не буду. Своих дел до чорта! Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в село, 18 октября 1942 г. (на открытке штамп: «Промосмотрено военной цензурой. Москва-286»)

Дорогая Анечка, вчера послал тебе письмо в деревню и другое в Курган, не зная где ты, а дома вечером получил твое письмо от 5 октября. То, что ты не получила от меня писем в деревне, неудивительно, т.к. с 16-го до 25 сентября я был в Можайске и написал тебе в деревню только когда приехал в Москву. Тогда же перевел тебе в деревню 300 руб.

Ты пишешь, что в сентябре 4 дня не работала из-за нарыва на ноге, почему ты в эти дни не могла мне написать, непонятно, так что я считаю, что твои объяснения, что непогода – неудовлетворительны. Ты мне не писала с 16 сентября до 5 октября. [Сестра] Катя работает на своей фабрике [в Чистополе] по 11 час и без выходных, но все-таки мне написала.

По-видимому, ты в октябре должна вернуться в Курган. Буду писать туда. Вчера получил разрешение на постоянную прописку в Москве. Приблизительно 21-22-го поеду с Елфимовым в Рыбинск до конца месяца. Целую тебя. Пиши!! Твой Иван

Иван из Москвы – Анне в село, 20 октября 1942 г. (на открытке штамп: «Промосмотрено военной цензурой. Москва-618»)

Дорогая Анечка, я все-таки аккуратно тебе пишу, хотя у меня мало времени. На днях должен ехать в Рыбинск с Елфимовым, но домоуправление меня надудило и сегодня не прописало. Напиши, послать ли тебе (в третьей посылке) кофе в зернах или в молотом виде. То же относительно черного перца. Послать ли тебе подушку (которая твоя – красная или синяя?) и ватное одеяло?

Сегодня получил промтоварную карточку на июль-декабрь. Должен получить по ней мыло и хочу купить рюкзак. Больше фантазии у меня не хватило. Напиши, что ты хотела бы, чтобы я для тебя купил. Как только приедешь в Курган, продай один мой костюм, белье, пошли мне денег. Напиши, какие полочки за меня получила. Неужели ты так и не написала отцу и сестрам? Обязательно срочно напиши.

Я опять мучительно корректирую окончание своей инструкции, напечатанной Аллой Сергеевной, уж очень много опечаток и ошибок. Хирург велел мне вырезать ноготь [(на ноге)], но я откладываю это до после Рыбинска. Это дня 3 лежать. Сама операция – под кокаином. Из пропаж дополнительно сообщаю: складная кровать, причем [соседка] М.Н. ничего о ней не говорила, пока я на днях не спросил. Зато нашлось твое красное кашне. М.б. буду его носить, у меня никакого нет. М.б. куплю по промтоварной карточке.

Целую тебя крепко Пиши твой Иван

Иван из Москвы – Анне в село, 22 октября 1942 г. (на открытке штампель: «Промосмотрено военной цензурой. Москва-211»)

Дорогая Анечка, вчера получил перевод из бухгалтерии Гидэпа на 685 руб. – бюллетени и 5 дней зарплаты. Очень досадно: я не знаю, что ты получила и что можешь получить из кассы Гидэпа; как у тебя вообще с деньгами; когда ты возвращаешься в Курган? Не зная всего этого, не могу ничего сделать, чтобы у тебя были деньги, посылать тебе доверенность – на какую полочку?

Пожалуйста, напиши или телеграфируй, если тебе нужны деньги от меня. Лучше было бы получить по моей доверенности, чтобы не платить за перевод в Москву и обратно. Пожалуй, я пошлю тебе доверенность теперь же в Курган, на зарплату за 2-ю половину октября. А твоя зарплата (50%) накапливается в Кургане или ты ее получаешь в деревне? Вообще, напиши хоть одно толковое письмо по вопросу зарплаты.

Получила ли от меня перевод в 300 руб. в деревне? Поручила ли ты и кому убрать и вывезти огородный урожай? Платишь ли квартплату на ул. Энгельса? Если хочешь, я пошлю отсюда – за какие месяцы?

Числа 24-25-го я еду с Елфимовым в Рыбинск и Углич, числа до 5-9 ноября.

Целую тебя твой Ив. Классон

Иван из Ярославля – Анне в Курган, 26-27 октября 1942 г.

Дорогая Анечка, в последнем письме я частично зря облаял тебя, думая, что ты не договоришься твердо, точно и так, чтобы люди были заинтересованы в выполнении доверенности относительно копки и вывоза картошки. А 24-го получил письмо Гарденина, что сторожика копает твою картошку. М.б. ты и сделала все, что нужно!

Еду сегодня один в Рыбинск! Потерял 2 часа на попытки поговорить предварительно по телефону. Еще 2 с половиной часа – на поездку в Лефортово. Времени абсолютно не хватает. Сегодня хоть выпался! А то и это не хватает большей частью!

Целую тебя крепко. Пиши чаще. Твой Иван

Иван из Ярославля – Анне в Курган, 28 октября 1942 г. (на открытке штампель: «Просмотрено военной цензурой. Ярославль-41»)

Дорогая Анечка, очень неудобное расписание: выехал из Москвы вчера вечером, в 2 часа ночи приехал в Ярославль, а поезд на Рыбинск идет только в 6 ч. вечера.

До 6 утра сидел на своем (заимствовал у Гарденина) саквояже на вокзале, поел щей со своим хлебом, потом на трамвае приехал в центр города, в гостинице умылся (на вокзале темная и примитивная уборная), постригся и проч. в парикмахерской, постоял в горсовете за талонами на завтрак и обед, позавтракал, сейчас жду очереди в санпропускник [за справкой], куда приехал на всякий случай – вдруг не пустят на поезд.

В Москве я об этом забыл, поехал на вокзал на риск (уже не было времени для санпропускника), но ни при продаже билета накануне, ни при посадке справку санпропускника не спросили. А то я очень нервничал, что не смогу уехать и пропадут и билет и пропуск на выезд из Москвы (он был компостирован уже). Сейчас на всякий случай хочу пройти санобработку – вдруг потребуют при компостировании или при посадке. В Рыбинске буду вечером. Хорошо, если доберусь до Рыбинской ГЭС сегодня, а м.б. придется еще одну ночь болтаться на вокзале! Тяжело. До Ярославля ехал на лежащей жесткой плацкарте, на второй полке, спал, но мало, холодно и жестко.

В Москве из-за телефонного разговора с Рыбинском и из-за поездки в Лефортово (неожиданно) потерял массу времени и собрался без ума, кое-как. Еще хорошо, что с санпропускником обошлось. Скажи Гарденину, что разрешены индивидуальные посылки красноармейцам. М.б. он пошлет [своему сыну] Андрюше. Здесь рынок дешевле, чем в Москве.

Целую крепко твой Иван

Иван из Рыбинска – Анне в Курган, 30 октября 1942 г. (на открытке штампель: «Просмотрено военной цензурой. Ярославль-85»)

Дорогая Анечка, приехал сюда третьего дня, дорога тяжелая. Перед уходом поезда вдруг оказалось, что мест в нем нет и [билеты] не компостируют. До Рыбинска всего два с половиной часа езды. Сел без компостера в тамбур вагона. Когда прошел контроль (билет-то у меня был транзитный), вошел в вагон, лег на третью полку, немного поспал.

В Рыбинске тащился с вещами до перевоза [через Волгу] километра три, попал в двенадцатом часу ночи при луне в поселок ГЭС, звонил директору, думал уже, что буду ночевать на улице. Но к часу ночи меня пустили в клуб, спал на сцене на столе, покрывался пальто и занавесом. Замерз, две ночи не высыпался.

Вчера дали мне отдельную комнату с центральным отоплением, но без освещения. Сегодня выспался и буду отсыпаться, пока нет света. С питанием благополучно. Использую электрический чайник. Пиши мне в Москву. Вероятно, буду работать здесь зимой большую часть времени. Это лучше – по работе, по отоплению, и м.б. и питанию.

Целую тебя крепко твой Иван Пиши чаще.

Иван из Рыбинска – Анне в Курган, 4 ноября 1942 г. (на открытке штампель: «Просмотрено военной цензурой. Ярославль-88»)

Дорогая Аня, пишу тебе в последний раз отсюда, завтра или 7-го надеюсь выехать в Москву и быть там 7-го или 9-го. 9-го – крайний срок моего пропуска на выезд из Москвы и обратный въезд. Я должен был съездить сразу еще и в Углич, но это оказалось очень сложным и долгим, придется, вероятно, специально съездить в Углич из Москвы. Сообщение между Москвой и Угличем удобнее, чем с Рыбинском.

Составил здесь договор на работу на ближайшие $\frac{3}{4}$ года. Но мне кажется, что здесь будут очень неблагоприятные условия для работы и бытовые. М.б. в Угличе несколько лучше то и другое. Сейчас все неясно, но это как будто основная моя работа на ближайшие месяцы – здесь и в Угличе.

Очень интересно, получу ли в Москве письма от тебя, что ты уже вернулась в Курган, получила посылки и т.д. Кроме того, интересно, приехал ли в Москву Сиротинский и как он ставит вопрос о работе нашей в Рыбинске и Угличе – все это не так просто.

Здесь на рынке цены почти как в Москве, в Угличе, должно быть, дешевле. В Ярославле действительно дешевле (картошка и капуста вдвое дешевле, лук – втрое, молоко и яйца – как в Москве). Сейчас теплая погода, т.ч. не очень мерзну, хотя мое жилье уже 5 дней не топили, сегодня опять топили. В служебном помещении – электрическая печь и тепло. Это уже преимущество по сравнению с Гидэпом, где мы страшно мерзли в октябре. Там должны начать топить, говорят, с 15 ноября. Праздник 7-го буду здесь или в дороге. Это очень жаль. Впрочем, я здесь высыпаюсь, что в Москве из-за времени на трамваи у меня никогда не выходит. Морда все же немного опухшая.

Целую тебя твой Иван
Мне нужны деньги из Кургана!

Иван из Москвы – Анне в Курган, 9 ноября 1942 г. (на открытке штамп: «Прочтено военной цензурой. Москва-330»)

Дорогая Анечка, пишу с Ярославского вокзала – поезд пришел из Ярославля в 4 ч утра, а метро пойдет в 6 часов. Хотел бы написать тебе после того, как получу твои письма (надеюсь, что дома они ждут меня), но днем, вероятно, будет некогда, напишу еще на днях. От Ярославля ехал мягким вагоном (было всего 1 мягкое место в поезде, мне повезло) – поспал, вагон немного отапливался. А вот из Рыбинска до Ярославля было ехать неважно – в холодном вагоне (все же я спал) и 6 часов вместо 2½. В Рыбинске ждал поезда сутки с четвертью, из них сутки – в гостинице, нетопленной, но с хорошей кроватью, в постели было тепло, большей частью пролежал в постели, ходил каждые 2-4 часа к телефону [в холле], узнавать на вокзале, насколько опаздывает поезд. В Ярославле купил лук по 35 руб. – втрое дешевле чем здесь. Картошку не удалось купить.

В Рыбинске я встретил Электрогидэповца, нашего соседа по дому в Таваксае Филиппова, он весь год был в Рыбинске, теперь поехал в Свердловск. <...>

Целую тебя крепко твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 19 ноября 1942 г. (на открытке штамп: «Прочтено военной цензурой. Москва-458»)

Дорогая Анечка, вчера послал тебе открытку в Березовое, но не уверен, что ты все же не вернулась в Курган. Масла у меня осталось 4 бутылки – две поллитровых и две пивных. Одну из них начал на днях. Не могу добиться от тебя ответа: получила ли ты перевод в Березовое на 300 руб. – я послал тебе в сентябре. От бухгалтерии получил пока зарплату до конца сентября, но просил перевести мне всю задолженность. Так что, когда ты приедешь в курган, то получишь только свою зарплату, а не мою.

<...> Поскорее начинай продавать барахло – два моих костюма, мою летнюю обувь и т.д. Если будут требовать с меня ватники и пр., то чуни сдай, они на 100% изношены, так что за них должны вычесть около 40 руб., а ватник и ватные брюки не сдавай, пусть вычитают 5-кратную стоимость – по 200 руб. с чем-то.

Пиши мне и своим родным твой Иван целую крепко

Иван из Москвы – Анне в Курган, 1 декабря 1942 г. (на открытке штамп: «Промотрено военной цензурой. Москва-69»)

Дорогая Анечка, вчера получил твое письмо от 19-го со штампом от 21-го – первые письма опять из Кургана. На днях напишу тебе подробнее, пока спешу уведомить, что это письмо твое получил.

Меня беспокоят твои жилищные и топливные дела. Как же ты так позволила хозяйке выселить тебя из комнаты, на которую у тебя ордер? Протестуй против этого, а если не поможет, то посоветуйся с Брауде, с Гардениным или Шульц и жалуйся в Горисполком, Милицию или в суд! Мы на ремонт стекол истратили 120 руб. за работу (Ванчугов) и 65 руб. за материал по казенной цене (с меня вычли), а теперь хозяйка тебя вышвырнула! Аккуратно ли ты платила кв. плату? Это надо учесть при жалобе. Сначала надо погасить задолженность. Платить мы должны по 60 руб. девятого числа каждого месяца. Я платил, кажется, только 1 раз 9 июля. Платила ли ты 9 августа, 9 сентября, 9 октября, 9 ноября, 9 декабря?

[Надо отдать] 150 руб. Гарденину – это в возмещение харчей, которые он брал за тебя в ларьке Гидэпа. Он мне писал, что уже истратил 100 руб., 50 руб. я послал ему авансом. С посылками ничего не выходит. Проси у Вознесенского топлива! Пиши, как здоровье. У меня в Теплом [пер.] обещают в начале декабря начать топить. Я был 28-30-го на бюллетене – воспаление уха. Кажется, проходит. Целую тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 3 декабря 1942 г.

Дорогая Анечка, 30-го [ноября] получил твое письмо из Кургана от 19-го со штампом от 21-го. Вчера получил твою телеграмму из Кургана от 19-го. Ее не было смысла посылать! На будущее имей в виду, что адрес в телеграммах надо писать короче: например, Москва Теплый 18/13 Классон.

Я не помню, чтобы я писал Гарденину, что отказываюсь от муки. Во всяком случае, сейчас я не намерен отказываться от присылки тобой муки, пшеницы, гороха, масла. Если у тебя с посылкой не будет выходить в чемоданах едущих [в Москву], то попытайся упаковать в ящик или тюк для сдачи в багаж с едущим. При этом надо иметь в виду, что харчи в багаж не принимают, а только «домашние вещи» и одежду. Харчи не должны прощупываться в тюке, греметь (картошка) или булькать при потряхиваниях и т.п.

Но при упаковке в тюк м.б. ты возьмешься упаковать какую-нибудь одежду едущего – завернуть в нее мешки с пшеницей и пр. Тюк должен быть зашит, перевязан бечевкой и снабжен нашитой матерчатой биркой: ст. отправления Курган Южно-Ур. ж.д., ст. назначения Москва Ленинской ж.д., получатель – ФИО едущего или МосКИП Гидроэнергопроекта (меня не указывай, я могу быть в отъезде), число мест. Все это чернильным карандашом!

Вероятно, завтра едет из Москвы в Курган архитектор Летавин Вячеслав Владимирович. Я пытаюсь послать с ним багажом (на имя Гидроэнергопроекта, на случай твоего отъезда, болезни и т.д.) вещи тебе и Гарденину, а также настоящее письмо. Открыткой почтой подтверждаю, пошел ли багаж (или это опять сорвется). Прилагаю отдельно список того, что намеряю послать.

1-го послал в Курган Вознесенскому телеграмму: «Прошу помочь Позигун (при) возвращении (с) уборочных работ (она) оказалась без топлива без комнаты. Классон». От тебя будет зависеть использовать мое обращение к Вознесенскому. М.б. тебе дадут топлива авансом, с отработкой потом субботниками. М.б. Брауде или Березин переговорит в соответствующей инстанции о восстановлении твоих прав на комнату. Если ты потеряла ордер, то можно найти корешок в Горкомхозе. Я получил ордер 10 июня.

М.б. тебе помогут хотя бы советом и письменным ходатайством. Говорила ли ты серьезно с самой хозяйкой, что она не имеет права тебя выселять? В Горкомхозе должно быть заявление хозяйки от 8 июня, что она пускает нас, но мы обязуемся сделать ремонт стекол (м.б. это сказано не в заявлении, а в резолюции Калистратовой). М.б. надо сначала еще сходить к Калистратовой. Пожалуйста, не будь пассивной в этом вопросе. Постарайся обойтись без суда, но с нажимом Горкомхоза или милиции.

Ты опять начала менее грамотно писать. Пишешь «поллитры», «литр» – мужского рода! С мягким знаком у тебя особенно плохо. Повтори этот раздел грамматики!

С вызовом тебя и переездом не так просто, как ты думаешь. Кроме того, повторяю, жизнь в Москве очень дорога. Картошка – 50 руб. за килограмм, мясо 350-400 (я купил недавно 170 грамм гусятины, ем уже четвертый день), молоко что-то около 60 руб. или дороже, капуста 35 руб., морковь 50 руб., лук 90 (я привез лука из Ярославля по 35 руб.) и т.д. Дома не топят пока совсем, т.к. не окончен ремонт радиаторов. В моей комнате около +5°; когда несколько часов работает электрическая плитка, то доходит до 9°. При этом от варки сыро. На кухне бывало ниже нуля.

Домоуправление и представитель района обещают в декабре отопление пустить. Если затопят хоть немного, это будет уже благодать – суше и м.б. на несколько градусов теплее (наша комната маленькая и теплая).

Иван из Москвы – Анне в Курган, 8 декабря 1942 г.

Дорогая Анечка, получил твои письма от 19 и 33 ноября. Пиши, как твоё здоровье, дровяные и квартирные дела. Если боли в боках, ногах, руках не прошли, то обратись к врачу, хотя бы в платную поликлинику.

Я послал тебе в багаже с Летавиным кроме перечисленных вещей (в письме с ним) – 2 аптекарских коробка со спичками, с 1 зажигательной пластинкой, 0,5 л водки; 1 мешок холщевый полосатый. Пожалуйста, поскорее начни продавать вещи. Мне денег не хватает. Тебе тоже нужны на дрова, молоко или мясо.

Сегодня я был у ушного врача третий раз. Ухо в порядке, даже затыкать ватой не надо – слух еще не полностью восстановился, но это быстро пройдет. Вчера около 2 часов потратил в гастрономе на Смоленском из-за 520 г муки по неиспользованным талонам крупы ноябрьской столовской карточки. <...> Вечерами и утрами иногда не бывает напряжения, ночью всегда есть. Квартуру еще не топят! В комнате сегодня +3-4°! Сплю под дохой – тепло. Очень холодно вставать. Постараюсь на днях написать тебе побольше. Ты тоже пиши!

Целую тебя твой Иван

Иван из Москвы – Анне в Курган, 9 декабря 1942 г.

Дорогая Анечка, почему отец тебе с февраля не писал? Объяснил ли он это?

Пожалуйста, ускорь продажу барахла и высылку мне денег, а кроме того – [подсолнечного] масла и пшеницы. Я думаю, что из любезности никто ничего не повезет. Надо договориться из доли, например – везет 3 поллитра масла и получает от тебя сам поллитра. Кроме того, желательно использовать возможность сдавать на билет едущего 50 кг багажа. Но здесь затруднение в том, что харчи в багаж не берут, а если обнаружат, то конфискуют. Кроме того, тюк или ящик должен быть обшит и обвязан накрест веревкой.

Посоветуйся с Сергеем Федоровичем, а м.б. с Шульц, с кем и как послать. Как твои квартирные и дровяные дела? Получила ли ты все мои письма (я их нумерую, начиная с №11 адресовал в Курган, кроме №№ 17, 18 и 20, которые послал в Березовое)? Я посылал открытки и конверты тебе. Их получение ты тоже не подтвердила!

Иван из Москвы – Анне в Курган, 20 декабря 1942 г. (на открытке штемпель: «Промотрено военной цензурой. Москва-561»)

Дорогая Аня, очень жаль, что ты не перевела мне денег сразу, а стала запрашивать, чтобы я тебе телеграфировал, нужны ли мне деньги.

Ведь пока ты была в совхозе, писать тебе об этом было бесполезно, но деньги, конечно, мне нужны. Если бы я получил их раньше, запас бы картошку по 50 руб./кг, а сегодня она уже 65 руб. (а масло 1300 руб.), но я не могу купить даже 1 кило, т.к. денег только-только до получки (ожидаю [ее получения] не раньше послезавтра).

Курган мне зарплаты даже за 1-ю половину ноября еще не перевел. Неужели ты, говоря с бухгалтерией, не могла хоть это проверить и напомнить? Берез[овский] говорит, что трест месяца через два переедет в Москву. В этом случае, я думаю, тебе надо тоже ехать в Москву, хотя у нас и холодно и с питанием тебе будет хуже, чем в Кургане. Сообрази с умом заранее, как ты все повезешь, главное – харчи. Торопись продавать вещи, а то потом не успеешь! Целую тебя крепко, твой Иван. Пиши чаще и потолковее.

Иван из Москвы – Анне в Курган, 24 декабря 1942 г. (на открытке штемпель: «Промотрено военной цензурой. Москва-557»)

Дорогая Аня, получил извещение о телеграфном переводе. Спасибо. По телеграфу – зря. Опять лишний расход.

Главное, что я мог [бы] получить деньги от тебя на 2-3 недели раньше, когда картошка стоила 50 руб. (а теперь – уже 70!), в последнее воскресенье на базаре не был за отсутствием денег, поэтому чересчур много крупы и макарон съел – картошки не было! Как ты плохо сообразила, что я еще в сентябре послал тебе для продажи 2 костюма и т.д., ты была все время в деревне, т.ч. посылки не получала, а теперь развела антимию с запросом, нужны ли мне деньги! Нужны и побольше!

М.б. я в Угличе или Ярославле куплю картошки подешевле! Порецкий на днях едет в Курган. Посылаю тебе с ним 24 шт. стрептоцида для тебя и 5 пакетиков кальцекса. Кроме того, посылаю стрептоцид для Сергея Федоровича. Он мне перестал писать. Дома 1 градус тепла, меня приютила [мачеха] Евгения Николаевна. Я воскрес душой в относительном тепле (сплю под дохой). Договорись с начальством, чтобы тебя взяли в Москву, если трест [Гидроэнергопроект] поедет. Напиши мне об этом, что выйдет. В начале января я, вероятно, поеду в Углич или Рыбинск.

Целую тебя твой Иван

Иван с Баксангэс (Нальчик Каб. Балк. АССР) – Анне в Москву (Теплый пер., 18, кв. 13), 7 января 1944 г. (с оказией, моск. штемпели – 19 и 20 января)

Дорогая Анечка, пишу с оказией. Я очень беспокоюсь, что ты требуешь моего приезда, а мне очень трудно осуществить это сейчас. Рассчитываю приехать в Москву в самом конце января, если только не получу от тебя письма и телеграммы, из которых увижу бы, что у тебя со здоровьем так плохо, что тебе необходима моя помощь.

Вероятно, мой отъезд внезапный, без Квятковского будет означать, что я почти не смогу взять с собой харчей, которые купил или еще должен купить. Они ведь тоже нужны для твоего здоровья, поэтому я не решаюсь заранее на это. Почему ты не берешь (или тебе не дают?) очередной отпуск?*

* Согласно сохранившейся справке, выданной Гидроэнергопроектом (Лефортово, Красноказарменная ул., 13) 13 марта 1944 г., А.Г. Позигун состояла на службе в одном тресте в должности машинистки. А согласно записи в трудовой книжке, была уволена по семейным обстоятельствам с должности машинистки 1 апреля того же года.

Страшно досадно, что ты так редко и невнятно мне пишешь и совсем не телеграфируешь и не посылаешь писем с оказиями!

Ты могла бы обратиться иногда за помощью в некоторых вещах к Михаилу Михайловичу Карпову (посылку с Лазаревым он тоже мог бы ведь передать, он ведь часто бывает в Главке), в других – к Гарденину, в третьих – к [моей сестре] Кате, в четвертых – к [моей мачехе] Евгении Николаевне, в пятых – к [доктору] Бурштейну (я тебе писал его адрес и пр.), к жене Глеба Старкова – Елене Николаевне (ее тел. И-1-09-85).

Целую тебя. Не падай духом и держи меня в курсе своего здоровья.

8 января. Вчера вечером Квятковский опять заболел малярией! Это сбивает все наши планы. Всячески постараюсь поскорее уехать, но теперь это стало еще труднее! твой Иван

Иван с Баксангэс – Анне в Москву, 7 января 1944 г. (на открытке штамп с гербом СССР и уведомлением: «Просмотрено военной цензурой. 06221»)

Дорогая Аня, видишь, как я аккуратно часто пишу, как только стало немного легче с работой – пишу через 3-4 дня (одновременно посылаю открытку №21 с оказией). Ты мне пишешь гораздо реже. И твои письма, к сожалению, часто выводят меня из равновесия, которое как раз мне очень нужно при напряженной, сложной и ответственной работе. Ты этого недооцениваешь. Кроме того, ты убеждена, что я захочу и в любой момент смогу уехать. Это не совсем так. Я мог бы еще это сделать, если бы ехал налегке и езда по ж.д. была бы легче и проще. А так нам надо ехать вдвоем. Иначе я могу завязнуть с багажом, меня могут обокрасть и т.п.

А тут еще получилась задержка с продажей «шерстянки», кальсон, брюк, рубашки (сам я этим заниматься не мог, взялась одна женщина, дело застряло, м.б. и обойдется, но м.б. придется самому продавать на обратном пути на крупных станциях). Все очень сложно получилось. С деньгами у меня туго. Сегодня получил 1 000 руб. по телеграфному переводу Гидэпа, 500 было долга – отдал. Должен получить еще премию – 750 руб., но, очевидно, налоги вычитаются, и сверхурочные за декабрь – пока это застряло. Думаю еще купить кило 10 фасоли, и если вещи продадутся, то еще муки и масла.

Очень хотел бы тебе чем-нибудь помочь, но что же я могу сделать, когда ты с октября [1943-го], когда тебе это было еще легче, не захотела видеть людей, живешь как в лесу! Еще раз тебя прошу, сходи в воскресенье, в светлое время к Бурштейну, к Кате, к Евгении Николаевне. Кате напиши открытку, м.б. она к тебе придет. Я ей телеграфировал недавно, чтобы она тебя навестила. Одновременно телеграфировал тебе – поздравление с Новым годом и совет сходить к Бурштейну.

Целую тебя крепко твой Иван

Иван с Баксанской ГЭС – Анне в Москву, 11 января 1944 г. (на открытке штамп с гербом СССР и уведомлением: «Просмотрено военной цензурой. 06415»)

Дорогая Анечка, уже очень давно не получал от тебя писем. Впрочем, это всегда так бывает, когда я задерживаюсь, а ты заранее перестаешь писать, хотя могла бы еще продолжить писать на риск, что письмо придет после моего отъезда. Я беспокоюсь о твоём здоровье, в последнем письме ты писала, что 27-го врач м.б. решит положить тебя [перед родами] в больницу.

Вчера послал тебе телеграмму с оплаченным телеграфным ответом в 10 слов (8 руб.) и со своим адресом, на случай если ты в больнице и ответить телеграммой догадается [сеседка] Мария Николаевна. Текст телеграммы: «берите отпуск телеграфьте здоровье Нальчик Баксангэс Классону». Если бы не это беспокойство и некоторая неуверенность в том, что благополучно кончится поручение продажи барахла (продащица пока исчезла, но совсем уехать она не может), то был бы спокоен.

Работа сейчас менее напряженная, главным образом, камеральная, в комнате электрическая печка – собственная энергия. Второй день ясная погода, мороз ночью, а днем тепло (как на севере бывает, разве что в марте или апреле).

Целую тебя крепко твой Иван

Екатерина из Москвы – Ивану на Баксанскую ГЭС, 20 января 1944 г. (на открытке штемпель с гербом СССР и уведомлением: «Просмотрено военной цензурой. 21123»)

Дорогой Иван, сейчас получила твою открытку от 8-го января. Твою новогоднюю телеграмму получила тоже недавно, она шла 13 дней. Как раз тут же получила открытку от Ани, что она ждет меня в воскресенье 16-го. Сходила к ней. Она выглядит хорошо, спокойна, очень ловко чинила электрические плитки. Ей с завтрашнего дня дают уже декретный отпуск, так что, может быть, она будет разрешаться [родами] раньше чем предполагала сама? Из-за этого стоит поспешить с приездом. Телеграмму пошлю, но вероятно открытка придет раньше.

Целую Катя

Екатерина – Анне, 21 января 1944 г. (на открытке штемпель с гербом СССР и уведомлением: «Просмотрено военной цензурой. 15347»)

Дорогая Аня, я хочу зайти к Вам в это воскресенье (23 янв.) после часа дня. Иван просит нас послать ему телеграмму о его приезде. Наверное он Вам писал.

Может быть захвачу Шурика, если его некуда будет деть. Умоляю, не варите кашу. Если открытка не дойдет и я Вас в воскресенье не застану, приду в понедельник.

Целую Катя

Иван с Баксанской ГЭС – Анне в Москву, 23 января 1944 г. (на открытке штемпель с гербом СССР и уведомлением: «Просмотрено военной цензурой. 86217»)

Дорогая Анечка, сегодня мы едем на три-пять дней в Докшукино (между Нальчиком и Котляревской)*, затем возвращаемся сюда, делаем последнее испытание и около 3 февраля выезжаем в Москву. Так что около 8-го буду в Москве. Думаю, что в худшем случае приеду 11-го, но пока твердо рассчитываю на 8-е. Задержаться пришлось из-за служебных дел (все затянулось) и из-за того, чтобы успеть получить разные деньги и натуру (например, должен еще получить ватные брюки и бумажную куртку – спецовку, еще несколько сот руб. за проданное барахло, немного за сверхурочные в январе, сухой паек за январь) и т.п.

* Докшукино – до 1967 название г. Нарткала в Кабардино-Балкарии. Котляревская – станица в Майском районе. Образует сельское поселение Котляревская (которое включает в себя станицу Котляревскую и ж/д будку 612 км у железнодорожного моста через реку Терек). Станица расположена в степной зоне. Расстояние до столицы Нальчика – 45 км по дороге, проходящей через селение Нижний Черек. До железнодорожной станции Котляревской и районного центра Майского – 5,5 км. – Из Интернета

Рассчитываю еще купить фасоли (хотя здесь на базаре ее почти не бывает, м.б. придется в Нальчике купить). Лука купил добавочно. Масла [подсолнечного] привезу меньше, чем думал, м.б. в дороге еще куплю сливочного.

Часть предотъездных дел уладилась, например, Квятковский ездил в Нальчик за почетной грамотой и продлил наши пропуска (до 15 февраля – такой был срок в телеграмме Логинова, хотя я просил до 5 февраля). На обратном пути из Докшукино можно будет сняться с учета и выписаться.

Вчера опять был торжественный митинг с участием правительства Кабардино-Балкарской Республики – по поводу полученной строителями приветственной телеграммы Сталина. Это имеет большое значение.

Целую тебя крепко. Скоро увидимся Твой Иван

Иван из Свири (Лодейное Поле, Свирь-3, Управление) – Анне в Москву, 6 марта 1946 г.

Дорогая Аня, вчера утром благополучно сюда приехал. Переменил место «боковое» продольное (в обычном жестком вагоне) на поперечное верхнее, получил тюфяк и белье и спал хорошо и в тепле.

Здесь пробуду дольше, чем рассчитывал, т.к. Кудряшов еще на Энсо ГЭС и будет только на днях. Квятковский тоже уехал на несколько дней в Ленинград (мы с ним разъехались ночью). Здесь все очень удивились, что я приехал, т.к. Кудряшов видел Демидова в Ленинграде, но не предупредил его; мои телеграммы опоздали. Ткавадзе больна гайморитом и воспалением уха, лежит.

В Ленинграде я купил еще 600 + 400 граммов сливочного масла по 280 руб/кг и две буханочки белого хлеба по 25-28 руб. – для Ткавадзе и частично для себя (Квятковский сам привезет себе). Кажется, кроме блокнота (большого коричневого) я забыл в Москве цилиндрическую коробку кофе молотого. Она стоит 26 руб. Можешь использовать или отдать Кате. Я здесь доложил, что уехал без рейсовой карточки, и меня здесь кормят в столовой 3 раза в день. Важно, что обед с супом! Добавляю немного своих харчей. В сумме питаюсь достаточно и мои харчи растягиваю. По хлебу поступлю к кому-нибудь [из знакомых] на иждивение или куплю на рынке.

По существу, дела здесь лучше, чем я думал, скоро все будет исправно и начнет работать. Это очень приятно.

Целую тебя и Андрюшу твой Иван

Иван из Свири – Анне в Москву, 11 марта 1946 г.

Дорогая Аня! У меня все благополучно, за исключением того, что я застрял. Рассчитываю дня через 2 уехать, но это еще неясно. Кудряшова здесь все нет и даже Малышев его не видел ни на Энсо ГЭС, ни в Ленинграде! Квятковский сегодня должен приехать (или притти пешком из Лодейного Поля!). Сегодня ветер и около 3 градусов мороза. Мяса и масла у меня еще много, сахар есть еще свой и полкилограмма коммерческого, которые я не отдал, т.к. Квятковский должен привезти.

Целую тебя крепко. Будь осторожна, чтобы Андрюша не попал на напряжение на левой или, особенно, на правой розетке! Твой Иван

Письмо брата Павла из колонии (г. Архангельск, Маймаканский район, Завод Конвейер, д. 66) – **брату Ивану** на адрес сестры Екатерины (Телеграфный пер., 11, кв. 32), имеется штемпель лагерного цензора – «113»

31 октября 1940 г.

Дорогой Иван, сегодня получил твои 2 открытки (от 24- и 26-го). Никакого ограничения на посылки здесь нет. Все же, т.е. несмотря на то, что я писал в письме, для поднятия жизненного тонуса хорошо, если пришьешь сахар и масло. Также необходимы и носки. Я в них заправляю брюки, поэтому достаточно, если будет верхняя часть моих изношенных носков или чулок, их можно, очевидно, взять в Ленинграде у жены.

Мыла не надо. А витамины «С» пожалуй пришли, хотя действие их обнаружить не мог. Правда, их здесь можно купить, но во-первых об одолжении нужно просить, т.к. сам я не могу это сделать, а во-вторых надо иметь наличные деньги, что у меня не всегда имеет место.

В момент освобождения я не буду ни в каком Наркомате и следовательно перевести меня могут лишь после того как я куда-то устроюсь. А здесь задерживать не будут как до сих пор вольнонаемных не отпускают с работы согласно указу, а освобождающимся заключенным давали расчет без задержки. Если я смогу поехать отсюда в Ленинград, то очевидно сделаю это, но там могут не прописать.

Вообще возможность выбора места существует, но вероятно, с некоторыми ограничениями. На дорогу дают деньги на билет и суточные. В Алма-Ата и Фергане должно быть очень жарко, а потому не особенно подходяще для меня.

Думаю что переводы инженеров согласно указу будут иметь место в ближайшее время, а через 4 месяца этот вопрос будет не столь актуален и я смогу обосноваться без того, чтобы быть опять переведенным. Что в момент освобождения я буду обладать возможностью выбрать место работы не подлежит сомнению. Недавно я написал жалобу в президиум верховного совета на неправильное осуждение. Не знаю будет ли результат.

С 23-го числа здесь установилась зима с большим количеством снега. Прочел Марсель Пруста «В поисках за утраченным временем». Пусть Катя напишет – это тоже поднимет жизненный тонус.

твой Павел

Письмо невестки Л.П. Классон из Ленинграда деверю И.Р. Классону в Кондопогу

15 марта 1941 г.

Дорогой Иван Робертович! Полик устроился в Луге, достали адрес у знакомых. Вчера прислал открытку. За помещение надо ему платить 50 руб. в месяц. Предлагают готовку, но я думаю, что будет тогда очень дорого. Может быть он сможет сам себе покупать на базаре молочные продукты. Может быть ему удастся получить там временную работу через знакомых.

Послано 2 письма с хлопотами [о прописке] по Ленинграду, он также будет хлопотать, а затем надо по Москве. Хорошо, что недалеко – 3 часа езды, ходят туда ежедневно 10 поездов. Билет – 12 руб. 55 коп. в один конец.

Всего доброго привет от всех ЛК

Письмо невестки Л.П. Классон из Ленинграда деверю И.Р. Классону

28 марта 1941 г.

Дорогой Иван Робертович. Только что получила Вашу открытку, вместе с письмом от Поли [(Павла)]. Пишет мне ежедневно, последние письма были очень радостны, так как наконец удалось ему прописаться и встать на военный учет. Он уехал 13-го, а только 22-го прописался, хорошо, что пометили: прибыл 21-го, а прописан 22-го. Еле нашел где-то себе [жил]площадь, а там, к кому ему был дан адрес, там прописаться нельзя. Пишет, что за угол спрашивают 50 руб., за комнату – 75-100 руб. в месяц.

Ждет повестки, когда его вызовут на медицинский осмотр для военного билета. Спрашивает Ваше мнение о работе, а именно, «не следует ли для того, чтобы прописаться в Ленинграде, получить раньше приглашение на работу». Например, от Ленэнерго? Поэтому он пишет: надо сходить к Вашему знакомому, которому может быть Вы что-либо черкнете. Он еще не приезжал и хочет с субботы 29-го на 30-е приехать, но я пишу ему, что лучше 4-го [апреля], так как возможно будете Вы здесь. Деньги у него кончаются, постараюсь послать ему «до востребования». Я и письма ему пишу на адрес: Луга Ленинградской обл., почта до востребования. Если не приедете 4-го, то сообщите точно – когда, чтобы я написала ему.

На Электростанции в Луге там работа постоянная. И похоже, ни за что уже не уйдет. Так что вопрос с работой [в Ленинграде] еще открытый. Еще схожу к его прежнему сослуживцу, посоветуюсь. Заявления посланы Н-ку НКВД, Жданову от меня и от него – Молотову. По-моему, следует еще писать Сталину, просить как о разрешении на прописку [в Ленинграде], так и о снятии судимости. Так как, я так думаю, это необходимо. Еще, по-Вашему, к кому обращаться? В приемной Жданова сказали, что на заявления всегда бывает ответ, но когда еще – неизвестно, пока надо ждать.

<...> Хотелось бы Поле с Вами повидаться. 24 часа он может находиться без прописки, а дальше надо поставить в известность домком. Как сказал милиционер, надо через 6 дней по его отъезде справиться, уехал ли он. А так приезжать он может, только конечно дорога дорогá – 12 руб. 55 коп. один конец. С мая, писал, что будет вдвойне дешевле.

Место там красивое и очень здоровое, говорит, что на лето было бы хорошо мне с Маргаритой там пожить. Не плохо бы, хоть немного [придется] потратиться, но вперед не заглядываю, не знаю, что будет.

Всего лучшего

Пишите и приезжайте

Л. Классон

Письмо сестры Екатерины из Чистополя брату Ивану в Москву

16 августа [1942 г.]

Дорогой Иван, прости, что давно не писала, – нам ввели 11-часовой рабочий день на [галантерейной] фабрике, с семи до семи (с перерывом на часовой обед), с непривычки было утомительно, так что, когда приходила домой, то сразу засыпала. Все воскресенья работали на фабричных полях.*

Я переехала еще раз, теперь как будто окончательно: ул. Вахитова, д. 56а. Такая же маленькая отдельная комната напротив кухни с занавеской вместо двери – очевидно для тепла. Была тоже без форточки и электричества, но электричество уже провела (по благу с фабрики), форточку сотворила сама, сдвинув стекло. На этой квартире кроме хозяев живет заведующая той столовой, откуда все пошло, она (т.е. заведующая Лидия Михайловна) и приглашала меня на житье.

* Сестра Екатерина в это время числилась старшим художником игрушечного цеха, а в марте 1943-го она (беспартийная!) будет даже назначена начальником художественного цеха.

Так что я живу в самых недрах питания и совсем без еды не останусь. Беру по-прежнему кое-какую (не очень вкусную) еду из столовой, вечером еще пьем чай, и Лидия Михайловна принудительно выдает что-нибудь. Кроме того, если только у меня будут дрова (а на них я записалась в Литфонде), то на новой квартире обеспечена их перевозка (что очень трудно вообще) и квартира ультра теплая (была прошедшей зимой на ней). Все это, если вообще будем зимовать.

Самая большая новость, что Валентин Яковлевич поехал в Москву. Отбыл он 11-го числа в Казань, там должен получить разрешение на въезд в Москву. У него есть вызов из Союза писателей. Рассчитывает пробыть в Казани не более недели, но все неизвестно, конечно. Может быть, даже и вернется обратно, это уже будет хуже, ибо хозяйка наша прежняя на ул. <Нариманова?> поспешила сдать, как только В.Я. уехал, его комнату. Она так была рада, что В.Я. уезжает, что зашивала и чинила ему все на прощание и запаковывала его вещи. Думаю, если доедет до Москвы, то там ему будет легче с заработком.

Картошку свою я окучила, но участок у меня небольшой. Скоро буду наверное вырывать, пока не разворовали. Все твои предписания, таким образом, исполнены.

Получила опять письмо от Любови Петровны [Классон]. С Павлом опять какие-то нелады – он не выполнял норм, и ему грозят какие-то кары (штрафное строительство или отдадут под суд?). Его адрес [в трудовую армию]: Челябинск, почт. ящик №48. Конечно, сделать ничего нельзя, может быть все и обойдется.

Целую тебя пиши целую Аню Катя

Письмо невестки Л.П. Классон из Казахстана (КазССР, Восточно-Казахстанская обл., Кировский район, Верхнеульбинский сельсовет), на открытке штамп «Просмотрено цензурой. 15635», **деверю И.Р. Классону в Москву**

6 августа 1945 г.

Дорогой Иван Робертович, как Вы поживаете, о Вас ничего не слышно.

Я неоднократно писала Екатерине Робертовне, но от нее не получила никакого ответа, она теперь разве на Телеграфном живет, а не на Кривоколенном? Мы живем все так же плохо.

У меня хроническая малярия с упадком питания, которая меня очень мучает, и врачи категорически настаивают на мой отъезд. Я бы с радостью уехала бы отсюда, но куда?

Здесь нынче большая засуха, урожай на все очень плохой, у меня на огороде ничего не уродилось, жара стоит сильная 45-50°. Очень многие уезжают отсюда. О Поле [(Павле)] с 1942 г. не имею никаких сведений, несмотря на неоднократные мною посылаемые запросы. Не знаю куда теперь и обращаться. Может быть Вы поедете в Ленинград или Ярославль в командировку, то справьтесь пожалуйста о вещах, мы износились до крайности.

Может быть Е.Р. напишет нам. Маргарита большая, учиться надо, а все не приходится, не знаю, как бы получше устроиться, уехать отсюда, уж очень здесь тяжелая жизнь.

Пишите, какая жизнь московская, как с питанием, какие цены на продукты. Как Ваш сын [Андрюша] – наверное уже стал большой? Нельзя ли через Вас похлопотать о вызове. Мне жить все равно где, лишь бы с питанием было не так плохо как здесь и избавиться бы от болезни! Бытовые условия такие крайне тяжелые, хоть куда-либо завербоваться, но здесь нет никакой вербовки.

Всего доброго Л. Классон

**Письмо племянницы Н.С. Гардениной-Тумановой с Дальнего Востока
тете Е.Р. Классон в Москву***

26 октября 1946 г.

Моя милая Катеринка!

Сегодня получила от тебя долгожданное письмо и немного разочаровалась – это была всего-навсего открыточка. Скупое. Я ждала большего. Но, спасибо и за это.

Я живу все там же. Как тебе понравились фотографии? Не правда ли, красиво? Но это только на фото красиво, а в действительности гораздо хуже. Большой спасибо за адрес тети Маруси [Лесман]. Напишу ей непременно.

Как только буду при деньгах, вышлю тебе рублей 200 на книги. Пусть уж Валентинище [Парнах] постарается раздобыть для меня немного книг. Здесь в отношении книг, как я уже писала, неописуемый голод. Сейчас я уже настолько проработала попавшегося мне в руки Пушкина «Сатира и Юмор», что знаю его наизусть. И как на грех мой муж тоже большой глотатель книг, и мы с ним из-за первоочередности чтения книг иногда ссоримся.

Последнее время я не работала, но сейчас трудоспособных иждивенцев сняли со снабжения, и придется, вероятно, работать. Не знаю, как на это согласится Анатолий, я еще с ним не говорила. С нашего огорода, что мы сажали, урожай получился паршивый. Все лето шли дожди, и все вымокло. Вместо ожидаемых 18-20 кулей картофеля получили только 5. Правда, все лето были с огурцами, пожирали их несметное количество. Недавно открылась охота на рябчика, теперь у меня каждый день свежие рябчики.

Напиши мне, пожалуйста, как живет папа, как он себя чувствует? Ты понимаешь, насколько раз я принималась писать ему, но каждый раз бросала, просто не знаю, как к нему подступиться. Ты пишешь, что он по-прежнему неутомим в ходьбе, значит, еще не совсем поддался времени. Андрею я тоже еще не писала.

И как-то опасаясь писать, может, им папа наговорил про меня всякой гадости, и он и знаясь со мной не захочет! Но все-таки попробую. Очень печально, что с Софьей такая история [приключилась], печально для меня, тем более что я не могу тут ничем помочь. От дяди Вани я уже давно получила открыточку тоже, но еще не писала ему.

Мы, по всей вероятности, скоро уедем отсюда. Анатолий просит перевода в другое место. Здесь создалась невыносимая атмосфера с местным начальством. Так как мы не устраиваем гулянок, ни к кому не ходим с поклонами, не занимаемся сплетнями, то на нас здесь смотрят, как на белых ворон, и пакостят на каждом шагу.

Лето у нас было паршивое, дождливое. Правда, было очень много ягоды – жимолости, черной и красной смородины и голубицы, а также грибов. Я посолила ведер пять груздей, но уже все слопали. Можно было посолить больше, но некогда было за ними ходить.

Как поживает Шурик, он, наверное, уже совсем большой. Пусть напишет мне, как он живет, как учится и т.д. Да и сама-то ты пиши поподробнее.

Не отделяйся открытками, из которых ничего толком не узнаешь, да не откладывай писания в долгий ящик, а пиши сразу же.

Еще раз прошу насчет книг. Мобилизуй на это дело всех – Валентина Яковлевича, дядю Ваню и прочих кого сможешь. А Вал. Як. передай, что я надеюсь на него, что он как рыцарь и дамский угодник и т.д. и т.п., постарается для меня. Ну, вот пока и все. Крепко тебя целую, так же и Шурика. В.Я. привет. Анатолий, мой супруг, вам кланяется и шлет привет. Привет дяде Ване, его наследнику [Андрею] и супруге. Наташа

Письма от тебя ко мне и от меня к тебе идут целый месяц, так что мое дойдет к тебе в конце ноября, а я буду ждать от тебя письма к новому году.

* Помещаем в виде исключения это письмо (не входящее в обозначенный для данного Приложения формат), поскольку после прочтения оно Екатериной Робертовной оно оказалось у брата Ивана.

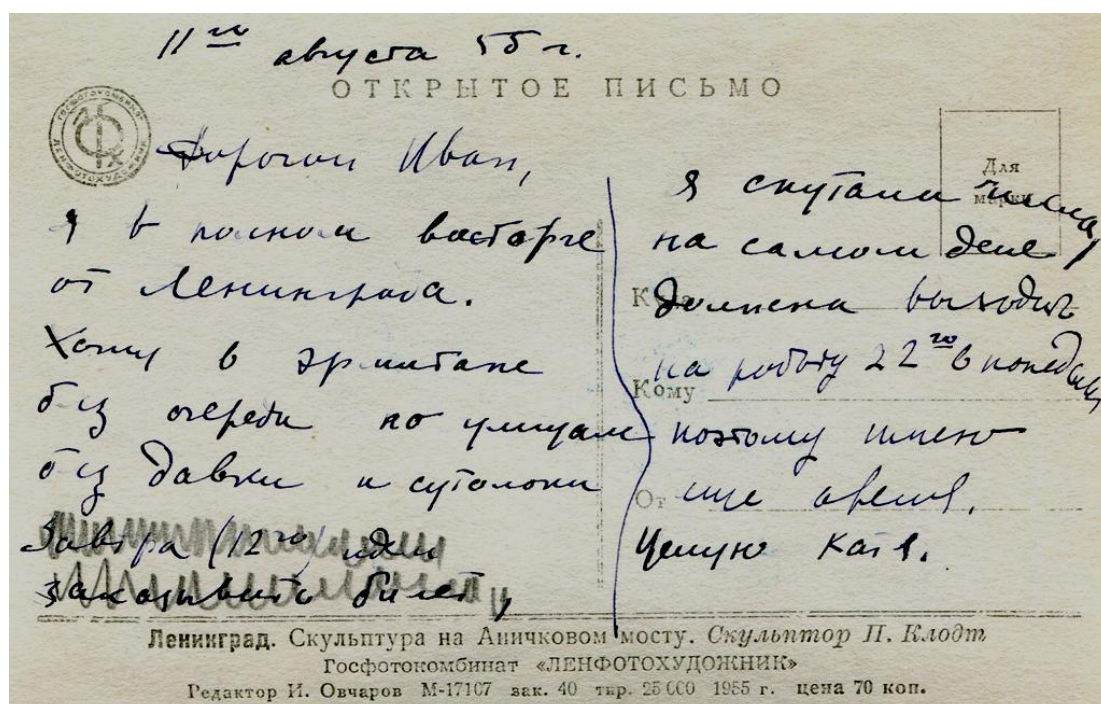
Письмо сестры Екатерины из Ленинграда брату Ивану в Москву

(на фотооткрытке со скульптурой работы П. Клодта на Аничковом мосту)

11 августа 1955 г.

Дорогой Иван, я в полном восторге от Ленинграда. Хожу в Эрмитаж без очереди, по улицам – без [московской] давки и суетлоки. Я спутала числа, на самом деле должна выходить на работу 22-го в понедельник, поэтому имею еще время [наслаждаться Ленинградом].

Целую, Катя.

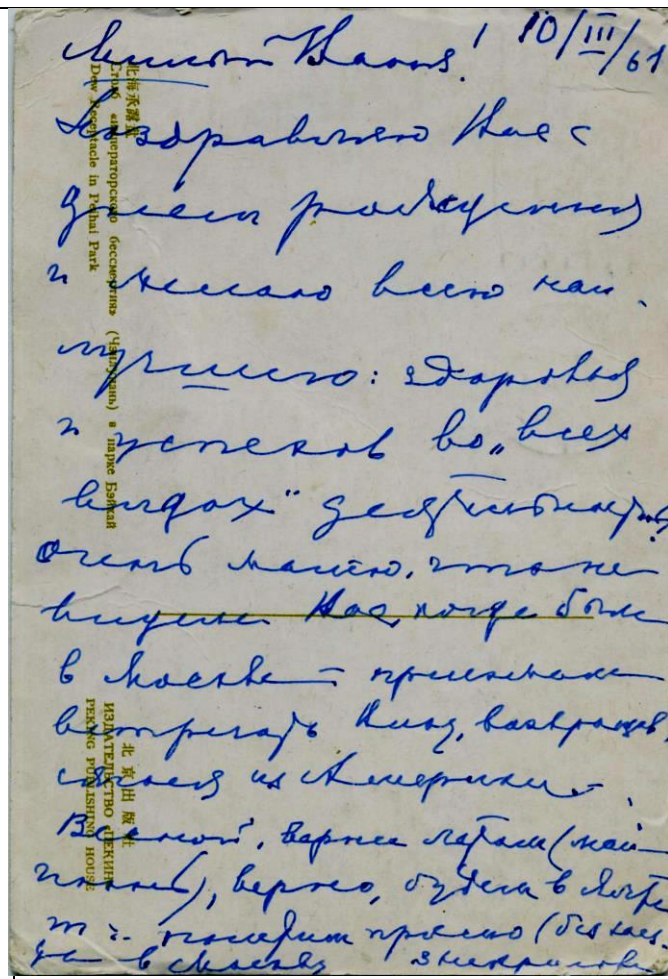
Письмо З.Н. Некрасовой из Киева И.Р. Классону в Москву

10 марта 1961 г.

(на фото – столб «императорского бессмертия» в парке Бэйхай, Пекин)

Милый Ваня! Поздравляю Вас с днем рождения и желаю всего наилучшего: здоровья и успехов во «всех видах» деятельности! Очень жалею, что не видела Вас, когда была в Москве – приезжала повидать [сына] Вику, возвращавшегося из Америки. Весной, вернее летом (май-июнь), верно, будем в Ялте, т.ч. поедем прямо (без заезда в Москву).

З. Некрасова

**Письмо племянницы Н.С. Гардениной-Тумановой с Дальнего Востока
дяде И.Р. Классону в Москву**

26 августа 1961 г.

Дорогой дядя Ваня! Большое Вам спасибо за теплое письмо и поздравление, мне было очень приятно, что обо мне не забыли. Прошу простить за долгое молчание, но все время было много работы, я очень уставала и писать совсем не хотелось.

Вчера только вернулась из командировки по побережью, ездила ревизовать наши магазины. Немного поболтало в море, оно редко бывает спокойно, а на маленьких катерах всегда болтает.

Хорошо еще, что я не подвержена морской болезни, после 18-часовой качки только чувствуешь, что и твердая земля колеблется под ногами, но это проходит через сутки. Дел у меня на работе по-прежнему очень много. Много времени отнимает общественная нагрузка, я – председатель месткома.

Весной посадила огород, только картошку, которая, впрочем, тоже требует ухода: то прополка, то окучивание и т.д., что и Вам знакомо. Сейчас уж наступило время пользоваться плодами трудов рук своих, а это очень хорошо, так как на базаре у нас картошка стоит 50-60 коп./кг. Теперь настал черед moment заниматься ремонтом квартиры, подготовкой ее к зиме.

Сегодня целый день экипировала дочь в школу; надо было переделать школьное платье, пошить фартучек и воротнички и т.п. Одним словом, без дела сидеть никак не приходится, наоборот, просто не успеваешь переделать в воскресенье всего, что накапливается за неделю. [Дочка] Лека за лето хорошо отдохнула. Один месяц только она ходила на детскую оздоровительную площадку, а остальное время отдыхала неорганизованно, но тем не менее выросла, поправилась и загорела. Лето у нас в этом году стояло довольно теплое и солнечное, если не считать полмесяца дождей в конце июля – начале августа. О немцах Вы меня лучше не спрашивайте. Если наше мудрое правительство не придумает какой-либо новой переоценки или реформы, то зимой, примерно с ноября, можно будет заняться этим делом, а сейчас некогда. После ремонта на повестку дня встанет вопрос дров, а ведь делать приходится все самой – пилить, колоть.

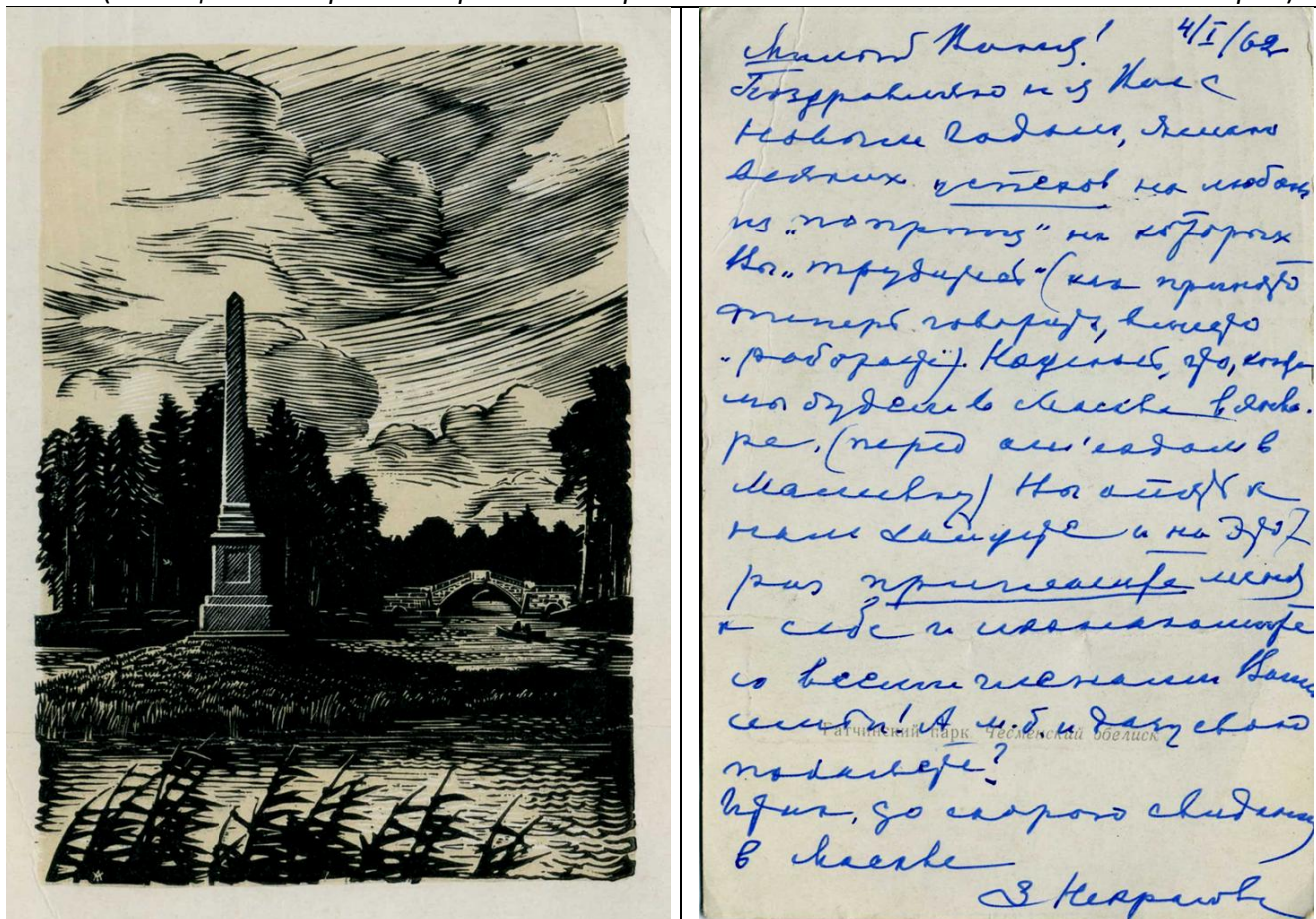
Вот так-то обстоят дела. Еще раз большое Вам спасибо за поздравление. Крепко целую Вас, привет А.Г. и младенцам. Ваша Наташа

P.S. [Дочка] Лека обижается на [Вашего сына] Мишу: она написала ему два письма, а ответа не получила. Н.

Письмо З.Н. Некрасовой из Москвы (остановившейся по адресу о/с Москва, Кутузовский проспект, д. №1, кв. 8, Семену Львовичу Лунгину для передачи З.Н. Некрасовой) **И.Р. Классону в Москву**

4 января 1962 г.

(На лицевой стороне открытки изображен Чесменский обелиск в Гатчинском парке)

Милый Ваня! Поздравляю и я Вас с Новым годом, желаю всяких успехов на любом из «поприщ», на которых Вы «трудитесь» (как принято теперь говорить, вместо «работаете»). Надеюсь, что когда мы будем в Москве в январе (перед отъездом в Малеевку), Вы опять к нам зайдете и на этот раз пригласите меня к себе и познакомите со всеми членами Вашей семьи! А м.б. и дачу свою покажете?

Итак, до скорого свидания в Москве.

З. Некрасова

Письмо З.Н. Некрасовой из Москвы И.Р. Классону в Москву

7 марта 1962 г.

Милый Ваня! Мы приехали из Малеевки два дня назад. Я хотела бы Вас видеть, т.к. мы, верно, не пробудем долго в Москве. Когда Вы сможете к нам прийти? Позвоните по № Д-2-21-32 и скажите, когда Вы будете свободны? Если нас не будет дома, то нам передадут. Итак, до скорого свидания. Обратный адрес: Москва, Г-99, Кутузовский проспект, 1, кв. 8. Лунгин С.Л.

Приписка И.Р. Классона: был 10.03.62, видел обоих.

Письмо племянницы Н.С. Гардениной-Тумановой из Совгавани дяде И.Р. Классону в Москву

11 марта 1962 г. *

Дорогой дядя Ваня! Ваши письма я все получила, причем последнее меня очень расстроило и, откровенно говоря, разозлило.

Благодарю Вас за поздравление с нашим женским днем. Но должна Вам сказать, что все Ваши упреки и обвинения по моему адресу совершенно необоснованны. Когда я пишу о том, что я занята, то это так и есть. «Жизненный тонус», как Вы выражаетесь, у меня довольно высок, в противном случае мне пришлось бы давно повеситься. Вы, по всей вероятности, не представляете себе, какова жизнь в наших неблагоустроенных условиях.

Попробую описать Вам один мой день, чтобы дать Вам хоть небольшое представление о моем времени и на что оно уходит.

Итак, я поднимаюсь в половине седьмого утра и принимаюсь за печку, ее надо очистить от золы (я топлю углем) и затопить вновь, иначе в комнате будет днем мороз, и Ленке нельзя будет заниматься. Да и вообще жизнь в холодной квартире доставляет мало радости. Еще Нансен заметил, что человек к холоду привыкнуть не может. Кроме того, может замерзнуть картошка в подполе. На печку у меня уходит около 15 минут, затем нужно прибрать постель, причесаться и умыться – еще 20-25 минут. Приготовить завтрак и позавтракать – 30 минут.

Водопровода у нас нет, следовательно, надо идти к колодцу за водой, 2 ведра ежедневно [нужно принести], а колодец далеко – 20 минут. Одеться и собраться на работу – 10 минут, прочие мелкие дела по дому занимают остальное, 15-20 минут, утреннее время. В 8.30 я ухожу, чтобы успеть на автобус – до работы далеко. Целый день я на работе. В 5 вечера кончается рабочий день, но я редко ухожу в 5. Всегда находится какое-нибудь дело, общественное или производственное, которое задерживает минимум на полчаса. Затем нужно зайти в магазин за хлебом и другим харчем, раз в неделю – в библиотеку, таким образом, я прихожу домой около 6.30, изредка в 6, чаще к 7-ми. Дома опять начинаю танцевать от печки – вычистить золу, затопить вновь, иначе не приготовишь ужин и замерзнешь ночью. Затем нужно приготовить поесть, так как разносолов я не готовлю, то приготовление пищи занимает около часу.

* Согласно помете И.Р. Классона он получил это письмо (авиа?) 15 марта в 13 час, т.е. почта с 1946-го сильно прибавила в скорости доставки корреспонденции с Дальнего Востока в Москву – с одного месяца до 4 дней!

Часов в 8-8.30 мы с дочерью ужинаем. Затем нужно поговорить с дочерью, помочь ей с уроками, просто выслушать ее рассказ о проведенном дне.

В 10 вечера она ложится спать, а мне приходится заниматься всякими домашними заботами, пошить, починить, просто почитать книгу, газету. Кроме того, нас всех заставили «добровольно» заниматься в кружке конкретной экономики – к занятиям надо готовиться. Иногда, но очень редко, иду в кино. В 12, а то и в 1 час ночи я ложусь спать.

И так каждый день, за исключением пятницы, когда я стираю, а это занятие на весь вечер, и субботы, когда я глажу выстиранное вчера, и мы купаемся. На воскресенье обычно накапливается уйма разных дел: наколоть дров на всю неделю, убрать снег после очередной метели и многое другое, в том числе и написать письма, на которые я сегодня уже ухлопала 2 часа – Вам пишу третьему, а еще надо срочно написать 2 письма.

Это, так сказать, нормальный мой день, а при составлении годового отчета мы работаем гораздо больше, и я прихожу домой часам к 9 вечера. Кроме того, мне часто приходится принимать участие в инвентаризациях магазинов, которые, как правило, проводятся вечерами, а то и ночами. Вы почти всю жизнь прожили в благоустроенных квартирах, с водопроводом, центральным отоплением и прочими благами и поэтому не знаете всей «радости» жизни в неблагоустроенном, да к тому же еще старом, полуразваливающемся доме. Если Вы можете в вышеизложенном бюджете моего времени найти какое-то «окно», что ж, буду благодарна, если Вы его мне укажете, я сама его найти не могу. Учтите еще, что я все делаю очень быстро, гораздо быстрее большинства других людей. Еще менее Вы можете упрекнуть меня в духовной отсталости. Я много читаю, в частности все, что Вы мне рекомендовали в прошлом письме, Марка Твена и другое я прочла уже давно.

И я читаю не только беллетристику, я очень люблю научно-популярную литературу по новейшим достижениям физики, химии, читаю литературу по искусству, истории и т.д. Во всяком случае, я имею довольно ясное представление и о теории вероятности, и о самом Эйнштейне, и о многом другом, чего мы в школе не изучали. Кстати, я с радостью убеждаюсь, помогая Ленке в ее уроках (она плохо усваивает математику и физику), что я прекрасно помню все формулы по алгебре, физике и химии. Не забыла и многое другое.

Если бы Вам удалось незримо посидеть около меня на работе, то Вы увидели бы, что со всеми почти вопросами идут ко мне, начиная с чисто деловых, рабочих – как сделать то-то и то-то, и кончая просьбами о помощи при составлении контрольных работ (у нас большинство учится на заочном отделении техникума), вплоть до перевода с любого иностранного языка (чаще английского) фактурных данных на импортный товар. Часто мне приходится давать всякого рода справки, исторические, экономические, географические, юридические, не говоря уже о том, как написать то или иное слово, фразу и т.д.

Я считаю, и не без основания, что мой кругозор достаточно широк, гораздо шире, чем у окружающих меня людей. Это и радует меня, и в то же время ставит меня в затруднительное положение в том смысле, что я в личной жизни оказалась сейчас (после смерти мужа, отъезда из Совгавани моих друзей Георгиевских) совершенно одинока. Я не хожу ни к кому, ко мне не ходит никто, так как заниматься пустыми разговорами, попросту – сплетнями, мне не интересно, а с людьми, с которыми можно было бы поговорить на интересные меня темы, мне пока не удалось познакомиться.

Кстати, и немецкий язык я не совсем забросила, но заниматься регулярно по причинам, уже изложенным, не могу. По поводу немецкого языка могу рекомендовать того же М. Твена, т. 5, если не читали, то прочтите. Надо Вам сказать, что у меня большая своя библиотека, что я подписываюсь на большинство подписных изданий сочинений, выписываю журнал «Новый мир» и три газеты.

Милый Ваня! Я опять в Москве и хочу Вас видеть. Когда сможете – зайдите, но заранее позвоните, чтобы я была дома. [Сын] Вика полетел на кинофестиваль в Восточную Германию, а я осталась его ждать у Лунгиных. А потом он поедет во Францию и Италию. До скорого свидания. 3. Некрасова

Михаил Горький
 Я пишу тебе письмо
 и хочу тебе видеть
 Конец свидания -
 как тебе, но сейчас
 поворачиваю. Я боюсь
 и от тебя слышу
 Мне кажется, что
 ты не понимаешь
 и не понимаешь
 а в самом деле
 и ты не понимаешь
 и ты не понимаешь
 во Франции и так,
 до скорого свидания
 КУКРЫНИКСЫ. 3. Некрасов
 М. Горький (дружеский шарж). 1934.

Москва 8.34
 Умная и добрая
 7.12.58
 Ивану Подорожному
 Кассону
 % Михаилу Киреевичу
 7.12.58
 Семину Лобовичу Лунину
 7.12.58
 А 04485. 28.III.61. 979. Т. 25 т.
 Тип. изд-ва «Советский художник».
 Москва, Мало-Московская ул., 21.
 Цена 3 коп.

13 ноября 1962 г.

У меня сейчас все нормально, если не считать очередного приступа ревматизма, в связи с чем пошаливает сердце, но я не особенно беспокоюсь, так как с наступлением холодов (а морозы у нас стоят около 20⁰) это у меня обычное явление. Лопаю «салицилку» и стараюсь держаться бодро. Перед самыми праздниками была в командировке в г. Хабаровске, откуда, если обратили внимание, и послала свои поздравления. Вернулась 3/XI и нашла Ваше письмо.

Картошка у нас в этом году уродилась небывалая. С посаженных мною 2,5 ведер я собрала 8 мешков, причем совсем без мелочи.

Летом у меня опять будет отпуск за 3 года, и мы приедем в Москву. Хотим посетить Ленинград. Но если, как я уже писала, окажется, что мое присутствие около Кати понадобится раньше, я приеду хоть сейчас.

Еще раз прошу держать меня в курсе всех событий. Передайте Кате мои самые горячие пожелания скорейшего выздоровления и многих лет жизни. Крепко ее целую, так же как и Вас. Привет младенцам и А.Г. Ваша Наташа

P.S. Желаю Вам успешно закончить биографию дедушки.

2 января 1963 г.

Милый Ваня! Я звоню уже 2-й раз! Отвечает [ваш телефон] долгими звонками, затем кто-то подходит, я прошу «Ивана Робертовича» и... в ответ короткие звонки – мой «собеседник» исчезает! Мы все еще в Москве: Вика вернулся из Франции, где пробыл целый месяц! Очень доволен поездкой и встречами в разных учреждениях и на разных приемах. Если это письмо дойдет до Вас, то позвоните и приходите.

С Новым Годом!

С Новым Годом!

2/5/63
 А. Григорьев. Род. 1929 г.
 Исходящая художественная выставка. 1961 г.
 Милый Ваня!
 Я знаю уже 24 раз!
 Анжелика давала
 званганы, сажен
 кто-то подходит
 к прачке Ивану
 Робертосовичу... в
 отделе карточек Шва
 ки - мой соседний
 сосед! Но все еще
 в Москве: Умная Верникова
 Френциш, где про
 сел чинной кесей.
 Бендолович поедет
 и встретится в рас
 ток урядничих и
 в разных приемах
 Белин бра тинию дай рет до
 то поделайте и примечайте

Письмо племянницы Н.С. Гардениной-Тумановой из Сов. Гавани дяде

И.Р. Классону в Москву

10 марта 1963 г.

Дорогой дядя Ваня! Сердечно благодарю за Ваше поздравление!

Что ж, Вы правы, мы с Катей уже обменялись парой писем, и мне остается только при
 нести Вам свои извинения в своем молчании. Но, ей-богу, у меня не произошло ничего
 достойного для немедленного сообщения. С Катей мы условились провести вместе лето
 на ст. Фирсановка, где-то недалеко от Сходни, по Окт. ж.д.

Как я уже говорила, ничего особенного у нас не произошло. Я работаю, Ленка учится.
 Обе обременены еще всякими общественными нагрузками. Половина воскресенья по
 свящается заготовке дров на неделю, вторая половина – всяким хозяйственным делам по
 дому, посещению библиотеки. Так что свободного времени нет.

Зима у нас в этом году очень суровая и снежная. Даже сейчас, в марте, днем тает и $t = -6-8^{\circ}$, а ночью, особенно к утру, доходит до $-20-25^{\circ}$. Так что дров требуется много: чтобы к утру не замерзнуть, приходится с вечера натапливать основательно.

Мои надежды на получение благоустроенной квартиры провалились, квартиры я не
 получила, впрочем, как и все остальные работники райпо. Тем не менее я решила обжа
 вестись более приличной мебелью, чем у меня до сих пор была. Для начала приобрела
 комод и письменный стол. Из-за более чем скромных размеров моей комнаты (13м^2)
 размещение этой мебели доставило много хлопот. Стол, правда, встал на место старого,
 но с комодом пришлось помучиться. Сначала хотели выбросить совсем Ленину кровать и
 на ее место поставить комод. Ленка высказала опасение, что если мы приобретем еще
 два стула, то придется выбрасывать и мою кровать. Но, в конце концов, обе кровати оста
 лись и комод поместился, как говорится, утряслись.

Обе мы отдали дань свирепствовавшей у нас эпидемии гриппа, сначала я, а потом Лека. У меня дело осложнилось рецидивом ревматизма, но сейчас все прошло, осталась только большая слабость.

В этом году нашему городу много неприятностей причиняют наледи. Обычно у нас снег выпадает только в конце декабря, а самые сильные снегопады бывают в феврале-марте, и морозы успевают прихватить почти все родники. А в этом году снег, и обильный, начал выпадать с начала ноября, и выходы подземных вод не замерзли, они свободно изливаются на поверхность, образуя большие ледяные поля мощностью до 1,5-2 метров.

Так, наша улица сейчас поднялась на 1,0-1,2 метра и представляет собой сплошной каток. Борьба с этим явлением природы затруднительна, так как наледи распространяются неумолимо и невзирая ни на какие преграды.

Сейчас прервана связь на главной магистрали города, связывающей хлебокомбинат и рыбокомбинат с городом. Эта магистраль в одном месте проходит через небольшой ручеек, над которым был построен небольшой мост, вполне обеспечивающий пропуск воды ручья даже в период половодья. Так сейчас наледь затопила и мост и выросла выше перил моста, несмотря на то что там строили всякие запруды, заслоны, прорывали канавы и т.д.

Рядом с этим мостом стоял небольшой дом, и жители вынуждены были его покинуть, так как вода-лед, пробравшись в подпол, постепенно заполнила дом до окон, из которых сейчас и выглядывают такими ледопадами. Я таких наледей не видела со времени, как покинула Верхне-Буреинский район. Там они объяснялись вечной мерзлотой. А здесь виной базальты, являющиеся естественными конденсаторами воды.

Как Ваши дела? Как здоровье? Скоро ли выйдет в свет биография дедушки? Не обижайтесь на меня. Пишите, как будет о чем писать. Привет А.Г. и детям. Крепко целую Вас

Ваша Наташа

«Реферат» А.И. Классона о службе на Северном флоте

Я начал службу в Военно-морском флоте в сентябре 1963 года. Призвали на Северный флот. Но, пробыв неделю в Северодвинске (база и завод Северного флота), я прошел некоторые проверки на пригодность службе в слуховом отношении (радисты, радиометристы, радиомастера и со знанием английского языка дословно).

По одной из этих специальностей я прошел тестирование и через несколько дней оказался в Киеве. Там я проучился до июля 1964 года. Получил удостоверение специалиста и отбыл обратно на Северный флот.

В Киеве мне понравилось [во время организованных увольнений]. Немного городская обстановка, походы по улицам, на футбольные матчи. Культпоходы на театральные представления. Также я посещал в [индивидуальных] увольнениях своих полудальних родственников. Вот, например, был я у Виктора Некрасова – автора книги «В окопах Сталинграда» и у его матери Зинаиды Николаевны. Также один раз зашел в гости к ее сестре Софье Николаевне.

Конечно, мне было [всего] 20 лет. А моим собеседникам – лет на 30-40 больше. Но что-то общее в разговорах и собеседованиях находили. Времени [в увольнениях] было мало. Давали увольнительные на несколько часов, поэтому много [с родственниками] не наговоришься. У Виктора Некрасова меня заинтересовали зарубежные журналы. Что-то я пробовал (уже на службе на Севере) переводить со словарем из английских рекламно-бытовых текстов.

Андрей Классон в матросской робе, Киев, октябрь 1963 г.

Ближе к лету [1964 года] приезжал в Киев повидаться со мной отец. Часть наша находилась на острове на Днепре. На катере отца переправили, мы встретились, но общались всего часа 2-3, и он попрощался и отбыл в город (на Крещатик, к Виктору Некрасову). Там он пробыл около двух дней.

Меня не отпустили, т.к. в это время были выпускные экзамены. Дней через 7-10 нас распределили по флотам. Откуда я прибыл (с Северного флота), туда и отправили (в г. Полярный). Это недалеко от Мурманска, километров 50-70 в Кольском заливе.

И прослужил я [на Северном флоте] с июля 1964 года по октябрь 1967 года. Был в Бискайском заливе (Атлантика), на Северном полюсе. Нес радиометрическую службу и на надводных плавсредствах (типа среднего рыболовного траулера) и на подводных атомных лодках. Так пролетело 4 года службы в Военно-морском флоте. Начал курсантом учебного отряда (школы), а закончил старшим инструктором в мичманском штате.

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот

(на открытке изображена картина Боголюбова «Бой парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд» в Черном море... июля 1877 года»; из-за обрезания полей открытки утрачены начало и конец письма, предположительно – начало октября 1963-го)

Дорогой Андрюша, первого твоего письма мы не получили (с севера). Мама простужена, лежит, но пишет тебе большое письмо. Вчера вечером получили твои письма от 30 сентября и 1 октября. Первое из них завалилось на нашей почте в Москве со второго октября. Я послал тебе письмо первое, кажется, 30-го. С деньгами у нас пока (до 20-х чисел ноября) туго. Поэтому переводим тебе не 10 р., как ты просишь, а 5 руб. Тебе должно хватить на конфеты и яблоки, покупай их и ешь понемногу.

Дружок Андрея
 (с секретом)
 Первое твое письмо ~~уже~~ не получишь.
 Мама простужена,
 лежит, но пишет тебе длинные
 письма. Вера везет и получит
 твои письма от 29 и 30 со
 вниманием от 30 сент. и 1 окт.
 Теших забавлялось на нашей
 почте в Москве со второго окт.

Я получил тебе письмо первое, датой, 30-го.
 С деньгами у нас пока (до 20-х чисел ноября) туго.
 Пошлю переводить тебе не 10 р., как ты
 просишь, а 5 руб. Тебе должно хватить на
 конфеты и яблоки, попей их и есть пожелает.
 Твоей зарплатой было ок. 30 руб., а ок. 17 руб.
 профбилета и уч. карт. я еще не получил, т.к. много
 еще хочу из-за ушибленного колена. Не
 трать деньги зря и не влезай в долги!
 Не кури и не пей никакого алкоголя. Это лучше
 во всех отношениях!! Куда же ты девал ватник?
 И отошлешь ли нам пиджак? Я бы советовал
 каждый день хоть полчаса по-английски читать! <...>

П. Боголюбов (1824-1896)
 в пароходе «Веста» с турецким бро-
 денсом «Фетхи-Буленд» в Черном море
 1 июля 1877 года. 1878 г.
 Центральный военно-морской музей
 у нас есть (вспомни!)
 (с секретом)
 (вс. секрет.)

Твоей зарплаты было не около 30 руб., а около 17 руб. Профбилета и учетной карточки я еще не получил, т.к. много еще не хожу из-за ушибленного колена. Не трать деньги зря и не влезай в долги! Не кури и не пей никакого алкоголя. Это лучше во всех отношениях!!

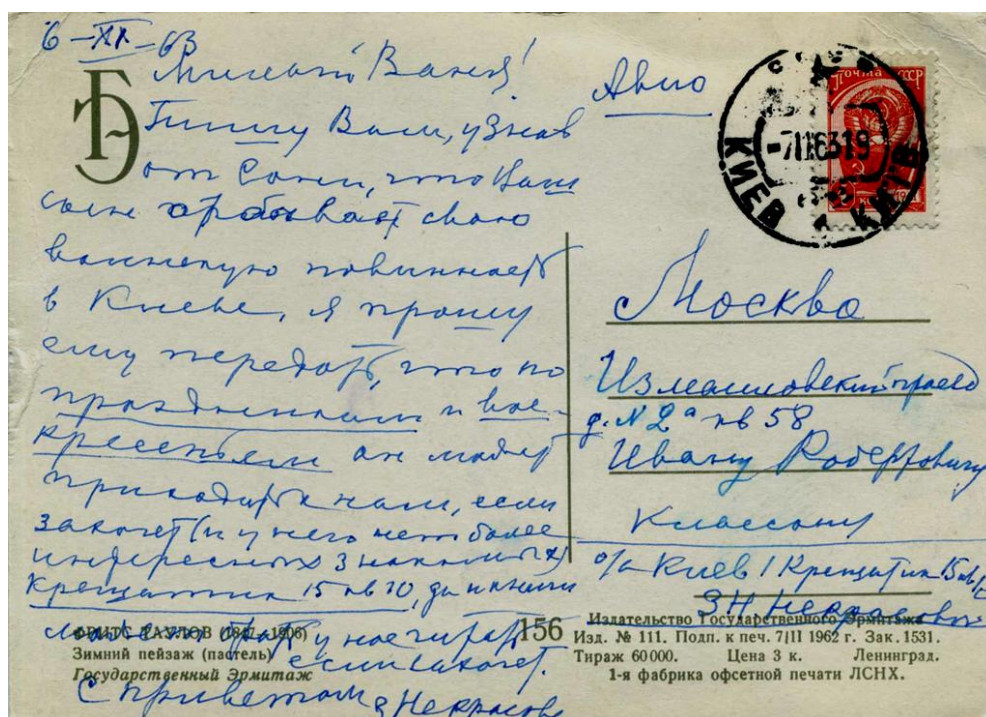
Куда же ты девал ватник? И отошлешь ли нам пиджак? Я бы советовал все-таки каж-
 дый день хоть полчаса по-английски читать! <...>

**Письмо от З.Н. Некрасовой из Киева (Киев 1, Крещатик, 15, кв. 10) И.Р. Классону в Мос-
кву**

6 ноября 1963 г. (авиа)

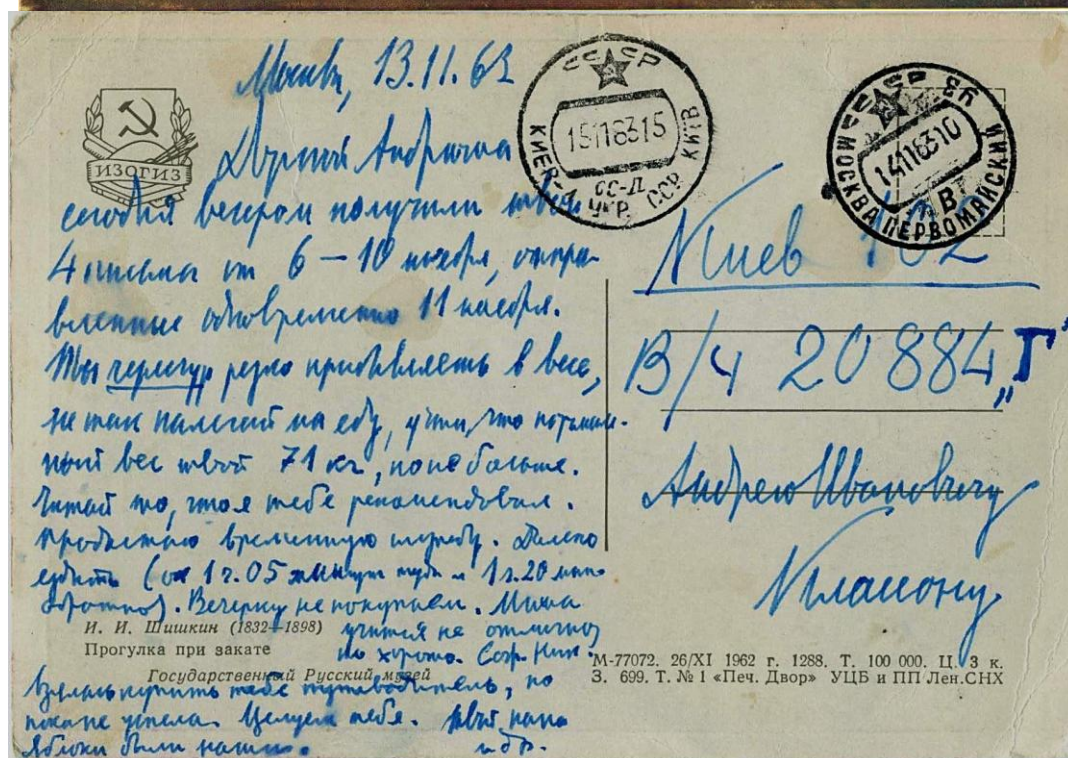
(на лицевой стороне открытки – репродукция картины Фритса Таулова «Зимний пейзаж»)

Милый Ваня! Пишу Вам, узнав от [сестры] Сони, что Ваш сын отбывает свою воинскую повинность в Киеве. Я прошу ему передать, что по праздникам и воскресеньям он может приходить к нам, если захочет (и у него нет более интересных знакомых): Крещатик, 15, кв. 10. Да и книги может брать у нас читать, если захочет. С приветом З. Некрасова

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею в матросскую школу

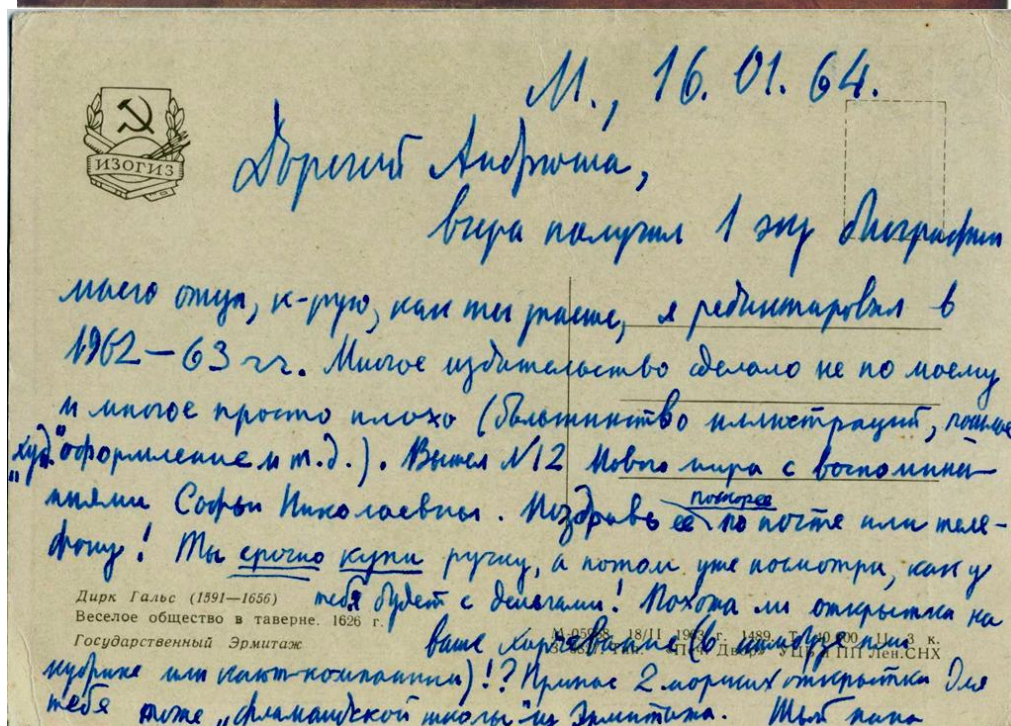
(на открытке изображена картина И.И. Шишкина «Прогулка при закате»)
в Киев, в/ч 20884 «Г», 13 ноября 1963 г.

Дорогой Андрюша,

Сегодня вечером получили твои 4 письма от 6-10 ноября, отправленные одновременно 11 ноября. Ты чересчур резко прибавляешь в весе, не так налегай на еду; учти, что нормальный вес твой 71 кг, но не больше. Читай то, что я тебе рекомендовал. Продолжаю временную работу. Далеко ездить (ок. 1 ч. 05 минут туда и 1 ч. 20 мин. обратно). Вечерку не покупаем. Миша учится не отлично, но хорошо. Софья Николаевна взялась купить тебе путеводитель, но пока не успела. Яблоки были наши. Целуем тебя. Твой папа и другие

Письмо от И.Р. Классона сыну Андрею в матросскую школу в Киев
(на открытке – картина Дирка Гальса «Веселое общество в таверне»)

16 января 1964 г.

Дорогой Андрюша, вчера получил 1 экз. биографии моего отца, которую, как ты знаешь, я редактировал в 1962-63 гг. Многие издательство сделало не по-моему и многое просто плохо (большинство иллюстраций, пошлые «художественное» оформление и т.д.) Вышел №12 Нового мира с воспоминаниями Софьи Николаевны. Поздравь ее поскорее по почте или телефону! Ты срочно купи ручку, а потом уже посмотри, как у тебя будет с деньгами! Похожа ли [сия] открытка на ваше харчевание (в камбузе или кубрике или кают-компании)? Припас 2 морских открытки для тебя тоже «фламандской школы» из Эрмитажа. Твой папа

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею в матросскую школу в Киев
 (на лицевой стороне открытки – репродукция картины Ф.Я. Алексеева «Вид Петропавловской крепости и Дворцовой набережной»)

М., 31.03.64.

И.Р. Классон

перевод пед. на 5 р. почти сегодня
 м. утра; в 10 ч. мы ушли в твою
 писан от 27-го. Не трать деньги
 (и деньги!) зря! В частности
 не покупай китайскую ружь, если
 у тебя действую твоя новая: перископ
 зритель (и виллы, с портретом твоем)
 (р. 50 к.) ты же не умеешь выстрелить ружь,
 чтобы она была удачная и по перу и по
 др. статье! В тв. письмах мы ничего не
 почли о физкультуре. Неужели ты совсем
 интерес потерял к ней? Сов. зря, это
 очень важная вещь для здоровья, настроения,
 просто для удовольствия и, наконец, для твоего
 образования, возможности служить в спортивной
 команде, увидеть мир (а не 4-й этаж в
 нем, как ты понадеялся: пока мы видели только
 5 др. этаж и совхоз и Алаб. и Паланку)! Все
 таки ты не забывай, какие именно морские
 откр. у тебя уже есть, давай же их записывать.

Ф. Я. Алексеев (1753/54? – 1821)
 Вид Петропавловской крепости и Дворцовой
 набережной. 1799 г.
 Государственный Русский музей

31 марта 1964 г.

Дорогой Андрюша,

Перевод тебе на 5 р. пошлем сегодня или завтра; вчера получили твои письма от 27-го. Не трать деньги (и бумагу) зря! В частности, не покупай китайскую ручку, если у тебя действует твоя новая: кроме зряшной и большой траты (с поршнем стоит 6 р. 50 к.) ты же не умеешь выбирать ручку, чтобы она была удачная и по перу и по др. статьям!

В твоих письмах мы ничего не поняли о физкультуре. Неужели ты всякий интерес потерял к ней?! Сов. зря, это очень важная вещь для здоровья, настроения, просто для удовольствия и, наконец, для твоего преуспевания, возможности ездить в спортивные командировки, увидеть мир (а не 4-6 дырок в нем, считая по пальцам: пока ты видел именно 6 дыр, считая и совхоз, и Алабушево, и Палангу)! Все-таки ты не написал, какие именно морские открытки у тебя уже есть, дальше я буду записывать.

Письмо кузины З.Н. Некрасовой из Киева кузену И.Р. Классону в Москву

6 мая 1964 г.

(на лицевой стороне открытки – репродукция картины Франсиско де Сурбарана «Посуда и мельница для шоколада»)

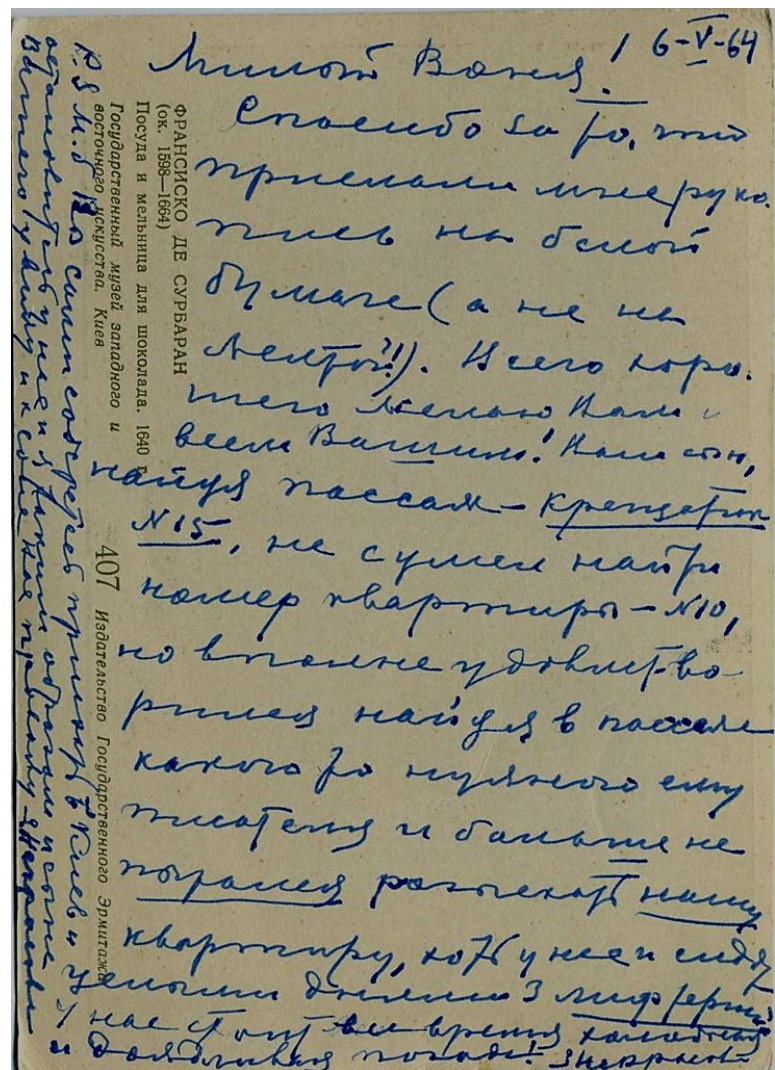
Милый Ваня!

Спасибо за то, что прислали мне рукопись на белой бумаге (а не на желтой!). * Всего хорошего желаю Вам и всем Вашим! Ваш сын, найдя Пассаж – Крещатик, №15, не сумел найти номер квартиры – №10, но вполне удовлетворился, найдя в Пассаже какого-то нужного ему писателя, и больше не пытался разыскать нашу квартиру, хоть у нее и сидят целыми днями 3 лифтерши. У нас стоит все время холодная и дождливая погода!

З. Некрасова

P.S. М.б. Вы сами соберетесь приехать в Киев и остановитесь у нас, и я таким образом и сына Вашего увижу и к Соне Вас провожу. З. Некрасова

* Речь идет об «Исправлениях замеченных опечаток, ошибок, «досадных» сокращений, пропусков и неудачных замен слов, а также коротких существенных дополнений», подготовленных И.Р. Классоном в реп-данти к книге М.О. Каменецкого «Р.Э. Классон».

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею в матросскую школу в Киев

18 июня 1964 г.

(на лицевой стороне открытки – репродукция картины А.К. Беггрова «Гавр»)

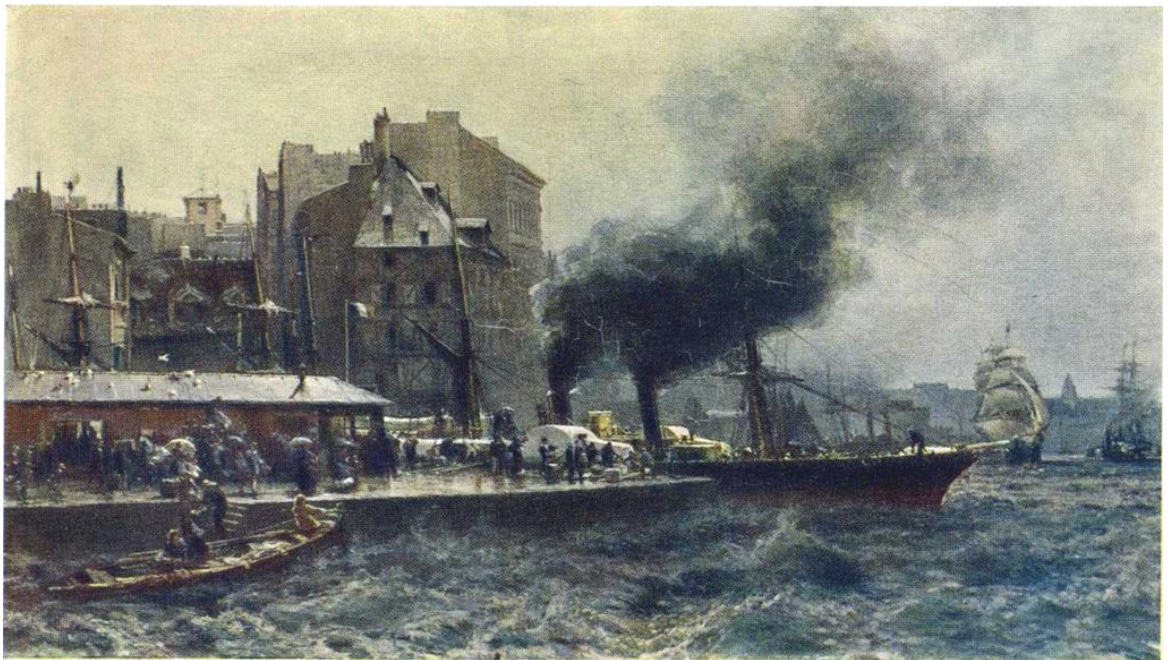
Дорогой Андреюша,

Получили твои письма от 12-го (мне и Мише), 13-го (маме) и 14-го. Зинаида Николаевна завтра должна приехать в Москву. Если увижу ее, узнаю, можно ли ночевать у них и при наличии Виктора Платоновича, он должен 20-го вернуться в Москву а потом с [матерью] З.Н. в Киев. Что хорошо, что ты откровенно пишешь, я согласен с тобой, а насчет того, что «махание» [стопок с водкой] пустяки, не согласен, зря ты сравниваешь, что мы [в семье] тоже пьем вино на праздники.

Учи, что все настоящие алкоголики, ежедневные или запойные, пьют водку (или спирт), а не вина, пиво и т.д. Поэтому именно водки избегай совсем (и всех ее разновидностей: перцовки, зубровки, старки, спотыкача и пр., и др., и т.д.). Против выпивания изредка, не систематически пива и сухого виноградного вина я бы не возражал, чтобы только это не превратилось в привычку и не было среди работы, до работы и т.п.

Эта открытка для твоего альбома!

P.S. З.Н. [(Зинаида Николаевна)] получила 2 книги [Каменецкого «Р.Э. Классон»].

Москва, 18.06.64.

Дорогой Андрей,

З.Н. написала 3 книги.

Милым твоим письмам от

12 (мне и маме), 13-ю (маме) и 14-ю

Зинаида Ник. завтра должна приехать в

Москву. Если увижу ее, ~~узнаю~~, можно ли

показать у нас и при камины В.П., он должен

20-ю вернуться в Москву, и потом с З.Н.

в Киев. Это хорошо, что ты откровенно

пишешь, я согласен с тобой, а насчет того, что

мама не писала, не согласен, где ты сейчас

был, то мы же тоже все вино на праздники.

Уйти, то все настоящие алкоголики, ежеднев-

ные или запойные, любят водку (или спирт), а

не вино, пиво и т.д. Поэтому именно

водку пьют собой совсем (и всех ее разго-

товностей: перцовки, дубовки, тарки,

спитики и пр. и др. и т.д.). Притом

выпивание вредно, несистематически

пью и сильно выпив. Вина, я бы не бу-

рашил, то ты только это не превращай

в привычку и не бери среди работы, до работы и т.п.

Эта откр. для тв. алколизма! См. листок II

«Советский художник»
изд. 1964 г. 15 000. Ц. 3 к.
М-237. 3083. Рязань, «Сов. фото» Г. полиграфрома
А. К. Бегров (1841—1914)
Гавр. 1876 г.
Государственный Русский музей

Алабушево, 11 августа 1964 г.

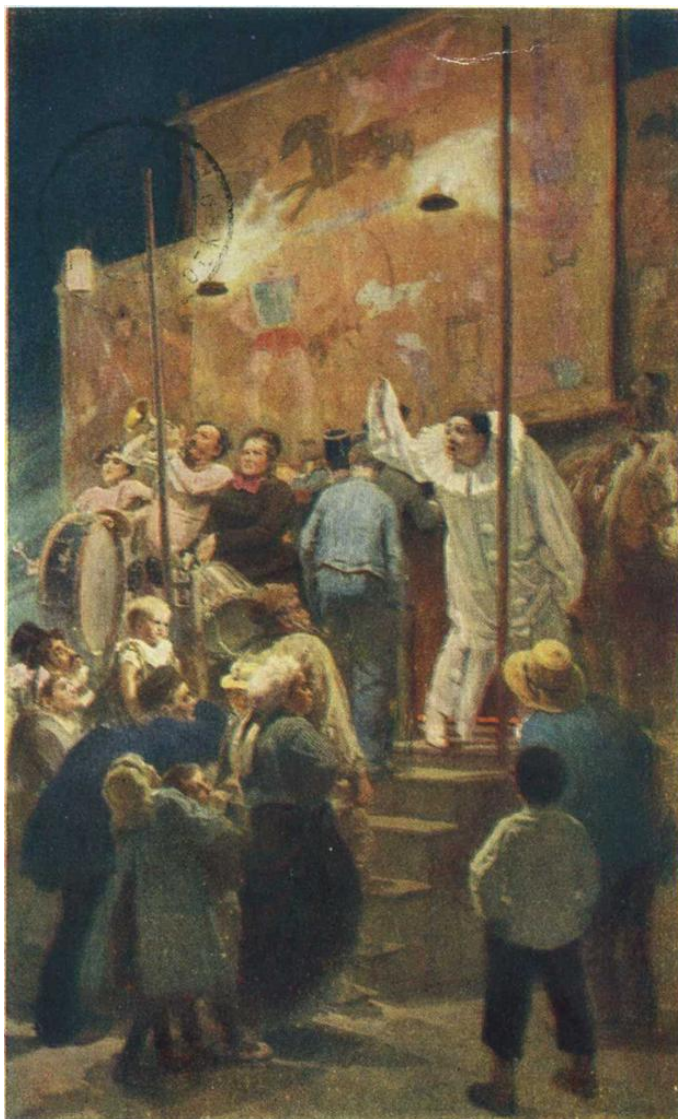
Дорогой Андрюша, поздравляю тебя задним числом с полу-41-летием! Пора тебе уже переставать (до 60 лет!) праздновать рождение 2 раза в год! Мама и Миша приехали из Москвы (были 1½ дня, и я сегодня ездил в Химки из-за нашей [трансформаторной] подстанции) и привезли твои письма от 4 и 5 августа. Очень рад, что все нормально с нравами. Ты неясно написал (Л-град), посылать ли тебе словарь теперь или когда вернешься, в посылке вместе с яблоками! Напиши. Твой отец

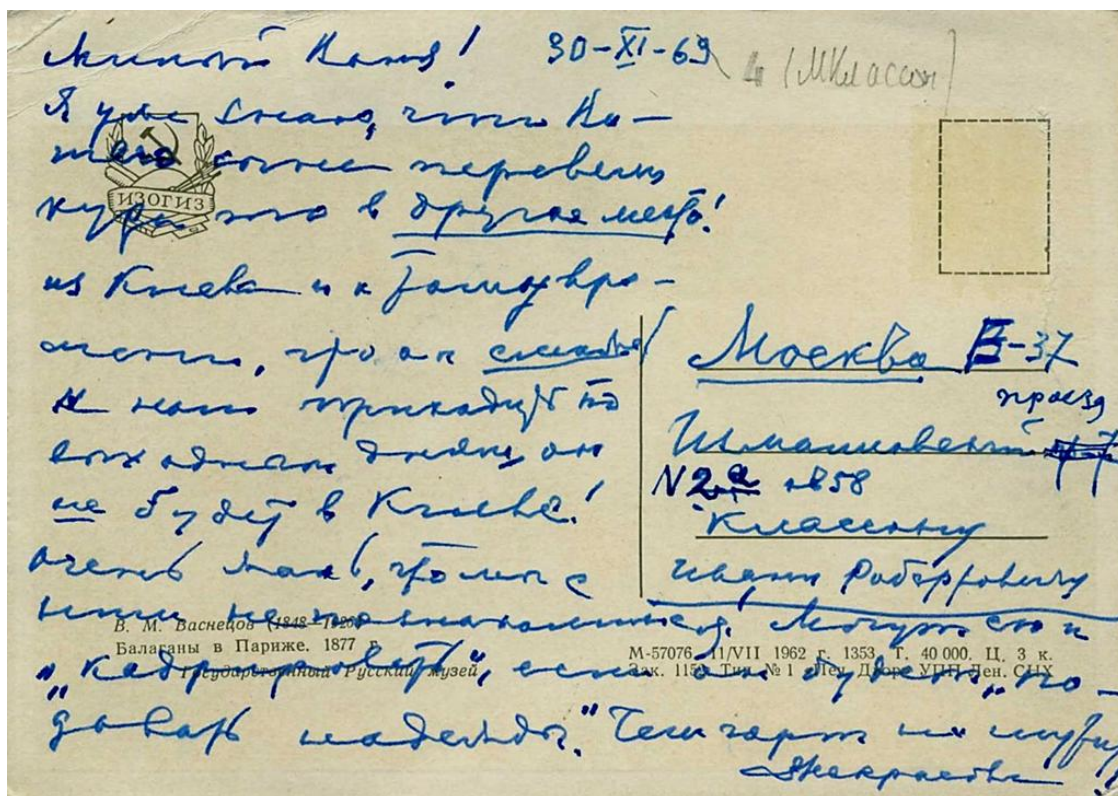
P.S. 14 августа. Еду в Москву на 1½ дня! Яблоки уже едим: грушевку, папировку, титовку. Папировка и титовка [(яблони)] очень выросли. ИК

Письмо З.Н. Некрасовой из Киева И.Р. Классону в Москву

30 ноября 1969 г. [ошибка, на самом деле это 1964 г. – МК]

(на лицевой стороне открытки – репродукция картины В.М. Васнецова «Балаганы в Париже».)

Милый Ваня! Я уже знаю, что Вашего сына перевели куда-то в другое место! из Киева и к тому времени, что он сможет к нам приходить по выходным дням, он не будет в Киеве! Очень жаль, что мы с ним не познакомимся! Могут его и «кадрировать», если он будет «подавать надежды». Чем черт не шутит! 3. Некрасова

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот

(на открытке изображена картина И.Е. Репина «Приготовление к экзаменам»)

в г. Полярный Мурманской обл., в/ч 81306, 25 декабря 1964 г.

Дорогой Андрюша,

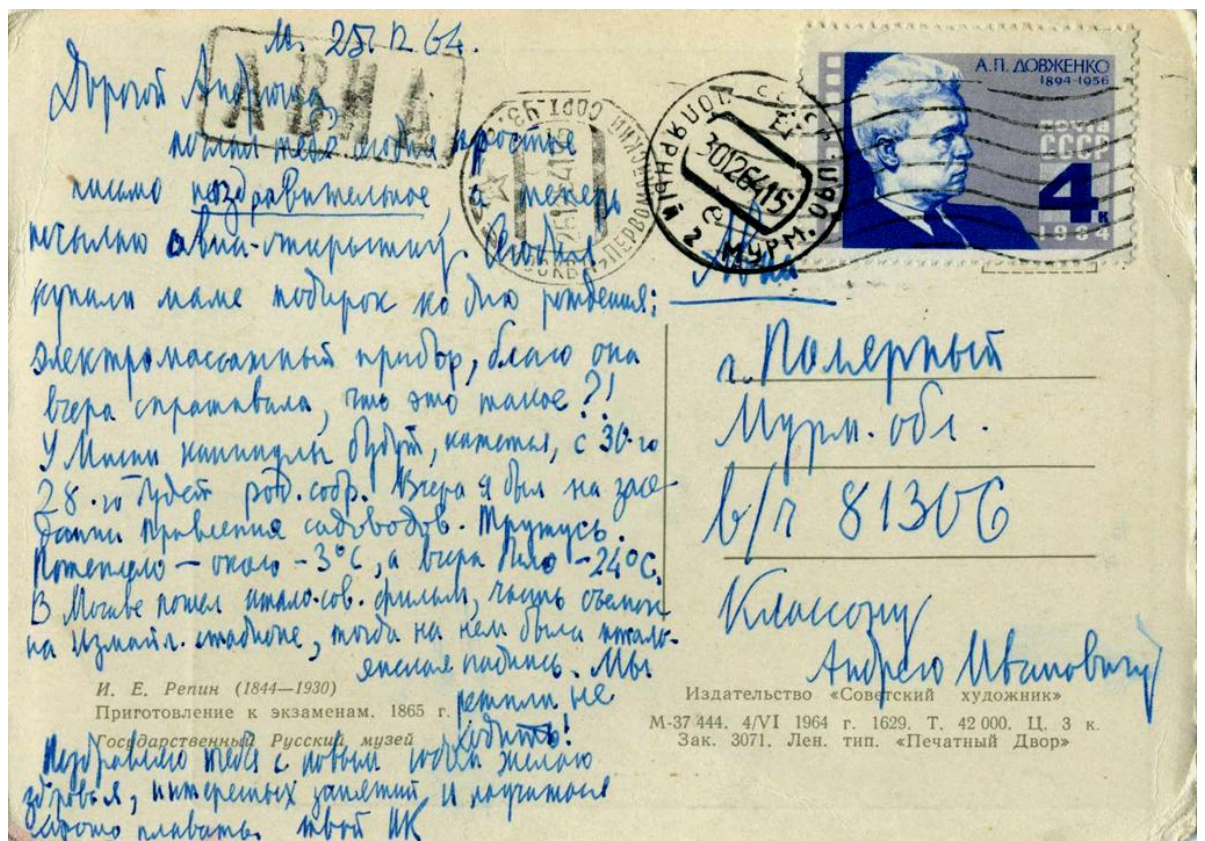
Послал тебе сегодня простое письмо поздравительное, а теперь посылаю авиа-открытку. Сегодня купили маме подарок ко дню рождения: электромассажный прибор, благо она вчера спрашивала, что это такое?! У Миши каникулы будут, кажется, с 30-го. 28-го будет родительское собрание. Вчера я был на заседании правления садоводов [Алабушева]. Тружусь.

Потеплело – около -3°C , а вчера было -24°C . В Москве пошел итало-советский фильм [«Они шли на восток»], часть съемок [проходила] на Измайловском стадионе, тогда на нем была итальянская надпись.* Мы решили [на этот фильм] не ходить! Поздравляю тебя с новым годом, желаю здоровья, интересных занятий и научиться хорошо плавать.

Твой ИК

* Фильм [«Они шли на восток»] смотрел еще тогда, когда его в кинотеатрах показывали. Сейчас скачал. Ради только одного эпизода. Со сверхотважными. Видел как снимали. Примерно в 1962 г. Эпизод снимался в Москве, на недостроенном стадионе в Измайлово. Это за институтом физкультуры (тогда его еще не было), сейчас там видим стадион, перестроенный к Олимпиаде 1980 г. Церковь на заднем плане – Покровский собор на острове Серебряно-Виноградного пруда. – С ресурса «Они шли на восток (Джузеппе Де Сантис, Дмитрий Васильев) [1964, Драма, Военный, DVD9]», доступ на который ныне запрещен.

Более подробную историю про «советский стадион-недострой» в Измайлове см. (fanat1k.ru/blogs-view-16651.php).

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот

(на открытке изображено цветное фото "Київ. Вид на Дніпро з ресторану «Кукушка»")

30 декабря 1964 г.

Дорогой Андрюша, посылаю тебе – сохрани – открытку на память о Киеве. Кажется, я ее купил, когда был в Киеве в командировке в 1956 году. На ней даже почти виден элеватор и низина Подола. Сегодня утром я был очень поражен, получив поздравления от командования и комсомольской организации твоего [подводного] корабля. Твое письмо тоже пришло, но я уходил [из дома] и не мог читать. Мама с Мишей сегодня собирались (я ушел раньше) в Алабушево за яблоками и капустой [из погреба]! Температура около -4°C. Миша сегодня должен идти на вечер новогодний в школу, а 28-го я был на его родительском собрании, кроме хриплых и толстых родителей видел 3 учениц и 1 ученика. Девочки в форме, а он в пиджаке. Пиши твой ИК

Никитин, до каких пор будет
действителен адрес Дегеневский,
а то и пошлешь к 20-25, как ты
пишешь, мы можем пошлать не туда!

Ф. Я. Алексеев (1753—1824)
Вид Дворцовой набережной от Петропавловской
крепости. 1794 г.
Холст, масло. 70×108 см
Государственная Третьяковская галерея

Федор Яковлевич Алексеев — основополож-
ник русского городского пейзажа. Сын сторожа,
он, благодаря своему таланту, был принят в число
учеников Академии художеств.

В своих пейзажах Алексеев стремился передать
поэтическое обаяние архитектурного облика сто-
личных и провинциальных городов России. Вели-
чавая и строгая красота Петербурга, живописное
очарование древней Москвы с ее повседневной
жизнью — излюбленные мотивы тонких по испол-
нению картин Алексеева.

«Вид Дворцовой набережной от Петропавлов-
ской крепости» является одним из лучших пете-
бургских пейзажей Алексеева. Художник первым
открыл поэтическую красоту новой столицы.
В картине замечательно передана зеркальная
гладь Невы с отражающимися в воде стройными
классическими зданиями, прозрачное облачное
небо, серебристо-туманный воздух. Тонко запе-
чатлены строгая красота набережной, графиче-
ская четкость и стройная ритмичность архитек-
турных объемов. Спокойная, почти горизонталь-
ная линия набережной подчеркивает величавое
течение Невы.

Созданные художником пейзажные образы
отличаются особой лиричностью, ярко выражен-
ным национальным характером.

«Фестиваль стал в Ком. пр.» от 8 июля, а в СКФ...
отрадно и эти Коммунисты. Сегодня был занят в архиве и
редакции рефер. журнала, так что не успел пока писать статью мед. тематике

М., 8 июля 1965

Дружок Андрей,
эти откыр. побиде
к др. «маринистическим»
открытиям, крис и тебе
пошлал. Я тебе с этим 2-ой
альбом?

Сегодня купил две меде
СКФ («Легенды и подвиги»
— IV. в, к утру сейчас проходит
в Москве) от 7 июля. Но удер-
жанье окаринно интересное, как
я думаю, поэтому я решил написать
тебе после того, как Митя и Лена
покинут и почитают. Я напишу
а стилистически. Пока прощай

А02950-63 г. 9.1209. Т. 32 000. П. 3 коп. З. 2589
Московская типография № 2 Мосгоркомиздат

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот
(на открытке изображена картина Ф.А. Васильева «Бухта»)

Москва, Зав. 1965.

Дорогой Андрей, пишу тебе
этим письмом от 29 (с перерывом
и 31-го (Мне). Мама в принципе
спасла бы посылить тебе посылку с
мехом, засахар. смород. В Динках,
вещи и м. б. окурочки и зел. помид.
и т.д. (к. р. у. тебе в теплоте ~~дома~~ и тебе
должны дозреть). Но почта в Москве (я сегодня
справилась не могла на окурочку (о помид.
я не говорю). Справочку еще на почте в Моск.
2 п. посылки (за 1.80 руб. - гербов. бумага, ~~зав. 1965~~ и за
37к) и трусы герб. №46 я сегодня купила,
раньше купила стельки котанье и соло ленто.
супотные. О белье для одежды пока не знаю.
Ополурении или неполурении мажикорных нити
— какими, а то, если это утипетет, я
почти вьюсь кривые, а нессесерные попри-
ду полурить обратно! Я пришла на 1½
дня, пока негалик уже уехал на 1½ дня. Кеметет,
с нежной будет благополучно. Я не помню, что ты
мил, что ты купил Вальера, м. б. ты же купил,
какую нитку купил. Почткою Вальера в Динках
коверток + 2 коп. Купил ты посылку детям? ~~мне~~ ~~ик~~

Ф. А. Васильев (1850—1873)
Бухта, 1871 г. 66,8х102,5 см
Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея
Москва 1965

Письмо пошлешь, Андрей,
7-го июля 19-го! Мне хочется писать.

3 августа 1965 г.

Дорогой Андрюша,

Получили твои письма от 29 (с переводом об Армстронге) и 31-го (Мише). Мама в принципе согласилась послать тебе посылку с луком, засахаренной смородиной в банках, вещами и м.б. огурцами и зелеными помидорами (которые у тебя в темноте и тепле должны дозреть). Но почта в Москве (я сегодня справлялся) не согласна на огурцы (о помидорах я не говорил). Спрошу еще на почте в Алабушеве. 2 пары носков (за 1 р. 80 к. – черные вечерние, эластичные и за 37 к.) и трусы черные №46 я сегодня купил, раньше купил стельки кожаные и соломенно-суконные. О мешке для одежды пока не знаю. О получении или неполучении маникюрных ножниц – напиши, а то, если это затянется, я pošлю вновь купленные, а несессерные попробую получить обратно!

Я приехал [из Алабушева] на 1½ дня, пока печник тоже уехал на 1½ дня. Кажется, с печкой будет благополучно. Я не помню, что ты писал, что ты читал <нрзб. – Бонбира?>, м.б. ты не написал, какую книгу читал. Посылаю «Вечерку» в двух конвертах + 2 конверта. Начал ли ты получать газеты? Твой ИК

P.S. Посылку pošлем, вероятно, 7-го или 10-го! Тебе кланяется [сосед по Алабушеву Павел Дмитриевич] Панов.

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот

(на открытке изображена картина К.А. Трутовского «Свадебный выкуп»)

27 октября 1965 г.

Дорогой Андрюша,

Я в течение этой недели, точнее за 8 дней после получения твоего письма с [новым] адресом, так и не смог уговорить маму и Мишу написать тебе. Получили после того еще два – от 16-го и 19-го. В последнем письме Мише ты написал очень неумную фразу. Советую тебе не иметь этого даже и в мыслях. Если ты не очень занят, живешь пока в лучших условиях, чем до того на кораблях, и лучше питаешься, то отчего бы тебе не начать уже давно (с 13-го или хотя бы с 17-го, т.е. уже 10 дней назад!) снова занятия английским языком, добровольные занятия по электротехнике, по специальности или даже повторение физики или математики, которые ты за 2½ года очень основательно забыл, и т.д.?!

Поскольку я не понял, что ты так и не видел газет, чуть ли не с начала июля (?!), возобновляю посылку тебе газетных вырезок. Пока в этом и одновременно во 2-м конверте посылаю доклад Косыгина на сентябрьском пленуме [ЦК КПСС]. Это самое большое событие за год! Прочел ли ты всю литературу о кино? Софья Николаевна посылает тебе мою вырезку из литературных записей Фучика. И мама и Миша уже вторую неделю не здоровы. Миша 3 дня пропустил школу и завод. Уже 3 дня опять ездит.

Твой ИК

Приписка к месту хранения картины К.А. Трутовского – Киевский государственный музей украинского искусства: В музее ты не был за ¾ года [пребывания] в Киеве!

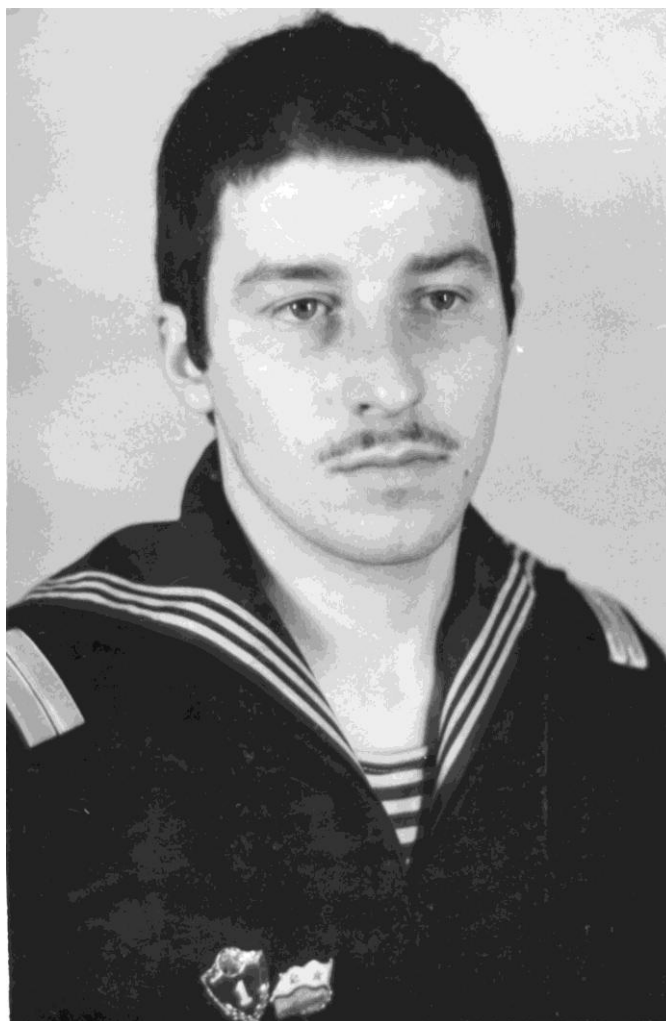
Москва, 27.10.65.

К. А. Труповский (1825-1893)
Сладкий выкуп. 1881 г.

В музее мы не были 31-го
ночью мы не были. Мы не были
ночью мы не были. Мы не были

Александр Андреевич

После 4-х дней после приезда мы не были в музее, так и не смогли приехать к маме и Маше, написать тебе. Но мы не были в музее еще два дня 16-го и 19-го. В последний вечер Маша мы написали очень красивую фразу. Советую тебе не иметь этого дома и в Москве. Если мы не очень замет, то даже пока в музее, или до того на корабле, и мы не писали, то отсюда мы не писали тебе много (с 13-го мы ждем от 17-го, т.е. что 10 дней не писали!) снова заметил анн. изданию, добровольно не заметил по техническим, но технически мы даже повторили фразу от мамы и Маше; к-рые мы за 2 года очень основательно забыли и т.д.?! Пока я не писал ты как и будешь писать, ты не с мамой Маше(?), без политический тебе заметных выверок. Пока в этом и одновременно в 2-й конверте писали Анна Веркина на семидесятилетие. Это самое важное за год! Прислал мы два конверта о кино. С.К. пишет тебе мою выверку и интер. записей Веркина. А мама и Маша уже вторично

*Андрей Классон со значками подводника 1-го класса и «За дальний поход»,
Северный флот, октябрь 1966 г.*

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот

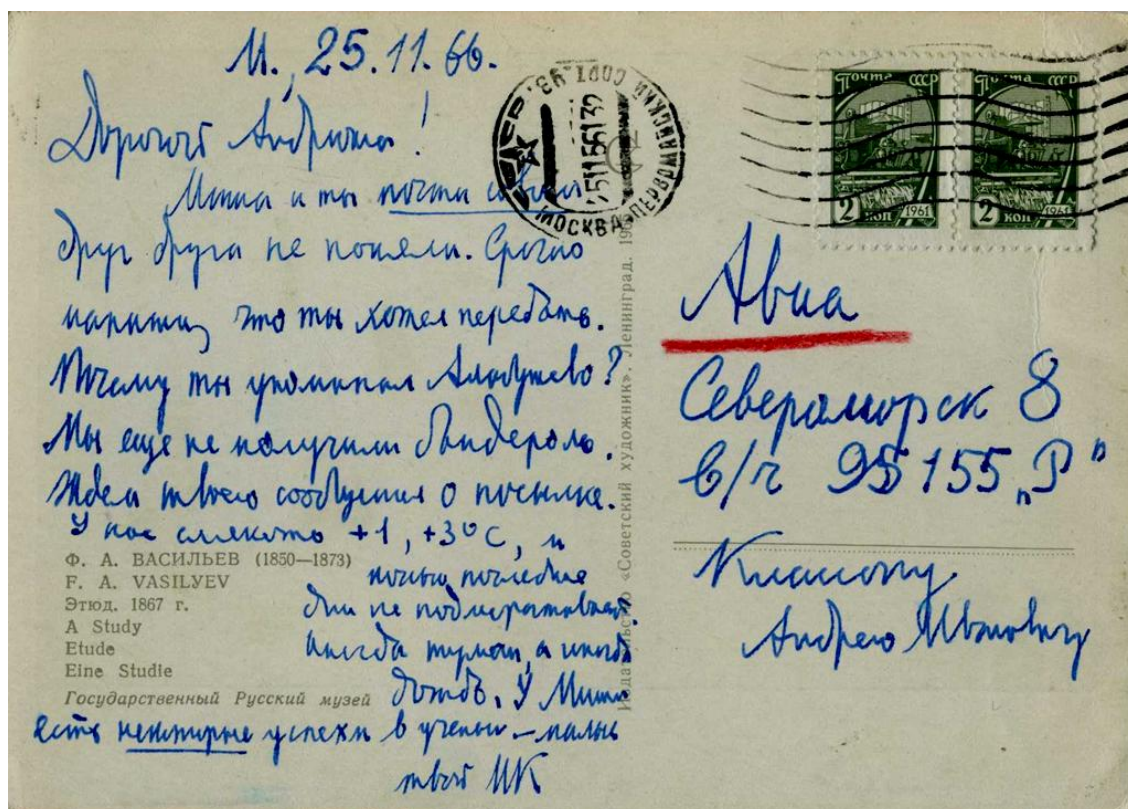
в Североморск-8, в/ч 95155 «Р», 25 ноября 1966 г.

(на открытке изображена картина Ф.А. Васильева «Этюд», 1867 г.)

Дорогой Андрюша!

Миша и ты почти совсем друг друга не поняли. Срочно напиши, что ты хотел написать. Почему ты упоминал Алабушево? Мы еще не получили бандероль. Ждем твоего сообщения о посылке. У нас слякоть – +1, +3⁰С и ночью последние дни не подмораживает. Иногда туман, а иногда дождь. У Миши есть некоторые успехи в ученьи – малые.

Твой ИК

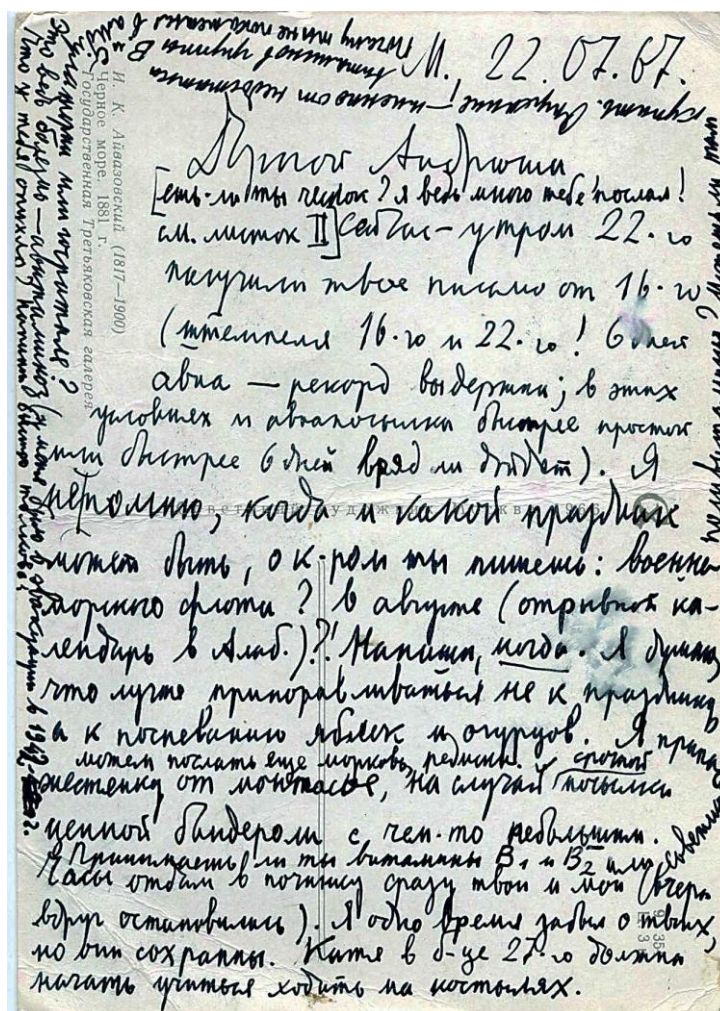

Письмо И.Р. Классона сыну Андрею на Северный флот

Я припас жестянку от монпансье, на случай срочной посылки ценной бандероли, с чем-то небольшим. Принимаешь ли ты витамины В₁ и В₂ или советские поливитамины? Можешь ли ты купить? Опухание – именно от недостатка витаминов группы В и С.

Почему ты не покажешься в амбулатории или госпитале? Это ведь болезнь – авитаминоз (у меня был в эвакуации в 1942 г.). Что у тебя опухло? Напиши быстро и толково.

Часы отдам в починку сразу твои и мои (вчера вдруг остановились). [Тетя] Катя в больнице 27-го должна начать учиться ходить на костылях.

Письмо соученика по реальному училищу Георгия (Юрия) Клавдиевича Синявского из Алма-Аты И.Р. Класону в Москву

10 марта 1971 г.

Дорогой Иван. Прости, что давно не писал. То был в санатории, где ничто не располагало к письму и все столики были намеренно куценькие. Потом в конце февраля вышел оттуда и начал хлопотать о пенсии. Это оказалось довольно сложным и путаным делом. Затем заболел гриппом я и заразил [сноху] Александру Сергеевну, которая очень тяжело перенесла заболевание. Сейчас она поправляется.*

С конца февраля у нас очень холодно. Ночью 17-20 град. морозу, а днем не выше минус 7 град. Настроение в связи с этим неважное. В санатории практически не было толстых журналов на русском языке, и мне пришлось читать там Диккенса и Г. Уэллса.

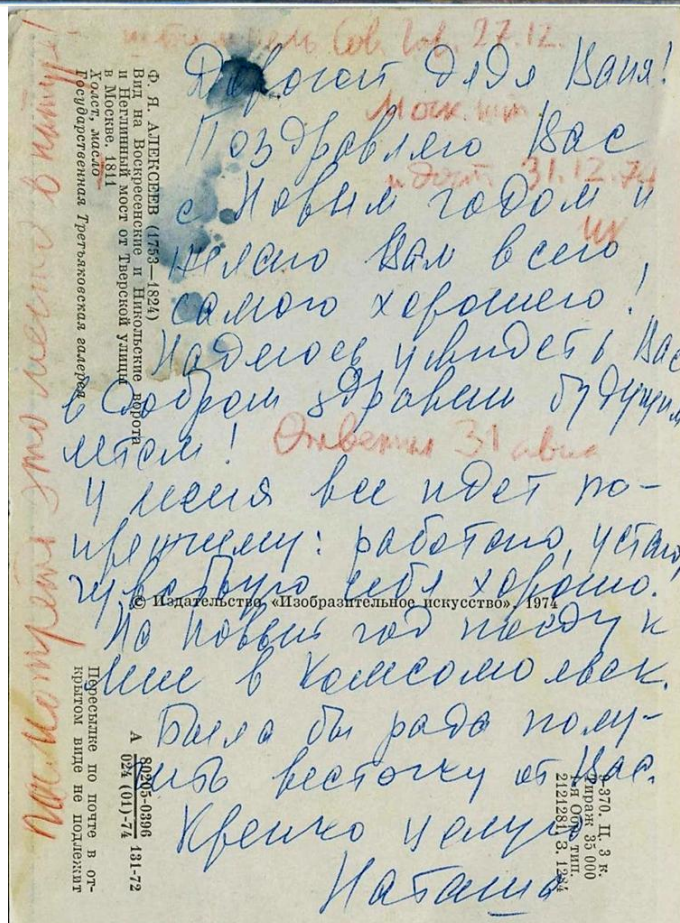
* У Г.К. Синявского были сын Александр и сноха Шура, которые в наших с братом Андреем детстве-юности иногда появлялись в Москве (поврозь?). – Примеч. М.И. Класона

Сейчас перестраиваю свою жизнь на пенсионный статус, что мне достаточно весьма нелегко. Мои ученики понемногу защищают диссертации. Очень хочу в мае попасть в Москву и побыть там не в командировке, а так. Желаю здоровья. Пиши, буду отвечать подробно.

Юрий

Письмо племянницы Натальи Сергеевны Гардениной-Тумановой из Совгавани дяде И.Р. Классону в Москву

(на лицевой стороне открытки изображена картина Ф.Я. Алексеева «Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве»)

Дорогой дядя Ваня! Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего хорошего! Надеюсь увидеть Вас в добром здравии будущим летом! У меня все идет по-прежнему: работаю, устаю, чувствую себя хорошо! На Новый год поеду к Лене в Комсомольск. Была бы рада получить весточку от Вас. Крепко целую Наташа

Помета И.Р. Классона: штемпель Сов. Гав. 27.12, моск. шт. и доставка 31.12.74. Ответил 31-го авиа. Посмотреть это место [\[на открытке\]](#) в натуре.

Письмо сестры Екатерины из Москвы в Москву брату Ивану

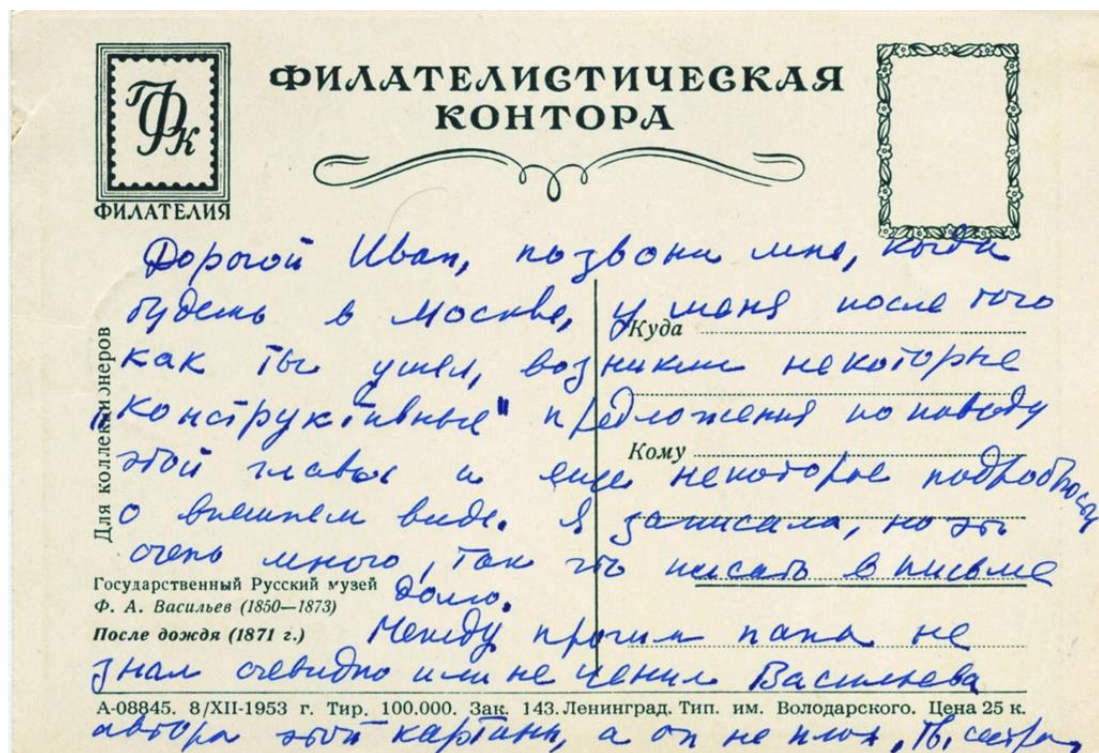
[\[середина 1970-х\]](#)

(на лицевой стороне открытки изображена картина Ф.А. Васильева «После дождя»)

Дорогой Иван, позвони мне, когда будешь в Москве [\[\(а не в Алабушеве\)\]](#), у меня после того как ты ушел, возникли некоторые «конструктивные» предложения по поводу этой главы и еще некоторые подробности о внешнем виде [\[будущей книги об Р.Э. Классоне\]](#). Я записала, но это очень много, так что писать в письме очень долго. Между прочим, папа не знал, очевидно, или не ценил Васильева, автора этой картины, а он не плох.

Тв. сестра

Вопросы И.Р. Классона к юристу

ноябрь 1976 г.

- 1) Мои права по отношению к не прописанной снохе, я ведь ответственный квартиро-съемщик (жильцы – я вдвоем с сыном [Андреем], платим за излишки).
- 2) Если я решаю уже (не дожидаясь обмена) выделить сына на отдельную жировку, то могу ли я одновременно с этим переселиться в большую комнату, а ему предоставить меньшую (ведь его жена и оба ребенка не прописаны у нас, а прописаны у ее родителей; всего 9 человек на примерно 25 кв. метрах – т.н. очередники).

Письмо Нины Соломоновны Мотовиловой из Ленинграда И.Р. Классону в Москву

4 июня 1977 г.

Дорогой Иван Робертович, сейчас получила черновик родословной. С Ниной Николаевной [Мотовиловой] мы не можем встретиться, пока у нас не исправят лифт, а т.к. это зависит от ЖЭКа, то будет это неизвестно когда. Поэтому я напишу свои замечания сейчас, а бумагу оставлю у себя до встречи с нею, чтобы посмотреть вместе, а потом верну Вам. Мои замечания коснутся только семьи Ивана Егоровича, о других я ничего не знаю.

Замечания:

- 1) Из дочерей Франца Францевича Флориани старшей была Валерия [р. 1826 г. – приписка И.Р. Классона], потом – Эмилия, Ксаверия, Луиза и Юлия. Когда Ф.Ф. умер, дочери его остались без копейки и решили, что 2 старших пойдут в гувернантки и будут платить в Институты за двух младших, которые еще учились. Валерия взялась содержать Юлию, а Эмилия – Луизу, средней, Ксаверии, предоставили заботиться самой о себе. У Вас же получается, что Валерия была моложе Луизы, что неверно.
- 2) Год рождения бабушки [Луизы Францевны] 1832-й, а не 1834-й, а год замужества – 1848-й: бабушке было 16 лет, это должен быть високосный год (Касьян Стогов праздновал именины раз в 4 года, потому они с такой помпой и обставлялись, всегда в родовом имении, и вся родня должна была съезжаться на 4-дневное празднество), а 1850 год не подходит.

3) Дедушка [Иван Егорович] был старше бабушки не на 14 лет, как у Вас получается, а только на 6 лет, последнего ребенка он родил в 51 год, а мог ли бы в 59 [почему нет? – приписка И.Р. Классона]?

4) Посмотрите в своем экземпляре годы жизни генерала Эрна [1791-1860 – приписка И.Р. Классона], в моем – он умер намного раньше, чем родился – ну, это описка.

5) Старшим сыном бабушки был Владимир, 1849 г.р. Молодым офицером он проигрался, заразился [венерической болезнью], еще что-то натворил, чем вызвал гнев бабушки. Зина рассказывала, как он приехал домой.* Вся дворня выстроилась встречать молодого барина, а он выскочил из коляски и побежал прямо к бабушке, никому не поклонившись. Дворня не смела разойтись и долго стояла на солнцепеке, а те, кто подслушивал, доносили, что барыня гневаются, а молодой барин не уступает.

Наконец Владимир Иванович выбежал на крыльцо и, обернувшись в ту сторону, где стояли девушки, крикнул: «Девки, я с матушкой поссорился, я больше не Ваш барин, мне дают (и он назвал имение, которое бабушка ему определила), кроме того я болен дурной болезнью, кто из вас за меня такого пойдет?» Вышла дочь старосты Арина, красавица и первая невеста на селе, поклонилась и сказала: «Я, батюшка-барин, за тебя пойду». Владимир Иванович посадил ее в ту же коляску, в которой приехал и из которой не посмели без приказа выпрячь лошадей, и увез в свое имение, где прожил с нею долгую и счастливую жизнь.

Он сам, а потом и его сыновья пахали землю наряду с мужиками. У него было три сына и три дочери, все здоровые. От семьи родителей он был отрезанным ломтем. Только после смерти родителей младшие дети (это уже мама [Вера Ивановна] рассказывала) возобновили с ним знакомство, и он приезжал в Бугурну. Он тогда увлекался коллекционированием каких-то греческих кувшинов. Мама с тетей Маней почему-то решили, что он немного помешан. Один из его сыновей, Андрей Владимирович, после смерти дяди Коли [фон Эрн] был управляющим имениями тети Алины [в Полтавской губернии].

6) Второй сын, Петр Иванович (не было двух Петров, было два Николая), родившийся в 1851-м, не умер ребенком, а дожил до 17-ти лет и умер в Симбирске от неудачной операции аппендицита, когда готовился поступить в Университет. Третий сын, Николай умер совсем маленьким, и его именем называли отца Зины и Сони [(более позднего ребенка)].

7) После четверых сыновей бабушка родила четырех дочерей: Лидию, Ольгу, Софью и Зинаиду, а потом уже сына Александра, который был девятым, а не шестым ребенком, как у Вас значится.

8) Ольга Ивановна не умерла ребенком, а дожила до тридцати лет, страдала эпилепсией, к ней была приставлена горничная, которая за ней ходила. Мама с любовью вспоминала сестру Лёлю, которая была ласкова с младшими детьми.

9) Александр Иванович смолodu убил кого-то на дуэли, проигрался, заразился, заболел манией преследования и умер лет тридцати в сумасшедшем доме в Петербурге, где мама [Вера Ивановна] и тетя Маня его навещали.

10) Десятым ребенком была тетя Аня, а потом уже шли четверо младших: Алеша, Паша, Маня и Вера – так что Алеша у Вас тоже не на месте. Эти четверо младших до отъезда мальчиков в лицей росли, играли и гуляли вместе. Алеша и Паша учились в одном классе – так что между ними не могло быть разницы в возрасте больше двух лет.

11) Из дочерей тети Алины Вера была младшей, а [умершая в детстве] Нина – между Соней и Верой.

* Зинаида Николаевна Мотовилова-Некрасова.

12) Дети Пятницких тоже не в том порядке. Старшей была Надя, потом Люба, Вера и самый младший – Петя. Вера Пятницкая была ровесницей Веры Мотовиловой. Надя в Югославию не уезжала, она была врачом, но сама страдала пороком сердца, работала в 1918 году в Томске в госпитале и умерла от разрыва сердца, у постели раненого во время обхода. После ее смерти ее муж Божидар Иванович Еремич сел с дочерью Наточкой на пароход, чтобы вернуться на родину, но пароход этот затонул. Вера [Пятницкая] пыталась найти их следы, но не нашла. У Вас не значится дочка Любы Пятницкой Леночка 1910 г.р., которая умерла в конце 1960-х годов. Фамилия Любы – Пап. Не помещены жена, дочка и внучка Пети Пятницкого, о которых я Вам писала в предыдущем письме.

13) Тетя Маня умерла в 1923 году. [Ее приемную дочь] Дашу звали Дарья Михайловна Скворцова.

14) Детей Лены Игнатович зовут Игорь и Ольга, теперь, верно, и внуки есть.

15) Дочерей Касьяна Стогова звали Ия, Зоя, Алла, а сына – Эразм, Анны не было, а про второго сына я никогда не слышала.

16) Все ли браки Вы помечаете или только юридические? Если все, то можете записать моего отца – Соломон Львович Камай (1886-1910) и мужа – Николай Иванович Гоголев (1905-1941). [Сын] Коля родился 1 мая 1937 г., он не кандидат наук, а просто филолог-германист.

17) Старший сын Зины Николай Платонович Некрасов (1902-1918) убит не в имении [Эрна – Солоновщино], а в миргородском ЧК. Его взяли из туберкулезного санатория, куда Зина его отправила по настоянию тети Алины, приняли за французского шпиона, потому что он говорил по-французски и носил в 1918-м крахмальные воротнички и манжеты. Ему было всего шестнадцать лет, он был очень талантливым мальчиком. Убивали двое суток, все это время он кричал на весь Миргород: «Мама!!!». А его двоюродный дядя Сергей Николаевич Эрн (его тоже почему-то нет в родословной), известный в городе врач, боясь за свою шкуру, слова в защиту не сказал.

Ну, кажется все. Пишите. Привет от Коли. Я опять чихаю и кашляю, кажется, все начнется сначала. Сажу дома. На улице пасмурно и холодно. Н. Мотовилова

Желаю успешного завершения операции [глаукомы].

Письмо Софьи Сергеевны Гардениной-Морозовой из Озинок Саратовской обл. – в Измайлово*

14 ноября 1995 г.

Здравствуйтесь Андрей и Валя. Письмо от вас получила. У меня жизнь проходит однообразно. Живу я в сельской местности, кроме телевизора ничего не вижу. Квартира, правда, большая, но без всяких удобств. Туалет и вода на улице, паровое отопление свое на кухне, в плите – котел и по квартире батареи. Во дворе немного земли – 0,5 сотки, сажаю помидоры, огурцы и зелень. Есть сарай, в сарае с десяток курей и одна свинья, которую после установления холодов режем, топим сала на весь год, а мясо едим всю зиму до весны досыта. И так каждый год. Если попадается работа, то я работаю, сейчас сижу дома, нет работы, да и не платят у нас зарплату по 3-5 месяцев. Вдвоем с мужем получаем пенсию 413 тысяч, но на эти деньги надо и самим прожить да еще надо на зиму купить 4 тонны угля, а он у нас 400 тысяч тонна, и корма на зиму для скотины. В этом году у нас стояла страшная жара, хлеб весь погорел и весь урожай списали, поэтому в этом году плохо с кормом.

* Выкладывая это и ниже следующее письмо, мы опять нарушаем формат данного Приложения. В обоснование сего отметим, что после смерти И.Р. Классона его сын Андрей решил – как старший в роду он обязан поддерживать родственные связи и, в частности, отписал оным родственникам с просьбой указать факты для родословной – кто муж, когда и где родился и т.п.

Дочь Наташа живет в Свердловске с сыном Денисом, ему 9 марта будет 4 года. Живет одна без мужа, что-то у них не получилось. Живет в общежитии, имеет комнату 10 кв. м и стоит в очереди на квартиру. После родов 2 года жила у нас, потом уехала в Свердловск. Работает в аптеке, а сын – в садике. Все лето Дениска жил у нас, с мая по сентябрь.

Вот так я живу, уже привыкла к такой жизни. В Озинках живу с 1960 года.

Муж у меня – Морозов Петр Васильевич, 1931 года рождения, 2 июля. Родился в Саратовской области, Духовницкий район, село Богородское, образование – 5 классов. Всю жизнь работал сварщиком, сейчас на пенсии. Зарегистрированы мы с ним в Озинках 15 февраля 1968 года. Здоровье хорошее, не болею. Была в Москве этим летом у [брата] Андрея, проездом, только 3 часа. Тем летом буду в Москве опять проездом, задержусь в Москве дня на 2, тогда обязательно повидаюсь.

Андрей, а у меня есть к вам тоже вопрос. На днях просматривала книгу [Тамары Леонтьевой] «Вторая программа» и там вычитала, что у Роберта Эдуардовича было пятеро детей. Я знаю только четверых: Софью, Ивана, Екатерину и Татьяну, а кто был пятым? За четверых я все знаю и судьбу их тоже знаю.

Вот такие у меня дела. Потихоньку живу, тоже полно забот и хлопот, и по дому и дочери надо немного помочь, кручусь потихоньку, а где у вас служит сейчас сын [Сергей], вроде он служил в Москве, где он сейчас? Передавайте приветы от меня [брату] Михаилу, [жене] Вале и своим детям. До свидания

Соня

Письмо Натальи Сергеевны Гардениной-Тумановой из Совгавани в Измайлово

15 декабря 1995 г.

Дорогие Андрей и Валя! Я более месяца провалялась в больнице с сильной бронхопневмонией, поэтому не смогла своевременно ответить на [ваше] письмо. Вы уж извините, пожалуйста. Сейчас я уже второй день дома, но еще чувствую себя слабой, и большей частью лежу. Хотя и стараюсь что-нибудь делать по дому.

А так у нас, как и везде. Цены на все растут, зарплату вовремя не платят, в домах холодно, отопительный сезон начали с опозданием на месяц, да и сейчас топят плохо (в доме +16°), приходится пользоваться дополнительными обогревателями.

Мой внук, Алеша, поступил в Петербурге в институт (хозяйство и право) на юридический факультет и теперь там учится. Живет на квартире, так как в общежитии нет мест, да и находится оно далеко от института, за городом. А его старшая сестра, Катя, живет и работает там же в Питере. Она закончила институт в 1993 году. Так что им там вдвоем не скучно. Они очень дружны. Мой муж – Туманов Анатолий Алексеевич, 1909 г. рождения, уроженец Петербурга. Поженились мы в марте 1944 г. Он умер в июле 1958 г.

Поздравляю вас всех с наступающим Новым годом! Надеюсь, он будет немного лучше, чем прошедший. Желаю всем здоровья, радости и всего самого хорошего!

Всем привет и добрые пожелания в Новом году – Мише с Р.И. [с Раисой Ивановной – МК], Шуре [Парнаху], Максиму с чадами и женой (забыла ее имя – Вера или Варя?).*

Обнимаю

Ваша Н.С.

* Максим Александрович Парнах был женат на Ирине Дмитриевне Галковой.

Что касается мужа Натальи Сергеевны – уроженца Петербурга Анатолия Алексеевича Туманова, то она в письме ни единым словом не обмолвилась об обстоятельствах его появления на Дальнем Востоке. Возможно, они были связаны с уголовным делом в отношении его отца (vizs.nlr.ru/person/book/vi/20/120): «Туманов Алексей Александрович, 1881 г. р., уроженец д. Логозу Юрьевского у. Лифляндской губ., русский, из крестьян, беспартийный, штурман дальнего плавания, зав. гидрометеостанцией г. Ораниенбаум, проживал: г. Ораниенбаум, дамба Сидоровского канала, здание гидрометеостанции. Арестован 17 февраля 1934 г. Тройкой ПП ОГПУ 3 марта 1934 г. по ст. ст. 58-6-7 УК РСФСР приговорен к 5 годам лишения свободы».

Т.е. сына якобы «за передачу экономических сведений и подрыв госсобственности» отцом попросту выслали из Ленинграда (и опечатали их квартиру?)!!!! См. (www.economics.kiev.ua/?id=497&view=article).

[Воспоминания, как основа так и не вышедшей книги*]

Мои дед и бабушка со стороны отца

Мой дед Эдуард Эрнестович Классон (1829-1875) – швед по происхождению, русский подданный – учился в Дерптском университете, защитил там диссертацию на степень магистра (тогда первая ученая степень) фармации в 1855 году **, переехал в Киев, где учился медицине, получил степень лекаря, остался при университете и занимался частной врачебной практикой. Он женился на Анне Карловне Вебер, старшей дочери дрезденского фабриканта, работавшей в России гувернанткой – учила детей немецкому и французскому языкам. Этим языкам она учила и своих трех детей: Иоганну, Роберта и Эллу.

У Эдуарда Эрнестовича было большое сердце, и он умер 46-ти лет, когда Роберту было 7 лет.*** После смерти мужа Анна Карловна сдавала комнаты жильцам. Один из них служил учителем Первой киевской гимназии, и это было единственной причиной, что мать отдала Роберта в эту гимназию, которая была классической, т.е. с двумя древними языками – греческим и латинским.**** Другой жилец, Петр Павлович Александров женился на младшей дочери Анны Карловны Элле. У них родились дочь Валерия и сыновья Борис и Анатолий. Элла Эдуардовна умерла в 1907 году 37-ми лет.***** Анна Карловна носила фамилию своего второго мужа – Ахонина. Когда бабушка в 1900-х годах приезжала к нам на Рижское взморье, Ахонина, по-видимому, уже не было в живых.

Анна Карловна с детьми жила на оставленные ей Эдуардом Эрнестовичем накопления в форме акций Общества сахарных заводов. Прибыли были настолько значительными, что в 1910-х годах, кроме дивиденда на акции, старым акционерам выдавались дополнительные новые акции. Анна Карловна хорошо знала счет деньгам и приучала к этому и детей. Роберт и его младшая сестра должны были дома говорить только по-французски и получали за это по двугривенному в неделю.

Роберт Эдуардович взрослым свободно говорил и читал по-французски (например, Александра Дюма-отца, Мопассана, Бурже).*****

Мама обещала Роберту охотничье ружье, если он кончит гимназию с серебряной медалью, что и было выполнено [обеими «высокими сторонами»]. В годы учения Роберта в Петербургском технологическом институте он получал от матери 30 рублей в месяц, что тогда было вполне довольно для студента. Когда Роберт начал порядочно зарабатывать, мать предъявила ему счет на затраты на него за время учения, и он его оплатил.

* И.Р. Классон почему-то считал, что эти воспоминания надо будет читать параллельно с книгой М.О. Каменецкого; затем он составил список знакомых, которым предполагалось попеременно вручать этот «неудобный комплект», ну а итоговую книгу (с соавторами М.О. Каменецким и И.Р. Классоном?) издать при советской власти так и не удалось.

** В Дерптском университете преподавание велось на немецком, диссертации писались по-латыни или по-немецки. Диссертация Э.Э. Классона – о серных соединениях сурьмы – на немецком. Гос. библ. СССР им. Ленина, шифр Н 739/31. – Примеч. И.Р. Классона

Студент и/или выпускник Eduard Klassohn/Klasson не числится в фундаментальном справочнике «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat», Dorpat, 1889 (dlib.rsl.ru/viewer/01004461602?page=1). Выходит, он сдавал экзамены экстерном? По следующей ссылке можно посмотреть сканы его диссертации (play.google.com/books/reader?printsec=frontcover&output=reader&id=bjxPAAAAcAAJ&pg=GBS.PA1).

*** Роберт родился в Киеве 31 января ст. стиля (12 февраля нов. стиля). – Примеч. И.Р. Классона

После 1.3.1900 г. отмечать дни рождения Роберта Эдуардовича надо 13 февраля нов. стиля! – Примеч. М.И. Классона

**** Если это знакомый А.К. Классон – Брандт, то сия легенда не подтверждается: в списке учителей, надзирателей, классных наставников Брандт не числится (см. Приложение «Киевская Первая гимназия»). – Примеч. М.И. Классона

***** Ошибка памяти. Елена Эдуардовна Александрова, согласно газетной вырезке, хранящейся в семье Александровых, умерла 6 марта ст. стиля 1906 г., выходит, что 35-ти лет.

***** Александр Дюма-отец и Мопассан известны и сейчас, а вот полузабытый ныне Шарль Жозеф Бурже (1852-1935), оказывается, был тоже весьма популярен в свое время.

Старшая сестра – Иоганна Эдуардовна (1864 – ?) с 1880-х годов жила в Женеве, где окончила медицинский факультет. Ее муж, итальянец по происхождению, Гектор Кристиани тоже учился в Женевском университете, стал его профессором и директором его Института гигиены. Их дочь Лили вышла замуж за швейцарца Артюса, сотрудника Бюро труда Лиги наций. У них было две дочери и сын Жан-Жак.

Анна Карловна до конца жизни плохо знала русский язык. Она всегда говорила с нами, детьми, по-немецки, и я как-то не представлял себе, говорит ли она по-русски. Но уже в 1960-х годах бывший секретарь моего отца (мы встречались в архивной секции Совета старейших энергетиков Минэнерго СССР) Василий Александрович Бреннер рассказал мне, как он был поражен, когда в 1913 году зашел в Москве к приехавшему с «Электропередачи» вместе со своей матерью и заболевшему по дороге в автомобиле Роберту Эдуардовичу и не мог объяснить с Анной Карловной, т.к. она не понимала по-русски, а он, Бреннер, по-немецки. Я здесь должен пояснить, что в те предвоенные годы у Роберта Эдуардовича, кроме русского секретаря и русской стенографистки Зинаиды Васильевны Шеиной, был еще и немецкий секретарь-стенографист Зислак.

Я помню, бабушка со своей киевской внучкой Вале́й (Валерией) Александровой (ровесницей нашей сестры Сони) гостила у нас летом 1904 или 1905-го на даче в Карлсбаде на Рижском взморье [[в 1902-м, согласно надписям Валерии Петровны на обороте фоток – МК](#)]. Соня навестила бабушку в Киеве в начале лета 1911 года. Рассказывали, что к Анне Карловне в Киев приезжала из Женевы Лили – дочь Иоганны, и что Лили в Киеве научилась только одному русскому слову – «извозчик». Это могло быть тоже в начале 1910-х годов – до Первой мировой войны. Потом бабушка приезжала к нам на «Электропередачу» летом 1913 и 1915 годов. У меня сохранился фильм, снятый в саду Дома Правления оператором, приезжавшим с Н.И. Зауэром для съемки электростанции и торфяных разработок, – проходят и проезжают бабушка, няня, учительница-француженка, кучер Влас, брат Павел на осле и я на лошади. В 1913 году бабушка говорила с нами, детьми, по-немецки (ведь нас с 1904-го учила немецкому жившая у нас с перерывом до 1907 года фройлайн Пелло из Пернова, ныне Пярну, а в 1910-12 годах нам давали уроки немецкого немцы братья Вайкерты). Но в 1915-м – шла Первая мировая война – бабушка из патриотизма говорила по-французски не только с нашей учительницей-француженкой, но и с нами, детьми. В то лето бабушка впервые и вдруг сказала нам, что ее муж и наш дед Эдуард Эрнестович Классон был шведом! А ведь мы, еще живя летом 1907-го в Ловизе – в части Финляндии, населенной преимущественно шведами, – замечали там много Иохансонов и других фамилий с окончанием на «сон» (сын – по-шведски). В дерптской диссертации Э.Э. Классона его фамилия написана с немецким окончанием -sohn, а не шведским -son. Так что Э.Э. Классон был не обрусевший немец, а очень онемечившийся швед!

Когда бабушка не приезжала к нам летом, отец иногда навещал ее в Киеве, по дороге в свой отпуск за границу. Но, в общем, они не были близки, например, она совсем не представляла себе состояние его здоровья – десятилетиями длившуюся грудную жабу (ныне – стенокардия). Она ничего не знала о его личной жизни. В 1913 или 1915 году, когда Анна Карловна по дороге на «Электропередачу» (или обратно) прожила несколько дней в Москве, у нее были в гостях ее знакомые киевские немки, и она предложила нашему отцу жениться на одной из них, крайне не интересной пожилой немке. Я думаю, что он не говорил своей матери о его давней и почти официальной связи с Евгенией Николаевной Виноградовой, урожденной Сомчевской (1875-1952).

Незнание Анной Карловной русского языка, ее слабый духовный контакт с сыном, а может быть и с дочерьми, наводят на мысль, что свои выдающиеся способности Роберт Эдуардович, его старшая дочь Софья и внук Анны Карловны Анатолий Петрович Александров – унаследовали главным образом от Э.Э. Классона.

И, напротив, очень слабые способности, хотя иногда и в сочетании с большой энергией и живостью характера, ряда внуков и правнуков Анны Карловны в нашей семье – может быть, наследственность от нее. Как важно при вступлении в брак обращать внимание на возможную наследственность!*

Мой отец Роберт Эдуардович Классон

Киев

Некоторые, особенно запомнившиеся эпизоды его детства и юности, наш отец рассказывал нам, детям не один раз, а рассказывал он всегда очень живо и интересно, хотя всегда правду, без преувеличений. Как я заметил еще в детстве, а потом много раз убеждался, людей, фантазирующих при рассказах (мало, много или целиком), гораздо больше, чем обычно считается, а при некоторых условиях врет чуть ли не каждый третий!

Отец очень отрицательно относился к тому, что бабушка отдала его в классическую гимназию, т.е. с двумя мертвыми языками: латинским и [древне]греческим. Он говорил, что от обучения греческому языку «поглупел на 20%»! И это притом, что он занимался греческим не очень усердно. Это ему удавалось благодаря немецким подстрочникам древнегреческих классиков (соответствующих русских подстрочников еще не было), очень хорошему зрению, совершенному знанию немецкого языка и особой «технологии». Гимназисты, отвечая урок, не вызывались к доске, а должны были читать греческий текст и переводить его на русский, стоя за своей партой.

Роберт сидел не на первой парте. Он прочитывал греческое предложение, потом, смотря поверх греческой книги в руке, прочитывал про себя это же предложение в немецком подстрочнике, который держал открытым ученик, сидевший впереди него, и произносил это предложение по-русски и т.д.

Перед выпускным экзаменом он понимал, что по греческому языку может провалиться. На экзамене давали читать и переводить какой-либо том такого-то автора, раскрытый наугад. Накануне экзамена Роберт взял один из томов, раскрыл и с помощью словаря с трудом перевел эту страницу, убедившись, что почти наверняка провалится. На другой день экзаменатор взял тот же том и раскрыл его на той самой странице. Роберт помнил свой пробный перевод и переводил быстро и верно, с опасением думая только, что же случится на следующей странице, но экзаменатор еще раньше сказал: «довольно».

* Выводы моего отца по наследованию выдающихся достоинств от Эдуарда Эрнестовича и слабых способностей – от Анны Карловны достаточно спорны, поскольку на 70-80% талантливость физически и психически здорового человека зависит от качества его воспитания в семье и вырабатываемых затем им самим характера: целеустремленность, заряженность на карьеру, постоянные тренировки интеллекта и пополнение знаний и т.д. (и лишь на 20-30% от генов). Анна Карловна привила детям, по крайней мере, усидчивость в учебе, пусть и за счет применения «денежно-материального стимула». А Эдуард Эрнестович хотя и был весьма эрудированным фармацевтом, но не оставил заметного следа во врачебных науках, тем не менее почтительная память о нем могла благотворно запечатлеться в душах детей (см. Приложение «Э.Э. Классон и Киевское Общество врачей»). – Примеч. М.И. Классона

«Благодаря сознанию, человек кроме физических черт, записанных в его генетической программе, из поколения в поколение стал передавать опыт, который люди приобретали в труде, в общении друг с другом, в борьбе с силами природы, в своих размышлениях над тайнами мира. Эта передача опыта не записана в его генах, она осуществляется благодаря прямому общению поколений, через воспитание детей. Воспитание, наряду с генетической программой, тоже своя особая программа, это эстафета сознательной жизни людей всех поколений, но это тоже программа для развития личности. В результате социальное и генетическое наследование, сливаясь воедино, ведут развитие личности. Уникальность генетических программ и неповторимость трудноуловимых черт воспитания и самовоспитания создают такие условия, что каждый человек развивается в неповторимую личность». – Академик-генетик Н.П. Дубинин. Вечное движение, 1973

До 7-го класса отец учился главным образом на тройки, кроме французского, истории и географии, но с 7-го – лучше, особенно по математике и физике, а на выпускных экзаменах получил пятерки по всем предметам, кроме логики, и заработал серебряную медаль.

В младших классах гимназии Роберт учился так плохо, что остался на второй год во втором классе – как он сам говорил, из-за игры в мяч*, которой так увлекался, что часто пропускал занятия, уж не говоря о приготовлении уроков, и в пятом классе, т.е. 13-ти лет, когда, по его словам, ухаживал за одной гимназисткой. В старших классах он занимался также классической греблей и охотой.

Прожив детство на Украине, отец знал и украинский язык. Еще в 1920-х годах он помнил несколько отрывков из «Энеиды» Котляревского. Иногда он употреблял в разговоре необычные в русском языке украинизмы, как то: хустка (платок), шматок (кусок), смазывать (смазывать), сырная баба (творожная пасха) и т.п.

Как единственный сын, Роберт не призывался в армию.

О гимназических товарищах Роберта известно, с его слов, что один из них происходил из богатой польской помещичьей семьи.** Роберта и еще одного их товарища пригласили летом в имение этих поляков близ Киева. Стол там был непривычный для обоих русских гимназистов, и они в первый день отказались от овощей, подававшихся отдельным блюдом. Это произвело определенное впечатление на польских барышень, и они в следующие дни сами говорили, что «панове» не едят овощей. И это превратилось в какой-то этикет: хотя потом они могли бы поесть овощей, но уже стеснялись сказать об этом.

Петербург

Об учении в Петербургском технологическом институте известно, что хуже других предметов Роберту давалась химия. Он вспоминал, как экзаменатор спросил его об одном веществе: что это такое? Отец ответил, что газ, но экзаменатор возразил: «ведь он продается мешками!». Роберт отмечал, что система обучения в институте, с равномерным распределением в течение всего учебного года проверки – на репетициях – знания пройденного, была лучше более свободных систем в других высших учебных заведениях. Но он считал большим недостатком в институте практических занятий, которые, как я убедился в 1918-19 учебном году, были обязательны в Московском высшем техническом училище.

Роберт, по выбранной им специальности, проходил преддипломную практику, работая помощником машиниста паровоза, и в качестве дипломной работы выполнил проект паровоза [(который не смог бы двигаться, если был бы построен, как он сообразил позже)].

Он вспоминал, как однажды паровоз въезжал в депо, а он высунулся и смотрел назад. Машинист в последний момент втащил его за плечи из окошка, т.к. ворота в депо были узкими, и он мог получить серьезную травму. Считалось, что машинисты и их помощники не обязаны были работать сверхурочно, и Роберт спрашивал своего машиниста, почему же он соглашается работать сверхурочно, если чувствует себя переутомленным? Тот объяснил, что при повторных отказах от сверхурочных начальство легко может его уволить, раз его здоровье не позволяет работать «как нужно».

* Речь идет о жонглировании мячиками, в котором Роберт достиг определенного совершенства, под конец подкидывая и ловя одновременно пять мячиков!

** Из окончивших вместе с Робертом гимназию в 1886-м по II отделению следующие ученики носили вроде бы «польские фамилии»: Бельговский Павел Константинович, Войтковский Михаил Иосифович, Дыновский Феофил Феофилович, Липко-Парафиевский Александр Павлович, Маевский Владислав Северинович, Меленевский Александр Иванович, Можайский Николай Николаевич, Полинковский Лев Иойнович. А было еще параллельное I отделение, могли быть также друзьями Роберта ученики классом старше или младше... В то же время в списке дворян Киевской губернии за 1906 г. («с имениями») значились Бельговские, Дыновские, Маевские, Меленевские.

У студентов-технологов была традиция брать коллективом абонемент на ложу в Мариинском театре. Обычно это была литерная ложа на одном из верхних ярусов. Звук туда доходил хорошо, но вся сцена и певцы на ней были видны сверху, как вспоминал отец, почти в горизонтальной проекции. У него не было хорошего музыкального слуха, он никогда не пел, но иногда насвистывал (например, при игре в шахматы) некоторые арии, например из Травиаты, и марши – из Аиды, Кармен. Так я запомнил несколько оперных мелодий прежде, чем сам услышал эти оперы. Я не помню, чтобы отец когда-нибудь бывал на симфонических концертах, как внушает читателям Тамара Леонтьева (в своей книге «Вторая программа [партии, т.е. ГОЭЛРО – МК]»).

В годы учения в Технологическом институте Роберт снимал комнату с товарищем по институту и группе Яковом Петровичем Коробко (из Конотопа), первым по времени из его близких товарищей. Об их эксперименте по экономии денег на своем питании сказано в книге Каменецкого. Другой эксперимент они провели, когда заметили, живя у одной хозяйки, что у них начал быстро расходоваться сахар. Они купили два фунта сахара, один поставили на обычное место, на столе, а другой – под замок, и пользовались только вторым. Тем не менее, в первом фунте сахар тоже постепенно убавлялся.

(Далее И.Р. Классон приводит два отрывка – из автобиографии отца и из воспоминаний Н.К. Крупской на вечере памяти Р.Э. Классона 14 февраля 1926 г.)

Английскому инженеру Линдлею, имевшему во Франкфурте-на-Майне (Германия) техническую контору по проектированию водопроводов и канализации, предстояли аналогичные работы и в России, и он, решив научиться русскому языку, обратился к ректору Петербургского технологического института с просьбой рекомендовать ему из оканчивающих институт инженера, знающего немецкий, чтобы он, работая в конторе Линдлея, попутно обучил бы его русскому языку.

Ректор рекомендовал Классона, который после окончания института в июле 1891 года поехал во Франкфурт и проработал там у Линдлея около двух лет. Линдлей так и не нашел времени учиться русскому, но однажды сказал Классону: «Как же вы хотите работать инженером и не знаете английского языка?!»

Классон тогда же занялся английским настолько основательно, что уже в 1895-м в одной из своих первых напечатанных работ ссылался на статьи в американских технических журналах*, которые, как и немецкие, он затем читал всю жизнь, хотя и владел английским языком слабее, чем немецким и французским, так что художественную литературу по-английски не читал.

А Линдлей, действительно, поработал в России. Он приезжал в Баку в 1902 году, о чем есть записи в рабочем дневнике Классона и сохранился фотоснимок, и построил «знаменитый Самурский водопровод».**

В студенческие годы отцу впервые пришлось говорить по телефону, и именно при этом он обнаружил, что почти глух на одно – левое – ухо. Впоследствии – в 1910-х годах в Москве он стал хуже слышать и на другое ухо. Ушной врач регулярно делал ему продувание, что может быть стабилизировало слух. Отец хорошо приспособился к плохому слуху, участвовал в заседаниях, говорил по телефону, слушал музыку, бывал в театре. Высокие – женские и детские голоса он лучше слышал, чем мужские. При шуме, например, в машинном зале или в автомобиле он понимал негромкий разговор лучше, чем люди с нормальным слухом. Из его детей слабость слуха унаследовала только вторая дочь – Татьяна. У нее это тоже проявилось уже в молодости.

* Глава «Постоянные, переменные и трехфазные токи: их характерные свойства и область применения» в книге В.Н. Чиколева «Не было, но и не выдумка» (СПб., 1895, т.е. 1-е изд.). – Ссылка И.Р. Классона

** Красин Л.Б. Инженер Р.Э. Классон (некролог). «Электричество», 1926, №4. – Ссылка И.Р. Классона

Франкфурт-на-Майне

В 1891 году, когда Классон приехал во Франкфурт и начал работать у Линдлея, в городе проходила Международная электротехническая выставка. На ней не премировали медалями лучшие экспонаты, но зато проводились подробные их испытания. Линдлей был председателем испытательной комиссии из свыше 150 членов – крупнейших авторитетов из разных стран и 30 ассистентов. Классон стал ассистентом – единственным русским инженером в комиссии.

Главным экспонатом выставки была первая в мире передача энергии трехфазным переменным током. На напряжении 15 000 вольт передавалась мощность около 200 киловатт на расстояние 170 км от гидростанции в Лауффене на р. Неккар во Франкфурт. Эту передачу создал Михаил Осипович Доливо-Добровольский (1862-1919). Будучи русским политическим эмигрантом, он получил высшее техническое образование в Дармштадте и работал в немецкой электротехнической фирме АЭГ.

В 1888-м Доливо-Добровольский изобрел систему трехфазного тока, трехфазный трансформатор и асинхронный трехфазный двигатель. Все это, вместе с синхронным трехфазным генератором и воздушной линией высокого напряжения, было применено в электропередаче Лауффен – Франкфурт. После официальных испытаний ее при номинальном напряжении передача испытывалась еще неофициально – с участием уже самого Доливо-Добровольского – при повышенном до 28 киловольт напряжении.

Я помню, отец рассказывал о своей работе на выставке. Когда во время испытаний повышенным напряжением холостая линия была поставлена под напряжение, напряжение во Франкфурте оказалось выше, чем в Лауффене. В первый момент это посчитали ошибкой, но потом по телефону им сообщили, что профессора электротехники объяснили это явление влиянием емкости линии.

При испытаниях производилось много измерений приборами, была принята норма – 3-4 отсчета за 5 секунд. Однако, при интернациональном составе комиссии, оказалось не просто выбрать язык для произнесения отсчетов показаний: если отсчет производился по-немецки, а записывающий был не немец, то он не мог быстро понимать и правильно записывать двузначные числа, т.к. по-немецки сначала произносятся единицы, а потом десятки. По-французски 17, 18, 19, 70, 80, 90 называются очень сложно: dix sept, dix huit, dix neuf, soixante dix, quatre vingt, quatre vingt dix.

А, например, 98 произносится еще сложнее: quatre vingt dix huit. Выход был найден в произнесении отсчетов по-французски, но с употреблением для 70, 80, 90 реформированных названий, принятых в Бельгии, Швейцарии или Канаде, но не во Франции: septante, octante (huitante)*, nonante.

Однажды Линдлей послал Классона – инженера, окончившего механическое отделение «практического технологического института», проверить, правильно ли дармштадтские студенты снимают индикаторные диаграммы паровых машин. При этом последний вообще впервые увидел, как снимаются эти диаграммы.

* Из-за воспроизведения этого сюжета И.Р. Классоном в разные годы (сначала в 1960-х, а затем в 1970-х годах) у него появились 2 варианта произнесения отсчета «восемьдесят» во время испытания ЛЭП Лауффен – Франкфурт. Но все 3 варианта до сих пор применяются населением, например, в Швейцарии: «*Huitante* употребляется во французской Швейцарии в кантонах de Vaud u Fribourg, *octante* – почти не используется больше во франкоговорящем мире, за исключением нескольких деревень кантона Fribourg. В швейцарских кантонах de Genève, du Jura используется форма *quatre-vingts*» – Из Интернета

Отец говорил, что во Франкфурте впервые начал считать на логарифмической линейке, но вначале часто ошибался в отсчете результата. Например, когда при делении искомое частное – на неподвижной шкале линейки, против 1 на движке – близко по цифре к своей обратной величине, он иногда ошибочно брал эту величину на движке против 1 на неподвижной шкале! Эта ошибка обычно происходит при получении результата, близкого к 3,15 (или 0,315).*

Отец при поездках в малые немецкие города, например Лауффен, видел обычное до конца XIX века немецкое жилье (чего он не наблюдал уже во Франкфурте) с неотапливаемыми спальнями, в которых немцы спали под перинами и в теплых колпаках (мужчины) или чепчиках (женщины), как это неоднократно изображал Вильгельм Буш (1832-1908), например в «Die fromme Helene» («Набожная Елена» – сатирическая повесть в стихах, пожалуй, лучшая вещь В. Буша).

Линдлей требовал от молодых инженеров, чтобы у них всегда при себе был карандаш: записать вдруг возникший вопрос или данные (теперь сказали бы – «информацию»!). Эти молодые инженеры однажды подшутили над Линдлеем при совместном посещении бани: когда они все были нагишом, его вдруг спросили, где же его карандаш, показав, что у них карандаши были за ухом! (Я помню, еще в 1900-х годах видел карандаши за ухом у тогдашних российских приказчиков – продавцов в магазинах.)

Работа испытательной комиссии кончилась в январе 1892-го, и еще около полутора лет Классон работал в технической конторе Линдлея, под его руководством, по проектированию канализационных установок.

26 октября 1891 года в штандесамте Франкфурта был зарегистрирован брак лютеранина Роберта Артура Классона с православной Софией Мотовиловой. В Германии тогда уже действовала гражданская регистрация браков, рождений и смерти, введенная в России лишь после революции.

В дореволюционной России признавались законными только церковные браки, т.е. венчание в православной или другой христианской церкви, в синагоге для евреев, в мечети для мусульман и т.д. Для русских подданных брак между одним православным супругом и другим – неправославным христианином допускался только венчанием в православной церкви. Детей этих смешанных христианских браков должны были крестить в православие.

Наш отец был лютеранин, а мать православная. Поэтому мы, дети, все были крещены православными. У меня сохранилась книжечка, выданная франкфуртским штандесамтом. Ее первая страница является свидетельством о браке. А на следующих страницах мать записывала даты, часы и места рождений всех 5-ти детей и даты и места их крещения.**

У нас в семье не сохранилось в памяти (или в письмах того времени, если бы они уцелели), когда наши отец и мать познакомились (известно только, что в Петербурге) и когда решили пожениться. Но я помню одно высказывание матери, что она настояла на том, чтобы отец, из-за возможности ареста в Петербурге [[за противоправительственную деятельность](#)] немедленно принял приглашение Линдлея и они вместе уехали из Петербурга во Франкфурт.

Когда я осенью 1924 года жил около 3-х недель вместе с отцом, лечившимся в Наухайме (близ Франкфурта-на-Майне), как-то спросил его, бывал ли он в Висбадене. Отец ответил, что венчался там в православной церкви с мамой, т.к. во Франкфурте таковой не было. Линдлей, узнав о браке Классона, прибавил ему жалование.

* К сожалению, я не смог проверить этот сюжет на практике, поскольку с переходом на калькуляторы избавился от всех логарифмических линеек, которые у меня были во время учебы в институте и какой-то период по окончании одного. – Примеч. М.И. Классона

** Теперь этот документ хранится в ф. 9508 РГАЭ.

Во Франкфурте Классон бывал на собраниях немецких социал-демократов, которые незадолго до этого стали легальной партией – после отмены бисмарского закона о социалистах.

В Лозанне – университетском городе во французской части Швейцарии на берегу Женевского озера в те годы жила со своими тремя дочерьми вдова брата моей матери – Николая Ивановича Мотовилова (и в то же время их двоюродная сестра – дочь сестры их матери Луизы Францевны Мотовиловой) – Алина Антоновна Мотовилова (1857-1943), в прежние годы близкая подруга Софьи Ивановны.*

Алина Антоновна приезжала к Софье Ивановне во Франкфурт. Отец рассказывал, что он встречал Алину Антоновну на франкфуртском вокзале и, хотя раньше ее никогда не видел, совершенно уверенно подошел к ней на платформе, чем она была очень удивлена. Но он объяснил свою уверенность так: когда немка в незнакомом городе выходит из вагона, она, растерявшись, бросается сразу на две стороны, а русская барыня в аналогичной ситуации бросается сразу во все четыре стороны!

Летом 1892-го во время отпуска Классона он с женой был в Лозанне, туда из Петербурга приехал и Я.П. Коробко. Тогда же Классон и Коробко посетили в Морнэ (близ Женевы – тоже университетского швейцарского города) первых русских марксистов-эмигрантов, основавших в 1883 году группу «Освобождение труда» – Г.В. Плеханова и В.И. Засулич, и встретились в Цюрихе с П.Б. Аксельродом.

Наша мать Софья Ивановна боялась первых родов и по предложению Алины Антоновны рожала у нее дома, в Лозанне. Родилась там наша старшая сестра Софья 27 сентября старого стиля, а крестили ее в Женеве 8 ноября.

Когда наши отец и мать весной 1893-го возвращались в Россию, то из-за слабости здоровья их дочери, а так же опасаясь что он, а может быть они оба, могут быть арестованы по возвращении, они оставили в Лозанне у Алины Антоновны на несколько месяцев $\frac{3}{4}$ -годовалую Соню, и это очень укрепило ее здоровье.

(Дальше цитируется опять же Н.К. Крупская, в пояснение и развитие того, что Р.Э. Классон позже «перестал интересоваться политической жизнью».)

В той же речи Н.К. Крупская сказала о Классоне: «...Это пребывание во Франкфурте предопределило его дальнейшую деятельность».

Это очень верно: участвуя в испытаниях экспонатов выставки и особенно передачи Лауффен – Франкфурт, Классон познал теоретически и практически электротехнику сильных токов, причем в ее последних достижениях.

Изобретение трехфазного тока и простых [по конструкции] асинхронных трехфазных двигателей (моторов) давало огромные преимущества против постоянного тока, применявшегося тогда в электрификации выставок, центров городов и т.п. Трансформаторы, возможные лишь на переменном, в том числе трехфазном, токе, позволяют производить, передавать, распределять и потреблять электроэнергию на разных напряжениях (нескольких, даже в сети одной электростанции) – экономически наиболее выгодных или технически предпочтительных.

На любом напряжении все потребители, в том числе все лампы, соединяются параллельно, так что они могут работать независимо друг от друга. Напротив, постоянный ток, как не способный к трансформации, при выбранном для снижения потерь значительном напряжении, мог использоваться в освещении только при последовательном соединении ламп, так что включалась или потухала вся их последовательность.

* См. воспоминания второй дочери Алины Антоновны – Софьи Николаевны Мотовиловой (1881-1966): «Минувшее», «Новый мир», 1963, №12. Редакция журнала сократила рукопись С.Н., выпало много существенного и возникли неточности, в т.ч. Бестужевские курсы оказались в Москве – на самом деле они были в Петербурге! – Примеч. И.Р. Классона

Параллельное включение ламп теперь представляется единственно правильным. Но еще в начале 1900-х годов Классон записал в своем бакинском рабочем дневнике об инженере немецкой фирмы Сименс и Гальске: «За что мы будем платить 260 руб. [в месяц] такому дураку, который не знает, что лампы накаливания соединяются параллельно, а называется электротехником!?».

Постоянный ток сохранился в питании трамвая, а на станциях и подстанциях, как надежный источник энергии благодаря аккумуляторным батареям – для управления выключателями, релейной защиты, аварийного освещения; все это в сетях малой протяженности.

Охта, 1893-97

Мои отец и мать, вернувшись в Россию весной 1893-го, вскоре побывали у родителей Софьи Ивановны в их имении Бугурна Симбирской губернии. Я не знал, в каком году умерла моя бабушка Луиза Францевна Мотовилова. На мой вопрос моя ленинградская двоюродная сестра Нина Соломоновна Мотовилова (р. 1910 г.) написала мне, что бабушка умерла, когда матери Нины Соломоновны Вере Ивановне было 17 лет, а ей исполнилось 18 лет 31 августа 1893 года. Вера Ивановна помнила, что когда Роберт Эдуардович приехал в Бугурну, он, осмотрев весь дом, сказал, что в нем не хватает только электричества. Все же этот визит мог быть только после Франкфурта, т.е. в мае-июне 1893 года.*

Вернувшись в Петербург, Классон начал работать на Охтенских пороховых заводах – по реконструкции их электроснабжения.

Казенные Охтенские пороховые заводы основанные в 1715 году «близ С.-Петербурга», использовали энергию р. Большой Охты посредством наливных колес, т.е. самых старинных водяных машин, применявшихся на водяных мельницах. В 60-х годах XIX века энергетика заводов была реконструирована профессором И.А. Вышнеградским (1831-1895) – сооружены высокие запруды, установлены водяные турбины, мощность которых передавалась на большие расстояния к отдельным заводам стальными тросами.

В 1876 году в Главное артиллерийское управление был принят на работу Владимир Николаевич Чиколев (1845-1898), выдающийся инженер и изобретатель в электротехнике и осветительной технике. Во взрывоопасных условиях пороховых Охтенских заводов он осуществил освещение 60 пунктов посредством «оптической канализации электрического света» дуговой лампы в 3 000 свечей. Свет передавался по трубам из белой жести в 60 пунктов, где были установлены под 45° зеркала, отводящие каждое свою долю света.

В 1892 году Чиколев был назначен электротехником Охтенских заводов, а в 1893-м для работы его помощником (но на вакантную должность начальника мастерской с месячным окладом 97 руб. 33½ коп.; позже он получил 137 руб. 33½ коп.) был принят Классон.

* Мотовилов Иван Егорович, р. 30 марта 1820 †10 ноября 1900. С Л.Ф. Мотовиловой (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Мотовилова Луиза Францевна, р. 20 апреля 1832 †10 июля 1895. С И.Е. Мотовиловым (с. Мокрая Бугурна Симбирского у.)

Источник: Река времен (Книга четвертая). Русский провинциальный Некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. М., 1996

Установить достоверно время поездки Классонов в с. Мокрая Бугурна сейчас довольно затруднительно: Роберт Эдуардович приехал из Франкфурта в Петербург в мае 1893 г.; Софья Ивановна приехала из-за границы в Петербург с 10-месячной Соничкой в июле 1893 г., затем в сентябре отвезла приболевшую дочку обратно к Алине Антоновне и вернулась к мужу в октябре того же года.

В то же время Софья Николаевна Мотовилова писала 21 января 1960 г. И.Р. Классону:

И в 1895 году, и в 1896-м, и 97-м, и 98-м тетя Соня летом жила в Бугурне. В 1898 году меня уже там не было, и тогда туда приезжали Классон и Коробко. Одно лето, кажется, на месяц, тетя Соня с тетей Маней, [т.] Верой, своей подругой Ивановой ездили гостить к Лесгафту, а затем вернулись в Бугурну.

Чиколев и Классон наметили реконструкцию силового хозяйства и освещения продолжавших расширяться заводов – посредством единой для двигателей и освещения системы трехфазного тока 2 000 и 110 вольт – и сдали с торгов поставку электрического оборудования. Чиколев вскоре тяжело заболел, так что монтаж, пуск и эксплуатацию установки осуществил Классон [уже один].

Он ввел в действие по Охтенским заводам «Меры предосторожности при обращении с токами высокого напряжения» – одни из первых в России правила безопасности при эксплуатации электрических установок. Об Охтенской установке трехфазного тока в 1897 году появились статьи Классона в «Электричестве» и в немецком электротехническом журнале ETZ. В статье в «Электричестве» были подробно описаны выбор тока и напряжения Охтенской установки; устройство защитного заземления.

В статье в ETZ было рассмотрено влияние перевозбуждения синхронных двигателей для улучшения напряжения и коэффициента мощности в системе с преобладанием асинхронных двигателей.

В 1896 году Классон сделал в общественном собрании заводов доклад – с демонстрацией опытов – о новых тогда лучах Рентгена. Доклад оканчивался предсказанием появления ламп накаливания с более высокой температурой накала нити и люминесцентных ламп. Рукопись тезисов доклада сохранилась (см. ЦГАНХ СССР*, фонд 9508).

Еще в ноябре 1893 года Классона и его жену допрашивали в жандармском управлении по поводу похорон писателя Шелгунова в апреле 1891-го, а Классона и Я.П. Коробко – об их встречах с Плехановым и другими эмигрантами-марксистами в 1892-м в Швейцарии.

В 1894-95 годах Классон входил в группу так называемых легальных литераторов-марксистов, совместно с которой кружок революционных марксистов-технологов во главе с В.И. Ульяновым издал в те годы ряд книг, в том числе: Бельтов (псевдоним Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», конфискованный цензурой, в котором среди других были статья Струве, статья Ульянова против Струве и перевод Классоном статьи Бернштейна «Третий том «Капитала»».

Встречи революционных марксистов с легальными начались с первого посещения В.И. Ульяновым квартиры Классона на Охте – на устроенных ради конспирации блинах на масленице в конце февраля 1894-го. Это посещение, когда В.И. Ульянов впервые встретился с Н.К. Крупской, подробно описано в ее «Воспоминаниях» вышедших впервые в 1925 году.

Когда В.И. Ульянов весной 1895-го ездил за границу, Классон рекомендовал ему установить контакт с Плехановым через А.А. Мотовилову в Лозанне.

Это конспиративное посещение Ульяновым Алины Антоновны очень живо описано С.Н. Мотовиловой в «Минувшем».

На Охте 23 октября старого стиля 1896 года наша мать родила вторую дочь – Татьяну.

Осуществление трехфазной установки Охтенских заводов, а также выступление Классона на дискуссии в Петербурге о выборе системы тока для новых электростанций заставило «Общество электрического освещения 1886 г.» пересмотреть его предпочтение постоянному току и принять для новых станций Общества в Петербурге и Москве систему трехфазного тока, а также пригласить Классона на работу в Обществе.

Он принял это приглашение и в феврале 1897-го уволился с Охтенских заводов, короткое время поработал в «Обществе 1886 г.» в Петербурге по проекту новой петербургской станции Общества, но вскоре был переведен в Москву.

* Ныне Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

Москва, 1897-99 годы

В августе 1897-го «Общество 1886 г.» назначило Классона старшим техником Московского отделения, и он с семьей переехал в Москву. Вначале он вел эксплуатацию пущенной в 1888 году Георгиевской станции постоянного тока – на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переулка. Это одноэтажное здание в ложнорусском стиле, вроде ГУМа или Исторического музея, сохранилось до сих пор.

На станции устанавливались компаундные паровые машины и с 1890-го – горизонтальные водотрубные котлы. В 1895 году мощность этой станции достигла 1 500 кВт, и она питала потребителей, главным образом их освещение, на территории с радиусом около 1 км до Бульварного кольца, между Б. Никитской и Б. Лубянской.

В Верхних торговых рядах (ГУМ) работала аккумуляторная станция того же Общества. С мая 1896-го Общество строило новую электростанцию – трехфазного тока 2 100 вольт, что позволяло увеличить радиус питаемой ею территории до 5 км.

Строительные работы велись в основном подрядчиком инж. Н.В. Смирновым – участником рекордной по срокам постройки в 1894 году на Васильевском острове в Петербурге электростанции однофазного тока 2 000 вольт и 800 киловатт – первой в России крупной станции общего пользования. Станция на Раушской набережной начала работать в ноябре 1897 года. Основная нагрузка Георгиевской станции была переведена на Раушскую в течение трех месяцев (август-октябрь 1898-го). Затем оборудование Георгиевской станции демонтировали. С 15 января 1898 года Классон стал заведовать эксплуатацией обеих станций (отец однажды объяснил мне, что он имел должность Betriebsleiter, а Брюниг – инженер немецкой фирмы Сименс и Гальске, ведущий монтаж, был Bauleiter), а с 1 февраля исполнял должность управляющего Московским отделением Общества.*

В 1897-1900 годах Классон с семьей занимал квартиру из 5 комнат на верхнем этаже трехэтажного дома Общества при Раушской станции. Это был дом №11 на улице Садовники (теперь №9!); из его «парадного» (вестибюля первого этажа лестничной клетки) имелся выход и во двор станции (Садовники располагаются параллельно [\[Раушской\]](#) набережной); во двор выходила и «черная» лестница кухонь. В этом доме 1 марта старого стиля родился третий ребенок Софьи Ивановны и Роберта Эдуардовича – Иван, автор настоящих воспоминаний.

Рядом с этим домом в сторону Балчуга позже, судя по его архитектурному стилю, в начале 1900-х годов, был построен 5-этажный дом для служащих станции; в нем же помещался «приемный покой» (амбулатория) станции.**

Подробнее об обеих московских станциях, в т.ч. цитаты из воспоминаний Классона к 25-летию Раушской в 1922-м – см. в книге Каменецкого. Ниже я привожу устный рассказ отца, оставшийся у меня в памяти, тоже о тех годах в Москве.

* Betriebsleiter – заведующий производством, технический директор; Bauleiter – заведующий строительством.

** В настоящее время (2012 год) трехэтажный дом имеет №11/2, а «рядом, в сторону Балчуга (теперь – гостиница Балчуг Кемпински)» – располагается 4-этажное здание под №11. Еще ближе к Балчугу Кемпински стоит 5-этажное здание под №9. Все же улица носила название Садовнической (получила от местности, на которой, по повелению царя Иоанна III, был разведен сад), Садовники – скорее, употреблялись в обиходе. Кроме того, фельдшер «приемного покоя» Андрей Николаевич Ефремов жил в нынешнем №11/2, там же располагался на 1-м этаже и оный «приемный покой»– Примеч. М.И. Классона

*Ул. Садовническая, 11/2 – по состоянию на лето 2012-го
(здесь родился автор воспоминаний – И.Р. Классон)*

Угол дома 11/2, с видом на трубы ГЭС-1

Четырехэтажный (а не 5-ти) дом №11 (ранее – №9), где жили служащие станции

В тот первый период работы станции на Раушской набережной строго проводилась экономия эксплуатационных расходов. Один раз члены правления Общества приехали из Петербурга в Москву для решения только одного вопроса: о новой должности на Московской станции – аккумуляторщика. Отец с раздражением вспоминал, что члены правления – немцы – завели привычку (а он иногда должен был сопровождать их) весь вечер перед отъездом в Петербург проводить в излюбленной немецкой колонией в Москве пивной в центре города, причем сидели в ней, смотря на часы, всегда до последней, возможной по их расчетам, минуты. Один артельщик Общества должен был нанимать извозчиков-лихачей и с ними ожидать немцев в пивной, а второй артельщик – с билетами в руках встречать их на Николаевском вокзале. Классон, имея много деловых знакомых немцев и сохранив до конца жизни дружбу с австрийцем Ленером, никогда ни с кем в многочисленных петербургской и московской «немецкой колониях» не был близок.

Баку, 1900-06 годы

Самые яркие впечатления у отца были в годы его работы в Баку.

В начале XIX века добыча нефти в России, а 97% давали Бакинские промыслы, превышала американскую. Пожарная опасность от котельных для паровых машин у буровых скважин, казалось, предопределяла использование электропривода.

На нескольких Бакинских промыслах и нефтеперегонных заводах, в том числе Нобеля, Тагиева и Манташева уже работали электрические станции; в 1900-м строилась электростанция с газовыми двигателями.

В 1899 году в Петербурге, для электрификации Бакинских промыслов, было основано акционерное общество «Электрическая сила». В его правление, кроме представителей петербургских банков – Давидова и других, входили и бакинцы, в т.ч. Тагиев и Гукасов. Это общество пригласило на должность его директора в Баку с жалованьем 18 000 руб. в год Р.Э. Классона. Впоследствии он вспоминал, что лучше было получать в Москве (в 1906-17 годах) только 10 000 руб./год, но плюс танъему, т.е. участие в прибылях, т.к. при этом никто не сомневался, что Классон в этом случае был материально заинтересован вести дело экономически оптимально. А в Баку такие сомнения у правления Общества могли возникнуть!

Итак, отец в феврале 1900-го перешел в «Электросилу» (таков был телеграфный адрес Общества) и 8 марта приехал в Баку вместе с Александром Львовичем Буриновым – своим ближайшим помощником в первые годы работы в Баку.

Семья Классона выехала из Москвы в Баку несколько позже через Симбирск, где останавливалась у отца Софьи Ивановны – Ивана Егоровича Мотовилова, а из Симбирска на пароходе по Волге до Астрахани и оттуда морем до Баку, куда прибыла в июне 1900-го. Гораздо позже няня рассказывала, что ей очень понравился мой дедушка, о его аккуратности.

Первые месяцы в Баку отец сам, а потом и с семьей жил в Черном Городе, пока не был выстроен директорский дом на участке станции в Белом Городе – между станцией и берегом моря. В этом доме квартира Классона занимала весь второй этаж. На первом этаже жил Ленер (и, вероятно, еще кто-то).

Общество построило в Баку 2 станции – обе трехфазного тока – станцию «Биби-Эйбат», 1 500 киловатт, 2 200 вольт – для питания на этом напряжении моторов промыслов Биби-Эйбата, и станцию «Белый Город», 4 400 киловатт и 6 300 вольт – для питания промыслов Балахны на расстоянии от станции в среднем 11 км.

Станция «Биби-Эйбат» была построена исключительно быстро. 20 апреля 1900 года Горный округ дал разрешение на ее постройку. 7 июня приехал в Баку и был назначен заведующим станцией Леонид Борисович Красин (1870-1926), а 13 июня он уже поселился на стройке. 1 сентября котельная была выведена под стропила. 1 июня 1901 года станция дала ток, и в первый раз вращались моторы на Биби-Эйбатских промыслах, а 10 июня станция была пущена на непрерывную работу.

Л.Б. Красин учился с 1888-го в Петербургском технологическом институте на химическом отделении, но начиная с 1890 года арестовывался и ссылался, в ссылке несколько лет проработал по проектированию и строительству Сибирской ж.д. В 1900-м он окончил Харьковский технологический институт. В процессе постройки, монтажа и пуска «Биби-Эйбата» Красин стал опытным инженером-электротехником., а в строительном деле он освоил новую тогда технику бетонных работ.

Станция «Белый Город» строилась гораздо дольше – главным образом, по вине поставщиков оборудования и их монтеров. При установке стропил произошло две аварии, не выдерживали испытаний трубки экономайзеров и т.д.

В январе 1902-го станция начала работать, но только по ночам. 6 февраля ночью взорвался гремучий газ в подвальном помещении аккумуляторной батареи, и станция остановилась полностью. Правда, уже вечером подача энергии была возобновлена «почти без приборов»! О взрыве Классон написал статью в немецкий журнал «Электрише банен».

Работа в Баку велась в трудных условиях: жаркий климат, иногда сильный [и продолжительный] ветер «норд», землетрясения, эпидемии (у Классона и Ленера были солитеры, у меня дизентерия, а врач станции Яроцкий уезжал на эпидемию чумы); фонтаны и пожар и нефти; требовавшиеся при постройках согласования и разрешения множества казенных и общественных инстанций; большие расстояния при плохих дорогах; низкий уровень технической и деловой культуры.

Кстати, моя сестра Катя родилась 2 ноября (старого стиля) 1901 года. Отец вспоминал, что в этот день забил самый большой нефтяной фонтан. Я помню, что из окна квартиры был виден пожар в нефтяной цистерне на соседнем участке нефтепромышленника Манташева. Правда, эти цистерны все-таки были ограждены от участка «Электрической силы» брандмауэром. Катю называли в честь постоянной маминой акушерки Екатерины Павловны: в 1901-м ее приглашали в Баку, а в 1904-м – в Карлсбад, где должен был родиться Павел.

Классон вел в 1900-02 годах деловой дневник. Сначала он писал сам, но вскоре стал диктовать его, как и деловые письма, стенографистке Зинаиде Антоновне Палуевой, приглашенной из Москвы за 100 руб. в месяц (позже она работала стенографисткой Государственной думы). Когда Классон бывал в отпуске или деловой поездке, дневник вели замещавшие его, сначала Буринов и потом Красин. Дневник хранится в ЦГАНХ СССР.

Ниже я привожу наиболее красочные записи и устные рассказы отца об условиях жизни и работы в Баку.

(Цитаты из Бакинского дневника мы здесь опускаем, зато приводим дополнительно черновые записи И.Р. Классона.)

Он считал, что единственным учреждением в Баку, с которым приятно было иметь дело, являлся Горный округ. Просто было иметь дело и с полицией, так как всё решалось взятками. Классон применял иногда совершенно необычные, но очень действенные методы убеждения. При больших расстояниях Общество создало хорошее конное хозяйство с принятыми в Баку парными фаэтонами. Но один из петербургских членов правления «Электрической силы» считал излишней роскошью резиновые шины (тогда еще не пневматические).

Когда он приехал в Баку, то при его поездке с Классоном на дальний объект по тряской дороге в фаэтон на железных шинах была запряжена пара буланых лошадей по прозвищу «желтые дьяволы». Они обычно первые несколько километров несли карьером, и удерживать их было бесполезно. После этой поездки вопрос об отказе от резиновых шин больше не поднимался.

Одного немца-монтера Классон за один день отучил от привычки бросать на пол окурки, приставив к нему мальчика, который неустанно ходил за ним и подбирал окурки!

В Баку пресная вода продавалась по 1 коп. за ведро. На обеих электростанциях «Электросилы» были поставлены опреснители. Но при постройке дома для Классона и Ленера еще применялась солоноватая вода. Позже в квартире Классона стала отваливаться штукатурка с потолка. Первым большим обвалом среди ночи засыпало и ранило нашу старшую сестру Соню. Ленер, живший на первом этаже, принял грохот за выстрелы местных разбойников и появился на втором этаже с браунингом.

Мама потом вспоминала, что разгребая обломки штукатурки с Сони и не зная, жива ли она, кричала от страха, пока Соня не спросила: «Что ты кричишь?». Вызванный к Соне врач Яроцкий сказал, что череп не поврежден и зашил рану. Когда отец потом жил в Баку один, у него однажды вечером сидели гости за столом, а потом среди ночи штукатурка обвалилась на этот стол.

[В Баку отец с семьей жил сначала в Черном городе (этого я не помню), но вскоре переехал в Белый город – в построенный «Электрической силой» рядом с одноименной электростанцией двухэтажный дом высшего персонала. Наша квартира занимала весь второй этаж. Квартира была огромной, с длинной крытой террасой. В ней имелось больше десяти комнат и две или три ванных. В каком году был обвал штукатурки с потолка, я не знаю, сам этот случай не помню, но помню, что Соня какое-то время ходила с повязкой на голове.

После обвала родители обследовали оштукатуренный потолок во всей квартире и определили, как ненадежное, место слева от входа в кабинет отца. Это я запомнил, так как в то время в Баку приехал председатель или член правления «Электрической силы» Алексей Августович Давидов (он был еще директором Петербургского Международного банка). За обедом он сказал, что привез для меня подарок, но оставил его в кабинете. Мне велели пойти за ним, однако я быстро вернулся и сказал, что сверток лежит на столе в том месте кабинета, куда мне было запрещено заходить.

Мне все же позволили, в виде исключения, зайти в запретную зону и взять подарок: отец хорошо разбирался в теории вероятности и больших чисел.]*

В процессе строительства его систематически фотографировал инженер Общества Адольф Иванович Гофман (впоследствии сотрудник Торгпредства СССР в Швеции, где я встретился с ним в 1922-м).

{«Электрической силе» очень повезло, что в числе ее инженеров с самого начала постройки обеих [бакинских] электростанций работал блестящий фотолюбитель Адольф Иванович Гофман. <...> В декабре 1922 г. я встретил Гофмана в Стокгольме в семье Гардениных. Он в 1915-17 гг. работал в стокгольмской конторе Русского электротехнического общества Сименс и Шуккерт, организованной ее директором Л.Б. Красиным для импорта в Россию из вражеской Германии деталей для ремонта и производства прожекторов и другого оборудования. Оставшегося в Стокгольме [после революции 1917-го] Гофмана принял на работу в торгпредство Сергей Федорович Гарденин: в его дельности, как подобранного Красиным, можно было не сомневаться. Здесь Адольф Иванович сделал лучший снимок [моей сестры] Сони [со «скромной подписью» – «Рембрандт»]}

В августе 1905-го в Баку произошла «армяно-татарская резня», полиция бездействовала, и резня продолжалась несколько дней.

По рассказу Классона, глава одной из национальных сторон мог ездить по городу только с большими предосторожностями: он сам сидел в фаэтоне на переднем сиденье спиной к кучеру, а его товарищ – на заднем сиденье; у каждого на коленях в правой и левой руке было по 10-зарядному маузеру. Резня кончилась только после мирной акции духовенства. В одном из писем отец описал яркое зрелище, которое представляла собой процессия православного, армяно-григорианского и мусульманского духовенства, прошедшего по улицам Баку в праздничном облачении с хоругвями и другими религиозными символами, призывами к умиротворению.

В Баку Классон ездил на охоту – на диких кабанов, на гусей и уток на озеро, где во время осенних и весенних перелетов было огромное количество дичи. Прочитав в немецком руководстве по искусству стрельбы из дробового ружья – целясь в летящую птицу, смотреть обоими глазами, отец сразу это испытал и стрелял в этот раз гораздо хуже обычного. Но уже при втором выезде на охоту результаты нового способа превзошли все ожидания.

В Баку Классон начал играть в теннис и ездить верхом, причем учился этому у Ленера – в молодости австрийского кавалерийского офицера.

* Здесь и далее в квадратных скобках – из более поздних черновых записей.

Впрочем, в отличие от классического стиля, отец ездил на иноходце. Однажды [(в 1903-м)] он упал с него и получил сотрясение мозга, которое Яроцкий вполне точно определил, задав несколько вопросов из прошлого – ближнего (отец ничего не помнил, как вернулся домой и что сам только что сказал) и дальнего (все мог вспомнить). В свою очередь Классон приохотил Ленера к чтению русской литературы, даже такого трудного для восприятия иностранцами автора, как Щедрин.

[Своеобразным было взаимное обучение в Баку Ленера и Классона. Ленер, австрийский кавалерийский офицер в отставке, обучил Классона верховой езде (правда, не классической, а на иноходцах). А Классон помогал Ленеру, учившемуся русскому языку, в выборе русской литературы и даже научил его ценить такого трудного, тем более для иностранца, писателя как Салтыкова-Щедрина. В 1920-х я был у Ленера в дни пребывания в Берлине короля Афганистана Амануллы. Немецкие газеты уделяли тогда много внимания королю и проводившимся им в его стране реформам. Ленер сказал, что Аманулла напоминает ему того азиатского правителя, реформаторскую деятельность которого Щедрин описал кратко и сочно: «Домой ездил, реформа начинал. Народ гонял, помпадур сажал, реформа кончал». Ленер тут же достал из своего шкафа один из томов Щедрина и нашел эти завершающие «Помпадуров и помпадурш» слова!]*

Однажды в бакинском поезде на одной из станций на Кавказе стало известно, что ожидается нападение на поезд известного разбойника Зелим-хана.**

Сосед Классона по купе, инженер-путеец, сказал, что в конструкции их вагона нижняя часть до окон является несущей стальной коробкой. Поэтому в случае обстрела поезда безопаснее всего лежать на нижних полках. Они заперли дверь купе и улеглись с браунингами в руках.

* Из рассказа «Мнения знатных иностранцев о помпадурах» (цикл «Помпадуры и помпадурши»):

«Как мы везли Ямуцки принц Иззедин-Музафер-Мирза в Рассею». Писал с натуры прынцов воспитатель Хабибулла Науматуллоевич, бывший служитель в атель Бельвю (в С.-Питимбурхи, на Невском, против киятра, с двух до семи часов обеда по 1 и 2 руб. и по карте. Ужины. Завтраки).

<...> – Ай-ай, хорошо здесь [(в Рассее)]! – говорил прынец, – народ нет, помпадур есть – чисто! Айда домой реформа делать. Домой ездил, реформа начинал. Народ гонял, помпадур сажал: реформа кончал.

В 10-томнике издательства «Правда» (1988 г.) С. Макашин дал к сему сюжету следующее примечание:

К сатирическому описанию Хабибуллы вдохновило Салтыкова путешествие в 1873 г. по России и Европе персидского шаха Наср Эддина, предполагавшего начать реформаторскую деятельность в своих владениях и искавшего для него образцов.

** Из газет того времени:

ТИФЛИС, 27 X 1911. В целях наказания чеченского народа за непрерывное 12-летнее укрывательство Зелим-хана, а также для установления порядка дальнейшей борьбы с этим разбойником Наместник [на Кавказе] предложил начальнику Терской области принять следующие главнейшие меры: все командированные для содействия местной администрации войсковые части поставить на экзекуцию в те пункты Введенского и Грозненского округов, где укрывался Зелим-хан, выслать из края сроком на 5 лет всех наиболее вредных шейхов с семьями, также родственников Зелим-хана, но только по установлении несомненной виновности каждого; войти с представлением о расселении хуторов, жители которых уличены в укрывательстве Зелим-хана, <...> взыскать со всего чеченского населения Введенского и Грозненского округов, причастного к содействию Зелим-хану, штраф в 100 тысяч рублей, назначив его в пособие семьям убитых и пострадавших при нападении на дорожную комиссию.

ВЛАДИКАВКАЗ. 12 XI. По докладу командированная после нападения Зелим-хана на комиссию инженеров на Керкетском перевале помощника Наместника по военной части генерала Шатилова в целях искоренения грабежей и разбоев среди чеченцев, населяющих два округа области – Введенский и Грозненский, в отношении чеченского народа принят ряд суровых карательных мер: наложен штраф в 100 000 рублей на удовлетворение семей убитых и раненых во время нападений, сельские общества лишены права выбора старшин, население – права носить оружие. <...>.

О похождениях чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева читай так же в статье «Кто написал письмо абрека в Госдуму?» (checheninfo.ru/infoportal/chechanciklop/istoriya/novvremia/6831-kto-napisal-pismo-abreka-v-gosdumu.html).

Отец очень легко засыпал, приняв, как он говорил, «горизонтальное положение», и быстро уснул и тут – к великому изумлению спутника. * Вскоре тот разбудил отца и сказал, что прибыла воинская часть, опасности нет и поезд идет дальше.

Лето 1900 года мама с детьми провела в Боржоми, но после возвращения в Баку у меня случилась дизентерия, и начиная с 1901-го мы ездили на лето на Рижское взморье, большею частью в Карлсбад (только одно лето – в Асерн), по совету московского детского врача Сергея Ивановича Веревкина, который сам с семьей тоже каждое лето ездил в Карлсбад. Вероятно, мама приглашала Веревкина к кому-нибудь из детей еще в бытность в Москве в 1898-1900 годах.**

* Th. Heine принадлежит термин: женщины «горизонтальной профессии» (проститутки). – Не совсем уместное примеч. И.Р. Классона

** Поскольку Классоны периодически пересекались с С.И. Веревкиным и его семьей, приведем здесь статью И. Крыловой в «Московском журнале» (12. 2000) – «Детский врач Сергей Иванович Веревкин»:

Он был одним из лучших клиницистов своего времени, работал в Софийской детской больнице. ...

Софийская детская больница в Москве (с 1842 по 1883 год – Бронная, с 1922 года – Филатовская) была открыта 12 ноября 1897 года. Сохранился стенд, посвященный этому событию. Среди штатных врачей первого состава фотография Сергея Ивановича Веревкина (1860-1927) – одного из лучших клиницистов своего времени.

Сын рано овдовевшего отставного военного Ивана Иосафовича Веревкина, Сергей вместе с братом Алексеем после окончания Смоленской гимназии поехал поступать в Московский университет. Ютились в дешевой комнате, отказывая себе во всем, кроме походов в Большой и Малый театры, Консерваторию и Третьяковскую галерею. Окончив медицинский факультет, С.И. Веревкин начинает работать врачом в детской больнице св. Владимира в Москве. Как практикующий врач он упомянут в Адресной книге «Вся Москва» на 1884 год (проживал при больнице). С 1889 года жил в доме Кошелева в Скертном переулке, с 1894-го – в доме Федоровых на Малой Никитской, с 1908-го и до самой смерти – в доме Фоминского в Дурновском переулке, 18, кв. 2. В 1908 году С.И. Веревкин числился врачом Софийской детской больницы и санитарным врачом при Городском Пресненском Попечительстве о бедных. Те же должности указаны за ним и в Адресной книге «Вся Москва» на 1917 год. А в Адресной книге на 1926 год в разделе «Врачи по специальностям (Детские врачи)» находим С.И. Веревкина – ординатора Детской больницы имени профессора Филатова на 180 коек для детей до 12 лет.

<...> Со дня основания Софийской больницы до 20 октября 1902 года статский советник, лекарь С.И.Веревкин был сверхштатным врачом, после чего сменил возглавившего терапевтическое отделение доктора медицины Ивана Михайловича Рахманинова на посту заведующего амбулаторией. Им написан Отчет по амбулатории, вошедший в общий Медицинский отчет Софийской детской больницы за 1897-1905 годы, в предисловии к которому директор и главный врач Дмитрий Егорович Горохов отмечал: «Опыт пройденных первых десяти лет дает твердую уверенность в том, что больница, вступив и во второе десятилетие своей жизни, останется также на должной высоте по подаче больничной и амбулаторной помощи больным детям всякого звания и состояния и по преимуществу детям бедных родителей, каковая цель больницы предназначена при самом ее учреждении».

Отчет больницы, представляющий сегодня библиографическую редкость, хранится у внука Сергея Ивановича С.В. Рачинского, профессора пульмонолога РАМН. Его интересно читать даже не специалисту. Амбулаторный корпус, построенный по проекту известного архитектора А.С. Каминского, имел обширную приемную, вмещавшую до 200 человек, восемь отдельных докторских кабинетов, хирургическое отделение, ЛОР- и глазной кабинеты. Все это строилось с учетом опыта ведущих клиник Франции, Австрии и Германии.

Сергей Иванович приводит статистику: за пять лет со дня открытия Софийской больницы в ее амбулатории пролечилось 103223 ребенка. В среднем ежедневно амбулаторию посещало 110 больных. «Движение в Амбулатории <...> ясно указывает, что потребность в амбулаторном лечении среди населения того района Москвы, в котором находится больница, была слишком велика - этим объясняется необыкновенный наплыв больных уже в первый год ее существования».

Резкое снижение числа посещений в 1902 году С.И. Веревкин объясняет повышением платы за врачебную консультацию «Совет и лекарство» с 10 до 15 копеек, а также открытием Морозовской детской больницы и городской амбулатории на Большой Пресне: «Обе амбулатории с бесплатной выдачей лекарств; открытие этих амбулаторий отвлекло от Софийской больницы громадный район, находящийся вблизи этих амбулаторий».

[Сергей Иванович был известным в Москве детским врачом с большой больничной практикой. Его приглашали по телефону, он приезжал в длительно абонированном им экипаже, после осмотра ребенка мать давала ему чистое полотенце и обильно поливала его руки одеколоном (мытья рук водой с мылом после каждого больного он не признавал) и при прощании вручала в процессе рукопожатия 5-рублевый золотой (по покупательной способности около 25 теперешних рублей).

Помню, что в Карлсбаде мы иногда залезали на полуутопленный в земле погреб и палками били крапиву. Однажды в игре Соня очень ловко увернулась от Вани Веревкина, и он обозвал ее «выдрой» – не известным мне тогда словом! Одно лето у нас служила очень медлительная кухарка, и было принято за обедом, в случае большого перерыва между первым и вторым, чтобы кто-то из детей шел через сад, заглядывал в окно кухни, возвращался и докладывал: «Теперь скоро, уже накладывает котлеты на блюдо».]

Окончание примечания

«Московский лекарь, имеющий большую практику, обычно ездит в фазтоне, запряженном парой лошадей, или в маленькой каретке и, сидя в экипаже, почти всегда читает какую-нибудь книгу; лекарь без практики обыкновенно путешествует по городу в плохом извозчике или по образу пешего хождения...» («Очерки московской жизни» Вистгофена).

Сергей Иванович как известный в городе врач с большой практикой имел выезд. Утром после просмотра «Русских ведомостей» он направлялся в больницу. Вернувшись, принимал больных на дому, причем детей неимущих родителей – бесплатно. Потом ехал по вызовам. Ровно в пять пополудни входил в столовую. По вечерам участвовал в заседаниях Общества детских врачей или с женой Марией Васильевной ходил в театр, Консерваторию. Перед сном, лежа на своем диване, читал медицинские журналы.

С.В. Рачинский рассказывает о великолепном подборе книг в библиотеке деда, о его любви к музыке и увлечении фотографией (сохранилось с десятков альбомов). Отдых Сергей Иванович предпочитал активный, часто бывал за границей.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (издание 1892 года) упоминает русский дворянский род Веревкиных, который, по данным Словаря, в 1680 и другие годы был жалован поместьями. В Краснинском уезде Смоленской губернии им принадлежало имение Крюково, перешедшее к Сергею Ивановичу по наследству от его двоюродной сестры Е.А. Качуры, воспитавшей его братьев и сестру: 25 десятин земли, дом с мезонином, огромный липовый парк, озеро с плотиной, обширные яблоневые сады... Все это запечатлено на фотографиях Сергея Ивановича. В 1941 году дом сгорел.

Сергей Иванович и Мария Васильевна (урожденная Калакутская) имели пятерых детей. Старшая дочь Наталья (1887-1978), по первому мужу Мануйлова, была ученым-микробиологом, прекрасной музыкантшей, мастерицей художественной вышивки, знала несколько иностранных языков. В 1916 году ушла на фронт. Вторым ее мужем стал военный министр Временного правительства А.И. Верховский, расстрелянный в 30-е годы. Сама Наталья Сергеевна отбыла заключение и поселение в Казахстане, после чего продолжила научную деятельность, сохранив до глубокой старости остроту ума и увлеченность наукой и искусством.

Сын Иван, подававший надежды студент Московского университета, талантливый ученик философа-идеалиста Л.М. Лопатина, несмотря на запреты врачей (туберкулез легких), так же ушел на фронт, где окончательно подорвал здоровье. Умер в 1919 году, похоронен в Сергеевом Посаде. Вторым сыном, Евгением, прожил всего восемь лет, а Сергей (родился в 1895) стал военным, в 30-е годы репрессирован, погиб в лагере.

Младшая дочь Марианна (1896-1980) училась на Высших медицинских курсах в Москве. В 1916 году по примеру Натальи и Ивана ушла на фронт сестрой милосердия. Выхаживая тифозных больных, заразилась сама, чудом выжила. В 1918 году вышла замуж за Владимира Николаевича Рачинского (репрессирован, погиб в 30-е годы). У Рачинских родилось два сына: Андрей – кандидат технических наук, преподаватель МАДИ, и Сергей, унаследовавший специальность деда.

Сергей Иванович Веревкин скончался 27 января 1927 года. Отпевание состоялось в церкви на Новинском бульваре, а похоронен он на Ваганьковском кладбище рядом с супругой, детьми и внуком Андреем Владимировичем Рачинским.

В один из проездов через Москву мама показала меня, по поводу экземы, знаменитому детскому врачу Нилу Федоровичу Филатову (1847-1902). И он прописал нафталановую мазь, которая мне очень помогла. А до этого в Карлсбаде я один раз так расчесал экзему под коленками, что когда она подсохла – при согнутых ногах, то мне было больно выпрямить их, и пришлось полдня сидеть на стульчике, вместе с которым няня переносила меня вслед за петухом (заинтересовавшим меня).

[Мария Тимофеевна Казакова (урожд. Козлова) родилась еще при крепостном праве, т.е. в 1850-х. Она служила кормилицей несколько раз в семье Ивана Андреевича и Надежды Кронидовны Мотовиловых и в семье каретника (из купцов) Серебренникова. Появилась в нашей семье незадолго до моего рождения, как раз по рекомендации маминого двоюродного брата И.А. Мотовилова.

Очевидно, у нее был негодный муж: после каждого родов М.Т. сдавала своего ребенка в Воспитательный дом, а сама поступала в кормилицы и очень привязывалась к выкормленным ею детям (а позднее – к своим воспитанникам, когда она нанималась как няня). Няня происходила из старообрядческой семьи (крестилась двумя перстами и не любила попов) государственных крестьян, живших в селе Воскресенском на Москве-реке (ныне город Воскресенск). Она была неграмотной, в своем детстве не слышала сказок, но она всех своих воспитанников просила ей читать вслух, так что многие сказки запомнила и потом рассказывала следующим поколениям детей, слышала много из старой русской литературы. Однажды Гома (Г.И. Мотовилов) сказал, что няня, оставаясь неграмотной, в сущности стала интеллигентным человеком.]

Итак, в 1901-03 годах мы ездили из Баку бакинским экспрессом (с вагоном-рестораном, помню, мне обычно давали рябчиков), около 3 суток до Москвы, где останавливались в Лоскутной гостинице*, и затем в Ригу, где ночевали в гостинице (не знаю, всегда ли), но помню, что однажды из гостиницы увидел на улице ломовых лошадей в соломенных шляпах. Из Риги мы ехали до Карлсбада в пригородном поезде, а там до дачи на извозчиках. Мама мне потом говорила, что в поездах я целыми днями смотрел в окно.

Осенью 1903-го мама с детьми переехала в Москву, и я кое-что из жизни в Баку [уже] помню. Соне в Баку было 8-11 лет, и она училась дома. Для этого родители пригласили молодую учительницу (гувернантку) Ольгу Николаевну Тимохович. Она происходила из небогатой офицерской семьи, окончила институт (закрытое женское учебное заведение). Это была первая Сониная учительница немецкого языка.

В результате произношение у моей сестры оказалось испорчено навсегда. Причем еще больше, чем у остальных детей нашей семьи, учившихся у прибалтийских немцев (которые плохо различали звуки «е»: открытое – Vär и закрытое – Meer, Leber, legen).

Помню трех дочерей Николая Ивановича Языкова – Тоню, Веру и Валю, ровесниц Сони, Тани и меня (я тогда не знал, что они были не дочерьми, а падчерицами Языкова) и сына Яроцкого Казю (Казимира), с которыми мы встречались в саду. (Н.И. Языков, 1868-1936, познакомился с Робертом Классоном в 1889-м, будучи студентом Петербургского технологического института, со 2-го курса которого он ушел.

Тоже работал на Охтенских пороховых заводах, а с 1897-го – с Р.Э. Классоном в Москве, с 1900 г. в Баку и с 1906-го – снова в Москве, мастером электротехнической мастерской.)

* В самом начале Тверской, на теперешней Манежной пл. (которой тогда не было), против того места, где теперь гостиница «Москва». – Примеч. И.Р. Классона

Однажды отец взял меня с собой на станцию Биби-Эйбат. Там в котельной Леонид Борисович Красин, что-то демонстрируя отцу, потянул вниз какую-то цепь и потом показал, что руки у него стали черными от сажи. Помню, отец повел меня на пристань и стрелял в цель – плававшие в воде перегоревшие электрические лампочки. Он показал мне примыкавшую к пристани крытую купальню, и меня поразило, что вода в ней была зеленой, а не бесцветной.

Меня первый раз, в три или четыре года, возили в театр – на оперу «Снегурочка». Мама заранее рассказала содержание сказки и о том, что в ней Снегурочка растаяла, а в театре живая певица растаять не может и поэтому она опустится под сцену – провалится. Я вспоминал потом, что считал этот момент самым главным в представлении и поэтому все время ждал, когда же она провалится. Потом вспомнили, что для детей взяли бутерброды и котлеты, мне в антрактах их предлагали, но я отказывался и попросил есть лишь тогда, когда мы в фаэтоне почти уже доехали до дома.

В те годы, в Баку, я задавал иногда оригинальные вопросы. Например, показывая на свои щеки: «А зачем здесь кожа?». Мне объясняли: чтобы разжевываемая пища не вываливалась изо рта! Или: «Когда Христос возносился на небо, его снизу ветром поддувало?» Я видел, что ветер иногда поднимает вверх сухие листья, и вознесение Христа пытался объяснить как естественное [\[\(физическое\)\]](#) явление.

[Уже в Москве, когда мне было четыре или пять лет, мне показали балет «Конек-Горбунок», в нем я больше всего был поражен появлением в первом акте двух живых лошадей. В 1906-09 гг. меня с другими детьми возили на оперы «Черевички» и «Садко» в театре Зимина, на детские представления, кажется, в театре Корша. Также возили и в Художественный театр на «Синюю птицу» и однажды, помнится, в партер на «Ревизора».]

В Карлсбаде мама несколько лет нанимала одну и ту же довольно большую двухэтажную дачу у поляка Каэтана Александровича (забыл его фамилию, его жену звали Магдалина Осиповна), занимавшего какую-то должность в тюрьме в Риге. В Карлсбаде мы жили и летом 1904 г., когда 5 июня старого стиля родился младший ребенок в нашей семье – Павел. У него крестной матерью стала наша сестра Таня, а отцом – Сережа Веревкин, второй сын детского врача.

Каэтан Александрович иногда привлекал подчиненных ему тюремных надзирателей для работы в его довольно большом саду при даче. Наш отец, когда приезжал к нам, в разговоре с мамой называл их «каторжниками», как если бы хозяин дачи эксплуатировал на ней заключенных.

Реконструкция Московской станции (1906-16)

(Технические детали этой реконструкции, сильно повторяющие аналогичные вещи из книги М.О. Каменецкого мы здесь опускаем.)

Первое время жизнь в Москве казалась Классону очень пресной: не происходило землетрясений, нефтяных пожаров, не дул норд, не обваливалась штукатурка, никого из знакомых не похищали, требуя выкупа, кавказские разбойники. Однажды, в этот уже московский период, он проснулся ночью от явного землетрясения и вскочил на ноги. Землетрясение продолжалось, шагнув, он неожиданно наткнулся на зеркало, сделав шаг в другую сторону, наткнулся на второе и, наконец, сообразил, что едет из Москвы в Петербург в казенном (не «международном») вагоне первого класса.

[У отца было очень ясное представление об опасности несчастных случаев. Я только от него узнал, что в поездах надо ехать предпочтительно сидя спиной вперед по движению: при крушениях многие вагоны остаются целыми, но у многих пассажиров оказывается перелом ног ниже колена, когда при резкой остановке едущие сидя лицом вперед по инерции ударяются этим местом ног о противоположную скамейку. Конечно, и других травм оказывается больше у первых пассажиров, чем у последних.]

Отцу постоянно приходилось ездить в Петербург – в правление «Общества 1886 г.», он обычно выбирал международный вагон, один в 2-местном купе, в поезде, который шел около 9-ти (курьерский) или 10-ти часов (скорый), причем ночью, в обычное для сна время, так что приезжал и в Петербург, и в Москву (на обратном пути) хорошо отдохнувшим. Поэтому он считал, что с развитием воздушного сообщения оно вряд ли будет иметь смысл между Москвой и Петербургом, т.к. станет отнимать несколько часов дневного рабочего времени.

Я вспоминал об этих мыслях отца, когда в 1940-х инженеры нашей наладочной бригады на восстанавливаемой Свирской ГЭС не могли достать билетов от Москвы до Ленинграда и взяли билеты на самолет. В результате они 2 дня впустую ездили в аэропорт, оказывалось, что рейсы отменены, и только на третий день смогли улететь. При этом езда в аэропорты и из них отнимала по несколько часов.

При жизни отца еще не было дневных скоростных поездов между Ленинградом и Москвой, но когда я их сейчас вижу, всегда представляю себе, что по затратам дневного времени они почти так же не могут конкурировать с ночными скорыми поездами. Отец, по своему характеру, не боялся бы летать на самолетах, но не летал, т.к. опасался, что от перемены давления у него может случиться сердечный приступ, и он будет совершенно беспомощен – даже не сможет лечь.]

Около 1911 года Классон начал пользоваться прикрепленным к нему лимузином Бенц (№1459, шофер Г.И. Маленков, позже в 1920-х появился бельгийский лимузин Минерва, №2123, шофер Сироткин).

Отец в Москве был членом охотничьего общества, ездил, главным образом, на зимнюю охоту на зайцев, лис и волков. На охоту на уток он изредка отправлялся в Заболотье (имение Армандов) за Сергиевым Посадом. В зиму 1907/08 года, когда выпало много снега, он, становясь на номер (т.е. занимая место перед началом гона обложенного зверя), сошел с лыж и провалился в снег по пояс. И вот в апреле 1908-го на Страстной неделе в Москве произошло небывалое наводнение, набережные оказались затопленными.

Станцию на Раушской набережной, после двух суток круглосуточной работы по установке насосов и эжекторов для откачки воды из ее подвалов, все же затопило, и она оставалась на несколько дней. После спада воды слабо возбужденные генераторы пускались сначала в режиме короткого замыкания для сушки промокшей изоляции (см. стр. 95-96 книги Каменецкого). В одной московской газете малограмотные журналисты написали, что на станции сейчас сушатся машины, а когда они высохнут, то будут сушить энергию!

<...> В 1922 году я побывал в Стокгольме на станции постоянного тока значительной мощности с большими аккумуляторными батареями в центре города.*

«Электропередача» (1911-16)

(Здесь И.Р. Классон давал отмеченные постранично дополнения к книге М.О. Каменецкого.)

Станция «Электропередача» и ее центральный поселок были построены на суходоле у небольшого озера Гозьбуже среди торфяного массива в купленном «Обществом 1886 г.» у купца Полякова в 1912-м за миллион с чем-то рублей имении площадью около 4 300 га в Буньковской волости Богородского уезда Московской губернии. Имение, довольно причудливой формы, примыкало частью своей южной границы к Владимирскому шоссе на его 71-й версте от Москвы.

* Сей эпизод И.Р. Классон вспомнил в связи с сопоставлением систем электроснабжения в Москве (одна система трехфазного тока), Петербурге (у «Общества 1886 г.», немецкого «Гелиоса» и «Бельгийского общества») были разные системы – трехфазного, однофазного и постоянного тока соответственно), а также с тем, что в 1920-х BEWAG (Берлинское акционерное общество электростанций) вынуждено было унифицировать систему электроснабжения в Берлине, и то же самое и примерно в то же время происходило в Лондоне.

Этот район был вторым после Иванова-Вознесенска сосредоточием русской текстильной промышленности. В Орехове-Зуеве работали фабрики наследников Саввы и Викулы Морозовых, в пригороде Богородска Глухове – Арсения Ивановича Морозова, ряд фабрик размещался в Павлове-Посаде и близ него. В Тимкове и других селах и деревнях близ «Электропередачи» работали ткачи-кустари.

В работах по «Электропередаче» участвовали заведующий Московской станцией Н.И. Зауэр – по проекту центрального поселка («в стиле немецкой безвкусицы», как посчитал В.М. Дорошевич во время своей поездки на станцию, см. «Русское слово» от 12 июня 1915 г.), и заведующий Московской кабельной сетью Г.М. Кржижановский, ведавший аквизицией (переговорами с фабрикантами и другими будущими потребителями энергии) и административными вопросами. Он и И.И. Радченко приняли на работу Воровского, Земляницкого*, Аллилуева и других большевиков. После увольнения с началом войны в 1914-м немца Буссе Кржижановский стал коммерческим директором «Электропередачи». С 1913 года в работах участвовал и В.В. Старков, перешедший из Московского трамвая.

Вслед за первой «гостиницей», построенной уже к 1 мая 1912 года, была сооружена вторая такая же – общежитие коридорного плана. После дома правления была окончена постройка соседних домов – в направлении к станции – точно такого же дома заведующего станцией, несколько меньшего дома управляющего торфоразработками (до 1917-го – И.И. Радченко), двух 2-квартирных домов (в одном из них одну квартиру занимали Кржижановский и Старков) и т.д. Одновременно с домами на этой просеке «первой категории» строились дома на параллельных просеках-улицах.

В доме правления, кроме Классона – технического директора «Общества 1886 г.» и «Электропередачи» – во время его отпусков – жил и коммерческий директор обоих обществ Буссе. Заведовал станцией В.С. Пискунов, но уже с осени того же 1912 года – А.В. Винтер а с лета 1916-го – А.А. Сафонцев, затем Б.Н. Смирнов. Преемником И.И. Радченко стал Н.Л. Голованов.

Все дома были рубленые, с герметическими дровяными печами, с водопроводом от артезианской скважины. В.В. Воровский, принятый на временную работу «организовать потребительское общество», писал в ноябре 1913-го В.Д. и В.М. Бонч-Бруевичам: «Дали мне на болоте квартиру из 3-х комнат, с ванной, мебелью и освещением. Дали 100 целковых в месяц...» («Звезда», 1930, №9-10, стр. 243).

Позже выяснилось, что первые дома были построены с нарушением пожарных правил: одноэтажные гостиницы оказались длиннее, чем допускалось для деревянных зданий без брандмауэров, а дома правления и заведующего станцией – трехэтажные, что запрещалось для деревянных зданий.

Электростанция, центральные и торфяные поселки строились с минимальной вырубкой леса. Вдоль улиц посадили лиственные деревья. Позже Винтер так же бережно отнесся к лесу при постройке Шатурской станции, а у Днепровской ГЭС на месте степи создал городсад. Это правило, насколько возможно мало вырубать деревья при городе на лесной территории, было затем радикально забыто. Примером может служить Электросталь, выросшая из поселка завода «Электросталь», основанного Н.А. Второвым в 1916-м у ж.-д. станции Затишье между Богородском и Фрязовым – на энергии «Электропередачи». В течение нескольких десятилетий при росте поселка и затем города Электросталь весь лес на застраиваемой территории вырубался («Новый мир», 1963, №9, стр. 25-27, 40-41).

* Земляницкий Н.А. (Порфирыч) (1872-1935) – в революционном движении с 1890-х годов, член Коммунистической партии с 1902 года. В 1903-м эмигрировал, с осени 1904-го жил в Женеве. В январе 1905 г. был направлен в Петербург. В годы Советской власти работал в химической промышленности.

Классону не нравилось, что на суходоле (т.е. не на торфяном болоте, а на песчаном или глинистом грунте), где строился центральный поселок, земля была покрыта не травой, а вереском, который он любил, но не в саду! Поэтому еще весной 1912-го вереск на суходоле, на большой площади поселка, вырубил, в т.ч. и на не застраиваемой полосе западнее и севернее дома правления.

Неожиданным образом, во время большого лесного и болотного пожара – с 21 по 28 июля ст. стилия 1912 года – на площади суходола, где был вырублен вереск, лес не горел, и постройки не пострадали. Дело в том, что на болоте пожар распространялся по высохшему верхнему слою мха, а на суходоле – по вереску, а уже от него загоралась хвоя сосен и лес погибал.

Московский губернатор В.Ф. Джунковский, опасаясь распространения пожара, сам приезжал на «Электропередачу» и прислал в помощь воинскую часть. Она пришла на центральный поселок не с юга – от 71-й версты, по насыпи вдоль узкоколейки, а с запада, от Светлого озера через девственный торфяной массив. Солдаты шли 4 км по мягкому мху несколько часов, с повторными отдыхами.

Классон ездил в лимузине (что тогда не было принято), никогда в пути не читал (в отличие от Кирпичникова), смотрел и думал. Дорогу он знал наизусть и замечал происходившие изменения в пейзаже. В середине зимы в протоптанном в снегу на шоссе от лошадей, ступавших след в след, образовывались «лестницы» (автомобильное движение по шоссе тогда было очень слабое, а гужевое – большое), так что на автомобилях ехать становилось невозможно. Тогда приходилось добираться по ж.д. до Богородска и оттуда 25 км на лошадях, или же до Павлова-Посада и оттуда около 17 км на лошадях. Обычно, около 25 марта ст. стилия возобновлялось автомобильное сообщение.

В мае 1915-го, во время немецкого погрома в Москве делегация толпы в поисках «спрятанных немцев» продефилировала через машинный зал и котельные Московской электростанции без дальнейших эксцессов: произвели впечатление порядок, чистота, гул работающего оборудования. Вскоре после погрома заведующий станцией Николай Иванович Зауэр перешел на работу в «Обществе 1886 г.» в Петрограде.

Среди ожесточенной кампании против «Электропередачи» «прогрессивной общественности» и ряда московских газет, во главе с «Русским словом» резким диссонансом прозвучал очерк о ней «Немцы и мы» известного писателя, «короля фельетона» и фактического редактора «Русского слова» В.М. Дорошевича – в этой газете 12 июня 1915 г. <...>

Помощник заведующего станцией Е.В. Мухин вспомнил, что за несколько дней до появления очерка его просил показать станцию один из местных фабрикантов, приехавший со спутником, фамилию которого Мухин не расслышал. Такие показы не были редкостью. По-видимому, Дорошевич раньше ни на одной электростанции не был.

Очерк произвел большое впечатление на широкий круг читателей «Русского слова». Это сообщил мне П.Н. Ефимов, который в 1915-м еще никак не был знаком с «Электропередачей».

В 1920-м «Электропередачу» соединили ж.-д. путем колеи 750 мм с Глуховым, откуда можно было пешком дойти до ж.-д. станции Богородск к поездам на Москву. Около 1924 года государственная электростанция «Электропередача» самостоятельно построила ж.-д. путь нормальной, широкой колеи от центрального поселка до ж.-д. станции Павлово-Посад. В один из своих последних приездов за границу для лечения Классон рассказал своему бывшему сослуживцу по «Обществу 1886 г.», швейцарскому банкиру о постройке этой ж.-д. «Электропередачей» за счет ее эксплуатационных расходов. Банкир заявил, что ни одно акционерное общество не могло бы позволить себе такую роскошь.

При путешествии из Электрогорска до Москвы в Павлове-Посаде приходилось пересаживаться на поезда Горьковской линии (и даже снова брать билеты!). Так я ездил в Электрогорск и обратно в 1962-64 годах.*

[Сомнения при редактировании книги М.О. Каменецкого]

Я еще вчера подумал, цитировать ли или даже привести целиком в биографии секретное письмо Ленина И.И. Радченко – ответ на донос Ивана Ивановича на Кирпичникова и Классона. Я пришел к выводу, что раз это письмо Ленина за 1921 год было опубликовано в XX Ленинском сборнике в 1932 году, то я не имею никакого (морального, корректно-биографического, политического, исторического) права умалчивать о нем, «наводить лакировку», бесконфликтность и т.д. Кроме того, это и нецелесообразно. От этой цитаты биография не станет хуже или менее интересной! А пусть издательство попробует вычеркнуть это место!** Если оно рискнет это сделать, то я могу конфликтовать с ним вплоть до ЦК!

Если ЦК решит, что издательство право, то я буду свят, как Елена Прекрасная, которая заявила, что боги видели, как она сопротивлялась, когда ее похищал Парис (при содействии Афродиты)! Если же я сам (по следам Каменецкого) умолчу об этом – уже опубликованном письме (но малоизвестном, т.к. старых Ленинских сборников даже в хороших библиотеках, как Гидроэнергопроектской, нет, а я думаю, что в сочинениях оно не повторялось), то я рискую, что любой мой противник (личный или литературный, хотя бы очередной редактор от издательства) может обвинить меня в искажении истины – замалчивании опубликованного письма Ленина!

И я буду бледным в любом конфликте по любому вопросу биографии, с любым редактором, рецензентом до печати, после выхода книги и т.д.

Одно дело – цитировать почти целиком воспоминания Розы Плехановой «Наши встречи со «знатными путешественниками», умалчивать негативный абзац из них об Р.Э. Классоне и Я.П. Коробко (как это сделал Каменецкий), умалчивать о возмущенном комментарии редактора сборника №3 материалов группы «Освобождение труда» (1925 год) Дейча и ироническом заголовке, который он, вероятно, как редактор сборника, дал воспоминаниям Плехановой, и другое дело – умалчивать об опубликованном письме Ленина!!!]

Софья Ивановна Классон с детьми в Москве в 1903-09 годах

[Осенью 1903 года, когда мне было 4½ года, а Павел еще не родился, мама с детьми переехала (я не помню, вероятно не из Баку, а с дачи в Карлсбаде на Рижском взморье) в Москву.]

* Теперь с Курского вокзала можно доехать до Электрогорска и на прямой электричке.

** Речь идет о письме В.И. Ульянова-Ленина И.И. Радченко от 7 июня 1921 г., которое начиналось так:

Дорогой Иван Иванович! Я вполне понимаю, что Вам больно видеть, как несоветские люди – даже может быть, частью враги советской власти – использовали свое изобретение в целях наживы. Очень верю Вам, что таков Кирпичников. Конечно, и Классон не сторонник наш. Но в том-то и суть, что, как ни законно Ваше чувство возмущения, надо не сделать ошибки, не поддаться ему. Изобретатели – чужие люди, но мы должны использовать их. Лучше дать им перехватить, нажить, цапнуть, – но двинуть и для нас дело, имеющее исключительную важность для РСФСР.

В книге М.О. Каменецкого оно все-таки опубликовано не было!

Зиму 1903/04 года мама и четверо детей с няней жили на Пречистенке – в двухэтажном доме на углу Дурнова (с 1922-го – Барыковского) переулка с паровым отоплением.* В ту зиму у нас жила и учила нас немецкому эстляндская немка из Пернова (Пярну) фройлайн Пелло. После некоторого перерыва она жила у нас еще в 1907-08 годах и уехала от нас около 1908-го или 1909 года, так как вышла замуж за своего перновского знакомого. Она стала фрау Пеет, ее муж работал управляющим имением на острове Даго (ныне Хийумаа). Кажется, в 1913-м она еще раз навестила нас на Садовниках. Это была самая симпатичная из всех наших немок, немцев и француженок. Я помню, как в первый день появления фройлайн у нас я спросил у нее, как по-немецки лошадь, и запомнил – «фэрт» (позже узнал точнее – das Pferd).

В марте 1904-го мне исполнилось пять лет, и помнится, что в ту зиму на Пречистенке я научился читать (по-русски). Тогда же я заболел коклюшем и понимал это так, что есть болезнь «люш», а у меня другая, но похожая – «как люш». Когда мне велели не глотать мокроту, а выплевывать ее, я стал это делать, но – на пол. Тогда мне объяснили, что каждый раз надо подходить к комнатному умывальнику и плевать в него.

Мама возила меня к зубной женщине-врачу. [Я впервые услышал, что неприлично девочкам при мальчиках быть голыми (Соня и Таня что-то об этом восклицали, когда я вошел к ним в комнату). В Карлсбаде у нас были знакомые девочки Киселевы, и одна из них меня немного интересовала, но не волновала.]

В ту зиму началась Русско-японская война. Взрослые говорили о ней.

Мы сначала с няней, а потом с фройлайн Пелло гуляли по Пречистенке, и я запомнил, что в аптеке на витрине были выставлены стеклянные шары с красной и синей жидкостью. По Пречистенке ходила конка. Перед подъемом от Пречистенских ворот в конку впереди основной пары лошадей впрягалась еще добавочная, с фореитором на одной из них.

При сильных морозах на мостовой у Пречистенских ворот жгли костры, у которых грелись в перерывах между прохождением конок фореиторы (дрова, очевидно, завозились организованно!).

Соне на Пречистенке было 11 лет. Мне помнится, что мама сняла квартиру именно на Пречистенке, так как сама в юности училась в последних классах пансиона мадам Констан и, кажется, хотела отдать туда одиннадцатилетнюю Соню. Но я не помню, состоялось ли это. Помню лишь, что Соня, начиная с какого-то года, училась в «министерской» (то есть 8-классной) гимназии Алферовой в 7-м Ростовском переулке, считавшейся лучшей в Москве. Здесь она дружила с Лилей Штраух.

[Отец Лили, ее сестры Бибы и брата Максима (Маки) Штраухов был известным в Москве гинекологом. Он и его жена рано умерли, у двух дочерей и сына Максима (на год старше меня) были опекуны – московские немцы. Дети жили с воспитательницей в хорошей квартире на Чистых прудах. Сестры брали меня раза два к Штраухам приблизительно в 1907 году, когда я пытался писать рукописный журнал. Маки Штраух издавал журналы тематические, причем за плату, что меня очень поразило.

* Паровое отопление сооружалось в 1880-90 годах, оно почти не поддается регулированию. Поэтому затем при строительстве домов стали вводить водяное центральное отопление, которое многие по безграмотности [тоже] называют паровым. – Примеч. И.Р. Классона

Там же, в гимназии Алферовой училась какое-то время и Таня, вместе с дочерью Руперти, известного среди текстильных фабрикантов. * Наш отец, услышав фамилию Таниной подруги, сообщил: ее отец получал большое жалование от объединения текстильных фабрикантов за то, что он следил за биржевыми ценами и только раз в год «подымал палец» в знак того, что именно теперь надо покупать годовой запас хлопка (по цене близкой к минимальной, хлопок тогда почти весь импортировался).

В этой же гимназии с 1912 г. училась и Катя. С ней учились дочь фабриканта Шустова; одна из дочерей Шаляпина в его московской семье; дочь фабриканта Кувшинникова (впоследствии жена старого гидэп'овца – энергетика Василия Ивановича Воздвиженского); Таня Левицкая – позже жена профессора английского языка Морозова и сама профессор Института иностранных языков им. Тореза, в котором в 1950-х учился Катин сын Шура; Воронец (из этой семьи происходит нынешняя певица).

Начальница гимназии Александра Самсоновна Алферова преподавала математику, а ее муж Александр Данилович – историю и русскую литературу.]

[У меня, к сожалению, нет данных, и я не помню точно о годах учебы Сони и Тани. Примерно в 1904 г. Соня (двенадцати лет) поступила в 3-й класс Алферовской гимназии, в 1910 г. (семнадцати с половиной лет) кончила 8-й класс и гимназию, а осенью 1911 г. поступила на юридическое отделение Высших женских курсов (но не так называемых Герье, а других, где-то у Никитских ворот **), хотя тогда женщины ни к какой юридической деятельности не допускались. В Выборге, помню, она рассказывала, что в высших учебных заведениях экзаменаторы не говорят «вы выучили», а – «вы хорошо прочли» и тому подобное.

Для поступления именно на юридические курсы Соня должна была сдать экзамены экстерном на аттестат зрелости мужской гимназии. Катя помнит, что Соня эти экзамены сдала. Вероятно, она для этого пропустила 1910/11 учебный год между окончанием гимназии и поступлением на курсы.

Таня, я думаю, в 1907 г. (почти одиннадцати лет) поступила в Алферовскую гимназию во 2-й класс, в Гельсингфорсе зимой 1910/11 г. училась в 5-м, в Выборге в 6-м, кончила в Москве 8-й класс и гимназию в 1914 г. Я в эту зиму ходил на ученический спектакль в ее гимназии и помню, что она была восьмиклассницей. Затем она поступила на исторический факультет Московских высших женских курсов, которые окончила, вероятно, в 1918 г. Она прошла какие-то курсы экскурсоводов по Кремлю и в 1918-19 гг. водила экскурсии, в том числе для бывших австрийских и немецких военнопленных, возвращавшихся домой через Москву.]

Зиму 1904/05 года мы жили в доме графа Шереметева в Шереметьевском переулке (ул. Грановского, дом №1/8 на углу с Воздвиженкой, П-образный в плане), в квартире в правом крыле. Поднимались в квартиру на гидравлическом подъемнике. Мама считала ее самой сырой и нездоровой. В эту зиму я услышал об убийстве московского генерал-губернатора, дяди Николая II, великого князя Сергея Александровича эсером Каляевым, бросившим бомбу.

На стене у нас висела карта военных действий с Японией. Катя слышала, что взрослые перед картой говорили о Корее, и однажды подошла к карте и, водя по ней рукой, сказала: «варенье, варенье, везде варенье». А я этой зимой научился считать до ста.

* Руперти Эдгар(д) Александрович, директор правления промышленного и торгового товарищества «Владимир Алексеев», эмигрировал после 1917-го.

** Высшие женские курсы в Москве находились в здании Политехнического музея (руководил ими проф. Университета Владимир Иванович Герье) и при 3-й мужской гимназии (ул. Б. Лубянка, д. 12 – историческое здание XVIII в. было снесено большевиками для сооружения дома «Динамо»), известные как Лубянские (заведовал курсами директор гимназии Лукьян Осипович Лавровский).

Ранней весной 1905-го Катя заболела скарлатиной. На время тогдашнего карантина – шесть недель – Штраухи приютили Соню, так что она продолжала учиться в гимназии. А для Тани и меня мама срочно пригласила (м.б. телеграммой) Ольгу Николаевну Тимохович. И мы с ней поселились в гостинице «Боярский двор»*, эту гостиницу маме рекомендовала ее старая знакомая Анна Павловна Цветкова. Мама еще кормила грудью Павла и оставила его с няней при себе, только перед каждым кормлением дезинфицировала себя и переодевалась. В «Боярском дворе» мы познакомились с работавшим в гостинице мальчиком (не помню, был ли он лифтером или кем еще). Ольга Николаевна услышала от служащих гостиницы, что в ней остановился Максим Горький (тогда я впервые услышал и запомнил это имя), а несколько позже узнала о том, что Горький обратил внимание на того самого мальчика и позаботился о его дальнейшей судьбе.

Лето 1905-го было последнее, что мы провели в Карлсбаде. К нам приезжал отец и впервые учил Соню и меня грести на лодке на реке Аа (этот нижний левый приток Даугавы перед впадением в нее течет почти параллельно морскому побережью, за нешироким сосновым лесом).** Я думаю, что как раз в это лето Тане в Риге делали операцию аппендицита, причем шов хирург несколько дней не зашивал, чтобы выходил гной. За Таней перед операцией приехали по железной дороге в Карлсбад два санитары с корзиной-носилками (санитарных автомобилей еще не было, правда, в Москве ездили конные кареты скорой помощи).

В 1904-м или 1905-м в Карлсбаде у нас гостила бабушка Анна Карловна со своей киевской внучкой Валей (Валерией Петровной Александровой), примерно ровесницей Сони [скорее, в 1902-м, см. фото]. У нас сохранились групповые фотографии, в том числе с бабушкой и Валей. Фотографировала (большим аппаратом на треноге, с матовым стеклом для видоискателя и выдержкой) мама, которая научилась этому еще в Баку.

«Бабушка Классон, Соня, Ваня, Таня и я (Валерия). Карлсбад 1902»

* Здание «Боярского двора», судя по стилю – модерн с облицовкой плитками, было незадолго до того построено в Китай-городе. Китай-город тогда был еще обнесен стеной с Никольскими, Ильинскими и Варварскими воротами. – Примеч. И.Р. Классона

Бывший дом «Московского общества страхования от огня» и гостиница «Боярский двор» (1901 г., архитектор Ф.О. Шехтель) расположены по адресу: Старая площадь: д. 8/5 (или Никитников переулок, 5/8).

** «Чуть ниже моста в Даугаву впадает р. Булльупе. В начале XX в. ее устье раздваивалось. Новое устье, ближе к Болдерае, расширили и углубили, образовался канал Лочу длиной 1 км. Между обеими протоками – островок, называемый Милестибас (Любви). Булльупе – это старое русло Лиелупе, которая до конца XVII в. была притоком Даугавы, впадая в нее примерно в районе нынешнего Милгрависа, и называлась Болдераа. Это название (р. Аа, или Болдераа) сохранялось долго».

(boldes.ucoz.ru/publ/odin_den_v_okrestnostjakh_rigi_anna_zarinja/2-1-0-118)

Зиму 1905/06 года мама с нами жила в большой квартире на пятом этаже в доме Страхового общества «Жизнь» на Моховой, в котором потом, в советское время была приемная М.И. Калинина. Отец в ту зиму еще работал в Баку, но был у нас проездом в Москве, когда мы сидели вечерами при свечах.

Это были дни всеобщей забастовки 1905-го, и Раушская электростанция тоже бастовала. Что отец действительно в те дни был в Москве, следует из того, как мама позже вспоминала: идя по улице, они слышали слова студентов, после обнародования манифеста 17 октября, какой это большой успех (вскоре, правда, пришлось разочароваться в нем!).

Вечером после похорон Баумана мама и няня видели из окна охотнорядских мясников с ножами, готовившихся напасть на возвращавшуюся с кладбища процессию.*

В декабре 1905-го я болел брюшным тифом. Помню, как мама из северной комнаты, где я лежал, видела зарево пожара над Пресней.

Лето 1906-го мы жили на даче в Териоках, точнее в Келомяках, в Финляндии.** У нас была там или приезжала О.Н. Тимохович. Помню, к нам приезжал отец и однажды обсуждал с мамой газетную публикацию, как группа кутивших офицеров приказала высечь женщину, презрительно о них отозвавшуюся. Однажды нам стало известно, что в Териоках черносотенец убил члена Государственной думы, сторонника аграрной реформы кадета Герценштейна.***

Мамина подруга Елена Ивановна Климчицкая однажды везла в Петербург отпечатанное Выборгское воззвание (вероятно, часть тиража), но не рискнула сразу ехать с ним (или со всем тиражом) и спрятала его на время у нас на даче, потом еще заезжала.****

В августе 1906-го отец переехал из Баку на работу в Москву и получил большую служебную квартиру на втором этаже дома №11 на Садовниках плюс две комнаты с ванной на третьем этаже. Из Териок мы приехали уже в эту квартиру.

Отец учил меня чертить на ватмане, на чертежной доске с рейсшиной (мне это пришлось при поступлении в 1911-м в 3-й класс реального училища в Выборге).

Родители пригласили художника Сорохтина давать Соне уроки рисования. Позже он учил рисованию и меня, а потом чистописанию – я отвратительно писал.*****

Вскоре родители купили пианино и пригласили учительницу БERTY Юльевну – для всех нас кроме маленького Павла. Из этого ничего не вышло, и года через три уроки музыки всем, кроме Кати, отменили.

* Похороны революционера Н.Э. Баумана на Ваганьковском кладбище, с прохождением процессии от Технического училища через центр, состоялись 20 октября 1905 г.

** Куоккала, Келомяки, Териоки – дачная местность близ Петербурга, но тогда была в Финляндии. В Териоках постоянно жил Репин. Дачи были там у Л.Б. Красина, Н.И. Зауэра, Э.Р. Ульмана. – Примеч. И.Р. Классона

*** «Убийство Герценштейна (профессора, члена первой Думы) в Финляндии, затем Иоллоса (тоже члена первой Думы) в Москве, некоторые мелкие убийства в политическом смысле, затем покушения на меня – все это сделано Союзом русского народа при участии и попустительстве агентов полиции и правительства вообще». – С.Ю. Витте. Воспоминания

**** После роспуска Николаем II 8 июля 1906 г. I Государственной думы две сотни ее депутатов (преимущественно кадеты) на заседании в Выборге призвали крестьян к пассивному сопротивлению царскому правительству – не платить податей и налогов, не являться по призыву на военную службу. В материалах Департамента полиции упоминаются подозрительные сношения в 1891 г. Я.П. Коробко, соученика и друга Р.Э. Классона, с «дворянкой Еленой Ивановой Климчицкой» (ф. 102 ГАРФ). Однако «специальное дело» на учительницу Е.А. Климчицкую за 1899 г. утрачено, поэтому нам, к сожалению, больше нечего добавить о подруге С.И. Классон. – Примеч. М.И. Классона

***** Николай Павлович Сорохтин, потомственный дворянин, в конце 80-х годов XIX века его картины имели успех на московских художественных выставках. В 1894 г. Н.П. Сорохтин наладил собственное гончарное производство, подражая образцам древнерусской керамики. В 1895 г. учредил фарфоровый завод Всехсвятского Товарищества гончарных изделий.

Большого добила фройлайн Пелло. Она села за пианино, поставила Таню, Катю и меня рядом и стала аккомпанировать по песеннику – «Дети, в школу собирайтесь», «Раз в крещенский вечерок девушки гадали» и напевать, а нам велела подпевать. При крайне слабом музыкальном слухе у всех нас все-таки что-то получалось.

Не помню, от кого я слышал «Чижик, чижик, где ты был?», но мне удалось самому подобрать на пианино этот мотив (его в песеннике не было). С тех пор я все-таки запомнил несколько мелодий, хотя воспроизводил их с трудом и, зачастую, фальшивя.

В 1907-м отец получил известие о смерти его младшей сестры Эллы, а потом нам прислали из Киева настенную нотницу, собственноручно художественно расписанную тетей Эллой по шелку. Она висела у нас рядом с пианино в гостиной.*

Отец решил приучить нас к простейшей гимнастике на снарядах. В детской поставили деревянный портал с подвешенными трапецией, кольцами, канатом и шестом. Отец в тот год вместе с Кирпичниковым и еще кем-то из сослуживцев брал уроки фехтования у одного француза. Он же, француз, показал нам один раз простые упражнения на кольцах, трапеции и лазание по канату. На одних руках, как француз, я не мог, но забираться по канату на руках с ногами научился быстро.

Кажется в 1908-м, мама пригласила для нас учительницу танцев – молодую балерину Большого театра по фамилии Дума, с тапером. Когда мы немного научились более легким танцам и даже кое-как вальсу и мазурке, мама стала устраивать у нас вечеринки, на которых бывали семья Ивана Андреевича Мотовилова и сестры Пятницкие. Кавалеров явно не хватало, и мама попросила фройлайн Пелло раздобыть их. Она через какое-то время, через эстляндское землячество или просто через общих знакомых, пригласила троих или четверых молодых немцев или эстонцев.

Кроме танцевальных вечеринок родители устраивали даже маскарад – в костюмах, но без масок. На нем Соня танцевала со мной неаполитанский танец тарантеллу. Неожиданно появились два кавалера в масках, очень активных, которых никто не узнал. Они оказались Н.И. Зауэром, с третьего этажа, и И.П. Чулковым, врачом электростанции, до того не замеченным в наличии юмора.

Соня в те годы дружила почему-то уже не с Лилей Штраух, а с другой одноклассницей – Толкачевской, довольно некрасивой, которую совсем не ценили братья Андрей и Георгий Мотовиловы. Таня тогда тоже училась в гимназии Алферовой. В ее классе оказалась сестра Лили Штраух – Биба. Она стала на несколько лет ближайшей Таниной подругой. В те же первые наши годы на Садовниках меня познакомили с Макой Штраухом (он был на год моложе меня). Мы несколько раз встретились у нас и у них, я познакомился с его системой издания платных рукописных журналов, но дружбы у нас не получилось. Дети Штраухи были сиротами. Их воспитывала и вела хозяйство пожилая воспитательница. Финансами ведали их опекуны.

Осень 1907-го мама с Соней провели в Санкт-Блазиене (Шварцвальд, Германия). Мама лечилась [от головных болей], а дочь взяла для компании и чтобы она побывала за границей. Соне потом пришлось с трудом догонять пропущенное учение в гимназии.

Летом же 1907-го мы отдыхали в Ловизе – небольшом приморском городе со шведским населением (по национальности), восточнее Гельсингфорса. То лето фройлайн Пелло у нас не было – была другая немка, фройлайн Адэле.

* Здесь – красивый чехол для хранения нот.

Из Ловизы мы с другими дачниками плавали на парходике на экскурсию на водопад Аберфорс. Когда же к нам приехал отец, то повторили с ним эту экскурсию, уже только своей семьей. Кроме водопада осмотрели большой лесопильный завод (работавший очевидно на энергии реки). Видели, как один рабочий с помощью механического молота делал из раскаленных железных прутиков гвозди. Инженер, показывавший нам завод, не знал русского и немецкого, и отец говорил с ним по-английски. Я тогда впервые узнал, что отец владеет этим языком. Из Ловизы родители с Соней, Таней и мною съездили в Гельсингфорс. Мы осмотрели город, музеи, парки, жили в гостинице.

Лето 1908-го мы провели в Меррикюле (близ Нарвы) – большом дачном месте, в имении барона Тизенгаузена. По утрам дети дачников на лужайке делали гимнастику под руководством детского врача Унгерн-Штернберга.* Мне очень нравилась красивая девочка, хорошая гимнастка Эрна Бранд из петербургской немецкой семьи. Однажды она наехала велосипедом на Катю.

У нас жили Александра Карловна Шлезингер, бывшая Сонины учительница и вернувшаяся к нам еще осенью 1907-го, после перерыва, фройлайн Пелло. В Меррикюле она утрясала различные вопросы с управляющим. Лето было дождливым, и я много болел инфлуэнциями. Лечил меня тот же детский врач Унгерн-Штернберг.

А.К. Шлезингер была очень дружна с Софьей (Софья называла ее – «сокровище»), вместе с ней служила в 1918-20 гг. в Отделе металла ВСНХ. В 1930-х, уже пенсионеркой (пенсии были тогда грошовые, например, 5 руб./мес.), бывала у [моей сестры] Екатерины в Телеграфном переулке. Вероятно, умерла во время войны.

К нам однажды приезжал отец. Он с мамой ездил в Выборг – помочь ей выбрать и купить участок для постройки собственной дачи. Мама использовала для этого свою долю наследства от ее отца Ивана Егоровича Мотовилова. И купила участок в Лиханьеми (40 минут на парходе от Выборга) площадью 2,6 гектара на берегу моря с сосновым лесом на холме.** После чего заключила договор с подрядчиком Павилайненом на постройку к весне 1909-го рубленого дома с восемью комнатами, водопроводом от скважины (которую предстояло пробурить) с ручным насосом, избушкой дворника, пристанью для малых парходов.

Зимой 1908/09 года в Москве мне сделали операцию по удалению аденоидов носоглоточной железы. Выполнял ее хирург Зак из Серпуховской больницы. В спальне отца, как самой светлой и не загроможденной комнате, фельдшер электростанции А.Н. Ефремов сел на стул, посадил меня к себе на колени и крепко держал за руки. Мне велели открыть рот, и хирург ловким движением инструмента моментально отхватил удаляемое и выбросил в таз это подобие губки. Мама попросила осмотреть нос нашей няни, и хирург предложил тут же удалить у нее полипы. Няня согласилась. Я сидел в сторонке и не видел операции. Но слышал, как няня несколько минут стонала от боли и призывала господина Иисуса Христа, Матерь Божию и святых. А кто-то из взрослых, совершенно зря, приводил няне в пример, что я даже не крикнул – но эти операции весьма различаются.

* Сего персонажа атрибутировать не удалось, однако понятно, что он происходил из известного рода остзейских баронов Унгерн-Штернбергов.

** Лиханиеми (фин. Lihaniemi) – полуостров на северо-западе России, на территории Выборгского района Ленинградской области. Расположен в северной части Выборгского залива. Полуостров разделяет Тихую и Медянскую бухты. Самая северная точка – мыс Южное Копье. Также на полуострове находятся мысы Дубовый, Уступ, Зиминский и др. Рельеф полуострова преимущественно равнинный. Высочайшая точка 35 м. Рядом с полуостровом глубины залива до 15 м. В полуостров врезаются бухты Большая Заводь, Карповая и Самоланлахти. Вдоль полуострова расположено много островов, крупнейший из которых Стекланный. – Из Интернета

Во время советско-финской «зимней» войны 1939-40 г. здесь шли ожесточенные бои, так что вряд ли что-нибудь сохранилось от «рубленого, т.е. деревянного, дома с 8-ю комнатами». – Примеч. М.И. Классона

Весной 1909-го в Москве я заболел скарлатиной, и мама поселилась со мной и домработницей в двух наших комнатах на третьем этаже. Для общения со вторым этажом был установлен местный телефон. По указанию врача Веревкина мама каждый день доводила до кипения в пробирке пробу мочи, чтобы сразу обнаружить [возможное] осложнение на почки. Я болел легко, но со свойственной мне мнительностью постоянно себя ощущивал и, между прочим, обнаружил асимметрию на кости подбородка.

Однажды я услышал разговор мамы с отцом по телефону. Он позвонил ей, чтобы попрощаться перед его отъездом в отпуск. Мама говорила очень волнуясь и обругала отца. Я это запомнил, но тогда ничего не понял.

После окончания тогдашнего шестинедельного карантина, чтобы вернее избежать заражения остальных детей, мама поехала со мной прямо с третьего этажа дома на Садовниках на Николаевский вокзал и поездом через Петербург в Выборг.

Там мы прожили несколько дней в гостинице, в южной части города. Увидев Выборгский замок, мама сообщила, что раньше в нем сидел в заключении Леонид Борисович Красин. Я его помнил по Баку.

Мама закупала мебель, посуду и тому подобное для дачи. В этом ей помогала фру Хенриксон – вдова, владелица пансиона в Выборге, очень старательная и добросовестная, но ужасно говорившая по-немецки. Дача была еще не совсем достроена. Один раз мы съездили на нее вместе с подрядчиком, его архитектором и переводчиком, чтобы решить какие-то спорные вопросы. По-видимому, подрядчик все-таки маму обсчитал.

Меня очень поразило, что пришедший в гостиницу наниматься к нам на дачу дворник, пожилой и слабоватый мужчина Эмиль Бергман, договорившись с мамой обо всем устно, потребовал заключения договора. Последний тут же был написан, а в качестве свидетелей пригласили двух гостиничных официантов (тогда говорили – лакеев).

В договоре был пункт, что он расторгается без предупреждения при нарушении его условий дворником, например, в случае его пьянства.

Вскоре мы переехали на дачу в Лиханьеми. Жена дворника Мина – сильная и очень работающая женщина – стала служить у нас кухаркой. Няня с остальными детьми и горничной приехала несколькими днями позже. Помню, что читал тогда на веранде «Хижину дяди Тома».

Вообще я впервые начал читать сам для себя, кажется, на балконе московской квартиры, когда он еще не был перестроен в спальню отца – может быть весной 1907-го, а летом 1907-го в Ловизе читал «Тома Сойера». То есть, если память мне не изменила, я начал читать для собственного удовольствия в восемь лет.

Вскоре после приезда няни с детьми в Лиханьеми среди ночи я, при открытой двери в соседнюю комнату, услышал, что мама рассказывает няне, как отец еще в первые годы службы в Баку изменял ей с одной сотрудницей, а потом с женой одного нефтяника (тогда я понял, что это было главной причиной переезда мамы с детьми в 1903-м в Москву), а в 1906-м, перед воссоединением с семьей в Москве, отец обещал «вести себя хорошо», но выдержал только два года, причем об этой, новой измене многие знают. (В 1918-м он с Евгенией Николаевной на балконе дома на «Электропередаче» при мне вспоминал десять лет совместной жизни. Отец тогда пояснил, что познакомился с Евгенией Николаевной в 1908-м).

Отец навестил нас летом 1909-го. Помню, мы сидели с ним в саду, а мама не показывалась, отец послал к ней Соню. Все же [их] встреча состоялась. Мы поплавали с ним на нашей лодке к ближайшим островам (обычно мы плавали с дворником Эмилем). Тогда отец сказал нам, что мы зря боимся подводных камней и не боимся пересаживаться, чтобы грести по очереди. Потому что пересадки в открытой воде очень опасны, так как лодка может опрокинуться, а никто из нас плавать не умел.

Отец тогда посоветовал не лить помои в выгребную яму, а сыпать в нее сухой торф. Мама завела на нашем участке небольшой огород и ягодник. Так что мы, дети, впервые увидели, как растет садовая земляника (мама нам сказала, что неправильно называть ее клубникой. Об этом я позже прочитал в книжках по садоводству!), малина и овощи. Эмиль прорежал на участке молодую сосновую поросль.

Может быть, во второе лето в Лиханьеми (в 1910-м) мама пригласила на время молодого, но опытного садовника. Он с несколькими рабочими из местных крестьян с ломами и лопатами сделал перед домом садовую площадку, свободную от валунов, но окаймленную невысокой стенкой из этих валунов, и посадил несколько кленов и лип.

Осенью 1909-го мы надолго задержались в Лиханьеми. Маме трудно было решиться ехать в Москву и делать вид, что все в порядке. [{Все же, Софья Ивановна решилась на этот переезд.}](#)

В Москве она несколько дней не выходила из своей комнаты. Однажды вечером мама, одетая для улицы, пришла в «игральную» (детскую дневную комнату) проститься с нами, так как она уезжала.

Таня и Катя почему-то легко попрощались, а я понял, что мама уезжает совсем, заревел и не прощался, а не пускал маму. Мама этого не выдержала и сказала, что не уедет. Папа должен был отвезти маму на Николаевский вокзал, уже наняли извозчика. Они все же поехали, но взяли и меня. Я успокоился, когда мы, сойдя с пролетки у вокзала и немного побродив, снова сели в пролетку и вернулись домой.

Мама вскоре уехала лечиться за границу – в Сан-Ремо и Бордигеру на итальянской Ривьере и в Берн в Швейцарии. Мама нам писала, одно время я по ее просьбе заклеивал и относил в почтовый ящик бандероли с «Русскими ведомостями» для отправки ей за границу. Весной 1910-го мама из-за границы приехала прямо в Лиханьеми, а дети с няней – из Москвы.

Незадолго до отъезда мы играли во дворе с девочками Языковыми, но они вдруг перестали показываться, т.к. заболели корью. Мы, четверо, успели от них заразиться и, по приезде на дачу, все, с разницей в несколько дней, заболели.

А Соня с нами еще не ехала и заболела корью в Москве. Она приехала потом в Лиханьеми с молодой медицинской сестрой (Евгенией Дмитриевной Дмитриевой), которая за ней ухаживала во время болезни. Мама привезла из Швейцарии (без пошлины) часы Тане и мне – тогда еще не наручные часы, а для ношения на шнурке или цепочке в кармане.

У нас гостили летом 1909-го Александра Карловна [\[Шлезингер\]](#) и летом 1910-го Вера Николаевна Пятницкая. В то же лето 1910 года была бойкая, средних лет французская учительница. Я помню мелодию и слова французской песни о Мальбруке, т.е. об английском полководце герцоге Марлборо, которую она часто напевала.*

Семья с мамой в 1910-12 годах в Гельсингфорсе и Выборге [\[и после ее смерти\]](#)

Мама сказала нам в Лиханьеми, весной 1910-го о согласованном с отцом решении, что она с нами поселится на зимы вне Москвы, упомянула о мнении отца, что она на детей хорошо влияет. Соня (ей было почти восемнадцать лет) решила остаться в Москве с отцом. У мамы возникла мысль о Ярославле, где жила ее старая подруга Анна Павловна Цветкова. Мама съездила из Лиханьеми в Ярославль, вернулась разочарованной и выбрала Гельсингфорс, где были русские казенные мужская и женская гимназии и жила одна, знакомая маме с 1880-х, старая русская семья. Петербургский вариант не рассматривался, так как тамошний климат и, особенно, водопроводная вода считались вредными для здоровья.

* «Мальбрук в поход собрался...».

Осенью 1910-го мы переехали в Гельсингфорс, а няня съездила в Москву отобрать наши вещи для отправки в Гельсингфорс. Там мы несколько дней прожили в гостинице. Павлу было шесть лет, в ресторане при гостинице ему впервые стали давать общую для всех еду. До этого его кормили только жидкими или протертыми кушаньями, т.к. иначе он давился.

Мы жили в ту зиму у самого Брунспарка. Таня училась в гимназии. Мама нашла ту, знакомую ей русскую семью и, рассчитывая, что мы проживем в Гельсингфорсе несколько лет, пригласила их старшую сестру Милицу давать уроки шведского языка – маме, Тане и мне.

Я с тех пор помню наизусть по-шведски первую страницу начальной книги для чтения. Сыновья той же семьи – ученики старших классов русской гимназии рекомендовали для моего обучения за второй класс гимназиста-репетитора, молодого человека Сеню.

Мама сама учила меня Закону Божию, а кроме того с Таней, Катей и со мною читала по вечерам по-французски и еще для развлечения младших читала вслух по-русски детские французские книжки, главным образом мадам де Сегюр.

А я добровольно за зиму прочел курс физики Цингера – Танин учебник, вероятно 5-го класса, причем я еще совершенно не знал алгебры и не понимал формул и уравнений, написанных латинскими буквами, а все остальное усвоил с большим интересом. Мама выписала из Петербурга несколько томов Диккенса, и я тогда с интересом прочел «Дэвида Копперфильда» и «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Немецкому языку меня учил немец из Германии Райнхард Вайкерт – очень основательно по учебнику с грамматикой, склонениями, исключениями, спряжениями правильных и неправильных глаголов и т.д. Я до сих пор помню, как особенно склоняется слово *das Herz* (сердце).

Он совершенно не знал русского языка, очевидно не нужного ему в Финляндии. Однажды мама услышала, как он объясняет мне что-то по синтаксису, а я никак не могу понять, что такое *der Satz*. Мама вошла и сказала, что это – «предложение». Учитель не был ярым сторонником модной тогда системы Берлица – учить иностранному языку разговором, чтением, письмом, но абсолютно без перевода, даже отдельных слов, на родной язык.* Поэтому он согласился, что такие отвлеченные понятия, как «предложение», учителю лучше всего переводить ученику (или последнему пользоваться словарем!).

Павел в Гельсингфорсе учился французскому языку у пожилой француженки, тоже не знавшей русского, казалось, успешно: он мог рассказывать наизусть по-французски, что изображено на картинках в любимом в нашей семье учебнике «Алэс». Но он, показывая на индюка на картинке «*La basse-cour*» («птичий двор»), сказал: «*le dindon fait la roue*» и на вопрос, что это значит, ответил: «индюк». То есть Павел не понимал, что это целое предложение: «индюк распускает хвост колесом». Вынужденная система Берлица у нас в семье не привилась. Француженка говорила Павлу: *Pauvre enfant, comme on à mal appris!* [(Бедный ребенок, как ты плохо учишься!)].

Кухарка у нас была местная. От нее в нашу семью вошли такие блюда, как пирог с клюквой, с ревенем, кисель из ревеня.**

Катя и я каждый день гуляли в Брунспарке, зимой катались на санках, но долго не решались спуститься (или подняться) по скалистому обрыву над дорогой у морского берега. Однажды, уже весной, мы с Катей все же совершили это «восхождение», надев, чтобы не поскользнуться в опасных местах, галоши.

* Максимилиан Берлиц (1852-1921), немецкий и американский лингвист и педагог.

** Ревень «переехал» затем на садовый участок от Гидроэнергопроекта в Алабушеве, где он выращивался и варился на кисель в 1950-80-х. – Примеч. М.И. Классона

Когда в 1924-м проездом из Котки я был в Хельсинки (б. Гельсингфорсе), то пешком из центра города очень быстро дошел до Брунспарка и до скалистого обрыва, и он теперь показался мне – снизу – вдвое: и ниже и легче для подъема, чем тогда!

Ту зиму в Гельсингфорсе я часто простужался. Мама показала меня хорошему врачу, и он сказал, что мне вреден местный климат, еще более сырой, чем петербургский. Климат Выборга он считал более подходящим для меня.

Весной 1911-го мама договорилась с молодой учительницей шведской гимнастики, финкой по имени Айно – пригласила ее на лето в Лиханьеми для занятий с нами. Той же весной Соня навестила бабушку Анну Карловну в Киеве. Там она познакомилась с молодым человеком по фамилии Бланк, и он на короткое время приезжал в то лето 1911-го в Лиханьеми. Он страдал дальтонизмом (листья и ягоды земляники видел в одном цвете). Я тогда впервые узнал о дальтонизме.

Летом 1911 года мама выяснила, что в Выборге нет русской мужской гимназии, а есть реальное училище. Окончание гимназии давало право поступления на любой факультет университетов и во все высшие технические институты. В реальных училищах не преподавали латинский язык, последним классом был не 8-й, как в гимназиях, а 7-й, но окончившие их могли поступать только в технические институты. Все это мне объяснили и поставили вопрос, хочу ли я учиться в гимназии, чтобы потом решать, поступать ли в университет или технический институт (раньше этот вопрос не возникал!). Теперь я охотно согласился учиться в реальном, так как считал себя в будущем инженером, как отец, а не врачом, юристом, учителем или ученым. Так окончательно решилось, что мы поселяемся в Выборге.

Мама неделю возила меня на пароходе в Выборг на вступительные экзамены в 3-й класс реального училища. Самым строгим экзаменатором считался учитель рисования – армянин Нерсесьянц.

Во время экзамена – несколько учеников сдавали переэкзаменовки – учитель неоднократно смотрел мой рисунок, поправлял его, и, когда я вышел к маме, она спросила, выдержал ли я. Я ответил: думаю, что да. Но она попросила швейцара пойти узнать результат. Он быстро вернулся и сказал: «Лучше всех – три с минусом!». Была еще одна тройка с двумя минусами, а остальные переэкзаменовщики получили двойки, потом, впрочем, исправили их.

Рискованным для меня был и экзамен по Закону Божию. Я хорошо знал «Священную историю» и все полагавшиеся молитвы, но, по чьей-то ошибке – кроме утренней, вечерней и «к ангелу-хранителю». А поп спросил именно их. Он сам сообщил мне и результат: по «Священной истории» – 4, по молитвам – 2, в среднем – 3.

В середине августа старого стиля (16 августа бывал молебен перед учением, а 17-го, если этот день не был воскресеньем, начинались занятия) мы переехали на городскую квартиру в новом пятиэтажном доме Москвина на рыночной площади в десяти минутах ходьбы от женской гимназии и от реального училища.^{*} Вскоре для уроков мне и Тане пригласили учителя немецкого Иоханна Вайкерта – брата гельсингфорского немца, моложе его, бритого, щеголеватого и ярого сторонника системы Берлица.

^{*} Бывший дом купца Ф. Москвина построен в 1907 г. по проекту Пааво Уотила. Это здание считается наиболее интересным в архитектурном отношении из сооружений, окружающих Красную площадь. Дом стал известным из-за венчающих его башен, которые, как полагают, были навеяны архитектурой Любека.

Еще ранней осенью нас в Выборге навесит отец. Он остановился в гостинице Бельведер, там мы с ним повидались в его номере. Мама с ним не встречалась. В гостинице на стене главной лестницы виднелась надпись, что в этом здании в 1906 году было принято Выборгское воззвание.* Царское правительство вело себя в Финляндии деликатно!

Здание реального училища выходило на площадь с русской православной церковью. А двор училища примыкал ко двору женской гимназии, и через стену между дворами можно было передавать записки. Маму очень поразило, когда Таня рассказала, что многие старшие гимназистки в большую перемену встречаются на улице с реалистами.

Вскоре в училище состоялся вечер, на него пригласили и девочек из женской гимназии. Инспектор организовал для младших классов игры и восклицал при этом: «ловите барышень!» Услышав мой рассказ, мама сказала: «тогда неудивительно, что в старших классах процветает ухаживание».

В России мальчики и девочки обучались отдельно, к тому же никакого полового просвещения в школах не было – в отличие от школ в Германии, где его ввели. Во Франции этот вопрос – вводить или не вводить половое просвещение – дискутировался.

В немецком юмористическом журнале тех лет я позже встретил остроту: в немецких школах детей учат, «wie man Kinder kriegt» («как рождаются дети»), а во французских школах, очевидно, будут учить, «wie man keine Kinder kriegt» («как не иметь детей»).

Хотя в те годы во Франции была очень низкая рождаемость.

В раннем детстве няня нам объясняла, что новорожденных приносит ангел. Еще на Пречистенке [в Москве] я впервые услышал от Сони и Тани, что девочкам неприлично показываться мальчикам обнаженными. Мама сексуальной темы не любила и, только когда дети спрашивали, давала им минимальные разъяснения. Я помню, когда я в Лиханьеми увидел довольно брюхатую корову, то Александра Карловна Шлезингер объяснила мне, что у нее в животе находится будущий теленок.

Заучивая слова молитвы: «Дух же целомудрия, смиренномудрия и любви даруй мне, рабу твоему», я как то спросил маму, что такое целомудрие. И она объяснила, что это когда у человека нет влечения к обнаженным телам и к ухаживаниям мужчин за женщинами и женщин за мужчинами.

В Лиханьеми у нас была соседка на берегу моря – женщина средних лет, со взрослой дочерью – Пеньковская. Взрослые говорили про нее: «Это – дама!». Я замечал что-то странное в ее взгляде, потом подумал, что это по Некрасову – «беспокойная ласковость взгляда».**

Еще в Москве я начал собирать почтовые марки. Александра Карловна тогда подарила мне немецкий каталог всех стран с 1850-х по 1900-е годы. Зимой в Выборге я был совершенно помешан на марках и копил деньги, чтобы выписать от той же фирмы в Лейпциге дорогой каталог для коллекции марок, и просил всех вместо подарков дарить мне деньги на каталог. Кстати Александра Карловна рассказывала, что она и обе ее сестры, когда остались после смерти родителей втроем, сначала делали друг другу не всегда удачные подарки и потом перешли на дарение денег на праздники, приговаривая: «Da hast du deine drei Rubel, kaufe dir was!» («На вот 3 рубля, купи себе что-нибудь!»). Этот каталог я все-таки выписал и получил посылку с ним – в большую перемену, на таможене.***

* Отель Бельведер ([владделец] Конст. Эренбург), на углу Александровской и Салаккалахтинской улиц. 37 номеров, цена от 4 до 14 марок. Завтрак и ужин 1 марка 50 пенни, обед 3 марки. Телефоны: 75 и 2 09. – Из путеводителя по Выборгу и окрестности за 1915 г.

** Из стихотворения Николая Некрасова «Убогая и нарядная».

*** По-видимому, речь идет о кляссере – альбоме для марок (он сохранился в семье Классонов).

Самое первое время в Выборге у нас все было благополучно. Но вскоре у мамы начались сильные головные боли (а вообще ни у нее, ни у отца голова никогда не болела). Она несколько раз – в сопровождении нашей горничной Маши, няниной внучатой племянницы – съездила к врачам в Петербург. Сначала мама говорила, что головная боль обычно проходила еще в поезде по дороге в Петербург, а потом в Выборге возобновлялась. Мама стала думать о лечении снова за границей, попросила приехать в Выборг Соню (ей было девятнадцать лет), оставила ее старшей в семье и уехала в Берн.

В 3-м классе в Выборге я дружил с одноклассником Володей, сыном офицера, участника обороны Порт-Артура Владимира Алексеевича Высоких. Я с Соней бывал у них. Соня поддерживала еще знакомство с двумя сестрами Хилдэн (знакомыми по Лиханьеми, их отец, швед, занимал должность главного инженера Сайменского канала) и с русской барышней, учительницей на курсах иностранных языков, где преподавал [\[немецкий\]](#) и Вайкерт.

Весной 1912-го Соня участвовала в деятельности комитета, готовившего, как тогда было принято, однодневную продажу колосков – в помощь голодающим в России. В Сонином фотоальбоме 1905-12 годов есть снимок того дня.

Между тем здоровье мамы ухудшалось, и тогда в конце зимы 1911/12 года было решено – я думаю, Соней с отцом – попросить фру Хенриксон съездить в Берн и привезти маму в Петербург в частную лечебницу. Соня ее там потом навещала, приезжая из Выборга. 2 мая старого стиля 1912 года мама умерла в лечебнице. Ей было сорок восемь лет. Мы получили телеграмму о маминой смерти вечером. Соня посадила Катю и меня с собой на диван и сообщила нам об этом. Мы плакали. На другое утро Павел сказал: «Ах да, мама умерла. Как интересно!». Ему было почти восемь лет.

Соня с нами и няней была на панихиде в русской церкви в Выборге. На третий день Соня, Таня и приехавший из Москвы в Петербург отец похоронили маму на Волковом кладбище. Она перед смертью высказывала желание повидать детей.

Когда я упорно болел в Берлине в 1928-29 годах, то запрашивал в письме Соню, чем болела мама. Не знаю, искренне ли, но она ответила, что мама умерла от разбитого сердца. Отец после похорон повидал нас в Выборге, быстро вернулся в Москву и уехал в свой очередной шестинедельный отпуск, дав указание, чтобы начатый постройкой дом на «Электропередаче» был готов к его возвращению, что и выполнили почти точно.

В Выборге я еще дружил с товарищем по фамилии Менд – из 2-го класса [\[реального училища\]](#). Я захаживал к нему домой еще осенью 1911 г. Семья его была настолько немецкая, что его сестра носила дома передник (не детский), и я сначала не мог понять, сестра это или горничная. В июне 1912-го мы еще оставались в Выборге, и я ездил к Менду на дачу, у него оказался репетитор или гувернер из учеников старших классов нашего училища. В памяти у меня осталось, что я воспроизвел свист одной птицы, а репетитор сказал: так это зяблик. Это была моя первая самостоятельная поездка. Впрочем, кажется, Соня дожидалась моего возвращения на пристани в Выборге.

В середине июня мы уехали в Москву. Отец с Л.Б. Красиным и мной съездил на «Электропередачу» на один день без ночевки. Лимузин довез нас до 71-й версты Владимирского шоссе, а оттуда мы проехали около 4 километров в вагончике с лошадью по узкоколейной (600 мм) железной дороге на насыпи, построенной той весной.

В доме правления Красин встретил своих (то есть из Московского отделения русского общества Сименс) электромонтеров, занятых монтажом освещения дома. Вскоре мы переехали на «Электропередачу» на лето. Отец и я поселились в южной комнате второго этажа с балконом-лоджией. Кабинета у отца на «Электропередаче» не было. Со своими сотрудниками он обычно встречался на большой веранде первого этажа, летом служившей и столовой. Там же он принимал гостей и посетителей.

По предложению отца Соня и я учились ездить верхом, а я еще и стрелять в цель из малокалиберной винтовки на расстоянии в 35 м. Позже – с марта 1914 г. отец учил меня стрелять из дробового двустольного ружья (подарил его к моему 15-летию). Соня ездила в амазонке на дамском седле на молодой, очень удачной вороной кобылке Муньке (купленной на конный двор «Электропередачи» за 175 рублей). Ее учителем был Валерьян Иванович Богомолов, уже переселившийся из первой палатки в гостиницу и ведавший прокладкой и улучшением грунтовых дорог в [бывшем] имении.

Во время большого болотного и лесного пожара в июле 1912-го отец отправил нас всех в комнаты при конторе «Электропередачи» в Богородске. В вагонетке до 71-й версты нас провожал Н.И. Зауэр, а оттуда отцовский лимузин отвез нас в Богородск. Соня дня через два съездила на 71-ю версту и рассказывала потом, что помогла там Винтеру делать примочки Боржоми на его воспалившиеся от дыма глаза. Дней через пять мы все вернулись в дом правления. В середине августа в гости к Винтеру приехала семья Г.Б. Красина, и мы познакомились с Наташей, Митей и Аней. В последующие годы они были нашими – моими, Кати и иногда Павла – ближайшими товарищами на «Электропередаче» и отчасти в Москве. В тот же день и они, и я уехали в Москву.

Меня приняли в 4-й класс частного реального училища Флерова на Плющихе, которое отцу рекомендовал [муж начальницы женской гимназии Александр Данилович] Алфёров.* Там я учился только первую четверть, так как болел, и врачи рекомендовали прервать занятия до следующего учебного года.

Это учение дважды в 1-й четверти 4-го класса имело одно неожиданное и запомнившееся мне последствие: катехизис (был такой раздел в законе Божьем) вообще полагалось учить наизусть, т.к. это было верное дело и легче, чем пытаться понимать и рассказывать своими словами. При учении начала катехизиса наизусть, дважды, я это начало запомнил так, что лет даже через двадцать-тридцать мог наизусть произносить целые страницы. В эту зиму 1912/13 г. отец часто брал меня с собой на «Электропередачу». А в Москве он заставлял меня учиться верховой езде в манеже рядом с цирком на Цветном бульваре. Чтобы укрепить мышцы ног, сжимающие бока лошади, учитель-француз требовал, чтобы я первые уроки ездил без стремян.

Отец, вероятно, считал, что присутствие в семье мачехи Евгении Николаевны могло бы нас, детей (кроме уже взрослой Сони) травмировать, и мы очень редко ее видели или о ней слышали, как о его знакомой. Например, он попросил ее помочь ему купить Кате зимнюю одежду. Во время одного приступа грудной жабы, когда он оставался дома больше одного дня, Евгения Николаевна его навестила, и я ее впервые увидел. Он приезжал с ней на несколько дней на «Электропередачу», но только не во время наших каникул, а когда нас там не было, то есть в учебное время – осенью и весной. Они жили врозь до 1924 года!

Наша московская квартира была немного переделана. Гостиную расширили за счет бывшей «классной». «Игральную» превратили в большую столовую. В 1912-14 годах Соня и Таня жили в двух комнатах на 3-м этаже. Кроме «черной» лестницы к ним сделали дополнительно внутренний доступ – железную винтовую лестницу в темном коридорчике. Меня поселили в бывшей Сониной комнате, в одно окно на север, со входом из детской. Бывшая небольшая столовая между передней и кухней стала комнатой для двух горничных.

* Здесь, по-видимому, у И.Р. Классона произошла абберация памяти: частная мужская гимназия А.Е. Флерова располагалась в д. 11 по Мерзляковскому переулку (между Поварской и Б. Никитской), выстроенном для этой гимназии в 1910-м. А вот реальное училище В.П. Никитина, где Иван начал было учиться в 1913-м (см. выше письмо сестры Софы за август того же года), находилось как раз на Плющихе.

Богомоллов явно ухаживал за Соней. Вскоре после нашего переезда осенью 1912-го [с «Электропередачи»] в Москву, он появился к нам в воскресенье, одетый по-городскому: уже перешел с «Электропередачи» в Московскую кабельную сеть «Общества 1886 г.», где работал до того, как ему пришлось отсидеть год, как революционеру, в тюрьме в Миргороде. Потом Соня и он часто встречались, но не у нас. Как-то зимой Соня и он поехали за город во Влахернскую – дом для приезжих при женском монастыре. Но Соня была не одна, а с «шаперон» [(компаньонкой, наставницей)] – Александрой Карловной [Шлезингер].

Соня и Богомоллов обвенчались в январе 1915 г. (ей было 22 года). Незадолго до этого Богомоллов чем-то не угодил Евгении Николаевне, и она и наш отец прекратили знакомство с ним. Так что на свадьбе мы, дети и няня, были, а отца не было. И он к Соне не ходил, и Валерьян Иванович у нас не бывал. Мы, дети, у них бывали, и Соня у нас и отца – тоже. Так продолжалось до начала 1920 года.

[А в 1920-м – после пяти лет брака Сони с Богомолловым – состоялось примирение с ним нашего отца, и, вероятно, у отца создалось убеждение, что лучше не пытаться влиять на детей в вопросах их личной жизни. По-видимому, отец не пытался отговаривать и Таню от брака с серьезно больным Свенчанским. Они венчались в церкви, хотя уже действовал гражданский брак, я был шафером у Тани. Они заняли в квартире на Садовниках две комнаты на север – бывшие Сонины и мамину, но перегородку перенесли.]

Летом 1913-го, во время отпуска Р.Э. Классона в доме Правления жил Буссе с семьей, а мы, дети, жили временно у Ивана Ивановича Радченко (его семья уезжала). Вместе с нами жила также учительница французского (рябая). После возвращения отца из отпуска у нас в доме Правления жила бабушка Анна Карловна.

[Воспоминания о себе и не только]

В августе 1913 г. я поступил в четвертый класс Третьего московского реального училища им. Анатолия Шелапутина (это здание в Трубецком переулке включало также Педагогический институт им. Шелапутина и несколько квартир, в 1930-х здесь помещался Педагогический институт им. Н.К.Крупской, а затем оно отошло к Военной академии).^{*} Окончил его (последним классом был седьмой) в мае 1917 г.

В училище были хорошие учителя. Особенно – по математике, физике и космографии – Николай Владимирович Кашин. Он преподавал и в педагогическом институте в том же здании. Математике в старших классах нас учил Александр Александрович Волков, а начатки высшей математики в седьмом классе нам преподавал директор реального училища, профессор Московского университета Леонид Кузьмич Лахтин.^{**} Естествознание в старших классах, в том числе химию и анатомию человека, хорошо преподавал молодой...^{***}, у которого всегда получались опыты, их он сам показывал классу. Немецкий язык преподавал (и был нашим классным руководителем) Эдгар Карлович Гютич.

^{*} С 1939 г. – пер. Хользунова. В Большом Трубецком пер. располагались три учебных заведения, учрежденных предпринимателем и благотворителем Павлом Григорьевичем Шелапутиным (1847-1914). Он имел троих взрослых сыновей – Григория, Анатолия, Бориса, которые один за другим погибли. В память о Григории (умер в 1901 г.) в 1902-м была открыта гимназия (д. 18). Именем Анатолия (умер в 1908 г.) в 1910 г. было названо Третье московское реальное училище (д. 16). Педагогический институт (д. 14) был открыт в 1911 г. и назван в честь самого Павла Григорьевича. В институт поступали мужчины, имевшие высшее образование и желавшие стать учителями, гимназия и реальное училище были базой для их практики. Сын Борис умер в 1913-м. В этом комплексе зданий теперь находится Главная военная прокуратура РФ.

^{**} Л.К. Лахтин (1863-1927) после своей «политической» отставки с поста ректора Московского университета в 1905-м работал затем ординарным профессором на физико-математическом факультете, в 1910-м был назначен директором Третьего реального училища, ему принадлежит ряд работ в области матанализа, высшей алгебры, теории вероятностей и матстатистики.

^{***} И.Р. Классон, уже в преклонных годах, к сожалению, так и не смог вспомнить Ф.И.О. этого преподавателя.

Французских учителей сменилось несколько, одним из них был молодой француз, которого вскоре призвали на военную службу во Франции. Его сменила молодая русская учительница. Историю преподавал Константин Васильевич Сивков, впоследствии...*

Много времени у меня уходило на домашнее чтение по теории и истории русской словесности, которую читал нам Сергей Константинович Сережников, брат известного в Москве руководителя кружка декламации.** В 7-м классе полагалось изучать законоведение – основные представления о государственном устройстве России и ее законах и судебных устройствах.

Закон Божий у нас преподавал священник (кажется, протоиерей) Николай Иванович Боголюбский, профессор (или преподаватель) Московского университета, имевший с семьей квартиру при университете на Моховой.*** Он, при полной верности православию, был увлеченным почитателем русской классической литературы, и особенно Достоевского. О главных персонажах этого писателя я впервые узнал на уроках Боголюбского. С его сыном Юрием во всех классах с четвертого по седьмой мы сидели за одной партой. Я раз или два был у него дома, так что сам видел квартиру его семьи при университете.

Физика меня интересовала очень рано, когда мы жили в Гельсингфорсе, моя сестра Татьяна училась физике по учебнику Цингера, а я, учась дома за 2-й класс, добровольно прочел эту физику Цингера и многое понял и запомнил, правда, мне страшно мешало, что я еще не был знаком с алгеброй, так что не мог понимать математические формулы для законов физики.

У Кашина полагалось записывать его уроки-лекции. Запомнились его слова на уроке космографии: «Радиус Земли равен в среднем 6 370 км – запишите и запомните: раз и на всю жизнь!». Кашин поразил нас тем, что на первом своем уроке в четвертом классе (до этого математику преподавал Волков) по журналу называл по очереди всех из сорока одного ученика, каждый вставал, он смотрел на него, делал пометку в своем блокноте и запоминал – фамилию, лицо и место за партой и никогда не ошибался. За исключением учеников, поступивших в класс позже. В начале 1920-х на 1-й Московской государственной электростанции Кашин преподавал на курсах для рабочих. Я однажды устроил ему свидание с моим отцом. Помню, что Кашин расспрашивал его о встречах с В.И. Лениным.****

Учителя обращались к нам на «ты», за исключением Кашина – во всех четырех классах и Сережникова, который три года говорил нам «ты», но с первого же урока в 7-м стал обращаться на «вы» и ни разу не ошибся!

Катя и я учились дома немецкому с приходящим учителем Сергеем Львовичем Шварцем. Шварц был приглашен к нам на лето и жил в гостинице на «Электропередаче». Моими товарищами были Александр Фидлер, Юрий Синявский и Андрей Боголюбов (сосед по парте). Я ездил поздней осенью к Фидлеру в Быково. Зимой Фидлер и Синявский приезжали на «Электропередачу».

* К.С. Сивков (1882-1959) в 1911 г. стал одним из учредителей и членом правления Московского кооперативного товарищества издательского и печатного дела «Задруга».

** «На радио родился «Речевой квартет» под руководством известного педагога сценической речи и режиссера профессора Василия Константиновича Сережникова. Актер, он в 1913 г. ушел из Театра Корша, где выступал не без успеха, и открыл «Первые московские курсы дикции и декламации В.К. Сережникова». На этих курсах и проходили опыты «коллективного слова». К середине 20-х годов В.К. Сережников возглавлял Государственный институт декламации – был такой в Москве». – Из Интернета

*** Н.И. Боголюбский (1856-1926) – воспитанник Московской духовной академии, протоиерей, с 1911 г. профессор богословия Московского университета.

**** Интересные подробности о сем даровитом преподавателе содержатся в статье М.А. Бражникова «Записная книжка» (fiz.1september.ru/article.php?ID=200501706).

В марте 1914 г. мне исполнилось 15 лет, и отец подарил дробовую двустволку 20-го калибра. После чего я убил первую лисицу. Летом 1914-го Шварца пригласили к нам на лето, и он жил в гостинице. Зимой 1914/15 года Фидлер перешел в другое реальное училище, но со мной продолжал встречаться.

В 1914-18 годах мы, дети (начиная с 1915 г. без Сони), жили летом большею частью на «Электропередаче». В то же время летом 1913 г. Соня с Таней ездили в Италию и Австрию. В 1914 г. они были на Рижском взморье и возвращались в Москву в первые дни войны, поспешно. Отец – вместе с Евгенией Николаевной – был в санатории в Киссингене (Германия), когда началась война, получив от цюрихских банкиров деньги золотом, выехал в Геную и оттуда пароходом через Дарданеллы и Босфор в Одессу.

В мае 1915 г. мы четверо – включая Соню, но без Павлуши плавали на пароходе по Волге от Нижнего до Царицына и на другом пароходе – обратно до Нижнего.

В 1916 г. мы с моим товарищем по классу Степой Горбуновым были приглашены в семью третьего нашего товарища Юрия Синявского в Скобелев, где отец Юрия Клавдий Никанорович служил начальником ирригации Ферганской области.* Туда мы ехали втроем, а в конце июня я с Горбуновым вернулся в Москву (и привез дыни с базара в Ташкенте). Из Скобелева мы втроем сделали две экскурсии в горы, первую, небольшую – до дома лесника, а вторую – на верховых лошадях через перевал Тенгиз-Бай до Дараут-Курган в Алайской долине.** После моего возвращения в Москву с середины лета был на «Электропередаче». Наташа Красина на теннисной площадке познакомила меня с сестрами Анной и Надеждой Аллилуевыми (их отец Сергей Яковлевич тогда работал на «Электропередаче»).

Зимой 1916/17 года я учился в седьмом классе. Учеников в нашем классе было не более двух десятков – против сорока одного в августе 1913-го. Когда случилась Февральская революция, учитель Сережников вызвал меня из класса и сказал, что мой отец позвонил по телефону и попросил отпустить меня домой. По пути туда я увидел, как граждане разоружили городского около Москворецкого моста. На другой день Соня с сестрами и мною пошла в центр Москвы, который был полон народа.

В мае-июне 1917 года мои сестры и я провели в Профессорском уголке под Алуштой. До Февральской революции он, как большая часть крымского побережья, был недоступен для евреев. Но теперь из жильцов нашего пансионата Линде не евреями были только мы четверо и один учитель с женой. «Черта оседлости» была снята во время революции явочным порядком. В пансионате я заболел, и хороший крымский врач определил начало туберкулеза легких. Это подтвердили потом и московские врачи, они рекомендовали провести осень и зиму в Крыму. После возвращения в Москву у меня заболела левая нога (прикрепление ахиллесова сухожилия к пяточной кости), врачи подозревали костный туберкулез. Я не мог готовиться к конкурсным экзаменам в Техническое училище и поступил на физико-математическое отделение в Университет. В канцелярии видел вписанного в книгу однофамильца: Франца Францевича Классона. В сентябре на ногу положили гипс на 2 недели, после его снятия та боль исчезла, но стало больно вообще наступать на ногу. Врач посоветовал ее «расходить». Отец поехал со мной на «Электропередачу», и я целый день ходил, опираясь на его руку. Это удалось!

* Так в 1907-м был назван город Новый Маргелан в честь генерала М.Д. Скобелева, воевавшего в Туркестане и ставшего первым губернатором Ферганской обл. (создана в 1876 г. на базе Кокандского ханства). С 1924-го – Фергана.

** Первым исследователем, увидевшим Заалайский хребет, был известный и талантливый ученый Алексей Павлович Федченко, проникший через перевал Тенгиз-Бай (3 801 метр над уровнем моря) в Алайскую долину, к киргизской крепости Дараут-Курган. 20 июля 1871 года А.П. Федченко со своей женой Ольгой Александровной, столь же знаменитой русской женщиной-путешественницей, поднялся на перевал.

В тот день за обедом у нас в доме Правления был проф. Сушкин со своими студентами. Отец разрешил им осмотреть станцию, а про гидроторф сказал, что его еще не показывает. Когда отец после обеда отдыхал, они все же попытались проникнуть на гидроторф, но П.Н. Ефимов их не пустил.

Врачи прописали мне зиму в Крыму (лежать 4 часа в день тепло одетым в шезлонге на балконе), это я потом строго выполнял. Отец списался с оставшейся на зиму в Ялте Антониной Ивановной Ульман и попросил устроить меня в санаторий. Антонина Ивановна – бывшая туберкулезница с большим опытом – ответила, что поселит меня у себя, в двухэтажном каменном особняке. Я уехал в Ялту в октябре, жил в семье Ульманов. Это пребывание в Ялте оказалось достаточным для превращения моего туберкулеза в доброкачественную форму. Позже он, может быть, обострялся у меня только в 1924 и 1929 годах в Берлине. В декабре в отпуск приехал Эдуард Рейнгольдович Ульман. У Ульманов гостил однажды художник Иван Билибин, он мне очень понравился (в это время проходила выставка его картин, в т.ч. пейзажей).*

В начале января 1918 г. в Ялте произошла «Октябрьская революция»: после шести дней боев в горах над Ялтой между моряками с пришедшего из Севастополя эсминца «Хаджи-Бей» – и белыми офицерами и крымскими татарами – красные победили.**

В феврале Ульман в Москве исхлопотал телеграмму управделами СНК В.Д. Бонч-Бруевича ялтинским властям, чтобы его семью и меня отправили поездом в Москву. Немцы после отказа Троцкого подписать мирное соглашение постепенно, но быстро оккупировали Украину, и Крым вскоре был отрезан. В конце февраля Ульманы вместе со мной смогли выехать в Москву из Симферополя в одном из последних поездов. Он был страшно переполнен, поэтому уборной пользоваться не получалось. Мы пользовались бутылкой, из которой мочу выливали в окно. А по большой нужде я вылез (только однажды за три дня!) через окно на долгой стоянке поезда в Подольске.

В Москве Ульманы прожили у нас некоторое время, были на Пасху на «Электропередаче». При этом Антонина Ивановна настояла на том, чтобы Роберт Эдуардович познакомил детей с Евгенией Николаевной.

Весной Ульманы поехали в Петроград и взяли с собой в гости Катю, так что она была у них в очень большой кооперативной квартире за Троицким мостом. Летом 1918-го я на «Электропередаче» усердно готовился к конкурсному приемному экзамену в МВТУ. В дом Правления приезжали моряки – по договору товарищества «Торфоснабжение» (РЭК, В.Д. и С.Д. Кирпичниковы, Ульман, Ремизов). Бывший морской офицер Борис Павлович Клопп жил постоянно, один адмирал и делопроизводители – временами.

* Любовь к И.Я. Билибину И.Р. Классон передал потом своему младшему сыну, который читал дочери сказки как раз с иллюстрациями этого замечательного художника.

** Особенно ожесточенные бои развернулись в Ялте 9-15 января 1918. 8 января из Севастополя в Ялту прибыл эсmineц «Гаджибей» с отрядом морских пехотинцев численностью в 200 человек. В ночь с 8 на 9 января десантники захватили Массандровские казармы, арестовав там военного коменданта Ялты капитана Лукомского. Однако, находившиеся в Ялте 4-й эскадрон 1-го конного полка, отряд тайного исламистского общества «Тан» [из крымских татар] и офицерские отряды отказались сдаться, и с утра 9 января в городе начались уличные бои. К утру 10 января силы противника были выбиты из города и отошли в район Никитского ботанического сада. Эскадронцы и исламисты в ночь с 10 на 11 января перешли в контрнаступление, и, заставив десант отступить на корабли, практически полностью заняли город. На помощь десанту из Севастополя 12 января прибыли три эсминца и авиатранспорт с отрядом морской пехоты. После этого морские пехотинцы при поддержке корабельной артиллерии и гидросамолетов повели наступление из порта в город, очищая квартал за кварталом, и к концу дня 16 января взяли Ялту. – Из Интернета

Когда я из-за туберкулеза уезжал в Ялту, отец велел мне заняться английским языком у мисс Джексон, домашней учительницы английскому в семье Ульманов. Оказалось, что она перешла от них в семью наиболее известного в Ялте врача-туберкулезника, как раз у которого я лечился (точнее, под наблюдение которого я поступил). Я брал у нее три урока в неделю по одному часу, а в другие три дня выполнял ее домашние задания.

В общем за пять месяцев я настолько научился началам английского языка, что в дальнейшем, беря уроки в течение, кажется, одной зимы у фрау доктор Хелькер в Берлине, посещая занятия в [Высшей] Технической школе (один или два семестра) и побывав даже на одной английской лекции профессора из Эдинбурга – специально для немецких студентов, слабовато знающих английский, читая в дальнейшем английские книги, делая переводы технических статей, я смог (а вначале сомневался) делать и рефераты для советского реферативного журнала «Электротехника и энергетика», так что был в курсе [новостей] заграничной энергетики. Таким образом, я подобно отцу выучился английскому после средней школы и даже больше чем он: художественную литературу отец читал русскую, немецкую и французскую, но не английскую.

Летом 1918 г. я, значительно поправившись, готовился к сдаче вступительного экзамена (тогда уже не конкурсного) в МВТУ, который осенью и выдержал.

В начале зимы меня призвали на военную службу, помещали в лазарет и дали отсрочку в связи с малокровием. Я всю зиму и весну 1918/19-го занимался в МВТУ, в частности сдал лабораторные занятия. Ходил на лекции Ошуркова по начертательной геометрии и Фортунатова по политической экономии.* На лекции Жуковского (в шубе) по теоретической механике я вскоре перестал ходить.** Но моя группа в физической лаборатории оказалась упорной. Из-за слабого давления газа в сети нам приходилось проводить в ней не три, а шесть часов, все же мы все необходимые лабораторные работы выполнили.

В феврале 1919 г., в связи с учащением у отца сердечных припадков, его старые товарищи – Ульман, Винтер, Л.Б. Красин решили послать его на лечение в Швейцарию. Я провожал отца в Петербург, несколько дней мы жили с ним в квартире Ульманов на Морской.***

Их другая, большая кооперативная квартира на Петроградской стороне за Троицким мостом, как и весь дом его владельцев-кооператоров, не отапливалась (когда мы в нее зашли с Алей Ульман, то оказалось, что в ней 7 градусов мороза) и была законсервирована: водопровод и водяное отопление опорожнены, а водяные замки канализации заполнены керосином.

В корпусе, где квартиры были поменьше, некоторые жильцы продолжали жить. Я видел, как они через форточки выбрасывали «барашков в бумажках» (завернутые в бумагу фекалии).

По совету Ульмана, отец съездил со мной по поводу своей грудной жабы к медику Манухину. Он лечил пациентов чуть ли не рентгеновским облучением. Во время приема Манухин сообщил, что из-за недоедания в Петрограде у многих женщин прекратились менструации.

* Профессор Борис Михайлович Ошурков (?-1927). «Ученик директора Московского Императорского Технического училища В.И. Гриневецкого инженер Б. Ошурков снял на первых испытаниях нового двигателя своего учителя на Путиловском заводе индикаторные диаграммы, пользуясь которыми он в 1916 г. спроектировал пассажирский тепловоз с осевой формулой 2-3-2 и мощностью 1500 л.с.». – Из Интернета

Алексей Федорович Фортунатов (1856-1925) в 1881 г. окончил Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве. С 1884 г. в качестве экстраординарного, а затем и ординарного приват-доцента читал в этой академии курс сельскохозяйственной экономики. В 1894 г. начал преподавать также в Московском Императорском Техническом училище. – Из Интернета

** Н.Е. Жуковский – «отец российской авиации».

*** Морская ул., 54, кв. 13.

23 февраля отец выехал на поезде со швейцарцами, но в Белоострове его за границу не выпустили, так как у него не оказалось разрешения на вывоз валюты. Мы с Ульманами с Финляндского вокзала заехали в центр Петрограда и видели парад по случаю первой годовщины образования Красной армии. Придя домой, мы увидели, что отец тоже вернулся. Дня через три разрешение на вывоз валюты было получено в Москве. Артельщик Филиппов привез его в Петроград, и 1 марта отец благополучно выехал через Белоостров в Финляндию с последним поездом швейцарского посольства.

Летом 1919 г. я работал практикантом на опытных разработках гидроторфа при «Электропередаче», месяц – мотористом торфососного крана, потом – дежурным техником по добыче. В июне был организован воскресник инженерно-технических работников Гидроторфа, на добыче и разливе торфа, чтобы выяснить причины крайне низкой добычи бригад карьерщиков. С разрешения Ив. Ив. Радченко ввели сверхпрогрессивную оплату добычи: за 10 кубометров залежи – 100 руб., за 20 – 400 руб., за 30 – 900 руб., за 35 – 1225 рублей.]

[Встреча с А.М. Горьким осенью 1919 года*]

Осенью 1919-го, будучи в Москве, однажды вечером я был у моей старшей сестры Софьи Робертовны и ее мужа Валерьяна Ивановича Богомоллова в их квартире на Котельнической набережной. Вскоре Богомоллову позвонил А.М. Горький и сказал, что скоро приедет. Я знал, что они знакомы: Богомоллов в 1905-м был во главе отряда большевиков-грузин, охранявшего Горького, который жил в большом доме страхового общества на углу Воздвиженки и Моховой, от возможного нападения черносотенцев. Ведь в октябре 1905 года на улице в Москве был убит Н.Э. Бауман.

Горький вскоре приехал на извозчике, что меня поразило, так как это стоило несколько тысяч тогдашних обесцененных рублей и было недоступно советским служащим. Богомоллов служил зам. нач. Транспортно-материального отдела ВСНХ РСФСР, а моя сестра работала секретарем Отдела металла ВСНХ.

Горький показался мне мало похожим на известные фотографии, например, на открытках, – с короткими усами, длинными волосами, в светлой русской рубашке, подпоясанной шнуром. Теперь он был с проседью, висячими усами, в пиджачном костюме.

За чайным столом Горький говорил о своих отрицательных, [полученных] за последнее время, впечатлениях от простых русских людей. А у меня после моей работы на гидроторфе были гораздо лучшие представления о нравственном облике тамошних рабочих – из крестьян ближайших к «Электропередаче» деревень Васютино, Кузнецы, Буньково. И я спорил с Горьким.

Я в то время еще очень мало читал Горького: в 3-м реальном училище в Москве русская литература кончалась Пушкинием, а сам я кончил ее Чеховым. И я тогда говорил с Горьким, не зная его гениальности!**

Мой отец встретился и говорил с Горьким при показе в Кремле 27 октября 1920 года фильма «Гидроторф», снятого пасынком Горького Ю.А. Желябужским по инициативе В.И. Богомоллова.]

* Воспоминания написаны по просьбе Михаила Александровича Игнатьева, высказанной последним 21 ноября 1979 г. при встрече с И.Р. Классоном на вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Александра Михайловича Игнатьева, и отосланы на имя Зав. Архивом А.М. Горького тов. С.С. Зиминой.

** Предположим, что убеждение Ивана о «гениальности», конечно же небесталанного, А.М. Пешкова-Горького сформировалось под воздействием массовой советской пропаганды.

[О сестре Тане]

После постановления Совета Народных Комиссаров от 30 октября 1920 г. о Гидроторфе наш отец с дочерью Татьяной, в качестве секретаря, поехал в январе 1921 г. в командировку в Германию, для заказа машин Гидроторфа. Они вернулись в Москву поздней весной 1921 г. Таня за границей в 1921-м очень воспряла духом. Отец и Таня виделись в Берлине с семьей Э.Р. Ульмана, эмигрировавшей из Петрограда через Финский залив.

Оказалось, что Антонина Ивановна Ульман за границей познакомилась с «христианской наукой», основанной в конце XIX века в США Мери Беккер Эдди и использующей целую систему самовнушения и лечения близких.* Таня в нашей семье была единственной по настоящему верующей, например, я помню, что она, будучи уже курсисткой, добровольно говела (т.е. во время Великого поста исповедовалась и причащалась). И вот она обратилась в «христианскую науку» и резко воспряла духом.

Осенью или летом 1921 г. она поступила на постоянную работу в Госплан секретарем топливного отдела, начальником которого был Леонид Константинович Рамзин. Я с ней был на вечере в Госплане, один вальс Таня танцевала с Рамзиным. У нее появились новые знакомые – сотрудники Госплана. В том числе Семен Данилович Свенчанский, сын заведующего складом 1-й московской электростанции, и Николай Иванович Веселовский, молодой ученый, одно время дававший уроки нашему брату Павлу. Однажды мы втроем – с Павлом – совершили прогулку пешком на Воробьевы горы.

Семен Данилович очень упорно ухаживал за Таней. Он болел туберкулезом легких (гораздо менее доброкачественным, чем перенес в 1917 г. я), но Таня внушила себе, что «работая» по «христианской науке», она вылечит его и согласилась на брак с ним. Он был, мне кажется, недоучившимся студентом МВТУ, но уже преподавал.]

[Воспоминания об отце]

Отец говорил, что ему везло в работе: никогда не происходило столько аварий, и он учился на них (и называл бенефисами!). О самой большой из них – взрыве гремучего газа в помещении аккумуляторной батареи электростанции «Белый Город» в Баку – он сразу опубликовал статью в немецком техническом журнале. Вернее сказать, что ему везло и в жизни, и в работе.

Ему везло уже с детства тем, что он курил только во втором классе гимназии, но не втянулся, бросил и никогда больше не курил, что только в восьмом классе он много играл в преферанс (неазартная карточная игра), но потом никогда картами не интересовался, что всю жизнь любил хорошее вино и особенно пиво (иногда пил ликеры и коньяк), но чувствовал отвращение к водке и не бывал с похмелья.

В питье имел чувство меры, и поэтому не стал алкоголиком. Он чувствовал, когда больше пить не следует и говорил, что только два раза в жизни не послушался этого чувства, выпил лишнее и пожалел.

* Значение этой секты в США видно из названия бостонской газеты «Крисчен Сайенс Монитор», цитируемой в советских газетах наравне с «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». Антонина Ивановна обратила в свою веру и мужа [Эдуарда Рейнгольдовича], и сына [Александра], но он – Аля – говорил мне в начале 1920-х в Берлине, что среди американцев не принято так подчеркивать принадлежность к этой секте, как подчеркивала А.И. – Примеч. И.Р. Классона

Ему повезло и в том, что он с детства, кроме русского, знал хорошо немецкий и французский языки и благодаря этому был рекомендован директором Технологического института после его окончания в 1891 г. на работу в технической конторе инженера Линдлея во Франкфурте-на-Майне, просившего направить к нему из оканчивающих институт русского инженера, который знает немецкий язык. Повезло в том, что Линдлей был англичанин и внушил Классону, что инженер обязательно должен знать и английский язык, и отец ему научился, так что с тех пор всегда читал и американские технические журналы.

Ему повезло и в том, что именно в 1891 г. и именно во Франкфурте была Международная электротехническая выставка, главным экспонатом которой стала опытная передача трехфазным током Лауфен – Франкфурт. А Классон участвовал в ее испытаниях.

Она показала несомненные преимущества перед постоянным током при передаче мощности и энергии на большие расстояния. Поэтому Классон и стал далее проектировать и строить именно электростанции на трехфазном токе.

Конечно, на самом деле причинами выдающихся успехов инженерной деятельности отца были более глубокие и постоянно действовавшие факторы – его исключительные ум, наблюдательность, память (кроме слабой памяти на лица), способности к физике, механике, экономике, психологии, иностранным языкам, чувство красоты в природе и искусстве. Все это вместе с жизнерадостностью и длительной увлеченностью своими работами сочеталось с огромной выдержкой и пунктуальностью.

Отец был сангвиником. Людей, впервые его встретивших, он поражал своей активностью, жизнерадостностью, общительностью, при полном отсутствии рисовки, и ровным отношением к людям.

Он отличался быстротой соображения, хорошей памятью, любовью к делу – в сочетании с огромной выдержкой, последовательностью в работе и пунктуальностью: сам не опаздывал и ненавидел опоздания. По мнению многих людей, знавших его, Классон был интересным и остроумным собеседником и обаятельным человеком.

При исключительных уме, способностях – к физике, механике, экономике, психологии, живым языкам, чувству красоты в природе и искусстве – и жизнерадостности, своим большим увлечениям – инженерной работе и охоте он остался верен на всю жизнь.

У студентов-технологов была многолетняя традиция брать коллективом абонемент в ложу в Мариинском театре. Обычно это была дешевая ложа на одном из верхних ярусов. Звук туда доходил хорошо, но вся сцена и певцы на ней были видны сверху, как вспоминал отец, почти в горизонтальной проекции. Классон побывал почти на всех оперных спектаклях, но особенно любил «Аиду», «Травиату», «Кармен», «Руслана и Людмилу».

У него не было хорошего музыкального слуха, он никогда не пел, но иногда насвистывал (например, при игре в шахматы) некоторые арии (из «Травиаты» в частности) и марши (из «Аиды», «Кармен»). Так я запомнил несколько оперных мелодий, прежде чем сам услышал эти оперы. Я не помню, чтобы отец когда-нибудь бывал на симфонических концертах.

В студенческие годы Классон при разговоре по телефону впервые обнаружил, что почти глух на одно – левое – ухо. Впоследствии, в 1910-х, он стал хуже слышать и на другое ухо. Ушной врач регулярно делал ему продувания, что, может быть, стабилизировало слух. Тем не менее, он хорошо приспособился к плохому слуху, участвовал в заседаниях, говорил по телефону, слушал музыку, бывал в театре, в обществе. Высокие – женские и детские голоса – он лучше слышал, чем мужские.

При шуме, например, в машинном зале или в автомобиле он понимал негромкий разговор лучше, чем люди с нормальным слухом. Из его детей слабость слуха унаследовала только дочь Татьяна, у которой она проявилась тоже в молодости.

Классон был требователен к рабочим, но особенно к инженерам. В то же время он бережно относился к людям и считал, что способный человек, не умышленно и не по небрежности сделавший даже крупную ошибку, вряд ли ее повторит.

Классон не уклонялся от необходимости делать замечания своим сотрудникам или детям и иметь с ними разговор на неприятную тему, но делал это, насколько возможно, тактично. По его словам, в молодости он часто писал очень резкие деловые письма, но убедился, что они почти никогда не достигают цели – в отличие от деловых разговоров, в которых обоснованная резкость иногда бывает полезна.

Он говорил, что выше всего ценит гражданское мужество и больше всего ненавидит хулиганство и хамство и с сожалением замечал, что оба эти явления наиболее распространены, а гражданское мужество особенно редко – в России, пережившей три столетия крепостного права. Он не любил толпы – неорганизованного скопления людей.

Недостатками Классона были повышенная нервозность, раздражительность, нетерпеливость. Он чересчур доверчиво и недостаточно критично относился к людям и лишь в последние годы жизни пришел к убеждению, что «люди не выносят хорошего обращения» или «портятся от хорошего обращения».

Классон был на «ты» только со своей матерью, сестрами, женой, детьми и товарищами по киевской гимназии. Со всеми остальными взрослыми людьми он был на «вы». Он никогда не обращался на «ты» односторонне к своим подчиненным, как это – по непонятной причине – широко принято у нас.*

Он был доступен. Вход в его служебный кабинет в Москве был из коридора, а не через комнату секретаря, как это обычно [принято] в наше время. Если был занят, например, совещанием или диктовал стенографистке, то зажигал красную лампу при входе в служебный кабинет. Он диктовал в рабочее время деловые и другие письма (например, мне), статьи, большие записки стенографам (в Баку Палуевой, в Москве – русские – Соловьеву, кажется, и Зиллаку – немецкие, потом – Зинаиде Васильевне Шеиной).

Но обдумывал всю эту письменность во время вечерних прогулок (сам об этом говорил мне). Правда, часто вносил такие поправки в стенограммы, что их приходилось перепечатывать.

Классон был любящим отцом, очень заботился о здоровье, физическом воспитании, духовном развитии детей, их обучении иностранным языкам – и трое из них знало, как и он, три языка, кроме русского. Старшего сына он в шесть лет учил гребле, а в семь – черчению с рейсшиной в трех проекциях, а позже счету на логарифмической линейке. Взрослым детям он был близким другом.

Близкими товарищами Классона стали: со студенческих лет Я.П. Коробко, со времени работы в Баку – Л.Б. Красин, Э.А. Ленер, А.В. Винтер, В.В. Старков, затем и Г.Б. Красин. Дружбу с ними он сохранил до конца жизни.

Классон доверял людям. Будучи в отпуске и плывая на лодке на одном из озер на севере Италии, он обратил внимание на легкие весла, спросил лодочника, сколько они стоят, заплатил и договорился с ним, что лодочник пошлет весла посылкой в Баку. Вернувшись из отпуска, Классон вскоре получил эту посылку.

Отец был наблюдателен и в «свете». Однажды, будучи в Художественном театре с дочерью и сыном, он в антракте показал им, как забавно, стоя у стены рядом с зеркалом на бельэтаже, наблюдать дефилирующую публику на подходе к этому зеркалу: люди, еще не видя свое отражение, поправляли прическу, одежду, осанку, заботились о выражении лица.

* Обращение «товарищ» и на «ты», распространенное в начале XX века среди большевиков, в 1920-30-х трансформировалось в подобострастное обращение по имени-отчеству и на «вы» к начальнику и в хамское, по фамилии и на «ты», к подчиненному. – Примеч. М.И. Классона

Классон хорошо знал классическую литературу, особенно ценил Тургенева, Герцена, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Шиллера, Гете, а из новых писателей – Джека Лондона. Любил юмор немецкого сатирика, поэта и художника Вильгельма Буша (1832 – 1908) * и своего современника В.М. Дорошевича, прогрессивный сатирический немецкий журнал «Симплициссимус», петербургский пародийный театр «Кривое зеркало».

Кроме русских толстых журналов он подписывался на немецкий журнал изобразительных искусств «Die Kunst», а с 1915 г. на французский «Illustration», с 1912 г. на начавшую выходить «Природу», позже – на «Scientific American». В 1919 и 1920 гг. он привозил из-за границы литературные новинки: «9 ноября» Келлермана, антивоенный роман «Friedensgericht», утопический роман «Peter, der Zirkusmensch», «La Garçonne» Поля Маргерит.

Он говорил, что несколько раз перечитывал «Отцов и детей» и каждый раз замечал новые интересные места, на которые раньше не обратил внимания. У Герцена он знал и ценил не только широко известные «Былое и думы», но и «Доктора Крупова», «К вопросу о происхождении понятия чести». ** Иногда повторял понравившиеся ему остроумные сравнения, например, «со скоростью молнии, смазанной маслом» (я обнаружил уже в 1920-х в старых стопках «Симплициссимуса», что прусский унтер-офицер, тренируя новобранцев в парадном марше, объяснял, что они должны выбрасывать ноги «wie zwei jeölte (gelb) Blitze» – «как две желтые молнии»). Он не говорил: «ты заслоняешь головой», а – «отодвинь торричелиеву (пустоту)!»

Отец иногда очень к месту цитировал классиков, например, что «с глупостью даже боги борются тщетно» Шиллера (когда он увидел, что я курил). Ему нравилась чья-то дореволюционная острота: «Россия по недоразумению считается сельскохозяйственной страной, на самом деле она страна музыкальная – ведь в ней больше консерваторий, чем сельскохозяйственных высших учебных заведений!».

О каком-нибудь особенно возмущившем его явлении в царской России он говорил: «в демократической стране это вызвало бы запрос в парламент!»

У Классона был большой диапазон интересов в технике, науке и экономике. Он считал, что архитекторы при проектировании жилых и служебных зданий должны были бы учиться у проектировщиков кораблей и железнодорожных вагонов, достигших исключительно высокого использования кубатуры кают и купе. Он был убежден, что в пассажирском сообщении между Москвой и Ленинградом авиация не может конкурировать с ночными поездами со спальными вагонами, в последних время в пути целиком используется на сон, утренний туалет и завтрак. В дневных поездах он, если мог выбирать, ехал сидя спиной к движению, так как при крушениях большая часть травм – это переломы ног ниже колен о противоположную лавку при резком торможении поезда.

Кроме его творческой натуры у Классона были еще две страсти: охота и путешествия. В Баку он охотился на кабанов, на гусей и уток на оз. Лиман. Прочитав в немецком руководстве по искусству стрельбы из дробового ружья рекомендацию, целясь в летящую птицу, смотреть обоими глазами, Классон сразу это испытал и стрелял в этот раз гораздо хуже обычного. Но уже при втором выезде на охоту результаты нового способа стрельбы превзошли все ожидания.

В 1908-11 гг. он был членом Московского охотничьего общества, ездил главным образом на зимнюю охоту на зайцев, лис и волков. На осеннюю охоту на уток изредка ездил в имение Армандов – в Заболотье за нынешним Загорском. ***

* Книжка Вильгельма Буша для детей «Макс и Мориц» была и в семье И.Р. Классона.

** Более точно: «Несколько замечаний об историческом развитии чести». // «Современник», 1848 (но с цензурными изъятиями).

*** Ранее и теперь – Сергиев Посад.

С начала строительства «Электропередачи» он охотился преимущественно там, особенно любил охоту зимой на лис и весной охоту на тетеревов и глухарей на току и на вальдшнепов на тяге. С ухудшением здоровья охота оставалась единственным видом спорта, которому Классон остался верен. В зиму 1907/08 года, когда выпало много снега, он, становясь на номер (т.е. занимая место перед началом гона обложенного зверя), сошел с лыж и провалился по пояс в снег.

И вот в апреле 1908-го на Страстной неделе в Москве [\[из-за обильного снега\]](#) произошло небывалое наводнение, все набережные оказались затопленными. Станцию на Раушской набережной – после двух суток круглосуточной работы по установке насосов и эжекторов для откачки воды из ее подвалов – все же затопило, и ее пришлось остановить на несколько дней.

После спада воды промокшую обмотку генераторов сушили, сначала в режиме короткого замыкания. Классон отмечал потом с юмором, как одна из газет написала: на станции сейчас сушат машины, а когда они высохнут, то будут сушить электроэнергию!

Он любил чистый воздух, солнце, море и горы. Начиная со своей работы в Баку и до революции, отец пользовался ежегодным 6-недельным отпуском, который до 1914 г. проводил за границей, большей частью на юге, на Средиземном море или в горах. Он много раз бывал в Швейцарии и Италии, побывал на юге Франции, в тогдашней Австро-Венгрии в Доломитах, Далмации, на острове Бриони, в Константинополе (ныне Стамбул), который считал красивейшим городом, Смирне (Измир), Греции, Египте, где поднимался на пирамиду. По служебным делам был один раз в Дании и Швеции. Иногда в начале или конце отпуска он заезжал к матери в Киев или к семье на Балтийское море.

Он очень ценил солнце. Однажды в ясный день в феврале на «Электропередаче» положил на выходящем на юг балконе-лоджии (рядом с его комнатой на втором этаже) на шезлонг – доху и полчаса грелся на солнце.

Классон много лет болел своеобразной формой грудной жабы, припадки которой повторялись у него часто. Но в то же время для его здоровья и работоспособности были характерны следующие обстоятельства (часть которых мы уже упоминали): у него никогда не болела голова, он очень легко засыпал в положенное время вечером и днем после обеда.

Летом 1914 г. война помешала ему пройти курс лечения в санатории за границей. В 1915-17 гг. он проводил отпуск в Крыму.*

В 1919 г. лечился в санатории над [\[курортом\]](#) Монтре в Швейцарии. При поездках в Германию по делам Гидроторфа в 1921 и 1921/22 годах он, поглощенный мыслями о развитии Гидроторфа, откладывал санаторное лечение и прошел его лишь в 1923 и 1924 гг. в Наухайме и в 1925 г. в Киссингене. Несмотря на болезнь Классон мог много ходить, не бросал охоты, был исключительно работоспособен и жизнерадостен.

Он ходил пешком на охоте, во время отпусков, а начиная с 1911 года и на болотах «Электропередачи». Будучи в Москве он ежедневно вечером после ужина тоже ходил пешком, обычно к Евгении Николаевне на «Кисловку», 4 километра туда и обратно, а иногда до Каменного моста и обратно [\[когда встречал дочь Екатерину с учебы? – МК\]](#).

* «Первоначальные попытки подвешивать торфосос к треножнику, с многократными перестановками его в течение торфяного сезона, окончились полной неудачей. Торфосос очень скоро вырабатывал вокруг себя всю торфяную залежь, и большая часть торфяного сезона тратилась не на работу, а на перестановку треноги и торфососа. Эта неудача очень сильно обескураживала Роберта Эдуардовича, и в августе 1917 года, в Гурзуфе, после совместных грустных размышлений на эту тему, впервые решено было применить для подвески и перемещения торфососа кран, который в то время казался чрезмерным усложнением установки». – Из выступления В.Д. Кирпичникова на вечере памяти 14 февраля 1926 г.

Тела изобретателей отдыхали, а мозги переключиться на отдых не могли!

Отец был немного выше среднего роста, имел хорошую осанку, был подвижен. Досу-жие журналисты писали про него неправду: что он был сухощав, что у него были тонкие пальцы, что он заикался, носил кожаную куртку, ходил в городе (в ВСНХ, в комиссию ГО-ЭЛРО и т.п.) в высоких болотных сапогах! На самом деле в городе и до и после революции носил пиджачный костюм и шляпу, в холодное время года – пальто. В городе ходил с тростью. Сапог в городе, а кожаной куртки и кепки вообще, не носил.

Классону везло в том, что услышав от одного из швейцарских банкиров о размыве в Америке золотоносного песка струей воды высокого давления, он применил идею такого размыва к добыче торфяного топлива на торфяной залежи с промежуточной стадией полужидкой «гидромассы», транспортируемой с помощью насосов по трубопроводам, т.е. идее гидроторфа. В 1920 г. Классону снова «повезло», когда его зять В.И. Богомоллов начал работать в Гидроторфе [\[на том момент, в Главторфе – МК\]](#) и, зная с 1900-х годов А.М. Горького, М.Ф. Андрееву и ее сына Ю.А. Желябужского, привлек последнего к съемке фильма на «Электропередаче».

Классон на всех стройках и предприятиях в эксплуатации, которыми он руководил, обращал особое внимание на подбор по-деловому работоспособных кадров, воспитание их, их материальное и бытовое положение, безопасность работ. Он умел создавать у своих сотрудников глубокий интерес к делу.

Его страстность в работе действовала заразительно. В результате с ним стали работать такие выдающиеся инженеры, а позже и химики, и мастера, как Николай Иванович Языков, Леонид Борисович Красин, Василий Васильевич Старков, Виктор Дмитриевич Кирпичников, Александр Васильевич Винтер, Александр Георгиевич Штумпф, Иван Вячеславович Николаев, Удалов, А.В. Эйхель, Дмитрий Яковлевич Крашенинников, Альфонс Иванович Швальбах, Б.А. Барсуков, Б.М. Крылов, Ф.А. Рязанов, Землянский, А.В. Волков, И.А. Бауэр, П.Н. Ефимов, Л.А. Ремизов, К.Е. Мягков, В.В. Блюменберг, Б.В. Мокршанский, Н.В. Земцов, Г.Л. Стадников, Н.Н. Гаврилов, Петр Григорьевич Грудинский.

С.Н. Мотовилова считала, что Классон был прекрасным, ярким, остроумным собеседником.]

[\[Об учебе в Берлине](#)

Оригинальны были лекции по теплотехнике проф. Драве. Он часто очень красочно рассказывал об интересных случаях в своей прежней работе инженера на машиностроительном заводе Эрхард унд Земер в Саарбрюккене в 1900-х годах. Этот завод одновременно с Круппом начал строить двигатели внутреннего сгорания на низкокалорийном газе доменных печей (до этого доменный газ вовсе не использовали [\[\(а выбрасывали в атмосферу\)\]](#)).

Это были тихоходные горизонтальные поршневые машины с цилиндрами больших размеров. Вскоре после установки на металлургических заводах первых таких машин начались аварии с ними. Как правило, лопалось полое чугунное литье, служившее стенкой цилиндра и образующавшее рубашку для его охлаждения водой, причем трещина возникала в углу между цилиндрической и плоской стенками литья, где оно было толще. Аварии особенно часто происходили после воскресного перерыва работы машин.

Драве вспоминал: «Мы, наконец, по понедельникам прямо боялись идти на завод, ожидая, что пришли телеграммы о новых авариях с газовыми двигателями!»

Такие же аварии происходили и с двигателями [\[производства\]](#) Круппа. Только после этого эмоционального вступления Драве нарисовал на доске разрез цилиндра, показал утолщения литья в углах рубашки, из-за которых охлаждение чугуна в этих местах после остановок машин и нагрев после пуска происходил медленнее, чем в остальном литье, так что создавались температурные напряжения в металле. Драве показал на разрезе, как инженерам удалось изменить форму цилиндра, после чего аварии прекратились.

К работе Драве на заводе Эрхард унд Земер начинающим дипломированным инженером (он учился в Берлине) относился и его рассказ, как он был поражен, увидев, что один техник очень быстро сделал чертеж новой детали. Драве спросил, была ли у него «Vorlage» (готовый образец), а техник ответил обнадеживающе: «Когда Вы, г-н Драве, проработаете десять лет в порядочной фирме, вы это тоже сможете!».

Этот термин «Vorlage» был очень распространен у студентов Берлинской высшей технической школы. Когда я высказал желание делать учебный проект однофазного трансформатора мощностью 5 Мва и напряжением 110 кв (вместо обычного проекта трехфазного трансформатора небольшой мощности), то у ассистента прежде всего возникла мысль, что у меня есть «готовый образец». У меня его не было, и я, конечно, хлебнул горя с проектом сравнительно крупного в то время трансформатора!

Любимым афоризмом Драве были слова «Denken ist Mist!» («думать – это навоз!»). Это утверждение он каждый раз обосновывал или иллюстрировал новым примером из своей инженерной практики. Например, он рассказал, как в одном конструкторском бюро проектировали газогенераторы для нового вида твердого топлива. Сначала решили, что колосники должны вращаться.

После не очень удачных испытаний опытного образца сложными размышлениями пришли к выводу, что колосники должны двигаться по мудреной кривой, кажется, по эпициклоиде, что с большой затратой умственного труда было достигнуто в конструктивных чертежах, однако в новом опытном образце процесс газификации шел совсем плохо.

Кстати, подобный случай был у Р.Э. Классона и В.Д. Кирпичникова: пытаюсь сначала решить проблему торфодобычи на пнистых болотах механическим способом, они построили пенъевой сепаратор, который кое-как работал, но вторая, улучшенная модель совсем не пошла! Тем временем они пришли к гидравлическому способу добычи торфа.

Своим афоризмом Драве хотел в грубой, но запоминающейся формулировке внушить студентам, что решать технические задачи надо на основе расчетов, опыта, экспериментов, но не путем отвлеченного мышления. Кстати, афоризм Драве напоминает современное отрицательное отношение к «волевым решениям»!

Мне запомнились многие рассказы Драве. Например, только из них я узнал, что еще в начале XX века в немецкой промышленности работало много чернорабочих-итальянцев. А в наших газетах 1960-х годов часто говорится об итальянских рабочих в ФРГ и Швейцарии, но я не встречал упоминания, что их было много в Германии и до Первой мировой войны!

Многие профессора Берлинской высшей технической школы часто включали в свои лекции остроты, забавные примеры, анекдоты и др. юмористические или поучительные отступления. Кстати, в «Скучной истории» Чехова старый профессор говорит, что, когда в середине лекции он замечает, что внимание слушателей утомлено, он пользуется первым удобным случаем и рассказывает какой-нибудь каламбур. Это освежат внимание слушателей, и профессор может продолжать лекцию.

Веддинг, читавший введение в электротехнику два семестра, два раза в неделю по два часа, двум потокам (летом с 7-ми час и еще раз ту же лекцию с 9-ти час утра!), по-видимому, уже много лет повторял одни и те же остроты. Во всяком случае, однажды он повторил их на обеих лекциях, в чем убедился мой товарищ, нарочно пойдя на одну лекцию в 7 и в 9 час!

Орлих своих острот не повторял, даже в тех случаях, когда острота прямо напрашивалась по ходу лекции. Орлих, читавший один семестр электрические измерения и четыре семестра – теоретическую электротехнику, каждый год ездил со студентами на весеннюю Лейпцигскую техническую ярмарку на льготных условиях в вагоне четвертого класса и заранее на одной из своих лекций объявлял о времени и условиях поездки.

В первый раз, когда я слушал его в зимнем семестре, он добавил: «конечно, мы поедем в дважды втором классе» («zwo mal zwoter Klasse»). Через год я услышал уже другую формулировку: «мы поедем в классе поэтов и мыслителей» («in der Klasse Dichter und Denker»).

Второй курс теоретической электротехники я слушал [из-за болезни] повторно и с любопытством ждал, какую из обеих формул применит в этот раз Орлих. Но он сказал: «я думаю, мне не надо вам говорить, что поезд состоит из вагонов только первого класса!»

Очень полезны были лекции профессора Ойген Майера по технической механике. Этот курс читался первые четыре семестра, два раза в неделю по два часа и содержал: статику, кинематику, динамику, сопротивление материалов, гидравлику и начала аэродинамики.

Я не знаю, вел ли Майер научную или конструкторскую работу, как Орлих, в лаборатории которого (одновременно с лабораторией Роговского в другой немецкой высшей школе) была разработана первая модель катодного осциллографа, или как Клосс, работавший по расчетам электрических машин у Сименс-Шуккерта, и многие другие профессора.

Но лекции Майера очень хорошо укладывались в голове, а упражнения, которые вели его ассистенты и которые полагалось сдавать в жесткие сроки в течение каждого семестра, укрепляли эти знания и создавали навыки графического решения задач по статике и сопротивлению материалов, причем построение делалось острым карандашом с точностью до 0,1 мм! Майер читал несколько сухо и не импровизировал. Однажды, читая лекцию о трении, он захотел экспромтом вывести условия заклинивания мебельного ящика, при его выдвигании, из его конфигурации и коэффициента трения, но сразу запутался, смутился и отложил вывод до следующей лекции.

Майер за 4 семестра рассказал нам всего один анекдот, зато я, а м.б. и многие студенты запомнили на всю жизнь и этот анекдот и то явление в сопротивлении материалов, которое он пояснял. При изгибе балки в ней возникают два рода напряжений: во-первых, напряжения растяжения и сжатия с максимальными значениями в периферийных волокнах балки и минимальными вдоль ее оси; во-вторых, напряжения среза (скалывания, тангенциальные) с максимальными значениями вдоль оси балки и минимальными в ее периферийных волокнах. Благодаря этому в расчетах прочности напряжения обоих видов между собой не складываются, а рассчитываются независимо одни от других.

Сообщив об этом, Майер сказал: «Это напоминает мне старую историю о браке ночного сторожа и прачки. Это было задолго до введения 8-часового рабочего дня, так что прачка бывала на работе с утра до позднего вечера, а сторож – всю ночь, и они почти не встречались друг с другом. Это был счастливейший брак!» Овация, устроенная студенческой аудиторией Майеру после этой аналогии (топанием сидя – Trampeln), превосходила все овации или одобрения, которые мне пришлось слышать на лекциях в Берлинской школе.*

Когда Майер в курсе технической механики читал раздел динамики, он на лекции показал нам опыт, иллюстрирующий сохранение момента количества движения. Он встал на подставку, легко вращающуюся на шариках вокруг вертикальной оси, и велел медленно его завертеть, при этом он держал гантели в раздвинутых руках.

Затем он быстро прижал руки с гантелями к груди. Естественно, скорость его вращения резко возросла. Это было очень убедительно.]

* Младший сын И.Р. Классона – Михаил может подтвердить, что в своей юности слышал от него не раз сию сентенцию про счастливую семейную пару (ночного сторожа и прачки)!

[«О массовом производстве»

(примечание к одноименной статье Р.Э. Классона)

В середине 1920-х (после 1923 года), когда в Германии была введена твердая валюта и началась реконструкция промышленности на средства, которые поступали из США по планам Дауэса и Юнга*, имело место массовое паломничество немецких инженеров в США для ознакомления с передовыми американскими технологиями производства. После одной из таких поездок профессор Берлинской Высшей технической школы отметил в своем докладе, что, в отличие западно-европейских обычаев, в Америке в то время было принято показывать заводы посетителям: «Нам вообще все показывали, но если мы говорили, что работаем в такой-то области, то в этой области американцы показывали нам уже абсолютно все, во всех деталях!».

Очевидно, такая деловая этика, существовавшая в США в течение нескольких десятилетий, так же как и ряд объективных причин (высокий уровень заработной платы, большой внутренний рынок без таможенных барьеров, отсутствие феодальных пережитков в с.х., длительный процесс освоения новых земель в средних и западных штатах, золотая лихорадка в Калифорнии и затем на Юконе, отсутствие внутренних войн после 1860-х, позднее вступление США в 1-ю мировую войну) способствовали быстрому прогрессу народного хозяйства.

В 1913-14 годах Э.Р. Ульман рассказывал Классону, что на Петербургской станции «Общества 1886 г.» он применял такой метод комплектования автогаража. Приобретались дешевые автомобили американского производства, часть деталей быстро выходила из строя и заменялась новыми, изготовленными в мастерских гаража из дорогой бронзы, должным образом закаленной стали и т.п. После этого американские машины могли надежно работать несколько лет. Экономически это было оправдано по сравнению с покупкой более дорогих автомобилей европейского производства.

Интересно, что Форд в начале своей деятельности применял этот же метод наблюдения, какие части выходят из строя при длительной работе нескольких автомобилей, – как наиболее простой способ выявления того, что изготавливать из более прочных или износостойких материалов или более надежной конструкции.]

[О личной жизни

Осенью 1926 г. я женился на Марье Ивановне Лисовской, стенографистке торгпредства СССР, брак зарегистрировали в полпредстве СССР в Берлине, и мы жили у фрау д-р Хелькер в Ной-Темпельхофе**.

* В ноябре 1923 года под руководством американского генерала Дауэса и английского финансиста Г. Мак-Кензера начала работать комиссия экспертов по определению платежеспособности Германии, В августе 1924 года на Лондонской конференции Европе и Германии был продиктован уже сам план Дауэса. 30 августа 1924 года вышел закон о денежной реформе, и с этого дня план вступил в силу. Теперь Дауэс объявил: в ближайшие пять лет Германия выкладывает «на бочку» по полтора миллиарда марок золотом, потом — по два с половиной. Контроль над немецкой военной промышленностью резко ослабевал, а под право контроля немецких железных дорог и банков Штаты давали Веймарской республике первый кредит в 200 миллионов долларов на восстановление экономики.

В июне 1929 года на очередной Парижской конференции директивы Дауэса заменили планом пятидесятипятилетнего американского финансиста Оуэна Д. Юнга. Впрочем, Юнг занимал еще один пост: главы «Дженерал электрик», ДЭК, — лучшей подруги AEG Ратенау, не считая постов в Федеральном резервном банке и в «Дженерал Моторс» неугомонного Моргана. Германия к 1988 году она, по плану Юнга, должна была выплатить 112 «золотых» миллиардов по такому вот графику: до 1966 — по 2 миллиарда в год, после 1966 — по 1,6-1,7 миллиарда... Вот как долго Новый Свет намеревался экономически доить свою новую «дойную корову»... — Из Интернета

** Т.е. у той же хозяйки, у которой И.Р. Классон снимал комнату в самом начале своей учебы в Берлине.

<...> Летом 1927 г. ездили с Марией Ивановной в Швейцарию. Жили в Женеве в гостинице, но ежедневно виделись с семьей моей тетки Иоханны Кристиани.

<...> Моя первая жена Марья Ивановна училась в Ксеньинском женском институте в Петербурге. До революции работала в банке. Позже она выучила звуковую систему стенографии и, работая с 1922 г. в Торгпредстве СССР в Берлине стенографисткой, могла записывать речи или диктовки не только по-русски, но также по-немецки и по-французски.

В моем первом браке пострадала Марья Ивановна, м.б. это сократило ее жизнь.

О личной жизни – среди моих ближайших родственников большей частью имеются неудачные браки (Таня, Павел, Андрей, конечно, во многом Михаил, по крайней мере, одна сторона очень страдала). У Кати – удачны только сын, внуки и невестка, но не муж! Это уже очень много!!]

[Как Кржижановский не пускал меня за границу

(20 мая 1965 г.)

По сообщению сотрудника Института Маркса-Ленина тов. Цирульников (ему нужно было получить от меня основные данные обо мне – год рождения, должность и место работы для помещения в указатель имен тома 54 5-го издания «Полного собрания сочинений В.И. Ленина») в этом томе будет впервые (вообще) опубликована секретная записка Ленина Уншлихту от 18 марта 1922 года, отменяющая более раннюю записку ему же о том, чтобы не давать разрешения на выезд за границу Ив. Роб. Классона.

Надо пояснить. Р.Э. Классон хотел, чтобы я еще осенью 1921-го поехал учиться в высшем учебном заведении в Германию или Швейцарию и обращался с соответствующей просьбой к Ленину. Однако разрешение на выезд за границу получено не было. Отец был уверен, что отказ исходил не от самого Ленина, но не мог догадаться – от кого? Позднее (в конце 1922-го) ему стало известно, что его просьбу Ленин, как не знавший меня, переадресовал на усмотрение Г.М. Кржижановского, его отрицательный ответ и стал в этом деле решающим.

В августе или сентябре 1922-го ходатайство было возобновлено через И.И. Радченко, работавшего тогда и заместителем наркома Внешторга, где в такой же должности работал и Ягода. Отец и я не знали тогда, что отказ в разрешении моего выезда за границу был уже отменен (еще в марте) и самим Лениным!*

Радченко получил тогда разрешение (он же и один из его помощников давали за меня ручательство), и я получил заграничный советский паспорт и 14 сентября выехал из Москвы через Ригу, а 18 сентября приехал в Берлин, где учился сначала в качестве вольнослушателя, а после сдачи «дополнительных экзаменов по курсу прусского реального училища»** – действительным студентом Берлинской высшей технической школы.

Еще в сентябре 1922-го я встретил в Берлине, в семье Старковых, Г.М. Кржижановского и его жену Зинаиду Павловну. Однажды зайдя еще раз к Старковым я застал у них дома одного Кржижановского. Он должен был через несколько дней вернуться в Москву. Пожимая мне руку, он с чувством сказал, что желает мне найти здесь (т.е. в Германии) то, что я ищу (т.е. учиться в высшей школе).

* Документы по невыезду/выезду И.Р. Классона за границу приведены в конце очерка «Под большевиками».

** Соответствующее Zeugnis (свидетельство) от 1 ноября 1924 г. хранится в ф. 9508 (имея шапку Deutsches Institut für Ausländer / An der Universität Berlin): «Herr Johann Klasson <...> hat sich auf Grund der Verfügung der Zentralstelle für das Studium der Ausländer im preußischen Ministerium für Wissenschaft, Kunst und Volksbildung vom 1 August 1924 einer Ergänzungsprüfung nach den Anforderungen einer preußischen Oberrealschule in den Fächern Deutsch, Mathematik, Physik, Chemie mit gutem Erfolge unterzogen und die Prüfung bestanden, so daß er nunmehr ausnahmsweise zur Vollimmatrikulation an einer preußischen Hochschule zugelassen werden kann».

Я тогда же чисто интуитивно почувствовал, что эта фраза была не случайна, что препятствовал моему учению за границей именно он. Позже благодаря случаю я узнал, что это так и было и сказал отцу.]

[Этот нехороший Кржижановский...]

Ни в одной статье, книге, очерке о Кржижановском и во всей отечественной литературе не отмечен ни один существенный его недостаток или поступок. Он как бы причислен к лику святых! Но со слов отца в 1920-х, со слов его и моих товарищей я знаю следующее.

До революции Кржижановский открыто не выступал против деятельности отца. Но за его спиной Кржижановский с двумя другими руководителями «Электропередачи» убеждали самого молодого «гидроторфиста» – тогда практиканта П.Н. Ефимова перейти на другую работу, т.к. он испортит свою карьеру, занимаясь безнадежным делом, на котором вдруг помешался отец. Ефимов их не послушался и в дальнейшем стал выдающимся специалистом в торфяной промышленности.

“Припоминается случай, когда на опытное поле, где мы вдвоем с товарищем занимались в воскресный день приведением в порядок своих записей, пришли трое весьма почтенных работников «Электропередачи» и, несмотря на огромную разницу положений (мы были скромные, начинающие инженеры, а они руководили крупнейшим предприятием), пользуясь тем, что мы одни, начали вести с нами «разговор по душам». Работа с гидроторфом, по их мнению, пахнет шарлатанством, наш патрон Р.Э. Классон по меньшей мере сумасшедший, а наша техническая репутация после участия в таком деле становится сомнительной. Однако такую «заботу» о репутации мы не оценили к глубокому прискорбию наших посетителей”. – Выписано И.Р. Классоном в октябре 1975-го из статьи П.Н. Ефимова «25 лет Гидроторфа» («За торфяную индустрию», 1940, №6)

В 1917-20 гг. Кржижановский, будучи председателем правления «Электропередачи», в той или другой форме отстранял отца от руководства этой станцией и допускал разложение дисциплины. В феврале 1920 г., когда в результате технического и организационного разложения на станции вышли из строя два из трех турбогенераторов, Кржижановский предложил отцу организовать их ремонт. На замечание отца, что при последней, проведенной Кржижановским реорганизации руководства «Электропередачей» он, Классон, вообще был выведен из него, Кржижановский ответил, что это не будет иметь никакого значения. *(Если и последний турбогенератор выйдет из строя, то тогда никто не станет разбираться в таких [не существенных по сравнению с политическими последствиями прекращения электроснабжения Москвы] вопросах).**

Классон продолжая чувствовать «Электропередачу» своим родным детищем, взялся за организацию ремонта вместе с турбинным мастером Раушской станции А.Г. Штумпфом. Ремонт удалось выполнить за один месяц, при этом выявилось недопустимое разложение эксплуатационного персонала. Значительная вина в этом была председателя завкома *[коммуниста Григория Жукова?]*, бывшего больничного сторожа, который, например, вызывал явиться в завком дежурного инженера станции во время его смены.

* 03.12.1919 г. Протокол заседания Правления Государственной Электрической станции «Электропередача»

Присутствовали члены Правления: пред. Правления Г.М. Кржижановский, Р.Э. Классон, В.В. Старков, Б.Н. Смирнов, А.И. Эйсман, М.В. Кудряшов, М.Ф. Акимцев, С.А. Медведев, Н.Л. Голованов; зав. кабельной сетью И.Ю. Осипов; архитектор В.Н. Никольский.

Об изменении Формы Управления: вместо Дирекции, состоящий из Директоров – Г.М. Кржижановского, В.В. Старкова и Р.Э. Классона, избран один ответственный руководитель – Г.М. Кржижановский и заместитель – В.В. Старков; <...>

Классон тогда потребовал наладить дисциплину, что и было поручено дельному члену завкома Раушской станции М.В. Кудряшову. Классон снова был восстановлен в должности технического руководителя, а вскоре был назначен, с постоянным пребыванием на «Электропередаче», зам директора А.И. Таиров.

В 1930 г. Кржижановский во время следствия, а затем и суда по делу Промпартии дважды выступал публично с докладами и своим авторитетом поддерживал это дело (хотя после разоблачения культа Сталина [расстрелянные] инженеры МОГЭС Кирпичников, Яновицкий, Барсуков были реабилитированы).

Причем Кржижановский заявил, что профессор Кирш, если бы он не умер в 1919 г., тоже был бы осужден как вредитель.* Тогда Теплотехнический институт имени Кирша (и фактически им основанный) стал носить имя Дзержинского.

Не следует думать, что абсолютно все инженеры, арестованные по «делу Промпартии», сознались и что все не арестованные считали это дело не липой. Известно было, что из человек пятидесяти энергетиков не сознались трое: Н.Н. Вашков, Д.И. Верещагин и Н.И. Языков (последний, благодаря хлопотам А.С. Енукидзе, был освобожден без осуждения).

Писатель Флаксерман очень расписывает, что Кржижановский в 1930-е был снят в Госплане, т.к. был противником неправильного планирования энергетики («борьба с гигантоманией», сооружение средних электростанций), в результате чего эта отрасль в начале войны, особенно на Урале, куда была эвакуирована большей частью оборонная промышленность, стала узким местом. Но Флаксерман не приводит ни одного документа (или да-ты), где Кржижановский пытался бы выступить за обеспечение ведущего места энергетике.** А между прочим в 1930-х (между 1932-м и 1937-м) в газете «За индустриализацию» было одно правильное выступление по планированию электроэнергетики.

В 1950-х в Энергетическом институте травили, с участием самого директора ЭНИНа Кржижановского, выдающегося инженера, бывшего могэсовца Н.А. Поляка, который отказался участвовать в липовом выпуске прежней своей работы под новым названием, чтобы не обнаружилось невыполнение целого пункта производственного плана, о котором руководство ЭНИНа забыло.***

Руководство же Теплоэлектропроекта, услышав об этой травле и зная Поляка по его деятельности в течение трех десятков лет и по опубликованным трудам, приняло его к себе. Так что он не был затравлен до конца, как это у нас иногда происходило. Как утверждал Н.А. Поляк при случайной встрече со мной в ТЭПе, заместитель директора ЭНИНа Винтер в этой травле не участвовал. Я при этом невольно вспомнил слова Р.Э. Классона, что Радченко всегда ненавидел Гидроторф, но лично к Классону относился хорошо и много раз оказывал помощь, а Кржижановский наоборот, после признания гидроторфа Лениным в 1920 г., не действовал против Гидроторфа, но зато не было такой гадости, которую Кржижановский не сделал бы лично Классону.

Кржижановский совершенно иначе, чем в 1916-м, относился к гидроторфу после признания его Лениным. Например, в 1926-м – в написанном профессором Г.М. Кржижановским некрологе Р.Э. Классону (журнал «Электричество», 1926, №4).

* Карл Васильевич Кирш в 1901-м окончил Императорское высшее техническое училище и остался преподавать в нем, с 1906-го читал курс заводских топок и котельных установок.

** По-видимому, речь идет о книге: Ю.Н. Флаксерман. Глеб Максимилианович Кржижановский / М., Наука, 1964.

*** Натан Акимович Поляк работал в МОГЭС ст. инженером электрической группы техотдела, уволился в 1939-м; о том, что «он не был затравлен до конца», говорит хотя бы публикация им фундаментального труда: Современные крупные двухполюсные турбогенераторы. Машиностроение, М, 1972, 471 с.

Но ведь [еще] в 1916-20 годах, многие инженеры, видевшие гидроторф, не считая инженеров-гидроторфистов (Кирпичников, Штумпф, Рязанов, Ефимов, Ремизов и др.), его [уже] оценили.

Л.Б. Красин летом 1920-го сказал Классону, что говорил о гидроторфе с Лениным, и м.б. Ленин выберет время приехать на «Электропередачу». Это не вышло, Ленин увидел гидроторф только 27 октября, в фильме и, не будучи инженером, сразу понял его значение. И тогда Кржижановский тоже оценил гидроторф.

Не гидроторфист Н.И. Зауэр еще 1913 году организовал киносъемку на «Электропередаче», потом в 1916-м, в одном из кадров другой киносъемки, появлялся Л.Б. Красин у деревянного аккумулятора торфяной массы; этот кадр вошел в 1920-м в «знаменитый» документальный кинофильм «Гидроторф» Ю.А. Желябужского.

В некрологе, написанном Кржижановским, уже заметна инфляция понятий «наука» и «ученый» (так, Чернышевский назван ученым), еще совершенно не свойственных Ленину и Классону. В последние десятилетия в деятельности Кржижановского иногда замечались ослабление памяти, умственных способностей, отставание от развития техники – явления естественные, но, по-видимому, Кржижановским не осознававшиеся.

25 октября 1974 года я кончил составление, проверку, улучшение нумерации пунктов, страниц и с коротким письмом отослал Татьяне Васильевне [Старковой-]Лунц записки на 24 (таких как эта школьная тетрадка) страницах «О Глебе Максимилиановиче Кржижановском».

<...> В письме его племяннице Тате я написал, что прошу меня простить, если мои соображения ее огорчат, даже если она мне, возможно, не поверит! (*примечание на полях черновиков: 16 июня 1976 года!**)

[Об арестах «вредителей» и о процессах над ними

В 1928 году проходил Шахтинский процесс (я еще учился в Берлине). После того как в начале мая 1930-го я приехал в Москву, видел старых товарищей, а потом (в конце лета или осенью 1930 года) начались аресты МОГЭСовцев (Кирпичникова, Яновицкого, Барсукова, Тихомирова, гл. инженера Шатуры Мухина), у меня возникли большие сомнения в истинности их обвинений и показаний. Был арестован Илья Гаврилович Тихомиров – гл. инженер Каширской электростанции. На митинге об этом один из мастеров-электриков рядом со мной говорил Н.И. Красильникову, что он не верит в вину Тихомирова. Красильников сказал ему: молчите, дал понять, что его высказывания неуместны.

Очень неглупый техник Г.Д. Точилин вскоре упомянул презрительно-иронически о «херре Кирпичникове», т.е. тогда он еще считал вредительство фактом. Той осенью мои товарищи в Москве рассказывали, что Шахтинский процесс вызывал большие сомнения.

В конце 1930-го меня принимали в профсоюз на заседании цехкома Каширской ГРЭС. Выступил в мою поддержку один старый могэсовский рабочий (я его не знал, м.б. он был с Шатуры или Каширы) и сказал, что мой отец «был изобретателем гидроторфа и умер безо всякого вредительства». Я помню, что с недоверием относился к газетным сообщениям о «разоблачениях вредителей» и в частности к статье А.М. Горького в «Правде» от 15 ноября 1930 года «Если враг не сдается, его уничтожают» («Если враг не сдается, его истребляют» // «Известия», 15 ноября 1930 года).

* Отсыл или получение реакции на свое, двухлетней давности «подметное письмо»? – Недоумение М.И. Классона

Вскоре (зимой 1930/31 года или позже?) на Каширской электростанции появились арестованные ранее могэсовцы: П.Г. Грудинский (до того начальник технического отдела Правления МОГЭС) стал заместителем Н.И. Красильникова – зав. электротехническим отделом эксплуатации станции; Б. Дм. Мухин, до того гл. инженер Шатурской электростанции (я познакомился с ним на Шатуре еще в 1920-м и 1921-м), стал главным инженером Каширской станции. Кажется, на Кашире стал работать и Б.В. Крылов. Б.А. Барсуков приезжал на Каширу осенью 1931-го или зимой 1931/32 года – снова как член Правления МОГЭСа.

Мы тогда уже знали, что из арестованных около 50-ти могэсовцев и ленинградских энергетиков сознались во вредительстве во время следствия (открытого процесса не было) все кроме двоих – Н.Н. Вашкова и Д.И. Верещагина. Уже в 1970-х я узнал, что не признался во вредительстве так же и Н.И. Языков. Он был, оказывается, вскоре выпущен в результате обращения к А.С. Енукидзе.*

В конце лета 1964-го я был на даче у Ф.А. Рязанова – передал ему книгу М.О. Каменецкого и просил написать на нее рецензию в журнал «Электричество». В разговоре о прошлом он очень интересно рассказал, как во время процесса «Метро-Виккерса» он (арестованный позже других могэсовцев), когда прочел в газете, как [обвинитель] Вышинский на процессе спрашивал обвиняемого М.Д. Крашенинникова, кто был его начальником на 1-й МГЭС, последний ответил – Рязанов, а Вышинский тогда сказал: «что ж, яблочко от яблони недалеко падает!»

Рязанов в то время работал гл. инженером в Дзержинске (Горьковской обл.). Он пришел к своему директору и сказал, что после того как это напечатано в газете, он, очевидно, не может оставаться гл. инженером. Директор успокоил его: никто не придаст значения этому месту в газете. Директор оказался прав.

Рязанов тогда же (в 1964-м) рассказал мне, что первое время после ареста он не признавал себя виновным, пока об этом не узнал ранее его арестованный Кирпичников, сидевший в том же коридоре внутренней тюрьмы на Лубянке, и не дал совет Рязанову – сознаться. Я тогда посоветовал Рязанову обязательно написать и сдать в ЦГАНХ СССР воспоминания. Он очень скоро их написал, показывал мне, Грудинскому. Вскоре они даже были опубликованы, но сокращенные и тщательно выхолощенные от малейшего упоминания о вредительстве, арестах и последующей реабилитации в 1950-х.

Я и позже наблюдал, что для настоящих пролетариев факт ареста, как вредителя, еще не был безусловным доказательством вины последнего. Например, когда в середине 1930-х я был в числе других инженеров Каширской станции, бригадир кабельщиков Чекушкин сказал: «Такой-то (и назвал фамилию своего прораба Яловецкого) – это ладно-то, но Николай Иванович Красильников, ведь он чист как стеклышко!» Несколько позже – после ссылки на о. Амдерму [бывш. зав. электротехническим отделом эксплуатации] Красильникова его мать показала мне письмо от сына, которое он смог отправить по пути в ссылку без цензуры, Он писал, что сознался во вредительстве, так как не мог выдержать нескольких суток без сна при ярких лампах, но заклинал ее верить, что он ни в чем не виноват.** Большинство товарищей по работе арестованных не верили в их вину.

* Амель Сафронович Енукидзе (1877-1937) в 1922-35 гг. занимал пост секретаря Президиума ЦИК СССР.

** Возможно, что по поводу именно этого Николая Ивановича Красильникова появилась такая запись на сайте «Мемориала» – «Жертвы политических репрессий в СССР»:

Красильников Николай Иванович. Родился в 1903 г. образование высшее. Инженер-электрик. Приговорен: Тр. ОГПУ 22 апреля 1933 г., обв.:58-6, 9, 11. Приговор: 5 лет ИТЛ. Начало срока – 19.03.1933. В заключении в Вайгачской экспедиции ОГПУ. – Источник: Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

На сайте «Музея Мосэнерго» данные по Н.И. Красильникову отсутствуют.

На этом фоне представляются недобросовестными или крайне непорядочными высказывания поздней осенью 1930 года Кржижановского в докладе «Вредительство в энергетике» (Кржижановский Г.М. Вредительство в энергетике).

Стенограмма доклада в Комакадемии на собрании инженеров и техников коммунистов 19 и 23 ноября 1930 г. и прений по докладу. М.-Л., 1931) и А.М. Горького в статье «Если враг не сдается, его уничтожают/истребляют»:

За тринадцать лет, работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих товарищей и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении "механических граждан", которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он [(рабочий класс)] сам еще не имеет ясного представления, — в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

*<...> Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют.**

И Кржижановский, и Горький имели широкий круг друзей и знакомых — партийцев и старых интеллигентов, могли сделать должные выводы уже из Шахтинского процесса, а не торопиться лизнуть задницу тогдашнему руководству.

Вскоре после пуска Днепрогэс Винтер рассказывал мне, как официальная доктрина о вредительстве мешала решать важнейшие вопросы развития электроэнергетики, которые нормально должны были решаться на основе технико-экономических расчетов. Он привел пример, что Госплан не мог решить, соединять ли Днепрогэс с энергосистемой Донбасса. Это соединение спроектировали на напряжении 220 кВ, но оно должно было быть осуществлено несколько позже, чем вся Днепровская система (включая Днепропетровск и Кривой Рог) — на напряжении 150 кВ.

Однако когда оказалось, что одни «вредители» до ареста были за ЛЭП Днепр — Донбасс, а другие против, то «решающие товарищи» растерялись. Ведь априори считалось, что вся деятельность всех вредителей была вредна! Все же, после некоторой задержки, ЛЭП Днепр — Донбасс была построена, и это, несомненно было правильным решением.

Нашей семьи аресты в начале 1930-х миновали. Станция «Электропередача», названная именем Р.Э. Классона после его смерти в 1926-м, продолжала и продолжает носить его имя. В то же время портрет Р.Э. Классона в зале заседаний Правления МОГЭС (Управления Мосэнерго), который я видел в мае-июне 1930 года, когда работал до Каширы в Техническом отделе Правления МОГЭС, был, по-видимому, в конце 1930-го снят.

Однако главный врач поликлиники 1-й МГЭС и МОГЭС М.А. Бурштейн имел гражданское мужество сохранить тогда на стене против входа в свой кабинет портрет Р.Э. Классона.

* Здесь И.Р. Классон уже не добрался до «Ленинки», чтобы разыскать первоисточники и выписать из них цитаты; мы легко выполнили эту работу по Интернету (см. выше и в данном месте). — Примеч. М.И. Классона

Сохранение названия станции имени Р.Э. Классона в сущности не означало сохранения признания руководством страны его заслуг. Ведь остались в 1930-х и поныне улицы Л.Б. Красина в Москве, Кургане, Челябинске, карандашная фабрика в Москве им. Л.Б. Красина и даже ледокол «Красин», в то время как в книге по истории ВКП(б) он был назван предателем.*

Валериан Иванович Богомолов сообщил в начале 1930-х нам, детям Р.Э. Классона, со слов тоже старого, как и он, большевика Эйсмонта, тогда еще не репрессированного, что в Политбюро рассматривался вопрос, был бы вредителем Р.Э. Классон, если бы он дожил до 1930-х, и было решено, что был бы.

В 1950-х мои старые товарищи говорили, что их привлекали в качестве свидетелей при расследовании деятельности ряда следователей 1930 годов. Б.В. Мокршанский сказал мне (в начале 1960-х), что он слышал тогда от следователя: намечается пересмотреть дело Рамзина. Это было бы логично, т.к. после реабилитации подавляющей части «вредителей» в энергетике получилось, что Рамзин был «полководцем без армии». Тогда же Мокршанский обратил мое внимание на то, что в показаниях Рамзина на его процессе упоминалась фамилия одного француза, который якобы привлек его к «вредительству-терроризму». Эту фамилию – Камю (?) – Рамзин мог извлечь только из романа Льва Толстого «Анна Каренина»!** Не знаю, заметил ли это сам Мокршанский (он умер в 1971 году) или говорил кому-нибудь Рамзин об этом или обнаружилось в процессе реабилитации реабилитированных.

Выдающийся химик топлива Г.Л. Стадников рассказывал мне, что когда его физическим воздействием [(пытками)] заставили сознаться во «вредительстве», он написал в своих показаниях, что выдал секретные данные по торфу Италии. При этом он имел в виду, что в будущем мало-мальски грамотный инженер или экономист заметит абсурдность этого показания. Ведь торф – низкокалорийное топливо, которое экономически не выдержало бы экспорта из СССР в Италию. А в Италии совершенно нет своего, природного торфа!]

* Данный тезис требует дополнительного исследования. – Примеч. М.И. Классона

«В январе 1904 г. состоялась сессия Совета партии. Резолюция Ленина о необходимости уничтожения фракционных разногласий, о недопустимости бойкота центральных органов, об обязательности подчинения решениям съезда партии и о партдисциплине была отвергнута меньшевиками – Плехановым, Мартовым и Аксельродом. Они провели резолюцию о необходимости представительства в ЦК меньшевиков. Ленин и Ленгник (Куриц) внесли тогда заявление о вредности подобной антипартийной политики Совета и о необходимости созыва III съезда. Однако к этому времени некоторые члены ЦК заняли примиренческую позицию к оппортунистам-меньшевикам и кооптировали в свой состав трех меньшевиков. Ленин повел борьбу против примиренцев внутри ЦК (Носков, Красин, Кржижановский), разоблачил их роль как агентуры оппортунизма в рядах партии». // Ем. Ярославский. Очерки по истории ВКП(б), Партиздат ЦК ВКП(б). – Из Интернета

** Здесь имеется некоторая путаница. В стенограмме процесса Промпартии упоминаются «французский агент К.», «офицеры генштаба Франции Жуанвиль, Жанен и Ришар», «должностные лица французской службы гг. К... и Р...». В повести Льва Толстого «Анна Каренина» удалось найти упоминание только об одном французе – Jules Landau, который будучи «полоумным прорицателем» вылечил графиню Беззубову и был ею усыновлен. Да и сам уже сильно пожилой И.Р. Классон пометил: посмотреть в Ленинской библиотеке процесс Рамзина, а также – «я нашел в «Анне Карениной» эту фамилию (Камю?, стр. ____). Тем не менее, сам анекдот, высвечивающий фальшивость «Процесса Промпартии», весьма характерен. – Примеч. М.И. Классона

[О несчастных случаях на электростанциях и об отхожих местах]

У отца было очень ясное представление об опасности несчастных случаев и о важности их предупреждения. Я только от него узнал, что в поездах надо предпочитать ехать сидя спиной вперед по движению: при крушениях, в менее пострадавших вагонах у многих пассажиров бывают переломы ног ниже колена, так как при резкой остановке едущие сидя лицом вперед (что большинство предпочитают!) по инерции ударяются этим местом ног о противоположную скамейку. Конечно, и других травм у ехавших спиной вперед бывает меньше, чем у ехавших лицом вперед.

Отец по-настоящему заботился о предупреждении несчастных случаев на электрических станциях. При реконструкции энергохозяйства Охтинского завода он составил и ввел в действие «Меры предосторожности при обращении с токами высокого напряжения, вероятно, первые в России правила безопасности в эксплуатации электрических установок.

В Баку на станциях «Электрической силы» произошло два смертельных случая: при взрыве гремучего газа в помещении аккумуляторной батареи (см. книгу Каменецкого, стр. 69-70) и от электрического напряжения 120 вольт (редкий случай).

Я уверен, что на Московской электростанции и на «Электропередаче» отец проводил обязательность применения правил безопасности. Я знаю только об одном смертельном случае на 1-й Московской станции: погиб в котле от низкого напряжения 120 вольт переносной электрической лампы помощник котельного мастера Удалов.

На этой работе полагалось (как и теперь) питать переносные лампы пониженным в целях безопасности напряжением (теперь – 12 вольт!). Это случилось в 1921 г., во время командировки отца за границу по делам Гидроторфа. М.б. поэтому я не слышал от отца о причинах нарушения требования о пониженном напряжении.

Когда я в июле 1930 г. начал работать на Каширской станции, то узнал, что там уже произошел смертельный несчастный случай на низком напряжении [110 или 220 В]. В 1931 г. на моем участке монтажа вторичной коммутации в распределительном устройстве 6 кВ вошла по ошибке в ячейку под напряжением, коснулась шин и от ожогов вольтовой дуги умерла молодая девушка, всего несколько месяцев проработавшая у нас после окончания средней школы. Я ее назначил в бригаду опытного бригадира, работавшую в распредустройстве, чтобы она не имела дела с австрийскими монтерами, как остальные бригады участка: хотел избежать конфликта, если бы за ней один из них начал ухаживать.

Я считаю, что в этом случае был виноват заведующий электроцехом монтажного отдела К.Г. Шлегель, имевший большой опыт работы еще на «Электропередаче», а м.б. и на Шатуре. Он не мог не знать, что на монтаже Каширской станции не соблюдаются уже действовавшие в системе МОГЭС правила безопасности. Они были внедрены на монтаже Каширы лишь после этого смертельного случая: ввели отнимавшую много времени и внимания систему допусков монтажников дежурными по эксплуатации – заявки, записи, картонные «допуски», привод на место работы. Этот несчастный случай произошел, когда я месяц болел острым суставным ревматизмом в Москве, но мог бы произойти и при мне!

Позже, когда я работал от Гидроэнергопроекта на пуске и наладке электрической части гидростанции, я постоянно сталкивался с недопустимым (точнее – наплевательским!) отношением к правилам безопасности, особенно на всех временных электрических установках, начиная с временного освещения [напряжением 110 или 220 В] «на соплях».

Однако приехав на строительство Камской ГЭС (когда наша бригада уже вела наладку), я с изумлением узнал, что все освещение собственно станции уже не временное, а постоянное – на пониженном напряжении 12 В, т.е. соответствующее правилам безопасности в особых условиях подводной ГЭС. Оказалось, что <...>*

* Утрачена страница машинописи, которую И.Р. Классон нумеровал под индексом «мм» («мои мемуары»).

Одна моя свойственница, пожилая женщина, в 1927 г. лечилась в Карловых Варах [Уж не мачеха ли это Ивана, Евгения Николаевна Сомчевская-Виноградова? – МК]. На обратном пути в Москву – еще в поезде до Берлина – у нее произошел удар (инсульт), отнялись рука и нога. В Берлине она прожила несколько дней у меня с Марьей Ивановной на Регенсбургерштрассе. Ее наблюдал врач, у которого я тогда лечился.

Для ухода за больной пригласили медицинскую сестру – пожилую немку, вдову русского врача Иосилевского, который до 1914 г. имел в Берлине пансион для русских больных, приезжавших консультироваться у немецких профессоров и лечиться в немецких санаториях.

Когда наша больная потребовала, чтобы к ней пригласили профессора, медсестра сказала мне: «Herr Klasson, sie kennen die russischen Juden nicht, sie wollen unbedingt sich von Professoren behandelt lassen!» («Господин Классон, она не знакома с русскими евреями[-врачами в Берлине], она хочет пригласить непременно профессора!»). Пригласили профессора Крамера. По тому, как он осматривал больную, медсестра подтвердила, что это был настоящий невропатолог.

Через месяц или два после возвращения больной в Москву, я был в Берлине у своего врача и он спросил меня о состоянии той больной, а я ответил, что ей и в Москве удалось найти профессора-невропатолога и тоже Крамера!

Из разговоров с Иосилевской меня поразило, что она живет одиноко в Берлине на случайные заработки медицинской сестры, когда ее замужняя дочь живет в Советском Союзе. Оказалось, что однажды она поехала к ним, но не могла привыкнуть к условиям жизни, в частности к уборным, резко отличавшимся от таковых, чистых в Германии. И она сказала себе: поезжай-ка ты домой в Берлин, у тебя там, по крайней мере, будет чистая уборная (dein reines Klosett!). И она вернулась. (Чистые уборные я, кроме Германии, видел в Финляндии, Дании, Швеции, Швейцарии.)

Моя свояченица Зоя Ивановна Лисовская в начале 1920-х годов работала в Таллине, потом в Берлине, но в 1924 г. ее откомандировали в Москву, и там она первое время жила в гостинице. Так, когда она приходила в уборную, ее рвало.*

Когда я в 1930-х и 1940-х годах много бывал в командировках на строящихся или уже эксплуатируемых гидростанциях, у меня до рвоты дело не доходило, но помню, что на Аджарис-Цкальской ГЭС в 1939 г. я жил в квартире с другими жильцами и меня возмущало, как кто-то постоянно использовал не центральную часть унитаза, а его борт. Но однажды в этой уборной не шла вода, и я пошел открыть водопроводный кран в стояке уборной на первом этаже. А там нагажено было уже не на борт унитаза, а на подоконник над ним. Я вспомнил тогда не только Иосилевскую, но и древнее изречение: «Все относительно!».**

* Из публикации в берлинском «Руле» 8 июля 1921 г.:

Советская гостиница (От нашего рижского корр.)

В «Коммунистическом Труде» №372 напечатано письмо коммунистки, прибывшей в Москву на международную конференцию коммунисток и остановившейся в гостинице на Тверской ул. – «Бристоль». Почти ежедневно, – пишет озадаченная провинциалка, – в «Известиях» печатаются распоряжения и постановления о борьбе с холерой, оспой и другими болезнями. Смешно читать эти постановления. В гостинице «Бристоль» я не нашла ни одной капли воды. «Во всем доме и во дворе уборных нет, вместо этого имеется до невероятного загрязненный двор. Комнаты не убираются. С ужасом приходится думать, что будет, если в этом доме кто-нибудь заболит холерой».

** Анекдот от И.Р. Классона:

Старого мудрого еврея спросили: ребе, поссать/покакать – это физический или же умственный труд? Старый мудрый еврей недолго думал: «Конечно же, это умственный труд! Если бы ходить в уборную было физическим трудом, я бы нанял делать это другого человека!!».

[О команде «ложись!» на гидростанции]

Машинное здание Аджарис-Цкальской ГЭС лежит по одну сторону идущего вдоль реки Аджарис-Цкали шоссе, а открытая подстанция и щит управления – по другую сторону этого шоссе. Эксплуатационники заявили правительственной комиссии, что это расположение создает большие неудобства в их работе и просили принять решение – построить под шоссе между обоими зданиями туннель. Главным доводом эксплуатационников был случай, когда во время учебной тревоги ПВО дежурный инженер станции не мог пройти из одного здания в другое, т.к. стоило ему выйти наружу, как дежурный охраны станции кричал ему: «ложись!» и [щелкая затвором таки] заставлял ложиться. Этот довод не убедил правительственную комиссию: затраты на туннель даже длиной всего в несколько десятков метров представлялись неоправданными, а вопрос о команде «ложись!» – организационным, а не строительным моментом. Вскоре после войны я встретил в министерстве инженера Хораву, и он рассказал мне, что позже туннель все же построили.]

[Что может быть важнее брони Совнаркома?]

Во время банкета в январе 1944 г. по поводу пуска первого восстановленного агрегата Баксанской ГЭС (был использован агрегат, демонтированный на Дзорагэс, отличавшийся от старых баксанских высотой активной стали при том же диаметре и числе полюсов генератора) мой коллега Квятковский познакомился с директором Докшукинского ацетонобутилового завода (до войны это был спирто-водочный завод). Он предложил нам провести на электростанции завода пусковые испытания восстановленного турбогенератора. Его пуск должен был скоро состояться.

Директор обещал нам, что завод не только оплатит нашу работу – нашей организации, но нам еще выдадут добавочный паек (на Баксане мы приобрели, чтобы взять в Москву, несколько кило фасоли и немного меда, но этого было маловато в качестве заработка натурой за четыре месяца, так что добавка из Докшукина была нам очень кстати!).

Это было согласовано, за нами прислали машину, и мы поехали на несколько дней в Докшукино, где и сделали минимум наладочных работ по электрической части. При отъезде обратно на Баксанскую ГЭС Квятковский получил у заместителя директора завода записку к начальнику вокзала в Нальчике – на тот случай, если нам не удастся получить «броню» Кабардинского Совнаркома на железнодорожные билеты: мы должны были через несколько дней ехать в Москву.

Но броню Совнаркома мы все же получили, и, когда приехали на вокзал, я остался с вещами на перроне, а Квятковский пошел к начальнику вокзала и вернулся только с одним билетом, во втором ему было отказано, несмотря на броню!

Единственный билет он отдал мне, так как я боялся еще задержаться: жена должна была родить вскоре нашего первенца! Уже во время посадки Квятковский решил все же еще раз попробовать уговорить начальника вокзала, пошел к нему и с малой надеждой показал записку с бывшего спирто-водочного завода. Это произвело магическое действие: ему тут же выдали второй билет, но, главное, начальник вокзала упрекал Квятковского: зачем тот обращался к нему с броней Совнаркома, а не дал сразу записку с бывшего спирто-водочного завода?!

Окончание примечания

Выходит, если бы удалось построить коммунизм (когда должна была бы исчезнуть противоположность между этими двумя видами труда «на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда» – И.В. Джугашвили-Сталин), то поссать/покакать стало бы одновременно и физическим трудом, и умственным! А вот как было бы при коммунизме с аккуратностью людей при отправлении естественных потребностей в общественных туалетах? Скорее всего, став культурными, на подоконник они гадить перестали бы, а вот с унитазами вопрос остается открытым!

[О культе личности и честности]

Мне представляется, что на XX и XXII съездах слишком много Rücksicht [(внимания)] принималось в отношении того, а как народ воспримет разоблачение т.н. культа личности Сталина, а сейчас – разоблачение его самого. И в то же время за эти последние 5 или, вернее, 8 лет совершенно недостаточно делалось и делается в отношении:

а) воспитания честности;

б) проведения настоящей демократии, начиная с управления колхозами; в) выявления общественного мнения (в конституции обещаны референдумы, пока наши выборы и «стихийные» митинги, которые в нужное время выносят нужные требования, вероятно дальше от референдумов и от демократии, чем любые выборы и любые проявления общественного времени от Гостомысла до 1917 года);

г) приближения нашего государства в отношении гражданского и уголовного права к условиям т.н. правового государства.

А это очень важно, чтобы народ верил государству в любом вопросе, особенно правовом, и как раз этого сейчас и нет. Сейчас опять разрешено колхозникам держать коров, даже больше одной, их продают даже в кредит, но их мало кто теперь разводит, т.к. не верят, что через год, два или три не будет опять приглашения сдать их в колхоз.

О честности: меня очень поразило в заключительном слове Н.С. Хрущева то, что он говорил о Сванидзе: «...Сталин не понял, что Алеша Сванидзе просто был честным человеком» (цитирую по памяти).*

* ЗАПISКА В.С. ЖАБИНА А.И. МИКОЯНУ О РЕАБИЛИТАЦИИ А.С. СВАНИДЗЕ

6 января 1956 г.

Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР товарищу Микояну А.И.

Сообщаю, что бывший заместитель председателя правления Госбанка СССР Сванидзе Александр Семенович осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 4 декабря 1940 г. по ст[атьям] 58-1 «а», 58-7, 19-58-8, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества.

По приговору Военной Коллегии он был признан виновным в том, что в 1922 году являлся активным участником национал-уклонистской группировки в Грузии, в 1929 году примкнул к антисоветской организации правых, установив организационную связь с активными участниками этой организации Енукидзе, Лежавой и др., а в 1932 году установил антисоветскую связь с Сокольниковым, дав ему согласие на участие в антисоветской деятельности. Кроме того, Сванидзе признан виновным во вредительской деятельности, которую он проводил в области финансов, а также в том, что участвовал в финансировании троцкистской организации в Испании и занимался шпионской деятельностью в пользу германских разведывательных органов.

В материалах дела имелось указание на то, что Сванидзе был осведомлен о подготовке убийства Берия. <...> 20 августа 1941 года Сванидзе по распоряжению Берия был расстрелян.

Произведенной Главной военной прокуратурой проверкой установлено, что Сванидзе А.С. был осужден необоснованно. Ввиду этого 22 декабря 1955 г. дело по обвинению Сванидзе А.С. вместе с материалами проверки Генеральным прокурором СССР направлено в Пленум Верховного Суда СССР с предложением об отмене всех ранее вынесенных решений и прекращении его дела за отсутствием состава преступления.

<...>

<...>

Врио Главного военного прокурора, генерал-майор юстиции В. Жабин

Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3.

<...> Трагической оказалась и судьба менее известного для широких кругов в нашей партии Алеши Сванидзе, брата первой жены Сталина. Это был старый большевик, но Берия путем всяких махинаций представил дело так, будто Сванидзе подставлен к Сталину немецкой разведкой, хотя тот был ближайшим другом Сталина. И Сванидзе был расстрелян. Перед расстрелом Сванидзе ему были переданы слова Сталина, что если он попросит прощения, то его простят. Когда Сванидзе передали эти слова Сталина, то он спросил: о чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не сделал. Его расстреляли. После смерти Сванидзе Сталин сказал: смотри, какой гордый, умер, но не попросил прощения. А он не подумал, что Сванидзе прежде всего был честным человеком. – Из заключительного слова Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС 27 октября 1961 г.

А вообще в газетах и в практике административной, партийной и тому подобной работы у нас до сих пор на вопросы честности обращали меньше внимания, чем на что-либо. Считается, что если начальник крал по своей должности, то его можно исправить, если объявить ему строгий выговор, а если он проявил раскаяние, например, сдал дачу, построенную из казенного материала, то даже можно заменить строгий выговор простым (а при простом выговоре якобы можно продолжать занимать ответственную должность, как, например, начальника главка, с которой при строгом выговоре пришлось бы расстаться)!!

Т.е. все это отношение к воровству (уже не говоря о нечестности в форме лжи) находится за гранью фантастики. Так что же, предполагается, что можно вступить в коммунизм, минуя стадию честности при социализме (как Монголия вошла в социализм прямо из феодализма!), т.е. признания общественным мнением честности первым условием кодекса морали, первым условием порядочности человека вообще?!

Я думаю, что нечестные поступки, особенно кражи и т.п., помимо судебного преследования, должны наказываться по административной линии и общественным линиям строже, чем нарушения дисциплины, невыполнение плана и т.д.

А ведь бóльшая часть других критериев кодекса морали (которые и в программе КПСС поставлены впереди честности) не так легко проверяются на деле, как честность! Ведь пользовался же генерал Власов полным доверием власти, пока не сдался немцам в окружении (см. Эренбурга в №1 «Нового мира» за 1963 г.).

Отделы кадров (вероятно, и в стеклянной конторке – см. там же второй рассказ Солженицына) меньше всего интересуются дельностью и честностью!]

Мотовиловы – семья нашей матери *

Мотовиловы – русский дворянский род. По преданию, его родоначальник Тимофей Мотовило, сын Федора Ивановича Шевляги и племянник Андрея Ивановича Кобылы (от последнего, кстати, вели род бояре Романовы). В XVII в. многие Мотовиловы были стольниками и стряпчими. Две ветви Мотовиловых были внесены в VI и II родословные книги Саратовской, Симбирской и Ярославской губерний.

Отец нашей матери Иван Егорович Мотовилов, будучи корнетом в гусарском полку, проиграл в карты крупную сумму, уплату которой он считал долгом чести. Хотя полковой командир, предполагая игру выигравшего нечестной, велел Мотовилову не платить проигрыша, последний продал одно из своих имений, проигрыш заплатил, ушел в отставку с военной службы и [от больших переживаний в мирской жизни] решил постричься в монахи.

Но, навещая свою сестру в Харькове **, влюбился в очень молодую дочь врача, по происхождению итальянца, Франца Флориани, вдовца в браке со швейцаркой (из немецкой Швейцарии) – Луизу и женился на ней.

* Я начал печатать на машинке свои воспоминания – по мере составления их – в конце 1976 года. Однако, при крайней недостаточности этой главы, я тогда отложил ее печатать до розыска дополнительных данных и перешел к печатанию следующих глав – о нашем отце и собственно моих воспоминаний и в апреле 1977-го дошел в них до 1912 года. Моя сестра Екатерина считает эту главу очень важной для средних и младших поколений наших потомков и родных – читателей настоящих воспоминаний – и опасается, что я могу не успеть написать эту главу полнее, и она останется пропущенной в машинном тексте. Отсюда решение о предварительной редакции. – Примеч. И.Р. Классона

** Осталось неустановленным, откуда И.Р. Классон почерпнул сию информацию: «навещая свою сестру в Харькове»? Сестра Ивана Егоровича Анна вышла замуж за Э.И. Стогова, и они скоро переехали из Симбирска в Киев, а в Харькове могла жить лишь сестра Луизы Францевны – Эмилия. Из письма Валерии Францевны дочери Алине за май 1900-го: «<...> *Посылаю тебе письмо Э.Ф., она просит твой адрес, она без места. Адресуй к ней (Харьков, Змиевская, №11, Бюро учительниц и воспитательниц)*». Сестра же Ивана Егоровича Александра вышла замуж за отставного капитана Ф.Ф. Гельшера, и они остались жить в Симбирске.

Ему было 30 лет (письмо М.М. Володиной из Тамбова от 10 мая 1964 года), а ей 18 (по тому же письму) или 16 (по письму Н.С. Мотовиловой из Ленинграда мне 16 января 1975 года и по словам нашей мамы, то же – по памяти С.Н. Мотовиловой из Киева).

Наш прадед Егор Мотовилов почему-то невзлюбил своего старшего сына и не оставил ему наследства. Он поделил его между Андреем Егоровичем и нашим дедом Иваном Егоровичем. Когда умерла их мать, то ее имение досталось поровну всем трем сыновьям, но Иван Егорович отдал свою долю брату Николаю.

Когда Иван Егорович еще собирался в монастырь, он поручил Андрею присматривать за его имуществом, тот многое из серебра и вещей присвоил (по письму М.М. Володиной из Тамбова от 13 апреля 1964 года С.Н. Мотовиловой в Киев) и распустил слух, что брат Иван женился на еврейке (по тому же письму М.М. Володиной; я тоже слышал от сестры Сони, что сыновья Андрея Ивановича говорили ей это в 1910-х годах!).

Помню рассказы матери в моем детстве о симбирских имениях ее отца – [Русской] Цыльне и Мокрой Бугурне. Она в детстве росла в Цыльне, а позже ее отец (наш дед) с семьей жил преимущественно в Бугурне и в самом Симбирске.

Наша мама с нами тремя (Соня, Таня, Ваня) весной 1900-го по дороге из Москвы в Баку заехали к отцу в Симбирске. От матери я узнал, что у ее родителей было 15 детей, из которых трое или четверо умерли еще в младенчестве.

Моя сестра Соня в молодости, вероятно в 1911 году, составила родословную нашей семьи на двух листах: Классонов и Мотовиловых. Но у меня почему-то сохранился только лист родословной нашего отца...

Наша мама была ближе со своим отцом, чем с матерью, и о ней рассказывала мало, но как-то вспомнила ее афоризм: «Лучший способ испортить отношения с кем-нибудь – это сделать ему добро». А иногда Луиза Францевна вспоминала: «Ведь я всегда должна позаботиться об очередных двенадцати парах ботинок!».

Дед Иван Егорович был хорошим хозяином. При крепостном праве не допускал эксцессов. Лечил местных крестьян. Завел замечательный конный завод.

Наша мать всегда хорошо училась: одно время самостоятельно в Симбирске, потом в частном пансионе Констан в Москве. Об этом периоде она рассказывала, что ученицы старших классов приходили смотреть ее отметки – только пятерки. Потом она училась на педагогических курсах в Петербурге на звание домашней наставницы (у меня сохранился диплом №90 этих курсов, на которые она поступила в 1885-м, в дипломе проставлены оценки по пройденным предметам – большей частью «отлично», но по недоразумению в дипломе не проставлен год окончания «полного курса»!*) и на курсах физического образования Петра Лесгафта.

Из семей ее братьев и сестер наша мама была особенно дружна с семьей ее старшего брата Николая Ивановича, женатого на своей кузине Алине Антоновне – дочери сестры Луизы Францевны Валерии – двадцати с чем-то лет вышедшей замуж за 64-летнего русского генерала, шведа по происхождению, Антона фон Эрн.

Алина Антоновна была красива, но, главное, чувствовала себя уверенно в любом обществе всю жизнь. Она училась в привилегированном Смольном институте в Петербурге. На балу в этом институте Александр II пригласил ее на танец.

У Николая Ивановича и Алины Антоновны было три дочери: Зинаида (1878-1970), Софья (1881-1966) и Вера (1883-1967)** . Николай Иванович умер от туберкулеза горла около 1888 года. Наша мама, прервав свое учение, приехала к Алине Антоновне в Симбирск, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

* Теперь хранится в ф. 9508 РГАЭ.

** Еще одна дочь, Нина умерла в детстве, заразившись от сестры Софьи то ли дифтеритом, то ли корью (см. очерк «Софья Мотовилова – «семейная связь»»).

Алина Антоновна не могла найти в Симбирске хорошего учителя французского языка для дочерей, и Софья Ивановна посоветовала ей поехать всей семьей в Швейцарию на несколько лет, причем считала, что это будет не дороже, чем жить в Симбирске (у Алины Антоновны было некоторое состояние, унаследованное от отца), и ее золовка так и сделала.

[О семье Ивана Андреевича Мотовилова

О семье Ивана Андреевича Мотовилова я знаю главным образом из того, что слышал от мамы и от няни, которая гораздо раньше была у них кормилицей (я слышал, как Маня и Лиза Мотовилова, бывая у нас, называли няню «кормилкой»), ее в 1899-м Мотовиловы рекомендовали маме, когда я должен был родиться.

Иван Андреевич работал хирургом в Ново-Екатерининской больнице в Москве и был, по-видимому, хорошим хирургом. Он владел имением в Симбирской губернии. Главными его недостатками были скупость, строгость в семье и реакционность.

Я помню, как приблизительно в 1905 г. в воскресенье днем к нам приехала Надежда Кронидовна и просила маму спрятать куда-нибудь моих сестер Соню и Таню на случай, если вдруг приедет Иван Андреевич: она потихоньку от него взяла для детей на тот день билеты в Художественный театр, причем на дневной спектакль «На дне». Выбор такой пьесы еще усугубил бы ее вину.

Опасаясь, что у нас появится Иван Андреевич, она просила сказать ему, что его дети с Соней и Таней пошли гулять. Но он мог увидеть Соню и Таню, поэтому Надежда Кронидовна и просила их спрятать. Иван Андреевич, против ее ожидания остался дома и спросил, где дети. Надежда Кронидовна ответила, что они поехали к Классонам (а на самом деле отправились на спектакль).

Семья Ивана Андреевича вообще была старомодной. Позже, после 1905-го Соня виделась иногда с Андреем и Гомой. Они оба учились в 7-й (дворянской) гимназии в Москве, а потом – на медицинском факультете. Гома еще гимназистом стал заниматься скульптурой, его учителем был скульптор Николай Андреевич Андреев. В гимназии его кто-то из товарищей толкнул, и он сломал правую ключицу. Андреев говорил по этому случаю, что Гома разовьет себя как скульптор, работая левой рукой. А обеих дочерей, Маню и Лизу, провожала в гимназию и обратно горничная, до последнего класса.

Однажды Соня была с Гомой на катке и удивилась, что он принес коньки, завернутые в салфетку. Прогрессивными они были по отношению к спорту (кажется, занимались, главным образом, гимнастикой с гириями). Андрей и Гома служили врачами в действующей армии в Первую мировую войну. После революции к нам заезжала старшая из сестер Маня, но наиболее интересные вещи она рассказывала не нам, а няне, а мы уже от нее слышали. Иван Андреевич после февральской революции 1917-го, предугадывая инфляцию, взял в банке – еще царскими деньгами – все свои сбережения, но вскоре умер.

Впрочем, сыновья тоже не растерялись. Например, когда рядом с их квартирой оказался покинутым деревянный дом, они первыми из соседей выламывали в нем паркет, чтобы топить у себя. В начале НЭПа короткое время оба брата варили на продажу хозяйственное мыло. Вскоре Андрей вернулся к своей профессии врача, а Гома стал профессиональным скульптором. В начале 1930-х я видел в Третьяковской галерее его скульптуры, в том числе бюст Тухачевского. В конце 1930-х ему этот бюст, а также то обстоятельство, что жена [уже расстрелянного врага народа] Тухачевского училась у него скульптуре, припомнили. На Сониных похоронах в мае 1930-го были Надежда Кронидовна и Георгий Иванович Мотовилов. Я видел его в последний раз в конце 1950-х на его выставке на Кузнецком. Брата и матери Георгия Ивановича уже не было в живых.]

[Восстановление родственных связей]

После смерти в 1912 г. нашей матери отец получил от Веры Николаевны Пятницкой письмо, в котором она обвиняла его в этой смерти. Постепенно наша семья теряла из виду маминых родственников. Но в начале 1920-х мамина младшая сестра Вера Ивановна Мотовилова с дочерью Ниной приехала из освобожденного от оккупации Врангелем Крыма в Киев к Алине Антоновне Мотовиловой и написала нашему отцу просьбу о помощи. Наша сестра Таня послала Вере Ивановне посылку со старыми носильными вещами. Это им немного помогло. В 1923 г. Алина Антоновна была в Москве, и наш отец вместе с ней навещал больную Веру Николаевну Пятницкую.

Когда наша сестра Соня была за границей – в 1920-21 г. в Финляндии, а в 1922-24 гг. в Швеции – и потом с 1924 г. до конца 1920-х в Ленинграде, наша семья не виделась и с жившими в Москве детьми Ивана Андреевича Мотовилова. Наши связи с родными нашей матери (а позже – и отца!) начали восстанавливаться почти через сорок лет неожиданным путем.

Летом 1958 г. в Москву откуда-то с периферии (по-прежнему, «из провинции»!) приехала с малым сыном [(4-летним Игорем)] наша (моя и Кати) двоюродная племянница – внучка маминой сестры Анны Ивановны, по мужу Гельшерт – Елена Александровна Игнатович, очень энергичная в личных делах молодая женщина. Она стала разыскивать родственников, имея в памяти только две фамилии – Мотовилковы и Классон, которые могла слышать от своей бабушки или в семье Алины Антоновны, где она жила в начале войны в Киеве.

Сначала – через справочный киоск или по телефону 09 или в телефонной книге – нашла мой адрес, поехала по нему. Но я с семьей был в Алабушеве, кто-то из моих соседей по дому в Москве объяснил ей дорогу. Она поехала в Алабушево, но, по-видимому, не нашла территории нашего садового кооператива, не говоря уже о нашем участке и доме, и вернулась в Москву.

И поехала по второму адресу на фамилию Классон – нашей мачехи Евгении Николаевны, умершей еще в 1952 г. Там она застала Георгия Александровича Ландау (писателя-юмориста, автора пьес для детского театра) – последнего (неофициального) мужа Евгении Николаевны, бывшего на восемь лет ее моложе. Он сказал, что кроме меня в Москве живет и моя сестра, но он не знает ее адреса. Его должен знать Александр Васильевич Винтер (после смерти нашего отца в 1926 г. Винтер, строитель Шатурской электростанции, предоставил моей сестре Кате комнату в доме Шатурстроя в Кривоколенном переулке, он сам тоже получил квартиру в этом доме, но в 1930-х переехал в дом Днепростроя в Большом Девятинском переулке).

Адрес Винтера быстро установили, Игнатович поехала к нему, но оказалось, что Винтер постоянно живет не в московской квартире, а на кооперативной даче в Усове. Она поехала туда, но пришла настолько поздно, что дворник дачи Винтера ее к нему не пустил, а оставил ночевать у себя в сторожке. Утром он доложил Винтеру и его приемной дочери Анне Германовне Красиной о посетительнице. Ей дали Катин адрес, несколько пар аристократически заштопанных Анной Германовной чулок и 300 руб. старыми деньгами (которые ни Катя, ни я Винтеру не вернули).

Лена с сыном появилась у Кати и недели две у нее жила. Катя вскоре уезжала в отпуск и не могла оставлять Лену без себя в коммунальной квартире. Но к этому времени инициативная Лена уже узнала адрес нашего троюродного брата, скульптора Георгия Ивановича Мотовилова, нашла его и жила в его студии, пока его жена не выставила ее окончательно. Вскоре она написала в Киев своей двоюродной тетке, нашей двоюродной сестре Софье Николаевне Мотовиловой о своем пребывании в Москве и сообщила ей Катин адрес.

Катя, получив письмо от Софьи Николаевны, но, не разобравшись в родстве, отложила письмо до меня. Я был в ту зиму в отпуске в Ессентуках, а, вернувшись в Москву, увиделся с Катей не скоро – лишь на «мальчишнике» у себя, на другой день, после того как в марте 1959 г. на моей работе отмечали мое шестидесятилетие. Катя привезла мне письмо Софьи Николаевны. Я, вместо Кати и месяца через четыре после письма Софьи Николаевны, ответил ей, и мы переписывались семь лет – до ее смерти в феврале 1966 г. Когда ее сестра Зинаида Николаевна бывала в Москве, Софья Николаевна просила меня с ней повидаться – так началось возобновление моих связей с родными нашей матери.

В 1963 г. мой сын Андрей был призван на военную службу на флоте и учился в специальной школе в Киеве. Я его там навесил в июне 1964 г. и впервые встретился с Софьей Николаевной в ее комнате в коммунальной квартире, куда меня привела Зинаида Николаевна. На меня очень тяжелое впечатление произвели условия, в которых жила Софья Николаевна, созданные в значительной степени ею самой. Она почти не выходила из комнаты и не встречалась с соседями, готовила себе в комнате на электрической плитке. Я немного помог ей, починив две электроплитки и заплатив по счету за электроэнергию.

Я ночевал у Некрасовых, но видел их только первые сутки, так как на другой день они уехали в дом отдыха под Ленинградом, в Комарово.

Софья Николаевна иногда пересылала мне – при условии возврата – письма наших двоюродных сестер: Марии Михайловны Володиной, урожд. Гельшерт (Тамбов) и Нины Соломоновны Мотовиловой (Ленинград), а также мужа другой сестры Софьи Николаевны, Веры – Николая Алексеевича Ульянова, замечательного человека и ученого, профессора геологии Лозаннского университета (Швейцария).

После смерти Софьи Николаевны у меня возникла переписка с обеими двоюродными сестрами и с Ульяновым. Последнему я регулярно посылал «Огонек», что раньше делала в течение многих лет Софья Николаевна. Ульянов скончался в июне 1977 г. в возрасте девяноста шести лет. Я получил обратно с пометкой на трех языках Швейцарии – «умер» свою последнюю бандероль ему, но еще раньше получил письмо о его смерти от его давней ученицы Валентины Андрусовой – из русской семьи – жившей в Чехословакии, но каждое лето навещавшей свою сестру в Лозанне. Теперь я пытаюсь организовать пересылку из Лозанны в отдел рукописей Государственной библиотеки им. Ленина писем Софьи Николаевны сестре и зятю в Лозанну за несколько десятилетий, ее рукописей и документов семьи Мотовиловых, оставшихся после смерти Ульянова.

Ученица Ульянова написала мне, что среди этих писем были и письма от Игнатович, что подтверждает ее энергию. Кстати, Софья Николаевна считала, что Лена тем больше ненавидела (и особенно дурно отзывалась о них) тех из своих родственников, которые больше всего ее благодетельствовали, и что Катя была исключением, о ней Игнатович написала очень положительно.

В Москве я познакомился со старшей сестрой Софьи Николаевны – Зинаидой Николаевной и ее сыном Виктором (и уже потом заезжал к ним в Киеве). По инициативе Зинаиды Николаевны познакомился со старшим сыном старого товарища Роберта Эдуардовича академика АН УССР Леонида Николаевича Яснопольского – Сергеем Леонидовичем и его женой [Валентиной Николаевной], бывшей моей сослуживицей по Гидроэнергопроекту. От Софьи Николаевны я узнал, что в Москве живет младший сын (в детстве – Толя) младшей сестры моего отца. У Яснопольского, знавшего его еще по Киеву, узнал его адрес и побывал у Анатолия Петровича Александрова весной 1964 г. (заодно передал ему книжку Каменецкого «Роберт Эдуардович Классон»). И увидел, впервые после 1904-го или 1905 г., его сестру Валерию Петровну, которую знал еще по Карлсбаду, когда она приезжала к нам с бабушкой Анной Карловной.]

[О врачах – дореволюционных и советских]

Я много болел, но в нескольких серьезных случаях попадал к замечательным врачам, которые меня правильно и успешно лечили. Самым замечательным врачом-терапевтом, к которому я обращался много раз в 1930-50 годах, был Максим Абрамович Бурштейн. Он был сыном владельца аптеки на Москворецкой ул. (от Москворецкого моста вверх до Варварки), снабжавшей лекарствами еще с 1890-х гг. приемный покой Раушской электростанции. Эта аптека конкурировала с недалеко расположенной знаменитой аптекой Фейерштейна на Никольской.* Бурштейна призвали как врача во время Первой мировой войны, а с 1917 года он работал в приемном покое Раушской станции. В 1931-м он очень хорошо лечил меня от острого суставного ревматизма, который, по его словам, отразился тогда только на мышце сердца, но не на его клапанах. Он, несомненно, принадлежал к числу врачей, иногда вылечивавших больного уже после первого осмотра.

В 1938 году я приглашал его к своему зятю Гарденину, которого уволили из Госплана. Он несколько месяцев оставался без работы, так как с любого места, куда он пытался поступить, запрашивали отдел кадров Госплана, и его начальник накладывал вето.

Ко всему этому добавилось, что Гарденин заболел, причем у него высокая температура бывала только ночью. Бурштейн заподозрил у него малярию. Правда не нашел у Гарденина увеличения селезенки (это свойственно при малярии), но спросил – сможет ли он сам взять у себя кровь для анализа во время ночного приступа. Я съездил с Бурштейном в его приемный покой и привез Гарденину ланцет и трубки для забора крови. Однако у него приступы больше не повторялись.** Вскоре после этого ему позвонил товарищ из Гидроэнергопроекта, который до этого безуспешно пытался устроить его на работу, и сказал, что начальник отдела кадров Госплана арестован и что Гарденин теперь может спокойно приходить в отдел кадров института.

Когда у моей жены Анны Гавриловны очень поздно обнаружили рак грудной железы, я сказал Бурштейну, что не понимаю, почему врачи, у которых по поводу ревматизма и тому подобного она бывала, не обнаружили опухоли раньше. Он смог ответить лишь за себя: у своих пациенток, по какому поводу они ни обращались бы, всегда ощупывает молочные железы и в двух случаях весьма своевременно обнаружил опухоли.

Бурштейн лечил еще в 1920-х гг. Р.Э. Классона и, измеряя однажды давление, вспомнил, что у него нижний предел был на нуле – из-за очень расширенной аорты. Однажды, когда я сказал, что недавно два часа переносил в Алабушеве тяжелые бревна и у меня на другой день ломило спину, но я чувствовал себя бодрее, Бурштейн напомнил: вот почему Роберт Эдуардович так любил охоту – это большой моцион. Однажды Бурштейн рассказал мне, что его недавно пригласили в Москву к заболевшему гриппом академику Орбели. Бурштейн спросил у ассистента академика, почему пригласили его; ассистент объяснил, что академик просил его найти хорошего врача, но не профессора, и ему назвали Бурштейна.

Нашей семье не везло с советской системой здравоохранения. Соня умерла 10 мая 1930 года, 37-ми лет в московской больнице им. Клары Цеткин – от послеродовой инфекции (еще не открыли пенициллин и другие антибиотики).***

* Речь идет об аптеке «А.Е. Бурштейн», находившейся, по-видимому, как и ее владелица Клара Яковлевна Бурштейн в 1915 г., по адресу Москворецкая ул., д. 27/29. Сам же врач Максим Абрамович Бурштейн (сын владелицы?) проживал по Кадашевской наб. в д. 36 (см. «Вся Москва» за 1915 г.).

** Как утверждал А.С. Гарденин, доктор дал его отцу, на всякий случай, хину – противомаларийный препарат, который его, по-видимому, и вылечил. – Примеч. М.И. Классона

*** Это престижный советский роддом, в котором до большевистского переворота 1917-го располагалась Морозовская богадельня (Шелапутинский пер., 3 – ныне Б. Полуярославский пер.).

Ее гимназическая подруга, врач Иловайская советовала Соне рожать дома и обещала, что сама ей поможет, но моей сестре не захотелось «разводить грязь» в тесной квартире (из двух маленьких комнат). Тогда С.И. Преображенский сказал мне: «мы ведь считали, что послеродовая инфекция у нас уже изжита». Гораздо позже я прочитал о венгерском враче, который в родильном доме Будапешта успешно ввел асептику и тем самым открыл новую эру в медицине (2 книжки Поля де Крюи: «Охотники за микробами» и другая).*

Таня умерла осенью 1943 г. в возрасте 47 лет, когда я был в командировке на восстании Баксанской ГЭС. Она была очень истощена от плохого питания в эвакуации (в Уфе). Я договорился со своими знакомыми по Гидроэнергопроекту М.А. Лебедевым и А.Н. Вознесенским, чтобы они оформили ей вызов на возвращение в Москву. В дороге она заболела воспалением легких. Ее деверь, доцент МЭИ Александр Данилович Свенчанский, бывший уже в Москве после эвакуации, поместил Таню в больницу, предлагал принять, кажется, сульфадин, который у него случайно был и который ее вероятно вылечил бы, но врач в больнице посчитал, что у нее брюшной тиф.

Когда я после Баксана увидел Бурштейна и сообщил об этом трагическом случае, он мне ответил, что надо было обратиться к нему. А так Таня попала в больницу просто как «больной за таким-то номером истории болезни». Так что я на будущее усвоил: в скольконибудь серьезных случаях родным надо обязательно разговаривать в больницах с врачами, а может быть и использовать врачебную протекцию.

* Литератор и драматург С.И. Преображенский жил тогда в Теплом пер., д. 20., и у него 7 апреля 1930 г. родился сын! По-видимому, «другая книга» - это «Борьба со смертью» Поля де Крюи, вышедшая в СССР в 1936 г. Забавно и мерзко одновременно выглядит примечание к ней редакции «Молодая гвардия»:

Величайший позор для современной медицины – бессмысленная смерть от родильной горячки более чем 7000 американских женщин в год. Именно от этой болезни нашел [Игнатий] Земмельвейс почти совершенные предупредительные средства [(обязательно мыть руки всем врачам и сестрам до и после каждого обследования роженицы)]. Уже больше 85 лет прошло с тех пор, как несчастный венгерец показал способ преграждать путь страшнейшему из микробов – гемолитическому стрептококку, который до сих пор убивает одну из восемнадцати замужних американок, умирающих в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет. Во всех отношениях история Земмельвейса – печальное предостережение по адресу всех нас, обреченных доверять знаниям и могуществу медиков. Изгнание Земмельвейса из Вены за его спасительное для матерей открытие – одна из самых позорных глав в истории медицины.

Его несчастьем были его честность и прямота. Даже когда он, с горечью вернувшись в свой родной Будапешт, доказал, неопровержимо доказал правильность своего метода предупреждения родильной горячки, во всей Европе гинекологические светила продолжали издеваться над ним, и во всей Европе молодые матери продолжали бессмысленно умирать. Наконец, Земмельвейс написал замечательную, полубезумную статью, теперь забытую, кричавшую врачам Европы: «Пора прекратить убийства!» Тогда они стали прислушиваться. В Соединенных Штатах еще и сейчас смертность от родильной горячки больше, чем в любой цивилизованной стране, кроме может быть Чили; еще и сейчас наши матери продолжают умирать, как и во времена Земмельвейса.

Снова необходимо напомнить, что речь идет о США. В СССР роженица и мать поставлены в исключительно благоприятные условия во время беременности, родов и кормления. Общеизвестен закон о предоставлении женщине продолжительного отпуска по беременности, распространенный и на женщин-колхозниц, а также проект декрета о запрещении аборт. Широко развернута сеть лечебных учреждений, специально занимающихся охраной здоровья матери и ребенка. Всем известно, какое внимание уделяется разрешению задачи обезболивания родов. Таким образом, принимаются все меры к тому, чтобы сделать это важнейшее событие в жизни советской женщины легким и радостным. – Прим. ред.

(www.perunica.ru/rodi/2052-rodilnaya-goryachka-ne-nado-lezt-gryaznymi-rukami.html)

У меня это частично не вышло в 1965 году в Институте экспериментальной и клинической онкологии, когда болела Анна Гавриловна, но затем вышло с больницей №57, благодаря моему письменному обращению через знакомого к зам. наркомздрава Серенко!*

Анне Гавриловне сначала не повезло в том, что когда у нее только еще начиналась опухоль молочной железы, нашим участковым врачом в поликлинике была молодой врач Севригина, которая сама вообще не обследовала молочные железы у пациенток. И просто не обратила внимания на жалобы жены, что у нее покалывает под мышкой. В 1955 г. она даже прошла стандартное обследование после направления по поводу [якобы] ревматизма в Цхалтубо. Но этот курорт был ей уже противопоказан, как сказали позже онкологи. До операции резекции молочной железы в 1956 г. ни один врач никогда не предостерегал ее, как и других пациентов, об опасности чрезмерного солнечного загара. Она впервые услышала об этом от онколога после операции.

Кате в 61 год не повезло с участковым терапевтом, которого вызвали на другой день после заболевания, не совсем похожего на ангину и он не заподозрил и не распознал дифтерит (что наверняка сделал бы хороший детский врач). И только дня через три ее сын Шура повел мать в платную поликлинику на улице Кирова, где сразу предположили дифтерит (хотя сделанный так поздно анализ уже не дал результатов). Катя, к сожалению, не выполнила предписание врача платной поликлиники – пройти амбулаторный курс инъекций витамина В₁, чтобы предупредить возможные дифтерийные осложнения. Например, такое тяжелое осложнение как паралич глотательного центра. Что и случилось, лишь тогда ее поместили в соответствующую больницу, а районная поликлиника получила выговор. Затем у Кати при первом переломе шейки бедра и вызове врача на дом временный участковый врач-хирург (sic!) не диагностировал его. И только через девять дней, когда вернулась из отпуска штатная участковая, она определила перелом. И поместила Катю в больницу – предупредив, чтобы она до осмотра в приемном покое больницы ни в коем случае не сообщала врачам скорой помощи о девятидневной давности переломе, иначе они могли бы отказаться ее везти. Хотя через семь лет, когда Катя сломала шейку бедра на другой ноге, врачи в больнице очень внимательно к ней относились.

В 1950 г., когда мы жили еще в Теплом переулке, я смог записать Мишу (двух лет) в очередь на операцию грыжи в детскую больницу на Садовой-Кудринской имени того самого Филатова [(который прописал мне в детстве нафталиновую мазь от экземы)].

Очередь оказалась длительной, но Мише повезло: в феврале 1951 г. (мы жили уже в двух комнатах на разных этажах в одной «коммунальной» квартире дома Гидроэнергопроекта в Измайлове) нам сообщили, что Мишу можно положить на операцию вне очереди, так как в больнице был введен карантин по ветряной оспе, а он ею уже болел. Я его отвез в больницу в день, когда ему исполнилось три года. Операцию ему хорошо сделал молодой врач Волков. В 1970-х я прочел в «Огоньке» очерк об этом детском хирурге, который возглавил Травматологический институт, бывший «Протезный».]

* Александр Федорович Серенко (1916-82), в 1954-63 гг. занимал пост 1-го зам. министра здравоохранения РСФСР, в 1963-74 гг. – зам. министра здравоохранения СССР. Горбольница №57 находится на 11-й Парковой ул. и имеет онкологическое отделение. Но, насколько я помню, мать умерла в 1969-м от запущенного еще дома рака (жуткие боли снимал какой-то йог) в больнице №36 на Фортунатовской ул. По-видимому, речь шла о передрыгах 1965 г.: «У Классона была больна жена плевритом, лежала в больнице, делали прокол. Туда же попал и его младший сын: он упал во время физкультуры, ушибся обо что-то, и у него было сотрясение мозга. Тоже лежал в больнице, слава богу, в одной и той же. Но оба вернулись домой в конце декабря [1965 г.], к встрече Нового года». (из письма С.Н. Мотовиловой сестре Вере в Лозанну, после получения этих известий из Москвы) – Примеч. М.И. Классона

[Удачные моменты в моем образовании и не только...

Я рано (5-ти лет) научился грамоте, счету и цифрам до 100 (в 6 лет), вовремя начал учиться немецкому (в 5 лет), а потом и французскому языку (в каком году?). В реальном училище учение немецкому и французскому языкам (только немцы – с балтийским выговором) дополнительно к занятиям с домашними учителями (французскому и с мамой в Гельсингфорсе) укрепило мое знание этих двух языков.

Хорошо меня учили математике, физике, «естествознанию» (ботаника, зоология, химия, кристаллография, анатомия и физиология человека, общей истории (кроме средних веков, по которым я чуть не провалился), очень короткому, по окончании русской литературы с Сережниковым, но основательному знанию по теории словесности (эпитет, синекдоха, метонимия, сравнение и т.д.). Конечно, зряшная трата времени и памяти (!) на «закон божий»!

Отец, дополнительно к школе, где его вовсе не было, научил меня счету на логарифмической линейке, а раньше черчению – проекциям, потом это было в реальном училище. Рисованию все же больше учили, чем теперь в школе. В школе, главное, у меня создалась привычка очень плотно ежедневно «готовить уроки», т.е. вместе со школьными уроками 6 раз в неделю в сумме около 9-10 час [ежедневно] умственных занятий.

В высшей школе ценно было: 1) занятия в лабораториях, например, со снятием индикаторных диаграмм паровых машин; 2) упражнения (решение задач), которые по основным, главным предметам обязательно надо было решать в школе и сдавать на проверку (исключениями были физика, химия, которые я списал у китайцев); лекции (я ходил не на все, но на все главные) давали, и основательно, тем более что и упражнения вдабливали в понимание и в память, главное.

Большой недостаток – отсутствие полового воспитания в семье и школе! Я уже приводил примеры: в Лиханьеми про непонятное тогда мне слово «целомудрие» – мама объяснила, Александра Карловна – о теленке в брюхе коровы, энциклопедия – уже гораздо позже, А. Форель – Половой вопрос.

Что было полезно и вредно от учения в Высшей технической школе в Берлине, а не в Советской России, в Москве? В личной жизни вредно, т.к. задержало создание семьи с детьми у меня и испортило с 1940 г. жизнь Марии Ивановне [Лисовской]! В Москве я, вероятно, женился бы раньше и с более правильным соотношением возрастов [у меня и у жены].

Если бы я учился в МВТУ в Москве, я, вероятно, получил бы высшее образование раньше, чем в 1930 г. Возможно стал бы, параллельно с инженерной работой, преподавать в МВТУ/МЭИ, стал бы доцентом и может быть к.т.н. Но для здоровья в конечном счете это могло бы быть вредно (переработка в умственных занятиях, позже ушел бы на пенсию).

Трудно оценить, но наверняка в Москве я бы никогда не пил так регулярно (почти ежедневно) пиво, как это происходило в Берлине (и в Германии вообще).

Совершенно ненормальным, я бы сказал, для пребывания, в т.ч. и учения в ВУЗах, в Германии в 1920-х было отгораживание от иностранцев – немцев (было ли это и раньше и позже 1920-х, не знаю).

Отношение немцев к иностранцам различалось: к русским (как эмигрантам, так и советским гражданам) лучше, чем, особенно, к французам, которые рассматривались вообще как враги (в начале 1920-х французы еще оккупировали Рурскую область). В Высшей технической школе студенты-немцы как можно меньше общались с иностранцами.

Мне запомнилось высказывание одного бывшего сотрудника Торгпредства СССР в Берлине (Соловейчика), который потом несколько лет работал в Торгпредстве в Лондоне. Он сказал, что иностранцу немцы как нация неприятны, но жить в Германии очень удобно. Напротив, в Англии ему было жить неудобно, но англичане как нация приятны. (Интересны впечатления от Англии и англичан Ларисы Васильевой в 1960-х – «Новый мир», 1978, №№ 3-4.)

Летом 1918-го один из старых русских морских офицеров, приезжавших на опытные разработки гидроторфа на «Электропередаче», сказал, что англичане трудно идут на знакомство, но если у англичанина с кем-нибудь получилась личная дружба, то на нее можно положиться. Очевидно, это совершенно не относится к внешнеполитическим отношениям Англии. Из истории известно, что Англия много раз предавала своих политических друзей, нанося тем самым огромный вред и себе, – например, предательство Чехословакии, приведшее ко Второй мировой войне.

Кажется, в 1918-м Сергей Иванович Преображенский (детский врач приемного покоя электростанции на Раушской набережной) сказал нам, что в «Подростке» Достоевского есть замечательное предвидение социалистической революции.

Сейчас, меньше чем за 1 час, мне удалось найти это место: *“О том, как кончатся временные государства и мир и чем вновь обновится социальный мир. <...> – Я думаю, что все это произойдет как-нибудь чрезвычайно ординарно. <...> Просто все государства, несмотря на все балансы в бюджетах и на «отсутствие дефицитов», un beau matin [(в одно прекрасное утро)] запутаются окончательно и все до единого пожелают не заплатить, чтобы всем до единого обновиться во всеобщем банкротстве. Между тем весь консервативный элемент всего мира сему воспротивится, ибо он-то и будет акционером и кредитором, и банкротства допустить не захочет. Тогда, разумеется, начнется, так сказать, всеобщее окисление; прибудет много жида и начнется жидовское царство; а затем все те, которые никогда не имели акций, да и вообще ничего не имели, то есть все нищие, естественно не захотят участвовать в окислении...*

*Начнется борьба, и, после семидесяти семи поражений, нищие уничтожат акционеров, отберут у них акции и сядут на их место, акционерами же разумеется. Может, и скажут что-нибудь новое, а может и нет. Вернее, что тоже обанкрутятся. <...>”**

[Раздумья о «развитом социализме»]

Если вспоминать за несколько десятилетий или наблюдать и пытаться объективно анализировать советские экономические и организационные условия работы, то поражает, что именно у нас в течение долгих периодов у руководящих хозяйственных работников было полное непонимание или забвение самых элементарных экономических понятий. Хотя, казалось бы, марксизм с постоянными ссылками в статьях, докладах и т.д. на Ленина должен был бы как раз придавать огромное значение именно экономическим факторам (и результатам)!

* Нам показалось важным еще одно место в «Подростке» – про «предвидение социалистической революции» и роль российского дворянства в оной:

Ныне, с недавнего времени, происходит у нас нечто совсем обратное изображенному выше. Уже не сор прирастает к высшему слою людей [(русскому родовому дворянству)], а напротив, от красивого типа отрываются, с веселою торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядствующими и завидующими. И далеко не единичный случай, что самые отцы и родоначальники бывших культурных семейств смеются уже над тем, во что, может быть, еще хотели верить их дети. Мало того, с увлечением не скрывают от детей своих свою алчную радость о внезапном праве на бесчестье, которое они вдруг из чего-то вывели целую массой. <...> Уже множество таких, несомненно родовых, семейству русских с неудержимою силою переходят массами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе. – Примеч. М.И. Классона

Примеры:

1) омертвление капложений, недооценка значения запчастей. При определении потребности в грузовиках на строительстве гидростанций заявки составлялись, с учетом дефицитности покрышек, в таких объемах, что фактическое их количество вдвое превышало потребности, т.к. из-за отсутствия шин половина будет простаивать;

2) оплата труда шоферов грузовиков по тонно-километрам, накручивание счетчиков, получение лишнего бензина и слив его в канавы.

Еще до 2-й мировой войны в экономических расчетах проектировщиков принимались 5% социалистического накопления (соответствующие проценты на капитал в капиталистических странах), что было мало (в начале 1920-х при твердой валюте и НЭПе по крестьянскому займу платили 12%, как в слаборазвитых странах – 10-12%, а в Швейцарии в 1920-х годах по текущим счетам вообще не платили процентов).

До предложения доцента Ваага (ныне д.т.н.?) в 1950-х, значит, в течение 30 лет никаких процентов на капитал в экономических расчетах не было, а чтобы не брать чрезмерно толстой меди в расчетах электрических линий и сетей, по предложению П.Г. Грудинского, вводился «коэффициент дефицитности», в сравнениях проектов гидравлических и тепловых станций применялся «срок окупаемости» (вроде обратной величины по отношению к процентам на капитал). И.А. Сыромятников сразу очень оценил предложение Ваага и будучи уже не в Министерстве, а в Комитете по науке и технике указывал на убыточность колхозных электростанций и т.д.*

В начале 1960-х в экономической реформе была введена плата за фонды, но с подчеркнута различными ставками для разных отраслей, с невзятием их за время строительства и т.п.

Почему-то отсутствует понимание того, что одними из основных экономических стимулов должны быть – угроза потери работы, значительно меньший заработок (или пособие по безработице) для плохих работников, прогульщиков, пьяниц и т.д. Этот стимул надо восстановить!

Почему-то систематически, много лет планы составляются так, чтобы не хватало основных материалов для их выполнения, в результате затягивается и очень значительно строительство, процветает штурмовщина (см. статью Анатолия Аграновского о строительстве в Орле в «Известиях» от 31 мая 1974 г.).

Производственные мощности машиностроения выше, чем фактическое использование их, т.е. дефицитности нового оборудования и запчастей нет, а раз так, то вывод из эксплуатации старых установок может определяться только экономическим расчетом, т.е. действительно экономически оптимально, а не из условий дефицитности.

Особая тема: почему-то (честность, как в Финляндии?) в Эстонии в 1970-м столовые работали настолько доброкачественно, что студенческий отряд (МЭИ – [син](#) Миша) не организовал своей собственной столовой. На Днепрострое была замечательная фабрика-кухня, которой в начале строительства пользовались даже семьями.

* В Интернете можно найти ссылки на следующие труды этого ученого: 1) Вааг Л.А. Экономическая эффективность капитальных вложений и новой техники. М.: Соцэкгиз, 1959; 2) Вааг Л.А., Захаров С.Н. Методы экономической оценки в энергетике. М.: Госэнергоиздат, 1962; 3) Совершенствовать экономические методы управления народным хозяйством М., Экономика 1964; 4) Вааг Л.А., Львов Д.С. Вопросы оценки экономической эффективности новой техники. В кн. Совершенствование планирования и улучшения экономической работы в народном хозяйстве. М.: Экономика, 1969; 5) Методика (основные положения) определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений/Гос. ком. Совета М-ов СССР по науке и технике и др.; Разраб.: Л.А. Вааг, Б.Ф. Зайцев, В.С. Пузанов и др.; Госплан СССР; АН СССР; Гос. ком. Совета М-ов СССР по делам изобрет. и открытий. М., Экономика, 1977.

Совершенно непонятно, совсем экономически не оправдывающее себя, продолжающееся привлечение горожан на ручную работу в колхозах и совхозах, а можно было бы организовать копку картофеля, например, силами колхозников, рабочих совхозов и вообще местного населения, вероятно всего 10-15%, исходя из получения «на руки» каждого 10-го или 7-го мешка.

Еще существует много материалов, которыми государство не торгует или торгует в совершенно недостаточном количестве – цемент, лес, доски, песок (для бетона), навоз и другие удобрения (из совхозов). Все это создает условия для широкой системы «доставания слева», причем шоферы грузовиков в значительной степени просто крадут государственные материалы.

Следует торговать всеми материалами (ведь есть дачники, садоводы, колхозники и жители поселков с собственными домами и т.д.), причем по коммерческим ценам, т.е. настолько высоким, чтобы покупать было просто, чтобы продавали, а не «давали». Как в Москве и Ленинграде годах в 1933-34-х были открыты «коммерческие магазины».

Мне пришли в голову следующие мысли.

При капитализме предприниматель отнимает у рабочих прибавочную стоимость и эти их эксплуатирует, причем в домонополистическом капитализме потребители-покупатели не считались эксплуатируемыми: рынок поддерживал цены на основе спроса и предложения.

В наших, советских условиях – в послевоенные десятилетия и чем дальше, тем хуже в этом отношении, особенно после перехода в 1961-м на новые деньги и в результате неофициальной частичной инфляции (масло, мясо, колбасы кроме шпика, молочные продукты – отмена летних цен; вздорожание стройматериалов – паркета на 50% и т.д.) – слесаря-газовщики, плотники, печники, водопроводчики, шоферы-леваки, домашние уборщицы, няни (в гарнизоне Воздвиженка приходящей няне надо было бы платить столько же, сколько геолог с высшим образованием – горный инженер, мл. научный сотрудник НИИ мог бы заработать) ударились в изымание «прибавочной стоимости». То же, насколько известно, относится к частным репетиторам, учителям языков и т.д.

Слесаря-газовщики норовят сделать частную работу (со спертым казенным материалом) – проводка горячей воды от поставленной ими («бесплатно» – Мосгазом) новой газовой колонки в ванной; одновременно норовят получить «на чай» столько, сколько запросят (судя по газетам – грузчики при перевозке мебели и т.д. и т.д.).

Кто же получает прибавочную стоимость? Часто – государство, т.к. прибыль идет ему, иначе у него не было бы накоплений для новых капитальных вложений, для обороны, управления и т.д. Но потребители постоянно вынуждены платить нечто вроде прибавочной стоимости: чаевые, обшеты кассирами, полукопейки за полубатоны ($13/2 = 7$), $1/4$ буханки ($18/4 = 5$), неправильные расчеты стоимости ремонтов мастерскими и т.д., а кроме того левакам (в Алабушеве) за торф, навоз, песок и т.д.]

[Встреча со старым знакомым

В Электрогорске 06/07 июня 1964 года (на 50-летнем юбилее ГРЭС) кроме меня гостем был член-корреспондент АН СССР профессор (теплотехники) МЭИ Вячеслав Алексеевич Голубцов (племянник Зинаиды Павловны Невзоровой-Кржижановской), который в 1913-20 годах работал на «Электропередаче». Я тогда с ним немного был знаком, но одну ночь в августе 1920-го мы вместе участвовали в тушении болотного торфяного пожара водой насоса высокого давления гидроторфа (я был работником Гидроторфа, а он – станции).

С тех пор мы очень редко встречались, а вчера нашли общие точки зрения в одних вопросах (что Кирпичников в конце 1920-х был изобретателем блока котел-турбина, технологии, реимпортированной к нам уже в 1950-х из-за границы, и что преступлением было демонтировать завод искусственной сушки гидроторфа для его перевозки в Редкино и там его так и не смонтировать и, главное, огромное его – В.А. Голубцова уважение к Р.Э. Классону) и расхождения в других (он считает, что Кирпичникова неправильно называть соизобретателем Гидроторфа, он, мол, решал только конструктивные вопросы, но был нескромен – в отличие от Р.Э. Классона).]